

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1968

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян,**
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова,
С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболь*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Ю. В. Арутюнян

**ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАТАРСКОЙ АССР)

Некоторые теоретические посылки

В современном социально-дифференциированном обществе судить об этнических процессах по этносу в целом невозможно. Цель развертывающихся в настоящее время социально-этнических исследований состоит, в частности, в том, чтобы, соотнеся этническое и социальное, показать своеобразие этнических процессов в разных социальных средах и социальных ситуациях.

Этой цели служит социально-этническое исследование, осуществляющееся социологами Института этнографии АН СССР по материалам Татарской АССР.

Приступая к исследованию, мы должны были прежде всего решить ряд теоретических вопросов. Решающей для нас была адекватная характеристика социальной среды, представленной в советском обществе классами, социальными слоями и социальными группами. Господствовавшее довольно длительное время в литературе представление о социальной структуре советского общества оказалось, на наш взгляд, слишком общим и потому недостаточным для анализа. Так, в категорию колхозников входят и председатели колхозов, и рядовые колхозники, не имеющие никакой квалификации; «служащие» объединяют профессоров и счетоводов. Мы столкнулись с необходимостью разработки более полной, детальной и разносторонней классификации. Исходя из ряда теоретических соображений, мы положили в основу такой классификации качество труда, меняющегося по континууму «физический — умственный труд», от простого труда к сложному, от исполнительского к управлению¹.

Вместе с тем, помимо качества труда, принималось во внимание и другое измерение — сфера приложения труда. В соответствии с этим выделялись город и село, а внутри села социально-экономические сферы — государственный сектор и колхозно-кооперативный; вводился также отраслевой разрез — виды промышленности, сельское хозяйство, сфера обслуживания и т. д. Поскольку речь шла о социальной структуре всего населения (а не только работающего), то имелась в виду и непроизводственная сфера: учебные заведения, армия, домашнее хозяйство и т. д.

¹ Методологические принципы разработки социальной структуры изложены автором в ряде работ: в коллективной монографии «Проблемы изменения социальной структуры советского общества (методологические проблемы)», М., 1968, стр. 102—107; Ю. В. Арутюнян, Социальная структура сельского населения, «Вопросы философии», 1966, № 5, его же, Подвижность социальной структуры села; «Вестник МГУ», серия философии, 1966, № 3, и др.

Таблица 1

Социальная структура социалистического общества

Группы по видам труда	Сфера деятельности					
	преимущественно производственная сфера		непроизводственная сфера			
	город	село		учеба	армия	домохозяйство и пр.
		государственный сектор	колхозно-кооперативный сектор			
Интеллигенция (А) административная творческая научная производственная массовая (врачи, учителя)						
Служащие (Б) Квалифиц. работники физич. труда (В) Неквалифиц. работники физич. труда (Г)						

Рабочая схема социальной структуры, которой мы руководствовались, представлена в табл. 1.

Другой теоретический вопрос сводился к определению направлений этнических процессов в социальных средах. Как и в чем конкретно стыкуются этнические и социальные отношения? Какие сюжеты существенны для изучения социально-этнических процессов, в чем проявляются эти процессы?

Мы выделили следующее:

1. Изменение этнического состава социальных групп.
2. Действие этнического фактора в социальной мобильности, т. е. влияние национальной принадлежности на социальный рост человека.
3. Изменение национальных интересов, их связь с социальными. В наиболее общем виде национальные интересы проявляются в стремлении к сохранению своей нации, культуры, языка, государственности. Однако национальные интересы всегда имеют свой социальный эпицентр и служат по существу национальной оболочкой социальных интересов. И в сохранении культуры, и в сохранении государственности разные социальные группы внутри нации осознанно, а чаще всего неосознанно, заинтересованы в разной степени, исходя из специфических социальных побуждений и мотивов.

4. Проявление национальной психологии как составной части общественной психологии различных социальных групп, выражение в группах национального самосознания, иногда переплетающегося с национальным предубеждением и этноцентризмом.

5. Изменение в социальных группах соотношения элементов национальной и интернациональной культуры, традиций и инноваций.

Таким образом, нас интересовали весьма разносторонние этнические характеристики социальных групп, выделенных по качеству труда. Причем если последний из указанных сюжетов—соотношение традиций и инноваций в культуре—привычен для этнографов и детально разработан ими (правда, без увязки с социально-профессиональными группами по качеству труда), то первым четырем не уделялось до сих пор достаточного внимания. Но так как мы ставили перед собой не столько традиционные историко-реконструктивные задачи, сколько все более расширяющиеся в общественных науках практические регулятивно-управленческие,— эти направления для нашего исследования были основными.

Методика и организация исследования

Одновременно с теоретическими приходилось решать и практические вопросы, связанные с организацией исследования. Среди них едва ли не самым ответственным был выбор объекта исследования. Где и как брать пробу социально-этнической ткани? В результате анализа ряда объективных данных остановились на Татарской АССР. Республика эта отвечала основным требованиям, которые предъявлялись к объекту исследования. Она достаточно полно отражала общие социально-экономические условия страны. Татария — индустриально-аграрная республика с достаточно развитой промышленностью и сельским хозяйством, занимающим важное место в экономике. В республике схожи с общесоюзными не только основные социально-экономические, но и социально-демографические характеристики (см. табл. 2).

Таким образом, по всем основным показателям, зафиксированным в переписи 1959 года, Татария приближалась к общесоюзовым данным.

Таблица 2

**Сравнительная социально-демографическая характеристика населения Татарии
(в процентах)**

Показатели	СССР	Разброс данных (максимум—минимум) по областям, краям и республикам	Татар- ская АССР	Разница по сравнению с СССР
Городское население	52	92 (Мурманская обл.) 18 (Мордовская АССР)	42	-10
Население, занятое умствен- ным трудом	20,7		18,9	-1,8
Половой состав:				
мужчин	45		43	-2
женщин	55		57	+2
Имеют образование высшее	1,8	3,1 (Магаданская обл.) 0,5 (Коми-Пермяцкий нац. округ)	1,4	-0,4
незаконч. высшее, среднее и неполное среднее	26,3	38,5 (Магаданская обл.) 16,8 (Тувинская обл.)	25,8	-0,5
Общественные группы				
рабочие	48,2	71,7 (Кемеровская обл.) 21 (Молдавская ССР)	45,2	-3
служащие	20,1	32,6 (Чукотский нац. округ) 11,0 (Молдавская ССР)	18	-2
колхозники	31,4	67,5 (Молдавская ССР) 1,8 (Мурманская обл.)	36,4	+5
крестьяне-единоличники и не- кооперированные кустари	0,3	1,0 (Чувашская АССР) 0,0 (Мурманская обл.)	0,4	+0,1
Население в трудоспособном возрасте по источникам существ- ования:				
имеющие занятия	74,4	84,9 (Чувашская АССР) 64,8 (Сев. Осетинск. АССР)	79,8	+2,4
занятые в личном подсобном сельском хозяйстве	4,2	14,7 (Агинский Бурятский нац. округ) 0,1 (Мурманская обл.)	3,5	-0,7
иждивенцы	13,5	21,6 (Сахалинская обл.) 7,4 (Эвенкийский нац. округ)	11,4	-2,1
пensionеры и стипендиаты	5,4	8,3 (Томская обл.) 1,8 (Таймырский нац. округ)	5,3	-0,1

Примечание к таблице:

Таблица составлена по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. — «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР» (Сводный том), М., 1962 стр. 13, 72, 81, 92, 93, 98, 130; То же, РСФСР, М., 1963, стр. 24—25, 137, 140, 152, 153, 158—159, 160—161, 162—163; «Народное хозяйство Татарской АССР», Казань, 1966, стр. 7.

В какой-то мере, правда, был выражен более аграрный профиль: несколько отставала доля городского населения, доля людей, занятых умственным трудом, рабочих и служащих, а также лиц, имеющих высшее или среднее образование. Однако ни в одном из перечисленных случаев отставание не было существенным, и Татария оставалась в зоне (сравн. с разбросом) средних показателей. Можно было ожидать, что на момент обследования показатели Татарии еще больше сблизятся с общесоюзными, так как с 1959 по 1967 г. республика продолжала индустриализироваться и урбанизироваться ускоренными темпами.

Отражая в значительной мере социальную структуру и социальные процессы страны в целом, Татария представляла собой весьма развитый и в то же время типичный для страны социальный организм. В республике достаточно были представлены все социально продвинутые группы населения, в том числе творческая и научно-техническая интеллигенция. Располагая крупной промышленностью, академическими институтами, вузами, консерваторией, оперой, Татария представляла большие возможности для самых разных видов деятельности, довольно широкие границы и высокий потолок социальной мобильности. Вместе с тем в Татарии ярко были выражены и этнические процессы. Этнический состав республики весьма разнообразен, в то же время наличие крупных основных этнических групп — татар и русских (составляющих девять десятых населения республики) — делали Татарию весьма удобным объектом для исследования взаимодействия русской и коренной национальной культуры. Татары и русские и генетически, и исторически сильно отличались друг от друга. И если процесс взаимного влияния культур, языков, асимиляции проверялся здесь на эффективность, то этнос проверялся на устойчивость.

Следующий этап состоял в разработке анкеты и обосновании выборки. Подготовлены были два варианта анкеты: городская и сельская, максимально унифицированные в основных частях. Анкеты выясняли основные сведения об условиях жизни опрашиваемого, месте работы, должности, образовании, жилищных условиях. Довольно подробно фиксировались признаки, отражающие культурные навыки, степень информированности; группа вопросов выясняла установки в межнациональных отношениях. В сельском опросном листе (анкета — интервью) был применен принцип расположения вопросов по этапам биографии опрашиваемого. Это делало опрос весьма удобным и естественным. Сельская анкета была составлена таким образом, чтобы ответы были уложены в одну перфокарту — это могло значительно облегчить и ускорить обработку. Вопросы в основном были закрытыми (т. е. предусмотрены были возможные варианты ответов), что позволяло заполнить анкету в среднем в течение 15 минут. Для сельской местности часть анкет была переведена на татарский язык. Варианты ответов были заранее закодированы по двойной системе в расчете на обработку на электронно-вычислительной машине М-20 и табуляторе. В конечном счете предполагалось связать объективную характеристику опрашиваемого с его национальным самосознанием, чтобы составить представление о значимости отдельных факторов воспитания интернационализма. Специальное внимание анкета уделяла характеристике социально-профессиональной мобильности, фиксируя занятия и образование опрашиваемого не только в момент опроса, но в начале его трудовой деятельности, а также занятий родителей. Предполагалось выяснить связь между социальной мобильностью, национальной принадлежностью, знанием языков и т. д.

В исследовании сельского населения был использован весьма эффективный, как показал результат, прием увязки анкетных материалов с

экологической характеристикой. На каждый населенный пункт, где проводилось исследование, заполнялся специальный паспорт, в который заносились основные сведения о поселении: этнический состав населения (преимущественно татарское, преимущественно русское, смешанное), численность населения (до 100 чел., 101—200, 201—500 и т. д.), расстояние до города, расстояние до школ, клубов и т. п. При обработке данные паспортов также кодировались и заносились в общую перфокарту вместе с анкетными сведениями. Таким образом появлялась возможность выяснить зависимость социальных и этнических процессов от экологии; например, распространение русского языка в татарских или татарского в русских населенных пунктах, влияние размера поселений на культурный уровень населения и т. д.

Анкеты и городская, и сельская были предварительно опробованы на казанских предприятиях и в селах Лайшевского р-на Татарской АССР. В Лайшевском районе работал специальный отряд под руководством М. Н. Губогло. Перед экспедицией стояла двойная цель: методическая — опробование анкеты и принципов выборки, и содержательная — сбор необходимых сведений в масштабах, достаточных для предварительных суждений по основным проблемам исследования. В результате было заполнено 500 анкет в двух колхозах и совхозе района в квотах, предста-вительных для профессиональных групп в обследованных хозяйствах.

Через 4 месяца, после уточнения инструментария и принципов выборки, сектором конкретных социологических исследований были организованы массовые экспедиции. В течение августа и сентября 1967 г. с помощью партийного и комсомольского актива Татарии было опрошено 10 тысяч человек. В городах — Казани, новом промышленном центре Альметьевске и небольшом старом городе Мензелинске — производилась однопроцентная выборка работающего населения. В трех сельских районах, связанных с этими городами, — Пестричинском, Альметьевском и Мензелинском — было обследовано население 35 сел. Населенные пункты были подобраны таким образом, чтобы отразить все типы сельских поселений Татарии в пропорциях, характерных для республики. Выборка районировалась по профессионально-техническим группам, различным по качеству труда. Среди сельской интеллигенции выделялись: руководители высшего звена (председатели колхозов, директора совхозов, директора школ, предприятий); руководители среднего звена (заведующие отделениями совхозов, бригадиры и т. п.); сельские специалисты высшего звена (агрономы, зоотехники, инженеры, учителя с высшим образованием); специалисты среднего звена — преимущественно со средним техническим образованием; служащие, делопроизводственный аппарат, кассиры, счетоводы, заведующие яслими; квалифицированные работники индустриального профиля — трактористы, шоферы, ремонтные рабочие; квалифицированные работники физического труда неиндустриального профиля — например, каменщики, плотники; неквалифицированные рабочие — постоянные (в основном животноводы) и, наконец, большая в деревне группа людей, совершившие не имеющих квалификаций — главным образом разнорабочие, работающие по нарядам. Выборка была непропорциональной. По наиболее малочисленным для деревни группам — интеллигенции и служащим — предусматривалась максимальная квота — 50 процентов, а для неработающего населения — лишь 10 %. Выборка производилась по похозяйственным книгам, которые предварительно обрабатывались в сельсоветах. Как показывают результаты уже произведенного подсчета анкет, намеченные квоты были в основном выполнены. Фактически было опрошено 45 % руководителей высшего звена, 53 % специалистов, 52 % служащих,

45 % механизаторов. Разнорабочих опросили — 20 %, не работающих — 9,7 %. Для реконструкции данных по генеральной совокупности предполагается взвесить эти величины и за счет различных поправочных коэффициентов довести их до единой доли представительства.

В результате столь значительной выборки по каждой социально-профессиональной группе мы получили довольно репрезентативные данные. Фактическая ошибка выборки, как показывают уже произведенные расчеты, и по основному для исследования признаку — национальности составляет не более одного процента. По данным переписи 1959 г., доля русских в сельском русско-татарском населении достигала 35 %. В нашей выборке оказалось 34,5 % русских, то есть фактическая ошибка выборки — 0,5 %. Учитывая, что в результате более интенсивной миграции русских из села, соотношение между ними и татарами меняется в пользу татар, можно предположить, что к моменту обследования русских было меньше, чем в 1959 г., т. е. возможно по этому признаку фактическая ошибка совершенно ничтожна.

Материалы обследования сельского населения (пробный массив — полностью, а основной — в значительной части) уже обработаны на электронно-вычислительных машинах, материалы городского обследования находятся в машинной обработке. Начиная с этой статьи, социологи Института этнографии предполагают публиковать материалы исследования. Уже подготовлены работы Э. К. Васильевой по типологии казанской семьи, М. Н. Губогло — о двуязычии.

Некоторые итоги

В данной статье мы попытаемся подвести лишь предварительные итоги обследования сельского населения, позволяющие судить о том, в какой мере были обоснованы некоторые основные гипотезы исследования.

В программе исследования формулировалась гипотеза о значимости социально — экономической неоднородности труда и влиянии этой неоднородности не только на социально-экономические, но и этнические характеристики. Материалы обследования показывают, что вытеснение пережиточных традиционных форм культуры и распространение современных ее форм действительно неравномерно захватывают различные социальные группы. В первую очередь, современные формы культуры распространяются в относительно продвинутых социальных слоях, традиционные же формы прочнее всего удерживаются среди работников физического труда. При этом сферы приложения труда не имеют существенного значения.

Социально-продвинутые группы, в особенности интеллигенция, выделяются не только более высоким уровнем доходов, образования, общественной активности, зафиксированной в партийности и влиянии на решение важных вопросов в производственном коллективе, но также культурными привычками и навыками (чтение художественной литературы, знание языков и т. д.).

В приведенной ниже табл. 3 (по данным мужского населения) наглядно отражены эти особенности социально-продвинутых групп. Вместе с тем, как показывает сама таблица, в этих группах почти полностью изжиты некоторые пережиточные явления, что сказывается, например, в отрицательном отношении к религиозным праздникам и обрядам.

Для оценки удовлетворенности своим социальным положением (социального самочувствия) различных общественных групп чрезвычайно важны также показатели социальной мобильности. В программе иссле-

Таблица 3

Социальные группы и социально-этнические процессы

Группы по видам труда	Неквалифиц. рабоч. и колхоз.		Квали- фицир. рабоч. и колхоз.	Меха- низа- торы	Служа- щие	Спец. сред. звена	Руков.- сред- него звена	Спец. высш. звена	Руков. высш. звена
	сезон- ные	посто- янн.							
абсолютное число опрошенных	217	68	87	438	75	26	45	65	19

в процентах

Общие характеристики									
Национальность:									
татары	71	73	65	63	64	54	69	66	68
русские	29	27	35	37	36	46	31	34	32
Образование (высшее или сред. спец.)	1	2	1	1	16	42	20	83	79
Партийность	5	7	10	15	36	35	62	61	84
Оказывают влияние на решение важных вопросов в производственном коллективе	38	37	45	50	68	70	85	90	100
Месячный доход на одного члена семьи свыше 30 руб. (не считая доходов с личного хозяйства)	15	16	27	34	37	46	51	69	79
Культура и язык									
Свободно владеют русским языком (или русским и татарским одновременно)	34	36	43	52	60	69	55	69	79
Чаще говорят на работе на русском или на обоих языках	35	29	64	56	49	76	66	73	90
Обычно говорят дома на русском или на обоих языках	24	25	30	35	37	38	35	47	42
Считают целесообразным обучать детей в русской школе	78	74	91	81	91	89	89	91	95
Дети учатся в русской школе	38	45	55	54	50	47	45	69	77
Читают художественную литературу в том числе обычно на русском языке	44	47	55	68	76	81	76	91	90
Читают газеты на русском языке или на обоих	19	14	31	47	65	61	67	84	84
на русском языке или на обоих	77	87	91	96	97	100	98	99	95
Празднуют религиозные праздники (рамазан, пасху и др.)	34	32	45	62	57	73	71	92	69
Положительно относятся к обряду крещения или обрезания	37	37	30	22	12	23	11	8	16
Установки в межнациональных отношениях	45	46	31	26	24	15	17	14	5
Считают, что национальность руководит не влияет на работу коллектива	71	65	85	78	79	62	74	77	58
Положительно относятся к смешанным национальным браком	74	78	72	79	81	73	75	68	68

дования была выдвинута гипотеза относительно того, что «национальный фактор не является существенным в социальной мобильности». Даные обследования подтвердили эту гипотезу. По материалам Лайшевского района мы имеем интересные группировки, характеризующие межпоколенную и внутрипоколенную мобильность (см. табл. 4, 5).

Таблица 4

Межпоколенная мобильность (интермобильность)
(в процентах)

Социальные группы	Русские							Татары							
	социальное происхождение (по отцу)							социальное происхождение (по отцу)							
	абсолют. число опрошенных	A	B	V	Γ_1	Γ_2	итого доля отцов, занятых физич. трудом	абсолют. число опрошенных	A	B	V	Γ_1	Γ_2	итого доля отцов, занятых физич. трудом	
Интеллигентия (A)	30	13	23	—	29	35	64	24	8	8	—	34	50	84	
Служащие (B)	27	7	6	—	50	36	86	18	—	13	—	26	61	82	
Механизаторы (В)	39	16	8	15	5	56	76	32	9	—	9	20	62	91	
Неквалифиц. работники физич. труда	постоян- ные (Γ_1)	43	—	3	6	26	65	97	89	3	1,6	6	43	46	95
сезонные (разнорабоч.)	(Γ_2)	67	5	6	6	6	77	90	40	4	—	—	23	73	96

Таблица 5

Внутрипоколенная мобильность (интрамобильность)
(в процентах)

	Русские			Татары		
	иммобильт- ные (пони- зившие статус)	стабиль- ные (статус без изме- нения)	мобильные (повысили- ший статус)	иммобильт- ные (пони- зившие статус)	стабиль- ные (статус без изме- нения)	мобильные (повысили- ший статус)
Интеллигенция (A)	—	69	31	—	41	59
Служащие (Б)	8	50	42	—	38	62
Механизаторы (В)	—	23	77	—	19	81
Разнорабоч. и др. неквалиф. работники физ. труда	8	92	—	6	94	—
Итого	4	58	38	2	48	50

Судя по приведенным данным, татары на селе мобильнее русских. По сравнению с родителями, большая доля татар, чем русских, повысили свой статус. Если среди татар-интеллигентов 84% имели отцов, принадлежащих к категории работников неквалифицированного физического труда, то среди русских-интеллигентов лишь 64% вышло из этой среды. Соответственно и в процессе своей трудовой деятельности татары быстрее поднимают свое социальное положение. Так, повысили

статус по сравнению с началом трудовой деятельности 50% татар и только 38% русских. Эти явления объясняются, с одной стороны, тем обстоятельством, что татары, отстававшие в прошлом от русских по своему социальному положению и образованию, обычно стартовали с менее благоприятных позиций и поэтому должны были более стремительно пройти дистанцию в социальном росте. Советская национальная политика ликвидации фактического неравенства способствовала такому

Таблица 6

**Национальный состав. Доля татар в социально-профессиональных группах
(в % к численности группы)**

	Мужчины	Женщины
Руководители высш. звена	68,4	нет сведений
Руководители сред. звена	68,9	45,4
Специалисты высш. квалификации	66,1	64,6
Специалисты сред. квалификации	53,8	40,2
Служащие	64,0	49,6
Механизаторы	63,0	—
Квалифиц. работники физич. труда не индустр. профиля	65,5	40,0
Неквалифиц. постоянные работники физич. труда	73,5	70,4
Неквалифиц. сезонные работники физич. труда	68,4	71,4

росту. С другой стороны, русские больше склонны были мигрировать и продолжать свой социально-профессиональный рост вне села.

В результате более интенсивной мобильности татар в нынешнем поколении представительство татар в социально-продвинутых группах на селе в основном уже соответствует представительству русских. Татары-мужчины равномерно распределены по всем социально-профессиональным категориям сельского населения.

Доля мужчин-татар в категориях неквалифицированного и квалифицированного труда в основном одинакова и совпадает с пропорциями в общей численности населения. Что касается женщин-татарок, то их представительство в группах квалифицированных работников пока еще несколько отстает (см. табл. 6).

В программе исследования выдвигалось предположение, «что условием быстрого стирания национальных предрассудков является высокая степень социальной мобильности». Это предположение, как показывают предварительные подсчеты, проведенные по основному массиву, исследованием не подтверждается. Социально более продвинутые и более мобильные категории населения, несмотря на успешное и интенсивное приобщение к современной культуре, изживание пережиточных форм традиционной культуры и знание русского языка, имеют в основном те же установки в межнациональных отношениях.

Установки фиксировались разными приемами. При обследовании основного массива выяснялось отношение опрашиваемого к смешанным национальным бракам, совместной работе в смешанном в национальном отношении коллективе и к тому, отдает ли опрашиваемый предпочтение руководителю своей национальности. Ответы обнаружили высокую и приблизительно одинаковую для всех групп степень интернационализма (см. табл. 7). На вопрос о выборе непосредственного руководителя, абсолютное большинство по всем группам населения дало ответ «национальность руководителя не имеет никакого значения». На вопрос «одобряете ли браки татар с русскими?» ответ «национальность не имеет

значения, самое главное личные качества человека, любовь друг к другу», также собрал абсолютное большинство голосов². И тем не менее, предварительные результаты обследования показали, что ответы на эти вопросы не находятся в сколько-нибудь заметной положительной связи с социальной мобильностью, с социальным положением, материальными

Таблица 7

Знание русского языка и установки

Мужчины-татары			Женщины-татарки					
	положительное отношение к инонац. руководству	положительное отнош. к смешан. бракам		положительное отношение к инонац. руководству	положительное отношение к смешан. бракам			
	1	2	1	2	1	2	1	2
A ₁	73	54	56	59	85	59	73	57
A ₂	76	61	88	48	67	63	76	78
Б	70	77	65	83	91	57	68	51
В	85	69	70	68	—	—	—	—
Г	69	65	71	67	77	45	77	54

При мечани ек таблице: 1 — татары, свободно владеющие русским языком или русским и татарским языками одновременно; 2 — татары, свободно владеющие только татарским языком.

достатком, социальной активностью, образованием и знанием русского языка. В то время как от менее продвинутых в социальном отношении групп к более продвинутым с неуклонной последовательностью растут признаки, свидетельствующие о культуре, знании русского языка, установки в межнациональных отношениях остаются почти неизменными.

Незначительная положительная связь между установками в межнациональных отношениях и объективными факторами культурного развития прослеживаются лишь в одном случае — при владении (свободном) русским языком. Татары, знающие русский язык, в различных социально-профессиональных группах чаще дают более высокие индексы отмеченных установок (см. таблицу 7).

Та же самая тенденция отсутствия положительной связи между установками и социальным положением улавливалась нами при анализе материалов экспериментального исследования, в процессе которого выяснились стереотипы у татар и русских. Опрашиваемым предлагался вопрос: «Ответьте, пожалуйста, какие из перечисленных черт характерны для татар и для русских?». Далее шел перечень различных положительных качеств — доброта, гостеприимство, трудолюбие, деловитость, одаренность. Совершенно очевидно, что эти качества не столь объективны и определены, как, например, цвет волос, рост, вес и т. д. Приписывание их целой нации отражает субъективное отношение опрашиваемого к представителям той или иной национальности, т. е. оценку нации. Тест показал, что все группы населения как среди татар, так и среди русских выше оценивают собственную национальность. При этом русские, принадлежащие к более крупной и многочисленной нации, обнаруживают, как и следовало ожидать, сравнительно незначительный разрыв между самооценкой и оценкой национальности. Что касается социальных

² Этот вопрос был включен в анкету Л. М. Дробижевой. Материалы, полученные ею в результате обследования белорусского и некоторых других сел национальных районов, дали итоги, аналогичные нашим. Л. М. Дробижева. О социальной однородности республик и развитии национальных отношений в СССР, «История СССР», 1967, № 1.

групп, то разность между оценкой и самооценкой среди интеллигенции примерно такая же, что и среди разнорабочих.

Система перечисленных данных, характеризующих национальные установки, свидетельствует о том, что воспитание интернационализма зависит от иных, слабо связанных с культурой и языком переменных, определяемых, по-видимому, сложным комплексом социально-экономических факторов. В ходе дальнейшего исследования мы надеемся пролить дополнительный свет на затронутую проблему.

В данной статье мы попытались составить у читателя лишь общее представление о характере ведущихся социально-этнических исследований. Речь идет о весьма перспективном направлении, существенно расширяющем наши знания о социально-этнических процессах, об актуализации и расширении предмета этносоциологической науки. Сейчас делаются лишь первые шаги. Поэтому естественно, что и результаты исследования будут уточняться, и методика будет совершенствоваться. На нынешнем этапе мы считаем полезным привлечь внимание к работе, ведущейся в этом направлении, для того, чтобы вызвать обсуждение, которое должно способствовать ускорению процесса развития этносоциологических исследований. Наряду с чисто этнографическими исследованиями они должны занять важное место в арсенале наших общественных наук.

S U M M A R Y

The article is based on a study conducted in urban and rural places of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Certain principles are examined of analyzing ethnic processes and ethnic relations in their organic connection with the social and professional composition of the population. The article summarizes previous work on the organization of sociological research in the field of social-ethnic relations; principles of sampling and formalisation both of questionnaire data and of data on the ecological milieu are argued. Some results of the study are given; these show the degree of influence of social mobility and cultural level in the various social groups over ethnic processes and ethnic relations.

Ю. И. Мкрутян

**ФОРМЫ СКОТОВОДСТВА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ
В АРМЯНСКОЙ ДЕРЕВНЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

В Закавказье, отличающимся многообразием национального состава населения, а также природно-климатических и историко-экономических условий, издавна сложились различные формы скотоводства, каждая из которых, в зависимости от микроусловий местности, особенностей хозяйства и обычаяев данного народа, имела свои характерные черты. О скотоводстве у народов Закавказья существует обширная историко-этнографическая литература, однако до сих пор исследователи мал уделяли внимания выявлению генетической связи многих элементов материальной культуры и быта с различными способами ведения скотоводческого хозяйства, что представляется нам необходимым для правильного объяснения целого ряда этнографических явлений.

В советской этнографической литературе эти связи прослежены на примере кочевого скотоводческого хозяйства¹. В отношении же многих народов, выработавших более или менее развитые системы скотоводства эти вопросы стали ставиться лишь сравнительно недавно, да и то в связи с исследованием других проблем².

В настоящей статье мы попытаемся показать обусловленность отдельных элементов материальной культуры и быта армян формами ведения скотоводства. Основным источником при ее написании послужили полевые этнографические материалы, собранные автором в 1960—1966 гг.; использованы также сведения, имеющиеся в литературе.

* * *

Скотоводство, как и земледелие, — древнейшее занятие армян, о чем свидетельствуют многочисленные археологические, эпиграфические и этнографические материалы. Природные условия Армянского нагорья

¹ Укажем лишь наиболее значительные работы: Л. П. Потапов, Особенности материальной культуры казахов, «Сборник МАЭ», т. XII, М.—Л., 1949; С. И. Руденко, Очерк быта северо-восточных казахов, сб. «Казахи. Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 15, Л., 1930; «Среднеазиатский этнографический сборник», т. I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», (далее ТИЭ), т. XXI, 1954 и т. II — ТИЭ, т. XLVII, М., 1959; С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, глава «Народы Сибири и Севера»; Амине Азадал, Быт курдов Закавказья, Ереван, 1957 (на арм. яз.); О. Л. Вильчевский. Курды, М.—Л., 1961 и др.

² См. например, Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, г. I—II, Тбилиси, 1960—1961; Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства абхазов, Сухуми, 1962; Т. А. Чиковани, Джаргвали — горное жилище в свете грузино-кавказского этнографического материала, «Кавкаснис этногруппы кребули», I, 1964, стр. 6—29 (на груз. яз.); «Хозяйственный быт и материальная культура грузинского народа», Тбилиси, 1964 (на груз. яз.); К. Т. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа, Баку, 1964; В. М. Шамладзе, Скотоводство в Западной Грузии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. истор. наук, Тбилиси, 1965, и др.

очень благоприятны для развития скотоводства. Издавна здесь сложились традиционные системы организации скотоводческого хозяйства, а также связанные с ним обряды и обычаи, изучение которых имеет важное значение для правильного освещения различных сторон материальной и духовной культуры народа.

Историческая наука в настоящее время располагает многочисленными материалами, которые свидетельствуют не только о древности скотоводства в Армении, но и позволяют определить наиболее ранние его формы, виды и породы разводимых животных.

Сравнительное изучение данных различных эпох показывает, что виды скота, распространенные на территории Армянского нагорья и всего Закавказья во второй половине XIX в., были известны в IV—III тысячелетии до н. э.³ Археологические материалы обнаруживают преимущественное развитие здесь крупного и мелкого рогатого скота уже в эпоху бронзы. Это же направление скотоводства сохраняется и в последующие периоды,⁴ о чем свидетельствуют не только данные статистики⁵, но и фольклора, этнографии, зоотехники. Обратимся к некоторым из них.

Как известно, в Армении существовал культ большинства видов домашнего скота, что нашло отражение в религиозных верованиях, обрядах и обычаях, баснях и сказках, пословицах и поговорках, географических названиях и собственных именах и т. д. По заключению Х. Самвеляна, изучавшего древнеармянскую культуру, культ быка и коровы занимал у армян первое место⁶. Это говорит об особом значении крупного рогатого скота в хозяйственной жизни народа. Культ других видов скота получил меньшее распространение.

В армянском фольклоре (как и фольклоре других земледельческих народов) крупному рогатому скоту обычно отводится видное место. Например, вол и корова в сказках армян наделены чудесными свойствами: вол предвещает своим хозяевам будущее; красная корова заменяет осиротелым детям мать, и т. д.⁷. В армянском народном языке слово «бык» часто заменяется словом «кrrван»—букв. «борец»⁸, борец против злых сил. При сравнительном изучении скотоводческих терминов у армян выявляется наиболее развитая дифференциация в названиях различных половозрастных групп крупного и мелкого рогатого скота, что свидетельствует о преимущественном распространении у армян именно этих видов скота.

Это подтверждают также материалы зоотехнического обследования в Армении. Как дореволюционные, так и советские исследователи нашли наибольшее разнообразие пород у крупного и мелкого рогатого скота и относительно мало у остальных видов (свиньи, лошади и др.).

³ Б. Б. Пиотровский, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. «Сов. археология», т. XXIII, 1955, стр. 6—9; С. К. Даль, Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского гор. Тейшебаини, «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1952, № 1, стр. 77.

⁴ Там же.

⁵ И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852, стр. 783 и сл.; «Памятная книга Эриванской губернии», Тифлис, 1901, стр. 104 и сл.; «Памятная книга Елисаветпольской губернии», Тифлис, 1914, стр. 176 и сл.

⁶ Х. Самвелян, Культура древней Армении, т. I, Ереван, 1931, стр. 172—182 (на арм. яз.).

⁷ «Армянские народные сказки», М.—Л., 1933, вступит. статья М. Шагинян, стр. 15—16, 26; А. Ш. Мнацаканян, Армянское орнаментальное искусство, Ереван, 1955, стр. 537 (на арм. яз.).

⁸ А. Ш. Мнацаканян, Указ. раб., стр. 538—540.

А. З. Тамамшев только в Восточной Армении выделил семь пород крупного рогатого скота и указал ареалы их распространения (казахский, агбабинский, таракама, шорагяльский, памбакский, къльбаджарский, гокчинский)⁹. У овец исследователи находят четыре основные породы (мазех, балбас, бозах и карабах) и три породные группы (дымящих, эрик и късьма), относящиеся к группе жирнохвостых или широкихвостых овец¹⁰.

Такое разнообразие пород крупного и мелкого рогатого скота объясняется не только спецификой местных природных условий, способствующих известной локализации типов и видов разводимых животных. Решающая роль в этом принадлежит местному населению, выработавшему целый комплекс приемов и навыков по выведению пород, в наибольшей степени удовлетворяющих их потребности.

Таким образом, данные различных источников свидетельствуют как о древности скотоводства на Армянском нагорье, так и о преимущественном разведении крупного и мелкого рогатого скота. Учет этого обстоятельства представляется нам важным, поскольку особенности содержания именно этих видов скота оказали наибольшее влияние на сложение той или иной формы скотоводства.

Ведущей формой хозяйства у армян было земледелие, но земледелие предполагавшее более или менее развитое скотоводство, поскольку обе эти отрасли были тесно связаны между собой¹¹. Археологические материалы позволяют проследить эту симбиозную форму хозяйства на Армянском нагорье уже с энеолитического периода, т. е. с IV—III тысячелетия до н. э.¹²

У армян Восточной Армении¹³ во второй половине XIX г. были развиты две основные формы скотоводства — отгонно-пастбищная (Тавуш Сюник, Гехаркуник, Вайоц-дзор, Арцах, Гугарк и др.) и оседло-пастбищная (Арагатская долина и некоторые высокогорные части Апарана, Ширака, Сюника), каждая из которых имела свои подтипы в различных местностях.

В армянской деревне конца XIX в. существовали различные формы сообществ по выпасу скота («сари амгал», «ынгерутин» и др.), организация которых вызывалась конкретными экономическими условиями¹⁴.

⁹ А. З. Тамамшев, Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем, Ереван, 1947, стр. 156.

¹⁰ А. А. Рухкин, Овцеводство Армянской ССР и пути его качественного улучшения, Ереван, 1948, стр. 130 и сл.

¹¹ В. А. Бдоян, Армянские мотыги и пахотные орудия в XIX в. (на арм. яз., резюме на русск. яз.), «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства Армении», т. I, Ереван, 1964, стр. 103—146; его же, Земледельческая культура в Армении. Рукопись, хранится в архиве сектора этнографии Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР.

¹² Б. Б. Пиоторовский, Указ. раб., стр. 5—6; его же, Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э., Л., 1949, стр. 75; Е. А. Байдуртян, Псевдонеолитические поселения Армении, «Проблемы истории материальной культуры», М., 1933, № 1—2, стр. 40.

¹³ Под Восточной Арменией во взятых нами хронологических рамках подразумевается, преимущественно, территория нынешней Армянской ССР. Широко привлечены также данные о смежных с ней этнографических районах (Арцах, Нахичевань, Джавахх), заселенных в основном армянами и находящихся ныне в составе Грузинской и Азербайджанской ССР.

¹⁴ Термин «сари амгал» (арм.) образован от слов «сар» — «гора», «летовка» и «амгал» — «товарищество», «сообщество»; следовательно, «сари амгал» — это товарищество, создаваемое на время выпаса скота на летовке. «Ынгерутин» (арм.) — от слова «ынгер» — товарищ, отюда «ынгерутин» — товарищество». Об этом см.: Ю. И. Мкртумян, Некоторые формы сообществ в армянской деревне, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1967, № 4, стр. 168—175.

При изучении этих сообществ выявляется определенная связь между формой скотоводства и системой организации труда.

В районах оседло-пастбищного скотоводства, где животные в течение всего года находились при селении, сельские общества нанимали общественных пастухов для выпаса различных видов скота, разделенного на стада по половозрастному принципу¹⁵. Так, в с. Гечрлу (ныне с. Мргашат Окtemберянского района) в 1880-х гг. было четыре общественных стада крупного и мелкого рогатого скота, для содержания которых нанимали по два пастуха на стадо. Плата пастухам распределялась между всеми хозяйствами общества пропорционально числу голов скота, принадлежавшего каждому хозяйству. Пастухов нанимали, как правило, на стороне, преимущественно из курдов и азербайджанцев. Это объяснялось, видимо, тем, что жители села были заняты в полеводческо-садоводческом хозяйстве. Материалы полевых исследований подтверждают, что в этих районах повсеместно была распространена аналогичная форма найма пастухов. Это позволяет говорить о существовании сельскообщинного объединения для организации выпаса скота.

Совершенно иные формы сообществ и найма пастухов мы видим в районах отгонно-пастбищного скотоводства. В сложившемся здесь комплексном хозяйстве значительное развитие получило скотоводство. Пастухов нанимали как крупные скотовладельцы для своих стад, так и отдельные группы хозяйств, число которых в различных селениях варьировало от двух до семи. Основным принципом организации этих групп по выпасу скота был территориальный, но и другие факторы играли значительную роль.

Общеизвестно, что еще в конце XIX в. во многих армянских селениях сохранялись так называемые родственные кварталы¹⁶. При организации сообщества в пределах квартала родственники составляли его основное ядро. Такие сообщества выявлены в различных селениях Тавуша, Гугарка, Вайоц-дзора, Арцаха, Сюника и др., где издревле практиковался отгон скота на сезонные пастбища. У армян Арцаха например, как отмечал А. Г. Деконский в 1880-х гг., «в основе деления домохозяев на группы (по выпасу скота.—Ю. М.) лежит обыкновенно или родственная связь между дымами или сожительство в одном отселке»¹⁷. Члены таких групп селились на летовках и зимовниках вместе, занимая либо отдель-

¹⁵ Следует отметить, что наиболее крупные скотовладельцы самостоятельно нанимали пастухов для выпаса своих стад. В ряде районов Армении (Ширак, Вайоц-дзор, Гехаркуник, Лори и др.) около 13—14% всех крестьянских хозяйств владели более чем половиной продуктивного скота, и вполне понятно, что значительная часть их прибегала к найму рабочей силы на стороне (см. М. А. Адонц, Экономическое развитие Восточной Армении, Ереван, 1957, стр. 382—383). В армянской деревне конца XIX в. наряду с другими формами сообществ по выпасу скота засвидетельствована и форма, при которой один из наиболее зажиточных крестьян самостоятельно нанимал пастухов для содержания собственного стада, затем уже к его стаду присоединяли свой малочисленный скот обедневшие члены общины — «порнаки». Последние оплачивали этому крестьянину выпас скота на условиях, не зависящих от условий найма самими пастухов. Кроме того, владелец стада нередко использовал на различных работах своих порнаков, которые не могли отказаться, так как, во-первых, зависели от него экономически и, во-вторых, вековой обычай взаимопомощи обязывал их «помогать» соседу. В этих условиях древние формы родственной и соседской взаимопомощи приобретали новый смысл.

¹⁶ Д. С. Вардумян, Новый быт лорийцев, Ереван, 1956, стр. 102 и сл. (на арм. яз.); Э. Т. Карапетян, О некоторых пережитках родового строя у азмяя, «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1963, № 4, стр. 77—78 (на арм. яз.) и др.

¹⁷ А. Г. Деконский, Экономический быт государственных крестьян в Шушинском и Джебраильском уездах Елисаветпольской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, Тифlis, 1886, стр. 283.

ную стоянку, либо часть ее. На это указывают и названия ряда летовок и зимовников, происходящие от фамилий тех владельцев скота, которые ежегодно пригоняли его на одну и ту же стоянку, как-то: Каханц бина, Оананц бина, Кочнанц бина, Амирханац ург и др. Так, в с. Дсех (ныне с. Туманян Алавердского района) в 1890-х гг. группы родственных семей организовывали сообщества на летних и зимних пастбищах. В зимовнике Ахеги совместно держали скот двоюродные братья Татул, Саро, Грикор Харатяны и их дальний родственник Маджинян Аслан. В зимовнике Хндзорхси (того же села) подобное сообщество создали двоюродные братья Аршак, Тигран и Соси Ваняны¹⁸. И на летних пастбищах они селились на одной стоянке и сообща выпасали скот. В самом селении родственные связи не имели сравнительно большого значения при организации хозяйственной жизни, зато на сезонных пастбищах они играли еще видную роль. Думается, именно в этом одна из причин живучести традиций азговых (родственных) отношений в районах, где население практиковало отгонную систему скотоводства.

В селениях зоны оседло-пастбищного скотоводства также сохранялись родственные кварталы, однако здесь они в силу специфических условий организаций скотоводческого хозяйства (создание сельско-общинных объединений) играли значительно меньшую роль в производственной жизни села, а потому и традиции азговых отношений были выражены слабее.

Таким образом, этнографическое изучение скотоводческого хозяйства, в частности форм сообществ по выпасу скота, позволяет выявить остатки древних форм общественных отношений, которые сохранялись в армянской деревне XIX в.

Способы ведения скотоводческого хозяйства оказывали решающее влияние и на формы пользования пастбищами. У армян, основой хозяйства которых, как мы говорили, было земледелие, с древнейших времен разделу подлежали лишь пашни и покосы, а пастбища и другие угодья находились в общинном пользовании¹⁹. Этот обычай дожил вплоть до XX в. Большой знаток быта армян С. П. Зелинский в 1880-х гг. писал, что армяне пользуются пастбищами «нераздельно, свободно и неограниченно»²⁰. Это обстоятельство и способствовало переходу крестьян из одного сообщества в другое, на что указывают наши полевые материалы, а также данные исследователей прошлого столетия. А. А. Калантар отмечал, что «каждый из скотоводов (армян. — Ю. М.) является равноправным и самостоятельным хозяином и вступает в разные соглашения и сделки по свободному своему желанию»²¹.

¹⁸ Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы за 1964 г., Архив Ин-та археологии и этнографии АрмССР, Гугарк, папка 7, стр. 36.

¹⁹ «История армянского народа», вып. 1, Ереван, 1961, стр. 272—273 (на арм. яз.). Следует отметить, что осенью повсеместно в Армении скот выпасали на жилях и отавах, вне зависимости от их принадлежности. Больше того, крестьяне зазывали пастухов, чтобы те выпасали скот на пашнях, так как высоко ценили значение овечьего помета как удобрения. В Сасуне (Западная Армения) осенью в пастухи нанимались нередко лишь для того, чтобы получить право выпасать овец на своих пашнях (записано от переселенцев из Сасуна — 75-летнего М. Т. Сиджояна и 80-летнего Г. А. Киракосяна — в с. Ашнак (Талинский район АрмССР) в 1965 г.— Ю. И. Мкртумян Поляевые этнографические материалы, Архив сектора этнографии Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР, папка 16, стр. 64 и сл.).

²⁰ С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Шорагяле Александропольского уезда Эриванской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, Тифлис, 1885 стр. 16—17.

²¹ А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, «Материалы для устройства казенных

Для курдов и кочевых азербайджанцев пастбища представляли особую ценность, именно они подлежали разделу и закреплению за отдельными группами скотовладельцев. И если армяне, входившие в сообщество по выпасу скота, объединяли только скот, то курды и кочевые азербайджанцы фактически объединяли и определенную часть пастбищ. В этом одно из коренных различий между сообществами по выпасу скота у этих народов, и объясняется оно, в основном, бытовавшими у них формами скотоводства. Для подтверждения этого сошлемся на А. А. Калантара, отмечавшего в конце XIX в., что азербайджанцы кочевых обществ Чобанкяра, Колубеклю, Ильхкорух бывшего Эчмиадзинского уезда Эриванской губернии (территория Арагатской долины) делили пастбища на участки и закрепляли их за отдельными оба, в то время как оседлые азербайджанцы, занимавшиеся в большей степени земледелием, пользовались пастбищами целыми обществами без выделения участков. Этот пример показывает, как форма хозяйства изменяет форму пользования пастбищами, а следовательно, и характер организуемых сообществ.

В районах отгонного скотоводства, где запрещалось летнее содержание скота в селении, широкое распространение получила практика отдачи скота на выпас другим лицам, известная в литературе под названием «кисови» или «кясм»²².

Для бедняцких и части середняцких хозяйств переходы на сезонные пастбища были связаны с большими трудностями. Для жизни на летовке надо было иметь хотя бы несколько голов скота. Поэтому крестьяне, имевшие, например, одно-двух живогных, отдавали их для выпаса родственникам или соседям, а иногда даже в другие селения своим знакомым, уходящим на летовку. Принявший скот обязывался вернуть его в полной сохранности после спуска с гор и за пользование молоком дойного скота выдать определенное количество (в зависимости от вида и качества скота) молочных продуктов. Х. А. Ерицян так рассказывает об этом: «Маломощные и малоскотные хозяйства затруднялись откочевывать в горы, а многим это было не под силу. В таких случаях, многие хозяйства сдавали свой скот на определенных условиях в арендное содержание лицам, откочевывающим в горы. Последние должны были вернуть в полной сохранности все поголовье скота после истечения арендного срока, а сами распоряжались всем количеством молока, получаемого от надоя арендованных коров (кстати, заметим, что и овец сдавали на тех же условиях. — Ю. М.), хозяевам же коров арендаторы выдавали некоторое количество молочных продуктов в виде масла и тощего сыра, как арендную плату»²³.

Почти повсеместно, где практиковалась отдача скота в «арендное содержание», молочные продукты выдавались обыкновенно в виде сыра и сливочного масла, если не считать присыпавшиеся летом с пастбищ хозяевам скота несколько торб мацуна (кислого молока). Так, в селениях Тавуша, Ширака, Сюника и др. принявшие скот выдавали хозяевам примерно от 25 до 50 грв.²⁴ масла и 1,5—2 пуда тощего сыра из снятого молока с каждой дойной коровы или буйволицы; а с каждой дойной овцы — от 3 до 6 грв. сыра (так называемого «анкаш панир» или «глух

летних и зимних пастбищ и изучения скотоводства на Кавказе», т. III, Тифлис, 1895. стр. 90.

²² См., например, А. А. Калантар, Указ. раб., стр. 113; его же, Состояние скотоводства на Кавказе, «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и изучения скотоводства на Кавказе», т. II, Тифлис, 1890, стр. 114; С. П. Зелинский, Указ. раб., стр. 26—27, и др.

²³ Х. А. Ерицян, Избранные сочинения, Ереван, 1960, стр. 296.

²⁴ «Грванк» — мера сыпучих тел, равная 400 г.

панир») из цельного молока²⁵. Прежде чем взять скот, принимавший его обычно сам доил животных в течение одного-двух дней и только после этого определял то количество продуктов, которое должно было быть поставлено хозяину скота. Собранная шерсть при «кисови» целиком отдавалась владельцу скота. В распоряжении выпасавшего скот обычно оставалось некоторое количество масла и сыра, превышавшее условленную с хозяином скота плату, а также вся пахта (тан). Помимо этого, владелец скота обязан был выдать по 1,5 пуда соли на каждую голову крупного рогатого скота, не считая телят, и по 3 грв.— на голову мелкого рогатого скота, не считая ягнят²⁶. Определялась также доля участия владельца скота в специальном налоге за пастбища — «аротаварц» и плате пастуху — «овивариц» за пастбище мелкого рогатого скота и «нахрапани варц» (за пастбище крупного рогатого скота), которые вносились в разное время. Так, если пастух мелкого рогатого скота получал вознаграждение за свой труд осенью, после спуска с летних пастбищ, то пастух крупного скота (нахрапан) — в середине августа, сразу после жатвы хлебов; за пастбища платили налог в начале пастбищного сезона — в мае — июне.

Широкое распространение практики отдачи скота на летнее содержание другим лицам обусловлено, на наш взгляд, необходимостью ведения наряду с отгонным скотоводством комплексного земледельческого хозяйства, требовавшего максимального сосредоточения рабочих рук на полеводческо-садоводческих работах. Аналогичная практика была выработана и у других народов (например, грузины, оседлые азербайджанцы)²⁷, сочетавших земледелие с отгонной формой скотоводства. С. П. Зелинский отмечал, что в Шираке летними пастбищами «пользуются немногим более одной пятой части населения»²⁸, поэтому не случайно именно здесь, как показывают материалы, была широко распространена практика отдачи скота на выпас.

Целый ряд элементов материальной культуры армян связан с формами ведения скотоводческого хозяйства, а порой и обусловлен ими. Это касается поселений, комплексов хозяйственных и бытовых построек и сооружений как в самом селении, так и на сезонных пастбищах.

В Восточной Армении можно, на наш взгляд, выделить три типа поселений. Для первого типа, зафиксированного преимущественно в предгорной лесной зоне (Тавуш, Гугарк, Сюник и др.), характерно наличие наряду с основными поселениями, двух постоянных отселков для летнего и зимнего содержания скота — «камараноц» или «сар» (летовка)²⁹ и «дзмераноц» (зимовник)³⁰. Это связано со сложившимся здесь своеобразным подтипов отгонного скотоводства, названном нами, ввиду большого хозяйственного значения зимовников в годовом скотоводческом цикле, «дзмераноц». Для второго типа, встречающегося главным образом в предгорной безлесной зоне (Ширак, Гехаркуник и др.), так-

²⁵ Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы за 1964—1965 гг., Архив сектора этнографии Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР, папки 7—8, стр. 15, 19, 25, 38 и др.

²⁶ С. П. Зелинский, Указ. раб., стр. 26.

²⁷ В. М. Шамиладзе, Указ. раб., стр. 27.

²⁸ С. П. Зелинский, Указ. раб., стр. 26.

²⁹ В быту армян для понятия «летовка» употреблялись два термина — «камараноц» (арм., от слова «амар» — «лето»), что означает «место летовки» и «сар» (арм., букв. «гора»), заключающий в себе понятие «летовка». Причем под этими понятиями подразумевалось не только само место поселения, но и обширный пастбищный район вокруг него. Нередко для понятия «летовка» (в узком смысле) употреблялись и термины неармянского происхождения: «бина», «соба», «курт» и др.

³⁰ «Дзмераноц» (арм., от слова дзмер — «зима») — букв. «место зимовки».

же характерно наличие наряду с основными поселениями постоянных отселков, но только летних — «камараноц» или «сар». При практиковавшейся в этой зоне отгонно-пастбищной форме скотоводства скот отгоняли на отдаленные пастбищные участки лишь летом, а в остальное время выпасали на присельских пастбищах или содержали на стойле. И, наконец, к третьему типу мы относим поселения преимущественно равнинной и высокогорной зон (Арагатская долина и некоторые высокогорные районы), не имеющие постоянных сезонных отселков вследствие сложившейся здесь оседло-пастбищной системы скотоводства. Таким образом, отгонная форма скотоводства обусловила необходимость постоянных баз для летнего, а в некоторых местах и зимнего содержания скота, на существование которых указывали исследователи быта армян еще в прошлом столетии³¹.

На этих базах — летовках и зимовниках — типы построек варьировали в зависимости от местного материала и обычаяев населения, но характерно, что повсюду они сооружались по типу тех жилых и хозяйственных помещений, которые были в местах основных поселений. Так, армяне Ширака, Гехаркуни, Джавахка и других безлесных районов строили прочные каменные помещения — «олик» — с плоской кровлей из жердей и, как правило, тремя-четырьмя (а иногда и пятью) отделениями различного назначения. Первое отделение — «тун»³² (в некоторых селениях Ширака его называли также «тонратун», от слова «тонир», означающего врытый в землю очаг) — было предназначено для людей, а также для изготовления молочных продуктов, второе — «катноц» (молочная) — для отстаивания и хранения молока и молочных продуктов; третье — «ортаноц» (телятник) — для содержания телят и новорожденных ягнят и, наконец, четвертое — «агал», пристроенное спереди и некрытое сверху, — служило местом загона крупного дойного скота на ночь. Второе и третье отделения обычно располагались по правую и левую стороны от основного отделения (туна), имелись внутренние сообщения между ними, но не было дверей (рис. 1, 2 и 3). Число отделений могло быть больше или меньше, это зависело от состоятельности семьи. А. А. Калантар, например, рассказывает о помещении из пяти отделений³³; в нем, помимо описанных четырех, есть специальное отделение для хранения готовых молочных продуктов — «марран» (кладовая)³⁴. Встречались также помещения из двух-трех отделений.

На летовках Гугарка, Тавуша, Сюника, Арцаха и других, расположенных поблизости от леса, жилища — «сари тун» — сооружались обычно из дерева, имели двускатную кровлю и состояли из трех отделений: 1) для людей, 2) хранения молочных продуктов и 3) для содержания

³¹ См. например, А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища Александровского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, стр. 100; С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елизаветпольской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, Тифлис, 1886, стр. 17; Н. А. Абелов, Экономический быт государственных крестьян Елизаветпольского уезда Елизаветпольской губернии, там же, стр. 13, 91, и др.

³² «Тун» (арм.) — «дом». Думается, не случайно армяне Ширака свои жилые помещения на летовках называли так же, как и жилище в основных поселениях — домом (тун). Это является косвенным свидетельством того, что это были постоянные жилые помещения, использовавшиеся в течение многих лет, в отличие от времянок, для обозначения которых армянами употреблялся целый ряд терминов как собственных, так и взятых у соседей — вран, пон, дагя, алачух, чахмак-чибух.

³³ А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища Александровского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, стр. 100.

³⁴ «Катноц» в данном случае служил лишь для отстаивания и хранения молока до его обработки.

молодняка. Между отделениями не всегда были перегородки. Аналогичные помещения были и в зимовниках, но большего размера и более утепленные, поскольку предназначались для зимнего содержания скота

Рис. 1. Летнее жилище «колик». Летовка Шадибулаг совхоза Ахта Разданского района. Фото автора, 1963 г.

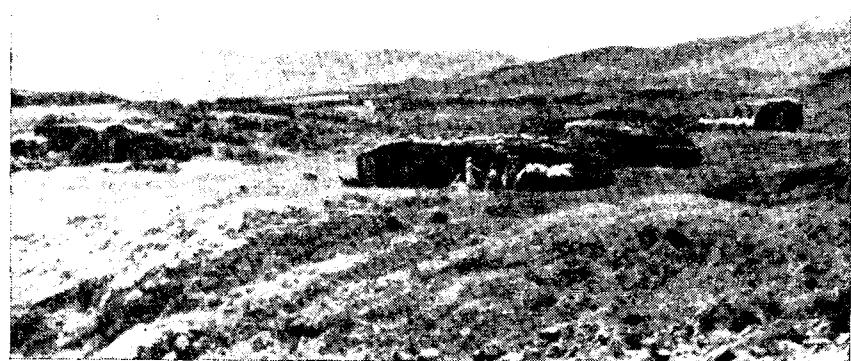

Рис. 2. Общий вид летовки Шадибулаг совхоза Ахта Разданского района. Фото автора, 1963 г.

(рис. 4). Следует отметить, что в отличие от летовок, где сооружали преимущественно жилые помещения с небольшими отделениями для молодняка, на зимовниках возводили целые комплексы хозяйственных построек для различных видов скота. О разнообразии хозяйственных помещений на зимовках свидетельствует наличие специальной терминологии для них³⁵.

³⁵ Армяне большинства сел Туваша в районе зимовников строили отдельные помещения для овец — «гхук», крупного дойного скота — «кованод», волов — «езнаноц», свиней — «хозалан» и др.

Совершенно иную картину представляли стоянки кочевых азербайджанцев и курдов. Их жилища здесь — передвижные войлочные юрты и чадры, выработанные кочевым бытом. В течение лета они несколько раз меняли места своих стоянок и уже в силу этого не могли строить

Рис. 3. Общий вид летовки Гридзор села Сарухан, района им. Камо.
Фото автора, 1963 г.

Рис. 4. Овчарня (гхук). Построена в 1880-х гг. в 4—5 км от села Дзорагех
Алавердского района жителем села Е. Сарояном. Фото автора, 1965 г.

постоянных каменных или деревянных помещений. На эту особенность указывали в свое время С. П. Зелинский, А. А. Калантар и др.³⁶ «Все скотоводы Алагеза,— писал А. А. Калантар,— за исключением армян,

³⁶ С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елизаветпольской губернии, стр. 26; А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 98 и др.

располагаются в подвижных помещениях: кибитках, чадырах, палатках. Армяне же, за небольшим исключением, строят себе постоянные помещения и из года в год останавливаются в них³⁷. Известны случаи когда часть азербайджанских семей, следуя примеру армян, строили постоянные жилища на летовках, например, в 1880-х гг.— азербайджанцы с. Шихгаджи (ныне с. Шхаршик Талинского района). И, наоборот в районе оседло-пастбищного скотоводства были армянские семьи, на пример в с. Хизнауз (ныне с. Арагац Эчмиадзинского района), с. Дадат (ныне с. Егник Талинского района) и других, которые, владея большим количеством скота, поднимались на летовку и жили в курдских чадырах³⁸. Здесь, несомненно, сказывалось отсутствие долголетней практики отгона скота на сезонные пастбища. Отгон скота на летние пастбища не был у армян этого района эпизодический характер, поэтому семьи, покинувшиеся на летовку, не строили постоянных летних отселков.

В ряде летовок, расположенных в районах с давно сложившейся практикой отгона скота на летние пастбища, армяне наряду со скотоводством занимались также пчеловодством, обработкой шерсти, ткачеством а иногда и выращиванием некоторых кормовых трав, т. е. летовки становились дополнительной базой села. В случае же благоприятных природно-хозяйственных условий не исключено было превращение летовки в селение. Так, целый ряд селений нынешнего Гукасянского района— Салут, Сарапат, Гетик, Дзорашен, Сариар и др.— образовались в 1860—1880-х гг. на месте прежних летовок армян плоскостных сел Ширак. Часть жителей переселялась сюда из-за нехватки пахотных земель районе основного поселения. Жители с. Сариар (ныне с. Мец Сариар Ахурянского района) в середине XIX в. имели летовку, расположенную в 10—12 км от села, куда в летние месяцы перегоняли дойный и ялов скот. Здесь были возведены комплексы жилых и хозяйственных построек. С течением времени часть разросшегося населения села (10 хозяйств) перешла на постоянное жительство на летовку. Поднявшись на эти высокогорные пастбища, расположенные в большинстве случаев на высоте 2000 м и выше над уровнем моря, крестьяне стали заниматься земледелием и оседлым скотоводством, поскольку сами селения находились в зоне альпийских лугов. Впоследствии селение это разрослось и получило название Покр Сариар (т. е. Малый Сариар), в отличие от предыдущего Сариара, названного Мец Сариаром (Большим Сариаром). Хозяйства, оставшиеся на местах основного поселения, отгоняли скот на другую летовку, расположенную на некотором расстоянии от прежней, уже не принадлежавшей всему сельскому обществу³⁹.

Следует обратить внимание на одно весьма важное обстоятельство. Даже в этих высокогорных районах население продолжало заниматься в основном земледелием, что подтверждается многочисленными данными. Прежде всего, как показывают материалы, превращение летовок в селение имело место в тех случаях, когда пахотных земель в местах основных поселений становилось мало. Семьи, переселившиеся на постоянное жительство в районы летовок, получали более или менее значительные по своим размерам пахотные участки. Не случайно переселялись лишь на те летовки, где уже задолго до этого практиковали сев различных культур — зерновых, огородных, кормовых. Занимались здесь и скотоводством. Наибольшее хозяйственное значение имело разведение круп-

³⁷ А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 37.

³⁸ Там же, стр. 98.

³⁹ Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы за 1965 г., Архив Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР, Ширак, папка 8, стр. 117.

ного рогатого скота, причем рабочий скот составлял 60—70% всего его взрослого поголовья⁴⁰. И, наконец, то обстоятельство, что местное население почти полностью удовлетворяло свои потребности в продуктах зернового хозяйства на месте, говорит, несомненно, в пользу выдвинутого нами положения. Исследователи XIX в. приводят в своих работах

Рис. 5. Общий вид летовки Гюмoranц села Шванидзор Мегринского района. Фото Н. Папухяна, 1965 г.

многочисленные данные, свидетельствующие о преимущественном развитии земледелия у армян высокогорных областей Апарана, Гукасяна, Гехаркуника и др.⁴¹

Очевидно, превращение летовок в селения возможно лишь при довольно развитой культуре земледелия, обеспечивавшего людей продуктами сельского хозяйства, а скот — кормами. Кроме того, этому во многом способствовал характер самих летовок, которые фактически являлись дополнительными базами села с целым комплексом постоянных построек. Неслучайно С. П. Зелинский сравнивал летовки армян с селениями: «Стоянки армян описываемого района (имеется в виду Ширак.—Ю. М.) представляют ряд селений с обычными домами для жилья и комнатами для скота, с той лишь разницей, что жизнь в этих эйлажных селениях проявляется только в летнее время»⁴². Поэтому возможность превращения таких летовок в селения, при наличии благоприятных условий, объективно была создана самим характером летовок (рис. 5).⁴³.

В предгорной лесной зоне, с развитой системой зимовников, мы наблюдаем почти аналогичный процесс, только здесь в селения превраща-

⁴⁰ См. например, А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 131; С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Занげзурском уезде Елисаветпольской губернии, стр. 71—116; А. В. Парвицкий, Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, Тифлис, 1885, стр. 336.

⁴¹ Там же.

⁴² С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Шорагле Александропольского уезда Эриванской губернии, стр. 26.

⁴³ Пользуясь случаем, приношу свою глубокую благодарность Н. Папухяну за любезное разрешение опубликовать этот снимок.

лись и летовки, и зимовники. Насколько нам известно, на это обстоятельство впервые обратил внимание в 1880-х гг. С. П. Зелинский, отметив, что в Сюнике места летнего и зимнего содержания скота в ряде случаев становились постоянными поселениями. Он писал: «Постепенно, сперва в каком-нибудь уголке дачи, или на свободном месте, представляющем некоторые удобства для содержания скота, строят конюшни и держат там зимою или летом скот. Мало-помалу число конюшен увеличивается, и около них начинают устраивать комнатки для пастухов. Затем переходят туда на временное жительство, одни — зимой, если местность удобна для зимней пастьбы скота, другие — летом, если она представляет удобства для летней кочевки. Такие места называются бина. С увеличением хозяйственных построек, бина делается постоянным местом жительства и начинает носить какое-нибудь название, происходящее, преимущественно, от имени первого поселенца»⁴⁴. И хотя далее автор не приводит конкретных примеров образования селений на местах прежних летовок или зимовников, само указание на это имеет большое значение для изучения вопросов становления поселений в Армении.

Этнографические материалы, собранные в различных частях Тавуша, Сюника, Гугарка и других районов, показывают, что в зимовниках, устраиваемых, как правило, на лесных полянах, сооружали помещения для людей и скота. Постоянное использование одних и тех же зимовников из года в год приводило к постепенному их расширению и превращению отдельных участков лесных полян в пашни и огороды. Наличие постоянных построек способствовало тому, что часть жителей переселялась сюда не только на зиму, но и в другое время года и наряду со скотоводством занималась здесь и огородничеством, выращиванием кормовых трав, различными ремеслами, связанными с обработкой дерева, шерсти и др., т. е. скотоводческая база села становилась в известной мере и его земледельческой базой. Нередки были случаи, когда несколько семей переходило на постоянное жительство в зимовник, который таким образом становился селением.

Число семей, переселявшихся первоначально на постоянное жительство в зимовник, варьировало от 4—5 до 10—12. Впоследствии население очень быстро увеличивалось за счет прихода новых семей, а также естественного прироста. Так случилось с одним из сел Иджеванского района. История его такова: жители с. Севкар в 1830—1840 гг. имели в 20 км от села зимовник Крдеван, находившийся в пользовании нескольких групп хозяйств. Здесь, помимо скотоводства, занимались также земледелием, ремеслами, пчеловодством и др. Отдельные семьи обзавелись таким большим хозяйством, что стал возможным их переход на постоянное жительство в зимовник. В середине 1840-х гг. в зимовник переселилось 10 семей из с. Севкар. В настоящее время это с. Енокаван Иджеванского района, насчитывающее около 100 семей колхозников.

Селения Бзовдал, Ехегнат, Дзорагех (Лори-Гугарк), районный центр Азизбеков и многие другие также возникли на базе прежних зимовников. Подобные факты настолько многочисленны в Тавуше, Лори, Сюнике, Арцахе и частично в Вайоц-дзоре, что позволяют видеть в них одну из характерных особенностей армянской деревни второй половины XIX в. Поэтому эти материалы, выявленные при этнографическом изучении скотоводческого хозяйства армян, приобретают значение ценного исторического источника для исследования процесса становления поселений в прошлом.

⁴⁴ С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии, стр. 17.

Если превращение зимовников в селения характерно для ряда кавказских народов, то превращение летовок в селения, насколько нам известно, явление исключительное и непосредственно связанное как с выработавшейся практикой отгона скота на постоянные летние базы, так и высоким уровнем развития земледельческой культуры. Отсюда очевидна важность выявления связи процесса образования поселений с различными формами ведения скотоводческого хозяйства.

Различные способы ведения скотоводства оказали влияние и на утварь молочного хозяйства. Наличие в Армении основных видов сырья — глины, камня, дерева и металла — уже с древнейших времен способствовало значительному развитию ремесленного производства. В различных частях Армении развивалась именно та отрасль, для которой имелось необходимое сырье. Однако, независимо от этого, наблюдается связь утвари молочного хозяйства с практиковавшейся формой скотоводства. Так, в районах оседло-пастбищного скотоводства почти вся утварь молочного хозяйства была из глины. Здесь издавна выработана высокая техника изготовления глиняных изделий всевозможных размеров и назначения, что подтверждается также многочисленными находками керамики в различных частях Армении⁴⁵. В районах же отгонного скотоводства гораздо шире использовалась деревянная, металлическая и кожаная посуда. Там же, где отсутствовал древесный или иной материал для изготовления посуды, она приобреталась на стороне. На сезонные стоянки избегали возить глиняную посуду — как легко бьющуюся и громоздкую. И не случайно у кочевых обществ использование глиняной утвари было доведено до минимума, поскольку в условиях кочевания она была явно не надежной. Таким образом, сравнительное изучение утвари молочного хозяйства в районах бытования различных форм скотоводства позволит выявить некоторые характерные особенности материальной культуры армян рассматриваемого периода.

Формы скотоводства оказывали определенное влияние и на семейный быт. Этнографические материалы показывают, что в тех районах, где практиковалась отгонная система содержания скота, объективно создавались реальные предпосылки для сохранения больших семей, что вытекало из самого характера хозяйства армян, представлявшего собой симбиоз земледелия со скотоводством. На это обратил внимание Х. А. Ерицян: «Часть семьи оставалась в селении. Стало быть откочевки предполагали наличие многосемейности»⁴⁶. Так, в ряде селений Тавуша, Сюника, Арцаха, Вайоц-дзора и других при вымпasse скота на сезонных пастбищах один из членов семьи находился при стаде. А. Д. Ерицов отмечал, что в тавушском селении Кульпы из трех сыновей крестьянина Саака Джагинова один «предан скотоводству и редко бывает дома: летом он на эйлаге, в остальное же время в зимовнике»⁴⁷. Н. Григоров в описании быта жителей с. Татев писал: «Если в семье есть несколько братьев, то один из них (обыкновенно меньший) с женой и детьми отправляется на кочевые, где проводит все лето»⁴⁸.

⁴⁵ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, т. I—III, Ереван, 1950—1955; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 182, 292 и др.; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, Ереван, 1963, стр. 146—147.

⁴⁶ Х. А. Ерицян, Указ. раб., стр. 296.

⁴⁷ А. Д. Ерицов, Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. II, Тифлис, 1886, стр. 63.

⁴⁸ Н. Григоров, Село Татев, Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 13, 1892, стр. 87.

В ряде селений Вайоц-дзора (Ехегис, Мартирос, Гнедеваз и др.), жители которых практиковали отгон скота на сезонные пастбища, в конце XIX в. еще сохранялась такая практика раздела гердастана (большой семьи), при которой семьи двух братьев совместно поселялись для ведения комплексного хозяйства. Уход за скотом и ведение молочного хозяйства возлагались на одного брата и его семью, а полевые земледельческие работы — на семью второго брата.

Аналогичные факты в районах оседлопастбищного скотоводства, где система содержания скота делала возможным ведение всего хозяйства силами одной малой семьи, нами не засвидетельствованы.

В ряде мест с отгонной формой скотоводства, как, например, в Шираке, аналогичная практика раздела большой семьи также не получила большого распространения. Но именно здесь достиг совершенства институт «кисови», к которому прибегали не только маломощные хозяйства, но и малочисленные по своему составу семьи. Последние не могли послыпать отдельных своих членов на летовку, так как они были заняты на полевых земледельческих работах.

Этнографами отмечено, что традиции семейной общины были сильны преимущественно в горных и предгорных районах⁴⁹. Это объясняют обычно большей архаичностью всего хозяйства в указанных районах. Однако следует добавить, что значительную роль в сохранности традиций семейной общины сыграла практика отгона скота на сезонные отселки, предполагавшая переселение части семьи. Одновременное ведение земледельческого хозяйства в сочетании с отгонной формой скотоводства могло иметь место лишь при наличии многочисленной семьи, при оседлопастбищном скотоводстве это было не обязательно. Думается, именно в этом следует искать причину раздела большой семьи, при котором для ведения комплексного хозяйства совместно поселялись семьи двух братьев, что мы наблюдали в армянских селениях Вайоц-дзора. Отсюда вытекает необходимость учета особенностей хозяйства при изучении больших семей. Исследования Р. Л. Харадзе показали, что виды семейных общин в Грузии варьировали в зависимости от занятости населения⁵⁰. Р. Л. Харадзе выделяла следующие основные виды грузинской семейной общины: с преимущественно земледельческим хозяйством; с преимущественно скотоводческим хозяйством; с симбиозным хозяйством. Автор убедительно показывает, что отгонная форма скотоводства объективно способствовала сохранности больших семей⁵¹.

Кроме того, в своеобразных условиях отгонного скотоводства было меньше основания для принижения роли женщины. В историко-этнографической литературе⁵² давно было указано на высокое положение старшей в семье женщины (тантин), ведавшей всеми домашними делами и пользовавшейся большим авторитетом среди всех остальных членов семьи. Хотя в армянской семье и было безраздельное господство главы семьи, тем не менее сильны были и пережитки матриархата, нашедшие отражение в свадебных и других обычаях.

В рассматриваемое время как в самом селении, так и на летовке, на тантин было возложено ведение молочного хозяйства, игравшего значительную роль в экономике армян при отгонном скотоводстве. А положение женщины в семье, ее права и обязанности определялись, как пра-

⁴⁹ Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, Ереван, 1958, стр. 131 и др.

⁵⁰ Р. Л. Харадзе, Указ. раб., т. I.

⁵¹ Там же, стр. 41 и сл.

⁵² П. П. Надеждин, Кавказский край, Тула, 1895, стр. 142; Г. Ф. Чурсин, Армяне Зангезура, Тифлис, 1931, стр. 242—243 и др.

вило, экономическим значением ее труда. Высокое положение женщины в условиях развитого молочного хозяйства было отмечено и у ряда этнографических групп грузинского народа⁵³.

Приведенные материалы выявляют генетические связи многих элементов материальной культуры, производственного и семейного быта армян с различными способами ведения скотоводческого хозяйства, что, несомненно, указывает на большую значимость их учета при объяснении первых. Дальнейшее исследование вопросов, связанных с выявлением роли форм скотоводства в сложении тех или иных сторон быта, позволит глубже изучить многие этнографические аспекты жизни армянского народа.

S U M M A R Y

The paper shows how various elements of the material culture and everyday life of Armenians are genetically connected with different methods of animal husbandry. The Armenians of Eastern Armenia practised animal husbandry alongside with their main occupation — agriculture. Its two basic forms — on the distant and settled pastures — each had got local subtypes. The author uses ethnographic data to show the influence of various animal husbandry forms on the organization of economy (e. g. of forms of pasture utilization), on material culture (settlements, blocks of dwelling houses and other buildings both in the village and on seasonal pastures, utensils, etc). The author stresses that the true understanding of the role the various forms of the animal husbandry play in the formation of a people's everyday life is necessary for the correct interpretation of certain ethnographic phenomena.

---

⁵³ Р. Л. Харадзе, Указ. раб., стр. 152, 154, 190 и сл.; В. М. Шамшиладзе, Указ. раб., стр. 27.

В. В. Пименов

**ЧУДСКИЕ ПРЕДАНИЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР**

Одна из самых сложных проблем этнокультурной истории народов нашего европейского Севера в эпоху феодального средневековья (XII—XVII вв.) возникает при попытке восстановить черты их духовной жизни. Скудость сообщений источников побуждает отнести со вниманием к своеобразному разряду местных исторических преданий, анализ которых позволяет проникнуть (хотя бы отчасти) в мир духовных интересов и создателей и носителей на различных — подчас весьма ранних — этапах истории и почерпнуть дополнительные данные об их этнической истории.

Относительно высокий уровень развития материальной культуры, хозяйства и социальной организации, достигнутый северными аборигенными народами в рассматриваемую эпоху, сложность этнической истории обусловленная разнообразными связями этих народов (русская колонизация Севера, миграции вепсов на север и северо-восток, переселение карелов в Россию, торговля и т. д.), позволяют думать, что и духовная и культура должна была отличаться достаточно развитым характером сложным составом.

Особый интерес представляет выяснение роли вепсского народа в этнокультурном развитии указанной зоны, так как здесь, в пределах обширной северной историко-этнографической области, вепсы издавна занимали как бы центральное положение, находились на перекрестке различных взаимных влияний, имевших разные направления и неодинаковую интенсивность.

Представить себе фольклор вепсов эпохи средневековья в сколько-нибудь полном виде — при настоящем уровне изученности вепсского фольклора вообще — едва ли возможно. Конечно, основные жанры устного народного творчества (сказки, песни и проч.), известные по немногочисленным позднейшим записям, бытовали уже тогда, но в сколько-нибудь конкретном выражении проецировать наши представления о них в столь глубокое прошлое пока что слишком рискованно.

Иное дело предания. Их явственно выраженный историзм, тесная связь с этногенетическими процессами, а в ряде случаев с известными историческими событиями, устойчивость сюжетов и отдельных мотивов (что легко доказать сличением материалов, собранных за последние сто с лишним лет), наконец, большая, сравнительно с другими фольклорными жанрами, простота сюжетно-образной структуры — эти черты позволяют видеть в чудских преданиях (не следует смешивать с преданиями о чуди, которые мы рассмотрели в другом месте¹), пользуясь выражением А. В. Арциховского, своеобразное «окно в исчезнувший мир».

¹ В. В. Пименов, Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры, М.—Л., 1965, гл. III.

Задача состоит в том, чтобы верно уловить подлинное историческое содержание, заключенное в них, установить более или менее твердые пункты соприкосновения фольклорных и исторических материалов.

Среди чудских преданий четко прослеживаются три основных типа сюжетов: 1) предания о предках — первонасельниках данных местностей, 2) предания о «панах» и 3) сложные «синтетические» предания, вобравшие в себя многие черты из двух первых групп. Понятно, это — лишь самая общая систематизация. Внутри каждого из выделенных типов нетрудно заметить известное количество подтипов, выявляющих как местные особенности, так и хронологические напластования, возникшие в процессе развития сюжетов.

Очень типичный образец предания о предках-первонасельниках записан нами в деревне Щелейки, расположенной на границе современного расселения северных вепсов, и связан с названиями двух населенных пунктов — Гимреки (по-вепсски *Hiimđögi*;ср. *hiim* — «родня», «родственник», деревня находится на берегу Онежского озера) и Гакручья (в верховьях р. Свири). Предание повествует о двух братьях — Гиме и Гаке, которые в незапамятные времена поселились со своими родичами (*hiim*) первоначально на том месте, где теперь находится д. Гимрека, и занимались рыболовством и охотой. Постепенно им стало тесно жить в одном месте, и младший — Гак со своей родней ушел от брата на берег Свири, где и основал поселение, которое и по сей день называется по его имени — Гакручей. Едва ли можно сомневаться в том, что эта легенда является реминисценцией весьма далекого прошлого, когда предки прионежских вепсов еще мало занимались земледелием, а главным образом — охотой, рыболовством и собирательством. Интересно отметить, что деревня Гимрека теперь заселена почти исключительно русскими (вепсов в ней всего несколько человек), а Гакручей — только русскими. Предание же определено указывает на то, что в прошлом здесь жили вепсы, это находится в соответствии и с другими данными². Типологически очень близкое к изложенному (хотя и утратившее подробности) предание зафиксировано среди олонецких карелов-ливвиков³. Сильно обесцвеченное (но сохранившее имя героя) предание отмечено в Вытегорских Кондуших; предания того же типа распространены на очень обширной территории — они фиксированы на Каргопольщине (Валднево), на Пинеге, на Нижней Двине⁴.

Конечно, предания данного типа имеются у многих народов; но в указанном регионе они приобрели особые черты, которые следует принять во внимание. Распространение этих преданий в пределах столь широкого ареала не могло не породить известных различий в деталях, однако не только общее типологическое, но, быть может, также генетическое родство их между собою не кажется невероятным. По крайней мере четыре признака роднят их весьма прочно: 1) тесная привязанность каждого предания к определенному поселению и его названию, 2) прикрепление имени предка к патронимической группе родственных семей, населяющих ту или иную деревню, 3) то, что родство героев выступает в качестве единственной формы связи между ними, и 4) прибалтийско-финское звучание личных и собственных имен.

² Например, данными топонимики. См.: Н. И. Богданов, К исцерии вепсов, «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2, стр. 32—33.

³ П. Минорский, Олонецкие корелы и Ильинский приход, «Олонецкий сборник», вып. II, Петрозаводск, 1886, стр. 175.

⁴ См.: «Олонецкие Губернские Ведомости» (далее: ОГВ), 1883, № 4, стр. 39; ОГВ, 1892, № 46, стр. 487; П. С. Ефименко, Заволочская чудь, Архангельск, 1868, статья 1, стр. 23; там же, стр. 17 и др.

Для чрезмерной архаизации преданий данного типа нет достаточных оснований. Вряд ли верно рассматривать их как родовые предания в точном этнографическом значении термина «род». Это, скорее всего, предания, отражающие уже патронимические отношения. Большая или меньшая сохранность в них деталей, вероятно, зависит от продолжительности бытования в той или иной местности, в той или иной этнической среде, что, в свою очередь, обусловлено временем заселения этой местности чудскими группами, явившимися носителями данного фольклорного жанра, а также временем и интенсивностью славянской колонизации. Так, предание о Гиме и Гаке сохранило ряд историко-бытовых подробностей в силу, быть может, более позднего заселения вепсами юго-западного Прионежья и относительной изоляции от прямого славянского воздействия; сравнительно с ним в других местностях (Олонец, Вытегорские Кондуши и т. д.) предания сильно обесцветились. В северо-восточном районе их распространения (Пинега, Двина) на развитие преданий, вероятно, сильное влияние оказал процесс русской колонизации и ассимиляции древнего вепсского населения.

Другую разновидность чудских преданий о предках-первонасельниках составляют рассказы, в которых отразился как бы второй этап расселения и более широкого освоения территории. Наиболее полные варианты их отмечаются по соседству с исторической областью размещения вепсов, а также, разумеется, и внутри этого ареала. Характерное предание зафиксировано на северной границе расселения вепсов в Прионежье (в с. Деревянном; в прошлом — тоже вепсская деревня — Ријег — «Деревянная река»): «Местное предание говорит, что первоначально поселились здесь два крестьянина: один на месте нынешнего погоста, а другой вверх по реке, где деревня Верховье. Долго жили они, не зная друг друга. Однажды низовский житель пришел к реке за водою и увидел плывший по реке свежий веник, из чего заключил, что вверх по реке есть житель и действительно нашел соседа». Осколок аналогичного предания отмечен около Виницы на Ояти. Точно такие же предания записывались в низовьях Олонки и Видлицы, на Заонежском полуострове, на севере Карелии и в некоторых других пунктах⁵.

Сюжет их чрезвычайно устойчив. Варьируют лишь незначительные детали.

Типологическая близость обеих разновидностей преданий о предках-первонасельниках очевидна. Это дает нам право предположить, что они отражают два последовательных периода процесса заселения Обонежья и Заволочья. Ареал преданий этого типа едва ли когда-нибудь можно будет с большой точностью определить, но те данные, которыми мы теперь располагаем, позволяют очертить его приблизительно так: Обонежье, Заволочье и, возможно, Кольский полуостров. Воздерживаясь от окончательного вывода касательно этнического происхождения этих преданий (тем более, что подобные предания известны и у других народов Европы), обратим внимание на то, что, во-первых, они широко распространялись в районах прежнего местообитания летописной вепси; во-вторых, в этот ареал хорошо вписывается территория размещения документальных свидетельств о чуди-вепсах, и, в-третьих, лишь несколько шире его по очертаниям область распространения северных преданий о чуди,

⁵ См.: ОГВ, 1883, № 63, стр. 646; «Олонецкий сборник», вып. III, Петрозаводск, 1894, стр. 397; П. Минорский, Указ. раб., стр. 174; Е. М. Прилежев, К истории г. Олонца и его окрестностей, «Олонецкий сборник», вып. III, стр. 227; «Карельские народные сказки», сост. У. С. Коника, Петрозаводск, 1959, стр. 203; Н. Е. Ончуков, Северные сказки, СПб., 1909, № 207.

значительную часть которых мы уже раньше признали отражающей традицию знакомства с древней Весью.

Куда более сложен вопрос о так называемых «преданиях о панах». Трудность анализа, возникающая из более сложной структуры самих преданий, усугубляется еще весьма невысоким качеством имеющихся записей (вернее — пересказов). Сложилась прочная традиция видеть в преданиях о «панах» только отражение исторических воспоминаний народной борьбы с захватчиками и грабителями, что в местной дереволюционной краеведческой литературе получало трактовку в духе монархического «патриотизма», и оставлять в стороне следы, пусть не вполне ясные, классовых столкновений, не говоря уже о более древних мотивах, восходящих к преданиям о предках-первонаселенниках.

Исследователи, так или иначе затрагивавшие вопросы, связанные с трактовкой преданий о «панах», и в наше время мало продвинулись вперед в смысле исторического истолкования содержащегося в них материала. Как историки, так и фольклористы часто продолжают рассматривать их только в качестве отголосков «смутного времени»⁶. Между тем следует принять в расчет, что термин «паны», «панки» не должен вводить в заблуждение. Конечно, в окончательном виде он оформился под влиянием событий начала XVII столетия, но приобрел общий эпический характер как обозначение исторического противника; поэтому опираться лишь на самый термин при определении времени возникновения преданий данного типа нельзя.

Были отдельные попытки подойти к решению вопроса с точки зрения более широкой исторической перспективы. В. И. Смирнов, изучавший подобные предания, записанные в Костромской губернии, пришел к заключению, что за ними «кроются глухие обрывочные намеки и обломки воспоминаний», более древние, «нежели даже татарские погромы и смутное время», «обломки самых древних преданий о заселении края и народных героях той эпохи»⁷. В небольшой монографии К. В. Чистова⁸ впервые всерьез проделан опыт рассмотрения местных преданий, в том числе и преданий о «панах», с учетом особенностей исторического и этнического развития края. Главные выводы исследователя вполне согласуются и с нашими наблюдениями, и нам предстоит еще к ним обратиться.

Среди чудских преданий, объединенных в общий цикл по признаку упоминания в них «панов», довольно легко выделяются три разновидности сюжетов. К первой и, без сомнения, наиболее древней, относятся народные рассказы, в которых «паны» рисуются не как захватчики и разбойники, а как оседлые местные жители, обитавшие здесь искони. У них были свои постоянные жилища, о чем говорят предания, фиксированные близ Ошты и Салминского погоста; жилища «панов», по преданию, были и близ Пудожа; на Вожмосалме (Выгозеро) имелся «панский» погост⁹.

⁶ См.: В. Пегов, Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII века, Петрозаводск, 1939, стр. 32—33; И. П. Шаскольский, Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в., Петрозаводск, 1950, стр. 113—114; В. Базанов, Народная словесность Карелии, Петрозаводск, 1947, стр. 130—135.

⁷ В. И. Смирнов, Клады, паны, разбойники, «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XXVI, Кострома, 1921, стр. 41.

⁸ К. В. Чистов, Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Раххое из Рагнозера, «Славянская филология. Сборник статей», т. III (изд. Сов. комитета славистов к IV Международному съезду славистов), М., 1958, стр. 358—388.

⁹ П. Митропольский, Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губ., «Олонецкий сборник», вып. III, стр. 250 и 252; ОГВ, 1857, № 20, стр. 111, № 22, стр. 122; ОГВ, 1905, № 19, стр. 3.

Отношение к «панам» в преданиях этой разновидности отнюдь не враждебное. Напротив, «паны» в них изображаются как нечто родное, даже священное; в вепсских деревнях «паны» выступают в качестве предков, от которых произошло современное население. Г. И. Куликовским в 1890-х гг. установлено, что в с. Роксе (южнее Ошты), и теперь еще наполовину заселенном вепсами, «панов» считали как бы своими и даже устраивали по ним ежегодно общественную поминку («Киселев день»)¹⁰. В дер. Чайгиной (в бывшем Ефимовском районе Ленинградской обл., где живут южные вепсы) нами зафиксирована легенда, в одном отношении очень близкая по содержанию роксинской. Рассказывают, что давным-давно здешние жители, опасаясь военного нападения, подготовили себе убежище в земле. Однажды, услышав раскаты грома, они решили, что нападение началось и, спустившись в свое убежище, погребли себя в нем. С тех пор образовался здесь «жальник» — могильник в виде холма. На памяти рассказчика там стояла христианская часовня. В день поминовения родителей местные жители чаще всего идут не в Пелушки — на погост, а к этому «жальнику», где поминают не только родственников, но и погребенных в «жальнике» предков — «панов». В Вытегорском крае «при деревне Кудаме (ср. вепсск. kudo¹¹) — «сооружение в озере для впуска мереж во время нереста»; kudoda — «ткать» «вязать рыболовные снасти, кружева, чулки») — иначе Рахнова-гора (ср. вепсск. rahnda — «жать», rahpoi — «жнец») одиноко стоит роща в поле и в ней часовня. Народное предание говорит, что в этой роще «паны» похоронили себя вместе с детьми и сокровищами¹². В окрестностях Вытегорского же погоста «паны» оставили после себя потомство так, в дер. Нижней Кудаме и теперь есть поколение их — семейство крестьян Паньковых, прозванных так по происхождению их от «панов». По сообщению Н. Н. Харузина, в Пудожском крае, в особенности на Водлозере, «некоторые семьи считают себя потомками „панов“». В дер. Ананьево (Купецкое озеро) стояла полузысохшая сосна, на месте которой, по преданию, «была похоронена „панская сестра“, и из ее косы выросла эта сосна; „пробовали ее рубить, да не вышло“». Под сосновой молодежь устраивала «гулянки» в Петров день¹³.

Предания о «панах» вообще, а в особенности те из них, что относятся к рассматриваемой теперь первой разновидности, как правило, самым тесным образом приурочены к определенным археологическим памятникам, чаще всего — в пределах бывшей Олонецкой губернии — к курганным могильникам «приладожского типа»¹⁴. Эта связь с археологическими памятниками настолько прочна, что археологи пользуются ею как надежным признаком при отыскании новых объектов для раскопок. Так были найдены и раскопаны группы могильников в Шеменицах (В. И. Равдоникасом и А. М. Линевским), в Челмуже (Г. П. Гроздиловым) и в других пунктах.

Все отмеченные обстоятельства побуждают признать предания о «панах»-предках, «панах»-первонасельниках наиболее ранним слоем в об

¹⁰ Г. И. Куликовский, Из общинно-артельной жизни Олонецкого края, Петрозаводск, 1897, стр. 100—101; его же, Похоронные обряды Обонежского края, «Олонецкий сборник», вып. III, стр. 422; его же, Словарь областного олонецкого наречия СПб., 1898, стр. 36; ср. И. Калинин, Чудь и паны, «Живая старина», 1913, вып. I—II, стр. 146.

¹¹ Этимологию здесь и далее наши (В. П.).

¹² П. Митропольский, Указ. раб., стр. 254.

¹³ ОГВ, 1884, № 70, стр. 694; Н. Н. Харузин, Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии, «Олонецкий сборник», вып. III стр. 320 и 339.

¹⁴ ОГВ, 1866, № 37, стр. 693; 1890, № 48; 1903, № 11 и мн. др.

щем цикле преданий о «панах», восходящим к эпохе широкого бытования сказаний о предках-героях, реликтовые предания о которых рассмотрены выше. Самый термин, применяющийся, как видно, для обозначения мест захоронения героев, память о которых сохранялась и консервировалась благодаря развитому культу предков, возможно, возник задолго до того, как на севере России появились действительные «паны» — польско-литовские захватчики. Быть может, это слово, получившее в русской передаче — в результате народной этимологизации в духе представлений, возникших в «смутное время» и после него, — вид «паны», «панки», первоначально было связано с некоторыми деталями похоронного обряда аборигенного населения (ср. вепск. *panda* — «положить», финск. и карельск. *rappa* — в том же значении, вепск. *tahaapanda* — «хоронить», *tahaapanend* — «похороны», финск. — *savakot*, *taahaapanjaiset* — «похороны» и т. д.). Некоторые топонимы Обонежья (такие как «починок Панковской» в Важенском погосте или «деревня Пановская словет Киселевская за лесом» в Оштинском погосте), присутствующие в писцовой книге Андрея Лихачева 1563 г.¹⁵, не стоят, конечно, ни в какой связи с бывшим позднее польско-литовским нашествием.

Выявлению первоначального содержания и значения преданий о «панах» в большой мере могло бы способствовать установление более или менее точной топографии распространения их в пределах северных русских областей. К сожалению, мы пока что не в состоянии с достаточной точностью очертить ареал даже всего цикла предания о «панах», не говоря уже о его разновидностях или подциклах. В самом общем виде территория их размещения приурочивается в общем к северорусским районам и вырисовывается в следующих очертаниях: на западе предания местами отмечены в бывшей Псковской губернии, далее густо рассыпаны в южной и восточной частях Олонецкой, кое-где фиксированы на Кольском полуострове, отмечены в Вологодской, Костромской¹⁶ и Вятской, а также в западной части (Поонежье) Архангельской губернии. Из области распространения преданий «панского» цикла безусловно исключаются территории расселения современных народов пермской и волго-финской языковой групп. Исключаются и северные карелы, у которых, правда, имеется свой собственный цикл рассказов о борьбе с захватчиками, но в них выступают их подлинные исторические противники — шведы¹⁷. В итоге остается весьма обширная, но все же вполне обозримая территория, занятая русскими, южными карелами, вепсами и отчасти саамами — лопарями, а также — в далеком прошлом — мерей. Наличные материалы позволяют предположить, что область бытования преданий о «панах» — предках, «панах»-первонасельниках должна будет выглядеть уже. Таким образом, весь цикл преданий как будто связан с вепсской, лопарской и, возможно, мерянской культурной традицией.

Как бы то ни было, все же значительная часть преданий о «панах» принадлежит к другой разновидности, а именно к той, в которой повествование на самом деле отражает события начала XVII в. Сюжеты преданий этой второй группы более разнообразны, но по преимуществу в них рассказывается о нападениях «панов», «литвы», «разбойников» на мирные деревни местного населения. Часто предание приурочено к какому-нибудь озеру или ручью или же иной особенности ландшафта.

¹⁵ «Писцовые книги Обонежской пятини», Л., 1930, стр. 100 и 226.

¹⁶ ОГВ, 1841, 41—45, стр. 203—203; В. И. Смирнов, Указ. раб., стр. 27 и сл.; И. Калинин, Указ. раб., ср. П. С. Ефименко, Заволочская чудь, Архангельск, 1869, статья 1, стр. 11, 36.

¹⁷ П. Митропольский, Указ. раб., стр. 244; ср. ОГВ, 1875, № 63, стр. 705—706.

Местные жители иной раз справляются с «панами» при помощи хитрости, усыпив бдительность врагов, направляют их лодку в пучину водопада; в других случаях объединенные силы крестьян побеждают их в жестокой битве; наконец, не редкость и такие варианты преданий, в которых «паны» гибнут благодаря чудесному божественному вмешательству¹⁸. Интенсивность бытования преданий о «панах» в Олонецкой губернии в свое время была столь велика, что «паны» стали фигурировать и в других фольклорных жанрах. Так, они упоминаются в сказке, записанной в Заонежье («Паны наехали, стреляют, паляют, нас убивают»)¹⁹.

Многие предания рассматриваемой разновидности, видимо, отличались высокими художественными достоинствами. Судить о них, конечно, трудно, так как особенности языка и стиля этих преданий во многом безвозвратно потеряны для нас в связи с отсутствием в прошлом их записей фольклористами-профессионалами. Все же имеющиеся пересказы дают возможность составить до известной степени близкое к истине представление о поэтическом строе таких преданий. Особенно выразительны те из них, в которых главные героини — женщины. В одних рассказывается о том, как девушка, преследуемая «панами», бросилась с высокой горы в реку, в других повествуется о том, как благодаря своей находчивости девушка не только спасается сама, но и губит всех врагов. К числу последних относится широко известная в Карелии легенда о Девичьем острове²⁰.

Основу идейного содержания преданий о борьбе с «панами» в том их виде, как они дошли до нас, составляют мотивы защиты родной земли от захватчиков и насильников, патриотической борьбы за свободу народа, борьбы, которая рисуется рассказчикам как единственно справедливый способ разрешения конфликта. Недаром повествование всегда ведется в эпически спокойном духе; в преданиях постоянно подчеркиваются такие качества их героев — чаще всего безымянных,— как смелость, находчивость, готовность пожертвовать собою и своей жизнью ради победы над врагом. Сами предания, отражающие по существу местные и частные события, воспринимаются как широкие обобщения исторического подвига народов России, в том числе и вепсского народа, в борьбе за свободу Родины.

Вместе с тем трудно примириться с мыслью, будто в преданиях «панского» цикла вовсе отсутствовали мотивы внутренней социальной борьбы. Правда, предания дают сравнительно мало материала для уверенных суждений по этому вопросу. Однако не забудем, что записи их производились до известной степени тенденциозно, а интересующие нас теперь моменты —вольно или невольно — отфильтровывались с самого начала. Таким образом, наши предположения базируются на некоторых общих соображениях и косвенных данных.

Предпринятая недавно В. А. Фигаровским попытка рассмотреть заново документальные материалы, касающиеся социальных движений в России в 1614—1615 гг., привела автора к интересным выводам. В. А. Фигаровский пришел к заключению, что в эти годы имело место массовое восстание крестьян, отождествляемое с действиями грабительских банд и шаек авантюристов, проникавших из-за рубежа, неверно. Восста-

¹⁸ Н. Е. Ончуков, Северные сказки, № 232б; ОГВ, 1843, № 24; ОГВ, 1860, № 1 стр. 2; 1864, № 22; 1866, № 37; 1869, № 35, стр. 335; 1892, № 93; «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год», Петрозаводск, 1966, стр. 127—128.

¹⁹ П. Коренин, Заонежские сказки, Петрозаводск, 1918, стр. 9—10.

²⁰ «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год», стр. 117—118.

ние, по В. А. Фигаровскому, охватило весьма широкий район, населенный по преимуществу черносошным и дворцовым крестьянством, в частности, и на севере России (в Вологодском, Белозерском и соседних с ними уездах)²¹. Следовательно, исторические свидетельства, истолкованные таким способом, дают известные основания, чтобы и на материалах преданий попробовать отыскать следы того же процесса.

«Паны» преданий, как мы видели, рисовались народному сознанию не только в качестве грабителей. Образ «пана» — предка, первонасельника никак не согласуется с обликом «пана» в преданиях о грабежах, насилиях и разорениях. В этой связи возникают вопросы: не является ли такая двойственность народного представления о «панах» результатом двойственного положения самих крестьян в пору, когда откристаллизовался весь цикл «панских» преданий? Не следует ли допустить, что в обстановке напряженной национально-освободительной и классовой борьбы, реальные факты которой позднее осмыслились в форме преданий, народное сознание, с одной стороны, фиксировало и обобщало примеры действительных столкновений с врагами своей земли, а с другой стороны, живо откликалось и на вспышки социальной борьбы, для ведения которой крестьяне должны были объединяться в отряды, ватаги? Не об этом ли свидетельствует то место в роксинской легенде, где говорится об образовании «шаек» (подразумевается — из местных крестьян) с «панами» во главе? Не о сочувствии ли этим псевдо-«панам», ассоциированным в сознании с предками-первонасельниками, говорят концовки некоторых преданий, где повествуется о трагической гибели их под землей? Наконец, не является ли связь между преданиями о «панах» и легендами о разбойниках и кладах более тесной, чем ее себе обычно представляют, и не следует ли чрезвычайно положительную народную оценку разбойников — защитников угнетенных и обездоленных — в какой-то степени распространить и на определенную группу преданий о «панах»?

Все это, разумеется, только догадка, подтвердить которую по изложенным выше причинам теперь еще не представляется возможным. Однако постановка указанной проблемы, по-видимому, не является излишней.

Проследить дальнейшие пути развития исторических преданий на коренных вепсских территориях не удается: для этого мы не располагаем необходимыми данными. Но этот фольклорный цикл проявился на соседних территориях, население которых было связано с вепсами этническим родством, историческими и культурными взаимоотношениями. На основе общего чудского, в том числе и вепсского, фольклорного наследства у южных карелов, лопарей и русских (в особенности в Пудожском крае, который в прошлом также населяли вепсы) возникают сложные «синтетические» предания²², вершиной развития которых являются пудожские предания о Рахкое из Рагнозера и былина «Рахта Рагнозерский».

Подробный разбор преданий этого цикла не входит в нашу задачу, так как, во-первых, нет нужды повторять работу, успешно проделанную К. В. Чистовым, а, во-вторых, это уело бы нас слишком далеко от основной темы. Ограничимся поэтому лишь отдельными суждениями и сделаем некоторые добавления к тому, что уже установлено названным исследователем.

²¹ В. А. Фигаровский, Крестьянское восстание 1614—1615 гг., «Исторические записки», 73, 1963, стр. 194 и сл.

²² Публикацию их см.: К. В. Чистов. Материалы к изучению былины и предания о Рахкое из Рагнозера, «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. XX, 1959, стр. 122—166.

Анализ топонимических и исторических преданий приводит к мысли, что цикл «синтетических» преданий следует рассматривать не изолированно, а в тесной связи, в одной системе с преданиями предыдущих типов. Поместив этот цикл преданий, так сказать, на верхней ступеньке типологической лестницы, нетрудно заметить, что в нем сплавились, синтезировались многие мотивы и образы, присущие двум предыдущим типам. Иначе говоря, предания о первонасельниках-предках и о «панах» послужили материалом, из которого сложились сказания типа предания о Рахкое. В самом деле, он (Рахкой, иногда Курик или безымянный герой), несомненно, предок, первонасельник здешних мест; само предание о нем и образ героя тесно связаны именно с данной местностью. В легендах о Рахкое (Курике и т. п.) имеется эпизод с вениками или щепками, плывущими по реке, что воспринято из преданий о первонасельниках второй разновидности. Кроме того, Рахкой изображается в качестве борца против «панов»; источник этого мотива не нуждается в пояснении. Нетрудно отыскать и другие соответствия.

Было бы, конечно, заблуждением сводить все к обнаруженным соответствиям и на этом основании не замечать качественного своеобразия синтетических преданий типа легенды о Рахкое. (Они сложнее и по логстроению сюжета, и по своему идеиному смыслу, и по использованию художественных средств, пусть даже заимствованных из преданий, типологически более элементарных. Герой синтетических преданий отличается необыкновенной силой, в определенных обстоятельствах исчезающей у него, чем пользуются его враги, и возвращающейся к нему, что в конечном счете обеспечивает ему победу. В этих преданиях присутствуют сложные сюжеты, названные К. В. Чистовым «Рахта и неверная жена» и «Единоборство Рахты», в процессе развития которых раскрывается и изменяется с атаманом разбойников или «панов», и предательство дочери, не желающей помочь освободиться связенному герою-отцу, и помощь малолетнего сына, подавшего отцу нож, и расправа героя над врагами, изменницей-женой и предательницей-дочерью. Всего этого нет в преданиях предшествовавших более архаических типов). Но для воссоздания истории возникновения сюжета, для решения вопроса об его этническом происхождении указанные выше соответствия далеко не безразличны.

То же следует сказать и о некоторых сохранившихся преданиями этнографических реалиях. Характерно, что более сложные типы преданий как бы впитывают в себя бытовые черты, наличествующие в преданиях типологически более простых. Уже в ранних преданиях о первонасельниках-предках второй разновидности присутствуют краткие, но очень интересные характеристики жилищ. Например, низовый житель из предания об основании Видлицы «проживал... в избушке с маленьkimи окошками и черной печкой». В то же время и Рахта (Рахкой) живет в рубленой избе с высоким подклетом, куда он прячет по возвращении домой свои лыжи. Гим и Гак охотились с помощью лука и стрел. Луком же и стрелами пользуются «паны» и борцы с ними. С этой же точки зрения очень любопытны этнографические детали в предании о Рахкое из Рагнозера. Они заслуживают внимания, так как помогают уяснить вопрос о взаимоотношениях южнокарельских и русских вариантов преданий, с одной стороны, и саамских — с другой.

Большая степень близости их между собою не вызывает сомнений. Сюжетное сходство простирается вплоть до мелких деталей. Но этнографическая обстановка в карельско-русских и саамских вариантах — различная, отражающая конкретные условия бытования в этнически неодинаковой среде. Вместе с тем нетрудно заметить, что саамских этногра-

фических деталей очень немного даже в тех вариантах преданий, которые записаны от саамов, не говоря уже о карельско-русских. Действие иногда происходит в веже, изредка упоминаются олени, врага ловят с помощью петли-силка, расставленного при входе в вежу, что с известными оговорками также может восприниматься в качестве саамской этнографической черты,— вот, пожалуй, и все. Но в тех же саамских преданиях имеются явно более южные по происхождению этнографические подробности — изба с сенями, амбар и т. д. В южных же преданиях типа легенды о Рахкое из Рагнозера этнографические детали отражают отнюдь не саамский тип хозяйства, быта и культуры. На оленеводство нет даже и намека. Герои живут в рубленых избах. При них имеются бани и риги. Рахкой занимается изготовлением дровней, а не лопарских кережек. Правда, он рыболов и охотник, но по смыслу предания ясно, что для него занятие этими промыслами не исключает всего остального, что входит в общий комплекс деревенского сельскохозяйственного быта. Создается определенное впечатление заимствованности предания саамами от южных соседей. Такое впечатление, возможно, подкрепит еще и тот факт, что у саамов сюжет типа предания о Рахкое получил распространение в сказочном жанре, а у карелов-ливвиков и в Пудожском крае — в жанре исторических преданий.

Следует сказать несколько слов об именах героев преданий. В тех преданиях, где их имена присутствуют (имеем в виду синтетические предания), довольно устойчиво называются два имени — Кýрик и Рáхкой (в различных вариациях). Отметим попутно, что в саамских сюжетных аналогиях имени героя нет. Эти имена нередко приурочены к сходно звучащим топонимам (Кýрикова сельга, Кýриковское, Кýрей-мяги и т. д.; Рахковичи, Рахкойла, Рахкова гора и проч.). К. В. Чистов высказал предположение, что оба имени, возможно, связаны с названиями двух древнекарельских родов «Кýрила» («Кýрильчи» или «Кýрильцы» русских актов) и «Рокула» (в русских средневековых документах «Рóкульцы» или «Рóвкульцы»). Не отрицая вероятности такого толкования, заметим, что имя Рахкой, надо полагать, было известно не только карелам, в частности, приладожским (о чем свидетельствует сообщение Микаэля Агриколы в середине XVI в.)²³, но и вепсам: современные оятские вепсы сохранили воспоминание об этом в термине räčinrahkoi — «запечник», «домовой»; в некоторых местах слово утратило уже и это значение и стало осмысляться как «лежебока», «любящий погреться на печи». Из всего этого, по-видимому, должен следовать тот вывод, что, возможно, и имя, и предание издавна были общим достоянием очень узкой группы чудских народов, поддерживающих между собою настолько тесные культурные связи, что это нашло отражение во взаимном обмене фольклорными сюжетами.

Нам остается еще, хотя бы бегло, остановиться на вопросе о том, как соотносятся чудские предания с преданиями о чуди. Обсуждение этого вопроса полезно вести как путем сопоставительного анализа самих преданий, так и при помощи сличения областей их распространения. Разные авторы уже пробовали проводить исследования в первом аспекте, сравнивая, главным образом, предания о чуди с преданиями о «панах»²⁴. Следует, конечно, помнить, что прямые сопоставления этих двух групп

²³ К. В. Чистов, Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера, стр. 374; Д. В. Бубрих, Об одном обманчивом историческом документе, журн. «На рубеже», 1949, № 2, стр. 92—94.

²⁴ См., например, Е. В. Барсов, Об олонецких древностях, «Олонецкий сборник», вып. III, стр. 175; И. Калинин, Указ. раб., стр. 138 и 145.

преданий до некоторой степени рискованны: ведь мы часто имеем дело не с точными их записями, а с пересказами, за полную надежность которых поручиться нельзя. Следовательно, нужно, соблюдая осторожность, сравнивать лишь наиболее устойчивые элементы. Но все же и при этих условиях нетрудно заметить, что оба цикла преданий содержат как сходные, так и отличные черты.

Действительно, если обратиться к сопоставлению преданий о чуди и о «панах», то нельзя пройти мимо того несомненного факта, что и в тех и в других легко обнаружить немало совпадений в составе сюжетов. Среди них следует отметить осмысление героев в качестве предков; закапывание в землю, в результате чего будто бы возникали могильники и клады; батальные эпизоды; чудесное ослепление врагов и пр.

Однако эти совпадения отнюдь не полные и не точные. Например, изображения военных действий в подробностях сильно различаются: в преданиях о чуди они представлены весьма обобщенно, освобождены от каких-либо деталей; наоборот, в чудских преданиях о «панах» сообщается много живых деталей, даются описания военных хитростей и т. д. Имеются и другие сюжетные различия. В преданиях о чуди отсутствуют эпизоды с плывущими по реке вениками или щелками, в них нет имен героев (исключение составляет только один случай упоминания чудского военачальника Аминта), да, собственно, нет и отдельных героев, а действуют массы, группы, именуемые общим названием — чудь. В отличие от чудских преданий с их сравнительно ясно выраженным историзмом, преданиям о чуди более присущи элементы сказочности. Наконец, различны самые принципы группировки тех и других преданий в циклы, что отражает, несомненно, разницу в истории возникновения и бытования сюжетов.

Рассматривая вопрос во втором аспекте, с точки зрения топографии преданий, также нетрудно уловить черты сходства и различия, т. е. выделить территории, где и те, и другие предания бытуют одновременно, совместно, и значительные ареалы, где бытуют одни предания, но отсутствуют другие. К числу районов, где они встречены в совместном бытении, относятся территории бывшей Олонецкой губернии, в особенности ее южные и восточные уезды — Лодейнопольский, Вытегорский, Каргопольский и Пудожский, а также Тихвинская округа, Поонежье, низовья Двины, значительная часть теперешней Вологодской области и некоторые местности Костромской.

Вместе с тем совершенно ясно, что предания о чуди занимают пространства, значительно более обширные. Можно довольно твердо сказать, что там, где бытуют чудские предания, например о «панах», почти наверняка — за немногими исключениями — встретишь и предания о чуди; однако наличие в той или иной местности преданий о чуди вовсе не означает, что тут непременно будут распространены чудские предания. Иными словами, распространение того или иного типа преданий находится не в прямой, а какой-то более сложной, опосредованной зависимости друг от друга.

Объяснение этому нужно, видимо, искать в условиях сложного и многогранного процесса этнической истории ряда народов, населявших обширные пространства изучаемого района, и несомненно, что роль некоторых прибалтийско-финских народов, в частности и даже в особенностях вепсов, являлась здесь далеко не последней.

Связать все разновидности преданий о предках-первонаселенниках с каким-либо одним народом не представляется возможным, да и вряд ли такая попытка была бы оправдана. Эти ранние и наиболее простые формы преданий вырабатывались вепсами, карелами и их южными и

восточными соседями в сходных исторических условиях совместно и являются их общим достоянием. Впрочем, и среди них выделяется одна группа (варианты с плывущими вениками или щепками), локализуемая более четко, которая в пределах Северной историко-этнографической области без особых затруднений приурочивается именно к южнокарельской и вепсской территориям.

В дальнейшем развитие преданий пошло разными путями. С одной стороны, локальные, имевшие сугубо местное значение события послужили сначала поводом для возникновения преданий о «панах»-предках, затем, осложнясь мотивами социально-политических столкновений начала XVII в. — преданий о борьбе с «панами» и, наконец, сложных «синтетических» преданий типа легенды о Рахкое из Рагнозера. С другой стороны, процессы, захватившие более обширную территорию, — миграция вепсов из области их преимущественного расселения на северо-восток, в Заволочье, а затем ассимиляция их мощным колонизационным потоком русского населения — нашли отражение в русских преданиях о чуди.

Сопоставление чудских преданий о «панах» с преданиями о чуди, установление некоторых точек соприкосновения в процессе формирования этих двух циклов и вместе с тем отчетливо выраженных различий как в содержании сюжетов, так и в их размещении,— все это подсказывает весьма заманчивую идею — попытаться связать распространение преданий о «панах» с расселением и культурным воздействием самих вепсов. Основания для выдвижения такой гипотезы, как видим, имеются, но, к сожалению, вполне строго обосновать ее теперь еще невозможно. Главное затруднение видится нам в том, что ареал размещения преданий о «панах» (в особенности о «панах»-предках, «панах»-первонаселенниках) не вполне точно соответствует тем территориям, на которых в той или иной мере можно фиксировать непосредственное пребывание вепсов. Мы имеем в виду, в частности, территорию Костромской области, где в начале II тысячелетия, несомненно, обитало мерянское население и где также распространены предания о «панах», в том числе и о «панах»-предках. Хотя существование вепсско-мерянских культурных связей, хорошо заметных по археологическим данным раскопок круганов юго-восточного Приладожья и позднедьяковских городищ и могильников, и присутствие смешанной вепсско-мерянской топонимики в области, которую Д. В. Бубрих называет «южным входом в Заволочье»²⁵, как будто бы и указывают выход из затруднения, все же от окончательного суждения приходится воздержаться до тех пор, пока, во-первых, не будут получены более подробные и надежные историко-археологические свидетельства, раскрывающие характер вепсско-мерянских взаимоотношений, а, во-вторых, не будут собраны и подробно проанализированы предания о «панах» на всей территории их размещения.

Более тесно связываются с вепсами сложные «синтетические» предания типа легенды о Рахкое из Рагнозера, которые к преданиям о чуди имеют уже совсем слабое касательство. Область их размещения невелика и очерчивается достаточно четко. Бытование этих преданий в прошлом также и у вепсов, как сказано, очень вероятно. Косвенное тому подтверждение можно видеть в распространении текстуально совпадающих вариантов среди карелов-людиков и ливвиков, этнокультурное родство которых с вепсами не требует дополнительных доказательств, и

²⁵ Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск, 1947, стр. 28.

русского населения Пудожского края, ассимилировавшего прежде живших здесь вепсов.

К. В. Чистов, исследуя историю данного сюжета, наметил два возможных решения вопроса об его этнических корнях: либо он возник на древнелопарской этнической почве и заимствован древними вепсами в процессе ассимиляции лопарей, либо же он является вепсским, и саамы восприняли его от древних вепсов в результате контактов, несомненно, имевших место²⁶. Ясно, что при прочих равных условиях присутствие в саамских преданиях южных этнографических подробностей представляет собою немаловажный аргумент, побуждающий нас отдать предпочтение второму предположению.

Итак, изучение чудских преданий — теперь мы можем сказать, что в определенной мере они должны считаться также и вепсскими, — приводит к заключению, что история их возникновения и бытования оказывается на поверку куда более сложной, чем это представлялось прежним исследователям. Она предстает перед нами как своеобразное фольклорное отражение этногенетических процессов, происходивших в IX—XIV и XV—XVIII вв. в Прионежье, Приладожье и в Заволочье.

SUMMARY

Tchud' traditional legends (not to be confused with Russian legends about the Tchud') are known to northern Russians, the Vepses, the southern Karelians and the Lapps. These legends may be classed under three categories: legends about ancestors who first settled the territory, legends about «*pans*», and «synthetic» legends. The legends about ancestors appear to be the earliest. Their ethnic nature is hard to define but they are probably linked with Veps and south Karelian environment. Within the second group — legends about «*pans*» — two strata may be distinguished. The earlier stratum includes legends where *pans* appear in the role of honoured ancestors. The later stratum contains legends about the struggle against «*pans*» as invaders (an echo of events in the beginning of the XVII century — the «Troubled Times»). Both those kinds of legends are probably connected with the Karel-Veps and perhaps also with Meria cultural traditions. Tchud' legends reach their highest development in the cycle of synthetic tales (i. e. the legend of Rahkoi from the Ragno Lake) which must be considered predominantly Veps in their origin. Thus Tchud' legends contain material which may be of importance for investigating ethnic history within the North European historical ethnographical region.

---

²⁶ К. В. Чистов, Былиназ..., стр. 377.

В. В. Гинзбург

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ РАСОГЕНЕЗА И ЭТНОГЕНЕЗА¹

Расогенез и этногенез представляют собой две взаимосвязанные стороны развития человечества, вытекающие из его биологической и социальной сущности. Человечество, которое благодаря общественному труду все больше осваивает природу, все больше подчиняет ее себе, продолжает тем не менее оставаться частью природы.

Однако биологическое развитие человечества существенно отличается от развития животных. У животных оно протекает по законам эволюции органического мира, которые в общей форме сформулировал Ч. Дарвин — наследственности, изменчивости и естественного отбора. Последний является ведущим фактором видообразования у животных, закрепляя адаптивные признаки в популяции. В развитии человечества, в результате все более активного отношения к условиям существования, основной фактор в эволюции животного мира — естественный отбор — все больше терял свое значение. Но и в той мере, в какой селективный процесс продолжал и продолжает действовать, он характеризуется либо непосредственным приспособлением биологических свойств к социальной среде, либо, если дело идет о приспособлении к географическим факторам, через посредство социальной среды.

Общая тенденция социального развития человечества проявляется в уменьшении изолированности и усиливающемся смешении.

Общественно объединенные коллективы людей на первых порах строятся по непосредственному кровному родству. Впоследствии возникают этнические общности разных степеней (в зависимости от развития производственных отношений): племена, союзы племен, народности. На капиталистической стадии развития общества возникают нации.

Эти формы общественных объединений в значительной мере определяют пути образования коллективов, характеризующихся наследственно обусловленной совокупностью биологических признаков, проявляющихся как в морфологических особенностях, так и в иммунно-биологических свойствах организмов. Такие коллективы и составляют расы человечества, изучаемые отраслью антропологической науки, которая называется этнической антропологией или расоведением.

Расы человека и другие группы расовой систематики являются биологическими сущностями (категориями) и изучаются биологическими методами. Однако пути их формирования определяются историческими (социальными) факторами.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Международном антропологическом симпозиуме, посвященном вопросам развития древнего и современного человечества. Симпозиум был организован Биологическим отделением и Антропологическим комитетом Венгерской Академии наук в Будапеште 10—12 октября 1967 г. Из советских антропологов в семинаре принимали участие В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова.

Антропологическая характеристика этнических групп отражает историю их формирования. Поэтому изучение антропологического состава этнических групп может способствовать пониманию условий их развития. Изменение физического типа может свидетельствовать о приходе другой этнической группы, иногда издалека. Об исторических событиях может свидетельствовать и смешение рас, отмечаемое на определенной территории в каком-либо историческом периоде.

На арене истории выступают этнические объединения разного масштаба — племена, народы, нации, занимающие определенную территорию и имеющие определенные антропологические характеристики. Стабильность, или, наоборот, изменение этих характеристик отражают историю этнических групп. В этом случае антропологические данные и выступают как исторический источник, наряду с данными археологии, этнографии и лингвистики, которые взаимно дополняют друг друга.

Язык и культура могут распространяться и независимо от антропологических типов, но антропологические типы обычно не распространяются без культуры и языка². Поэтому, распространение антропологического типа на определенной территории отражает какие-то этноисторические процессы.

Советские антропологи уделили много внимания вопросам использования антропологических данных при решении вопросов этногенеза.

Привлечение данных антропологии к изучению этногенеза особенно плодотворно в условиях неполноты или отсутствия исторических, этнографических и лингвистических источников. Привлечение антропологических данных к изучению этногенеза в зонах соприкосновения больших рас, таких как Западная Сибирь, Средняя Азия, Южная Азия, северная Африка и др. особенно эффективно, так как здесь различия между компонентами выступают более отчетливо. При этом нужно учитывать эпохальные изменения физических признаков, количественные соотношения смешивающихся групп, различия в демографических процессах у народов, различающихся по своим антропологическим свойствам и т. п.

Положение о ведущей роли социальных факторов является основным в антропологии. Его игнорирование ведет к построению теорий, иногда весьма далеких от науки.

Этническая общность — это социальное объединение, сложившееся на определенной территории и характеризующееся языком, культурой психическим складом и т. п. Понятие этнической общности является предметом обсуждения. По мнению Н. Н. Чебоксарова³, этническими общностями могут быть исторически сложившиеся социальные коллективы внутри народа — этнографические группы, которые могут быть г очень большими, например южные и северные великоруссы в составе русского народа. Но этническая общность может быть единицей порядка большего, чем народ, образуя близкую по языку и культуре группу народов, которой Н. Н. Чебоксаров дает название этнолингвистической общности. К такой относятся, например, восточные славяне — русские украинцы и белоруссы.

Группировка этнических общностей может производиться по разным принципам.

М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров⁴ разработали понятие «историко-этнографической» (или «историко-культурной») области — территории,

² Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, «Сов. этнография», 1952, № 1.

³ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4.

⁴ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность. Характерные особенности и границы историко-этнографических областей не остаются неизменными. Но на каждом конкретном отрезке времени они представляют определенную реальность. В качестве примера авторы приводят народы Сибири. Там выделяются следующие историко-этнографические области: ямало-таймырская, западносибирская, алтае-саянская, восточносибирская, камчатско-чукотская и амуро- сахалинская. У народов каждой из этих областей можно обнаружить некоторые культурные особенности, не всегда связанные с определенными хозяйствственно-культурными типами, но говорящие о существовании длительных и тесных исторических связей.

Другой формой общности являются хозяйствственно-культурные типы, под которыми М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров понимают исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, на определенном уровне их социально-экономического развития.

Следовательно, на одинаковом уровне развития производительных сил в сходных географических условиях один и тот же хозяйствственно-культурный тип может сложиться независимо у разных народов в разных, даже удаленных друг от друга областях. В качестве примеров эти авторы приводят хозяйствственно-культурные типы на территории Сибири: арктических охотников и рыболовов, речных рыболовов, таежных охотников-оленеводов, оленеводов тундры. Сходный тип хозяйства сформировался у разных народов, иногда территориально удаленных.

Культурно-хозяйственные и историко-этнографические области могут быть выделены и по археологическим данным. Так, распространение культуры крашеной керамики на обширной территории Европы и Азии не связано с какой-то определенной историко-этнографической общностью. Такие культуры, как трипольская, анауская, яншо — представляют близкие культурно-хозяйственные типы, развившиеся в разных историко-этнографических областях. Примером историко-этнографической общности является сформировавшаяся на обширной территории Южной Сибири, Казахстана и Южного Приаралья андроновская культура.

Антрапологические типы, отражающие родство групп, часто совпадают с историко-этнографическими областями. Так, в западносибирской области развелся уральский антропологический тип, в алтае-саянской области — центральноазиатский, в восточносибирской области — байкальский, в амурской области — амуро-сахалинский, в камчатско-чукотской области — арктический тип.

Примерами историко-этнографических областей в Средней Азии являются области к западу от Аму-Дарьи, между Аму- и Сыр-Дарьей и к северо-востоку от последней, где основными антропологическими типами соответственно являются средиземноморский, тип Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганский) и южносибирский.

На примере Средней Азии можно видеть, каким образом история народа отражается в его физическом типе. Результаты палеоантропологических исследований показали, что восточная ветвьprotoевропейской расы, представленная так называемым андроновским типом, дала, с одной стороны, более грацилизированную форму в виде типа Среднеазиатского междуречья, с другой — путем смешения с монгольской расой — образовала южносибирский антропологический тип. В формировании

физического типа населения Среднеазиатского междуречья принял участие и средиземноморский расовый тип, который в эпоху бронзы был распространен шире, чем в настоящее время, будучи характерен для древнего земледельческого населения Средней Азии.

В формировании узбекского народа основную роль играло древнее ираноязычное население, которое приняло тюркский язык, а затем и свое нынешнее этническое имя. В развитии казахского и киргизского народов известную роль играли не только пришлые тюркские, но и более древние местные этнические группы. Исторические судьбы этих народов очень ясно отражаются в их физическом типе. Можно утверждать, что доля центральноазиатского компонента всего больше у киргизов, затем идут казахи, затем узбеки с родовыми делениями и, наконец, узбеки без родовых делений, которые уже мало отличаются от таджиков.

Данные истории и этнографии способствуют решению вопросов расогенеза, указывая на обстоятельства формирования физических характеристик этнических общностей. В этом отношении представляет интерес изучение антропологических особенностей таких групп, пути образования которых хорошо известны, как например, американцы США, кубинцы и др.

На основании изучения таких групп мы можем судить и о путях формирования физического типа тех этнических общностей, история которых известна в недостаточной мере.

Изучению путей расообразования уделяется много внимания в теоретической антропологии. В Советском Союзе этими вопросами занимались В. В. Бунак, А. И. Ярхо, Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, В. П. Алексеев и др.⁵.

При расовом анализе каждой конкретной этнической группы нужно стремиться учесть пути (модусы, по терминологии В. П. Алексеева) ее расогенеза, которые вытекают из ее исторического развития. На ранних стадиях формирования современного человека реакция его организма на воздействие внешней среды резче проявлялась в развитии функциональных особенностей частей тела пограничных со средой (кожи и др.). В разных условиях среды в организме вырабатываются определенные иммуно-биологические свойства, улучшающие и регулирующие его обмен веществ и т. п. С этим связаны как процессы акклиматизации, так и приспособления организма к условиям систематической трудовой деятельности и к жизни в социальной среде.

Развитие производительных сил и производственных отношений, определяя и изменяя для человечества условия внешней среды, создавая искусственную среду разной степени благоприятности, в которой реализуются адаптивные и генетические процессы — влияют на природу самого человека. Последняя все меньше зависит от природных, а больше от общественных условий, и от степени изолированности той или иной этнической или социальной группы. В расообразовании отдельных этнических групп современного человечества значительную роль играют подчиненные истории их формирования генетико-автоматические процессы.

⁵ В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1; А. И. Ярхо, О некоторых вопросах расового анализа, «Антропологический журнал», 1934, № 3; Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4; его же, О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида, «Сов. этнография», 1961, № 2; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Антропология, М., 1963; Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 16, 1951; В. П. Алексеев, Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков, «Сов. этнография», 1967, № 1.

С общими принципами связаны методы изучения истории формирования физических характеристик этнических общностей, называемые иногда методами и принципами расового анализа.

Этническая общность, с биологической точки зрения, — популяция, характеризующаяся определенным генным составом. В зависимости от исторических условий формирования популяции различаются и свойства ее генофонда. В условиях изоляции образуется устойчивое сочетание генов, что создает однородный расовый тип независимо от того, насколько различны были физические характеристики предков этой популяции. Но если смешение зашло недалеко, то это приводит к существованию в одной этнической общности разных расовых типов, которые выявляются при антропологическом анализе.

В ходе изучения путей формирования физических свойств популяции наиболее дискуссионным является вопрос о роли сочетаний признаков, наблюдавшихся у отдельных особей.

Популяционистское направление в расоведении отрицает целесообразность изучения таких сочетаний, считает их случайными и не видит в них проявления сочетаний средних величин, свойственных исходным элементам, вошедшим в состав данной популяции. Отсюда — основным методом анализа является математический, причем математика служит не для количественной характеристики искомых биологических или исторических закономерностей, а считается основным методом обнаружения этих закономерностей, вытесняя биологический и исторический анализ условными эмпирическими формулами.

В противоположность популяционистской концепции крайняя степень типологического направления в расоведении исходит из признания однофакторной наследственности цельных расовых комплексов. Задачу изучения популяции крайние типологисты также сводят к выделению в ней различных расовых элементов, которые укладывались бы в математические выражения, включающие в себе заранее определенное количество расовых элементов и их комплексов. Но, преувеличивая значение индивидуальных комплексов, они недоучитывают возможность независимого наследования, вследствие чего сочетания отдельных признаков перекрывают пределы их изменчивости у разных расовых типов.

Основное положение генетики — возможность независимого наследования расовых признаков, которые, как и обуславливающие их факторы, могут образовывать различные сочетания. При этом как правило не нарушаются основные анатомо-физиологические свойства человеческого организма, но создается большая вариабельность физического типа отдельных особей, еще более усиливающаяся количественными градациями выраженности каждой особенности, которые могут быть и фенотипическими, связанными с условиями среды.

Однако лежащий в основе генетики принцип независимости наследования отдельных расовых признаков, как и обуславливающих их факторов, не исключает комплексную передачу их по наследству. Именно этим путем создаются условия длительного сохранения расового типа, выявляющегося не только в сочетании разбросанных у разных особей признаков, но и в значительном количестве определенных индивидуальных сочетаний, создающих расовое сходство отдельных особей. Генетически комплексное наследование признаков может явиться результатом сцепления генов или их плейотропным действием.

Мы не можем сказать, почему у данного индивидуума оказалось то или иное сочетание отдельных признаков. Это сочетание может образоваться в результате смешения на протяжении ряда поколений, но может

также явиться следствием неясных пока процессов, так называемых эпохальных изменений. Мы не можем сказать, являются ли индивидуумы, различающиеся по своим физическим свойствам, представителями вошедших в состав популяции разных рас или вариантами одной расы.

Средняя совокупность признаков, выраженная в статистических параметрах, не дает оснований судить о том, образовалась ли данная популяция в результате автохтонного развития, или в процессе смешения в прошлом двух или большего количества популяций, различавшихся по физическим свойствам, или, наконец, в результате смешения в данном поколении. Характеристика популяции по средним данным, независимо от того, сконцентрированы ли комплексы признаков у отдельных индивидуумов, или рассеяны в разнообразных сочетаниях, может быть допустима при историческом анализе ее происхождения.

В каждую популяцию может входить некоторое количество особей, не связанных с ней генетически. Это может быть следствием вступления в брак с лицами из другой этнической группы, усыновления, принятия в род и т. п. Такие случаи, количество которых в ходе исторического развития человечества все возрастает, приводят к тому, что популяции становятся генетически все более разнородными. Такие популяции характерны для областей или стран с быстро растущим населением, для вновь создаваемых городов в связи с освоением новых промышленных и земледельческих районов и т. п. В этих случаях особенно ясно выступает расообразующая роль социальных совокупностей. В зависимости от исторических условий формирования популяции различными оказываются задачи и методические приемы их антропологического исследования.

Физические характеристики популяций, основанные на средних величинах, могут отражать различные свойства этих популяций. Нередко в исследуемой группе преобладает определенный расовый тип особей, индивидуальные сочетания признаков которых близки к характеристике, получаемой по сочетанию средних величин. Иногда же сочетания признаков у индивидуумов весьма далеки от средних характеристик. В этих случаях разные особи являются представителями разных рас или же сочетают черты двух или нескольких больших рас и их более дробных подразделений. Морфологическая характеристика отдельных особей, учитывающая, конечно, возможность широкого размаха индивидуальной изменчивости, играет в этих случаях важную роль в формировании наших представлений о расовых компонентах популяции, так как индивидуальный тип отражает генные комплексы, которые у человека мы пока непосредственно учесть не можем.

В свете изложенных данных обе крайние точки зрения на принцип расового анализа односторонни. По всей вероятности, сочетания признаков могут наследоваться как совместно, так и расщепляясь, образуя новые сочетания.

Сопоставление средних величин разных популяций во многих случаях может дать представление о степени их взаимного сходства и близости к какому-либо определенному антропологическому типу. Однако, если отдельные особи характеризуются сочетаниями признаков, свойственных различным расам, то сопоставление средних величин может привести к ошибочным выводам. Вот почему в расовом анализе важно сочетать изучение средних величин тех или иных признаков с индивидуальными характеристиками отдельных особей.

Изучение индивидуальных особенностей очень важно при работе с палеоантропологическим материалом, когда в распоряжении исследо-

вателя имеется небольшое число черепов (иногда даже один — два). В этих случаях типологический анализ в сопоставлении со средними характеристиками других серий, является почти единственным методом их изучения.

Необходимым условием для типологического определения является разграничение систематических категорий: больших рас или стволов человечества и их более дробных подразделений. Представление о таксономической неравнозначности расовых признаков (которое нельзя смешивать с расистским принципом неравноценности рас) лежит в основе расового анализа в советской антропологической школе (А. И. Ярхо и другие).

Установление принципов разграничения признаков представляет иногда известную трудность, особенно на черепах, даже при определении больших рас. Например, большая высота или ширина лица, которая считалась характерной для монголоидной расы, иногда отмечается и в европеоидных сериях, в которых трудно предположить возможность монголоидной примеси. Еще больше трудностей возникает при более детальном анализе, когда желательно дифференцировать мелкие подразделения большой расы.

Индивидуальный анализ часто позволяет выделить сочетания признаков, соответствующие средним характеристикам групп, заведомо принимавших участие в формировании изучаемой популяции. Определение доли таких особей может способствовать уточнению исторических обстоятельств формирования группы. Что же касается сочетаний признаков, не имеющих, по выражению А. И. Ярхо, типологического значения, т. е. не соответствующих средним характеристикам определенных расовых типов, то они могут иметь локальный характер и не обязательно должны рассматриваться как представители исходных компонентов. Всегда нужно при этом сочетать морфологический анализ со статистическим, учитывая возможность широких индивидуальных вариаций, в том числе связанных и с влияниями среды.

Исторические данные могут до известной степени подсказать, можно ли при антропологическом изучении популяции ограничиться средними статистическими параметрами, или необходимо произвести разложение популяции на ее составные элементы.

Совокупность средних величин и характер их изменчивости могут служить для характеристики физического типа популяции лишь в том случае, когда отдельные индивидуумы в значительной степени сходны по ряду признаков. Такие данные получатся при длительном изолированном существовании популяции даже в случаях смешанного ее состава, что иногда документируется исторически. Мы не можем сказать, являются ли крайние члены вариационного ряда индивидуальными отклонениями или следствием примеси, ибо вариабельность признаков, потерявших адаптивное значение, очень велика.

В отдельных случаях физические признаки особи могут соответствовать средней обобщенной характеристике данной популяции. Чем таких случаев больше, тем группа более однородна. При оценке значения индивидуальных свойств нужно исходить из географического распространения, исторических условий во всем их разнообразии (мирные контакты, завоевания, миграции и др.). Это дает право при антропологическом изучении популяций оперировать не только средними статистическими параметрами и размахом вариаций, но и свойствами отдельных индивидуумов. Изучение индивидуальных особенностей также должно подчиняться принципу таксономической неравнозначности признаков и учитывать соотношение этих особенностей со средними характеристи-

ками тех групп, которые входили или могли войти в состав исследуемой популяции. При этом нельзя забывать и о возможности конвергентного развития, как у целой популяции, так и у отдельных индивидуумов. Нельзя забывать и о значительной индивидуальной вариабельности отдельных признаков.

Типологический анализ не подразумевает передачи одним или двумя генами комплекса признаков, характеризующего расовый тип. Типологические методы анализа, которыми широко пользуются в биологии и антропологии, не сводятся к методам «типологической школы» Я. Чекановского, ошибки которой были вскрыты в специально посвященных этой школе статьях⁶.

Метод диагностических ключей, служащих для определения расового типа, может быть полезным приемом расового анализа. Но, при составлении расоводиагностического ключа для антропологических целей сразу же появляется много затруднений. Отдельные признаки и некоторые их сочетания свойственны разным расам, даже весьма отдаленным. Признавая необходимость диагностических ключей в расовой систематике, мы не можем относиться к ним так же формально, как в ботанике или зоологии, где речь идет о систематических категориях более высокого порядка, признаки которых большей частью хорошо очерчены. К этому надо добавить, что не существует общепризнанной классификации рас. Поэтому предложенные ключи для расовой диагностики отражают взгляды и методы определенной школы, иногда спорные. Формальное использование таких ключей, без учета исторических и географических моментов в развитии изучаемой этнической группы, может привести к ошибочным выводам о присутствии в изучаемой популяции элементов, никогда в действительности не входивших в ее состав.

Формальное использование некоторого количества признаков (обычно всего нескольких) для всех расовых типов человечества может исказить представление о расовом составе популяции и ее генезисе, что заставляет настороженно относиться к методу ключей. Практически многие антропологи, определяя расовый состав популяции, в пределах своего опыта интуитивно пользуются схематическим ключом, дифференцируя в первую очередь большие расы и переходя затем к более мелким таксономическим категориям. При этом сложные математические методы расового анализа популяции далеко не всегда дают больше, чем простые приемы статистики для количественного уточнения наблюдений.

При сравнительной оценке близости популяций или отдельных индивидуумов по нескольким признакам далеко не всегда учитывается их таксономическая неравнозначность. Это слабая сторона «коэффициента расоводиагностического признака», может быть, обозначая ее определение слабая сторона количественного учета «расовых элементов» как у отдельных индивидуумов, так и в целых популяциях.

При количественной оценке расовых элементов у отдельных индивидуумов, необходимо учитывать таксономическую значимость каждого расоводиагностического признака, может быть обозначая ее определенным коэффициентом значимости. Тогда суммарный «коэффициент расового сходства» в любой форме станет более показательным.

Конечно, такие коэффициенты таксономической значимости отдельных расоводиагностических признаков должны быть разработаны для каждой таксономической категории, и дело это не простое. Некоторые

⁶ Г. Ф. Дебец, Методы расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы, «Сов. этнография», 1959, № 3; В. П. Алексеев, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые замечания по поводу методов расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы, «Сов. этнография», 1962, № 4.

шаги в этом направлении были сделаны Г. Ф. Дебецом, И. М. Золотаревой⁷ и другими. Пока же к количественному учету «элементов» разных рас в популяции и, тем более, у отдельных индивидуумов, нужно относиться с большой осторожностью.

В расовом анализе полезны разные методики как генерализирующие, так и индивидуализирующие. При малом количестве индивидуумов, что особенно часто бывает при изучении черепов древнего населения, индивидуализирующий метод является основным. Принцип таксономической неравнозначности отдельных расовых признаков остается незыблемым при всех методах расового анализа.

Методики исследования в значительной степени отражают наше понимание расы, и дело не столько в акценте на индивидуализирующем или генерализирующем методы анализа материала, сколько в принципиальном понимании расы. При таком подходе к расовому анализу каждой конкретной популяции, генерализирующий и индивидуализирующий методы могут взаимно дополнить друг друга.

Исходя из основного положения, что расогенез отражает историческое развитие этнических групп, и отречившись от крайностей типологического и популяционистского методов, антропологи, изучая расовый состав этнических общностей, могут участвовать в решении вопросов их этногенеза. При этом нередко за антропологами остается решающее слово.

SUMMARY

The study of the distribution of anthropological types in time and space may be of use in studying the history of peoples, since the course of the formation of anthropological types is determined by historical (social) causes.

In studies of anthropological type formation the most controversial question is that of the role of physical characteristics of individuals.

The typological school of anthropology is based chiefly on the study of individual characteristics. The populational school utterly denies the significance of such characteristics. The author rejects the extremes of both schools and considers that the physical features of individuals should be taken into account as well as statistical methods of analyzing populations.

⁷ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 17, М., 1951; И. М. Золотарёва, Соматологические исследования в Ферганской долине, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М., 1956.

Ш. А. Богина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ

Этническая история американской нации ставит ряд вопросов, имеющих значение для понимания этнических процессов у других народов. Разнохарактерность истоков этой нации иммигрантов известна. Процессы ассимиляции, которым подвергались и подвергаются ее этнические элементы, чрезвычайно характерны для переселенческих стран. Эти процессы и рассматриваются в настоящей статье, причем основой их, как представляется, следует считать включение иммигрантов в экономическую и социальную структуру принимающей страны. Для его характеристики употреблен термин «структурная ассимиляция». Эта ассимиляция обусловливает все другие виды ассимиляции — культурную, языковую и т. д.— и даже смешанные браки.

Далее рассматриваются также некоторые условия, способствующие и препятствующие ассимиляции. Исчерпывающее освещение всей этой проблемы в одной статье, разумеется, невозможно. Представляется вероятным, что главное условие — позиция принимающего общества: дискриминация со стороны окружающего населения тормозит ассимиляцию иммигрантов, положительное отношение с его стороны стимулирует ее.

* * *

Периодом возникновения американской нации можно считать конец XVIII в., а кульминационным пунктом этого процесса первую американскую революцию — войну за независимость — и образование американского национального государства. Разумеется, предпосылки единой нации — в общественной жизни, в психологии и идеологии — создавались на протяжении ряда предшествовавших десятилетий¹. Но, тогда сформировалось только ядро нации. Дальнейшее ее этническое развитие шло стремительно и неравномерно, причем на каждом этапе оно было подчинено общему социально-экономическому развитию страны и своеобразно переплеталось с ним².

До гражданской войны 1861—1865 гг. страна резко делилась на две части: Север и Юг. В обеих частях страны обитали коренные жители Америки, принадлежавшие к разным индейским народам. Они резко отличались от численно преобладавшего пришлого населения как в этническом, так и в социально-экономическом отношении, но в некоторой степени с ним смешивались. На Севере и Юге складывались различные, хотя и связанные между собой, хозяйствственные системы (по выражению Маркса, «система рабства и система свободного труда»)³,

¹ См. А. В. Ефимов, Очерки истории США, М., 1958, стр. 81—85.

² Общий очерк этнического развития американской нации дан в труде «Народы Америки», т. 1. (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1959.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 355.

различный культурный и бытовой уклад жизни, разное по социальной структуре и этническому составу население.

Север был районом растущего капитализма, почти не отягощенного феодальными пережитками. Население его отличалось этническим разнообразием с самого начала колонизации. Известно, что на территории современных США основали в свое время колонии и Голландия, и Швеция, и Франция, и Испания, и Россия. В каждой колонии селились не только подданные соответствующей метрополии, но и выходцы из других европейских стран. В конце концов англичане возобладали в Америке политически, а также в культурном и этническом отношениях. Соединенные Штаты вышли из войны за независимость англоязычной страной, наследницей английской культуры, которая, впрочем, в американских условиях успела видоизмениться и впитать в себя элементы иных этнических культур.

До завершения наполеоновских войн и последней англо-американской войны эмиграция из Европы в США была относительно слаба. Молодая американская нация успела консолидироваться в своем прежнем этническом составе.

* * *

Со второго десятилетия XIX в. более ста лет Америка принимала все возраставшую массу иммигрантов, преимущественно из Европы. Иммиграция имела колоссальное значение для всего развития США. В непосредственно экономическом смысле она прежде всего дала стране рабочую силу, без которой было бы немыслимо ее быстрое хозяйственное развитие. Иммигранты XIX—XX столетий и их потомки и составляют, собственно говоря, большую часть американского населения. В интересующем же нас здесь смысле иммиграция представляла собою главный механизм этнического складывания американской нации. В разные периоды она вливала в население США массы людей той или иной национальной принадлежности. Взаимодействие этих национальных групп с прежним населением и между собою, судьбы их потомков, их социальная и культурная ассимиляция, физическое смешение разных этнических элементов — в этом основа этнической истории американской нации.

При всем культурном и этническом своеобразии каждой иммигантской группы и ее судьбы в Америке главное в процессе ассимиляции всех иммигрантов следует искать в их участии в хозяйстве и социальной жизни принявшего их американского общества. Такую ассимиляцию можно было бы назвать структурной. Характер ее определяется главным образом строением и потребностями принимающего общества и только во вторую очередь социальной природой иммигрантов.

На всех этапах истории американской иммиграции большинство переселенцев использовалось в США как рабочие — в промышленности, на транспорте, в строительстве и т. д. При этом их уделом чаще всего бывала работа тяжелая, малоквалифицированная и низкооплачиваемая. Эти черты характерны и для других переселенческих стран.

Значительно меньшая часть иммигрантов уходила в американское сельское хозяйство — приобретала фермы. Наемный труд в сельском хозяйстве Севера применялся относительно мало, и неимущие иммигранты редко могли найти там постоянную работу. На покупку же фермы, даже при относительной дешевизне земли в Америке, нужны были средства, которыми располагало только меньшинство⁴.

⁴ См. Н. Н. Болховитинов, О роли «подвижной границы» в истории США. «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 66—68.

Американское хозяйство нуждалось также в квалифицированных рабочих и технических специалистах, которые переносили в США европейский технический опыт. И этот слой давала ему иммиграция. Такова была отличительная черта английской иммиграции⁵, в значительно меньшей степени — немецкой.

Это подводит нас к другой стороне процесса. С чем приезжали иммигранты в Америку? Вернее, что представляли собой европейские эмигранты? Для полного понимания хода и результатов ассимиляции иммигрантов нужно исследование всего миграционного процесса, начиная с причин и особенностей эмиграции. Это, разумеется, сложная задача, требующая изучения страны эмиграции⁶.

Среди немецких иммигрантов XIX в., особенно уроженцев юго-западной Германии, было немало крестьян и ремесленников из сельских областей, которые, продав на месте свои хозяйства, получали деньги на переезд и на покупку фермы за океаном⁷. Имела такую возможность и часть переселенцев из Скандинавских стран. Завести в Америке ферму — такова была мечта чуть ли не большинства эмигрантов, по крайней мере в XIX в., но осуществилась она лишь для малой их части. Впрочем, и американские рабочие лелеяли ту же мечту (о чем свидетельствуют хотя бы документы ранних рабочих организаций США)⁸. Но лишь немногие смогли ее реализовать. Иммигантская психология породила, видимо, в литературе ложное мнение, будто иммигранты XIX в. в большинстве стали фермерами, и в ряде общесторических работ эта версия распространена до сих пор. В действительности же главная экономическая роль иммиграции и тогда заключалась в снабжении капиталистического хозяйства Америки рабочей силой, а большая часть иммигрантов включалась в американский рабочий класс.

В этой общей картине выделяются, однако разнообразные составные части. Одна иммигантская группа отличалась от другой своим положением в американском обществе, социальным и даже профессиональным. Это зависело главным образом от ее европейского прошлого. Так, часть немцев, как говорилось выше, становилась фермерами. В немецкой группе выделялся также слой квалифицированных рабочих и ремесленников, причем определенных профессий. Нью-Йорк имел, например, многочисленную и организованную группу немецких швейников.

Самой многочисленной иммигантской группой середины XIX в. были ирландцы. Накануне гражданской войны они вместе с немцами составляли более 70% всех иммигрантов⁹. Разоренные и обнищавшие, бывшие на родине мелкими крестьянами-арендаторами, ирландцы попадали в самые низшие слои американского общества. Землекопы, строители железных дорог, чернорабочие, домашняя прислуга — таковы были ирландские «специальности». Если на иммиграцию вообще американское буржуазное общество глядело сверху вниз, с пренебрежением и даже враждой, то к ирландцам оно относилось с презрением. Этническое начало и объективно и субъективно переплеталось здесь с классовым.

⁵ См. R. T. Berthoff, *British immigrants in industrial America, 1790—1950*, Cambridge, Mass., 1953.

⁶ Весь миграционный цикл изучался в работах, например, M. L. Hansen, *The Atlantic migration*, Cambridge, Mass., 1946; Th. C. Blegen, *Norwegian migration to America*. Northfield, Minnesota, 1931—1940; W. I. Thomas and F. Znaniecki, *The Polish peasant in Europe and America*, v. 1—2, New York, 1927;

⁷ См. M. Walker. *Germany and the emigration, 1816—1885*, Cambridge, Mass., 1964.

⁸ См. Ф. Фонер, *История рабочего движения в США*, т. I, М., 1949, гл. VIII.

⁹ Ш. А. Богина, *Иммиграция в США*, М., 1965, стр. 39.

Ввиду различий в экономической и социальной структуре европейских стран эмиграции и Соединенных Штатов иммигрантам зачастую приходилось менять в Америке не только профессию и занятие, но и классовую принадлежность. Чаще всего европейские крестьяне и мелкие буржуа превращались в наемных рабочих, иногда — европейские рабочие в американских фермеров. Превращения всякого рода происходили с европейскими профессиональными интеллигентами, хотя многие из них продолжали заниматься умственным трудом и в США и внесли значительный вклад в социальное и культурное развитие этой страны.

Обосновавшись в США и войдя в структуру американского общества, иммигранты развивались далее социально вместе с ним. Подобно стражилам, которые сами некогда произошли из иммигрантов, они подчас переходили в другие классы и слои. Такие переходы происходили в Америке, как известно, легче, чем в Европе. На подобных изменениях основано распространенное в американской социологической литературе понятие социальной мобильности. Однако следует учитывать, что социальная мобильность происходила в разных направлениях. Если некоторым беднякам и удавалось выбиться в хозяечки, подрядчики, фермеры, то вместе с тем самостоятельные ремесленники под давлением конкуренции часто превращались в наемных рабочих и т. д. В иммигрантской среде, более или менее однородной при эмиграции, происходила таким путем социальная дифференциация. Выделялась своя буржуазия, большей частью мелкая и средняя, иногда крупная. Поскольку иммигрантская национальная группа сохраняла, в той или иной степени, свою общность в продолжении нескольких поколений, национальная буржуазия, главным образом средняя и мелкая, зачастую действовала внутри этой группы и, кстати, сознательно и подсознательно пытаясь сохранить выгодную ей групповую обособленность. Таким образом, ассимилировавшись структурно, в социальном и экономическом отношениях, иммигрантская группа долго остается особой, хотя, как мы увидим далее, и модифицированной, этнической общностью.

В городах Севера жило еще до гражданской войны специфическое этническое меньшинство — негры, разумеется, свободные. Это были главным образом рабочие, причем низкооплачиваемые, домашняя прислуга и т. п., стоявшие в рабочей иерархии примерно на том же уровне, что ирландцы. Разобщенность разных этнических групп трудящегося населения в особенности сказывалась на неграх. Конкуренция, существующая при капитализме между различными группами рабочих, нередко заставляла ирландцев выступать против негров, негров — против ирландцев. Хозяева пользовались такой враждой, играли на ней, разжигали ее. Натравливание одной этнической группы на другую относится к классическим приемам американского капитализма. Рознь существовала и между ирландцами и немцами, и между стражилами и той или иной иммигрантской группой и т. д. При стачках хозяева искали и находили штрейкбрехеров в этнической группе, к которой не принадлежали забастовщики, особенно часто среди только что прибывших иммигрантов, которые совсем не ориентировались в местной обстановке. Редко какая национальная группа не прошла через этот искусств. Правда, бывали случаи, когда забастовщики разъясняли невольным штрейкбрехерам суть дела и те объединялись с ними против хозяев. Во всяком случае, тенденции классовой солидарности между трудящимися разных национальностей были на всех уровнях сильнее, чем тенденции национальной розни, и такое сотрудничество служило важнейшим средством сближения различных этнических групп.

* * *

В южных штатах, где господствовали плантационная система и рабовладение, сложилось население совершенно иного типа. Оно резко отличалось по расовому признаку, который в этих условиях почти совпадал с классовым. Одну треть жителей Юга составляли негры, в подавляющем большинстве — рабы. Белое большинство было далеко не однородно. Кроме крупных плантаторов и рабовладельцев помельче, в него входило огромное количество так называемых белых бедняков — фермеров, надсмотрщиков, торговцев и т. д. Положение их Маркс сравнивал с «положением римских плебеев во времена крайнего упадка Рима»¹⁰. Все белое население Юга, даже материально не заинтересованное в рабстве, психологически было отравлено рабовладельческой системой и связанной с ней расовой рознью. Физический труд, особенно «на холода», считался чем-то зазорным, подобно делу раба-негра. Не без связи с этим в городах Юга даже до отмены рабства имелся значительный слой квалифицированных ремесленников и рабочих-негров (примущественно, свободных, отчасти оброчников): белые гнушались такими занятиями. Эта же психологическая атмосфера и, конечно, слабо развитие на Юге промышленности отталкивали от Юга европейских иммигрантов, которые селились там в относительно небольших количествах. Расовый гнет и расовая рознь на Юге, которые уже в те десятилетия идеологи рабства пытались оправдать биологическими и религиозными доводами, были прямым и непосредственным порождением рабовладельческой системы. Однако культурное взаимодействие расовых групп шло полным ходом и при рабстве. Рабы не только восприняли английский язык (создав свой диалект его)¹¹, христианскую религию и т. д. — они оказали большое влияние на белых самобытной музыкой, сказками и т. п. Физическое смешение шло интенсивно, что видно по большому числу мулатов, которые в США как прежде, так и теперь причисляются к неграм.

В последнее пятнадцатилетие перед гражданской войной население США пополнилось жителями захваченных у Мексики обширных областей. Помимо живших там исстари индейских племен, это были мексиканцы — испано-индийские метисы и испанцы, то есть новый этнический компонент в составе обитателей США. Но население юго-западных завоеванных областей за короткий срок сильно изменилось вследствие притока новоселов. Особенно это относилось к Калифорнии, которая 1860 г. была самым этнически пестрым американским штатом.

* * *

То же пятнадцатилетие и годы самой гражданской войны стали переломным для американской нации периодом. В стране завершался промышленный переворот и произошла буржуазно-демократическая революция. Важнейшие перемены наблюдались и в этническом развитии. Процессы, потрясшие Европу в эпоху революций 1848—1849 гг., вытолкнули из нее массы людей. Число иммигрантов в США, неуклонно нараставшее и в предшествующие десятилетия, за 1850—1860 гг. выросло почти вдвое — с 2,2 млн. до 4,1 млн. чел.¹². Это был невиданный рост. Небывалым явилось и то обновление, какому подверг американску-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 345.

¹¹ См. «Народы Америки», т. I, стр. 474.

¹² «Population of the United States in 1860. Compiled from the original return of the 8-th Census», Washington, 1864, p. XXVIII.

нацию этот приток: вновь прибывшие составили 13—14 % населения. Притом пополнение было этнически окрашено определенным образом — большинство составляли две крупные национальные группы, ирландцы и немцы.

Сам ход второй американской революции по-новому сплачивал ее разнородные этнические элементы. Последствия этой революции как непосредственные, так и более отдаленные, оказали серьезное влияние на дальнейшее этническое развитие нации. Оно происходило в условиях консолидации национальной территории, на всем протяжении которой в разных формах широко развивался капитализм, и в промышленности и в сельском хозяйстве.

Северяне проникали на Юг — как фермеры, чиновники, торговцы и т. д. Изменилось положение негритянского населения США. Несмотря на поражение негритянского движения 60—70-х годов, несмотря на преобладание издольщины, на «черные кодексы» и антинегритянский террор, отмена рабства и ликвидация господства плантационной системы изменили взаимоотношения негров и других этнических элементов американского населения. Негры уходили с прежних мест, переезжали они и за пределы Юга, пытались основать там сельскохозяйственные поселения, но главным образом оседали в северных городах. Разумеется, размеры этой миграции несоизмеримы с размерами негритянских миграций XIX в., особенно той, которая происходит в наши дни, но тенденция эта наметилась уже в последние десятилетия XIX в. Негритянские рабочие Севера участвовали в профсоюзном движении, в частности, создавали свои организации. Болезненный вопрос об отношениях между ними и белыми рабочими стоял уже тогда. Отчуждение и рознь тех и других, нередко наблюдавшиеся в это время, составляли одну из величайших слабостей американского рабочего движения. В масштабе всей страны эта слабость во многом обусловила победу реакции на Юге, ее влияние на всю жизнь США, а следовательно, незавершенность буржуазно-демократической революции и живучесть расизма, которые с такой силой оказались на современных событиях в Америке. В рабочем движении эта рознь, не преодоленная в ближайшие к гражданской войне десятилетия, отравляет атмосферу и ныне.

В городах Севера и Запада негритянские переселенцы с Юга составили особую группу, сходную по типу с теми группами, которые образовывали там заокеанские иммигранты. Внутри такой негритянской группы возникали того же типа противоречия и взаимовлияния между старожилами и новичками. Сама группа вступала с другими этническими группами и с белым населением вообще в отношения, характеризовавшиеся и рознью, и сотрудничеством. Некоторые авторы трактуют городских негров как одну из иммигрантских групп, только прибывшую с Юга¹³. Но составляя, как иммигранты, особую этническую группу, негры, американские старожилы, отличаются от иммигрантов очень многим. Язык и культура не отделяют их от прочего американского населения, но испытываемый ими расовый гнет гораздо сильнее, чем дискриминация, от которой страдают все иммигрантские группы.

Города и до гражданской войны являлись центрами ассимиляции разнозычного и разноплеменного населения. Здесь люди разного этнического происхождения сталкивались повседневно, на работе и в быту — несмотря на национальные кварталы и культурные различия. Самый

¹³ Например, N. Glazer and D. P. Moynihan, Beyond the melting pot. Cambridge, Mass., 1963, p. 26.

тепм городской жизни способствовал быстрым культурно-бытовым изменениям, даже определенной нивелировке. Известно, что дольше всего сохранялись иммигрантские национальные традиции в сельских местностях — среди немцев, скандинавов и т. д., обрабатывавших землю в замкнутых районах. Правда, все попытки превратить такие районы в центры одннациональных областей — «Новой Германии», «Новой Норвегии» и т. п.— успеха не имели. Национальные сельскохозяйственные районы были островками в море новых поселенцев из самых различных стран, которое разливалось все дальше на запад, заполняя «подвижную границу», тесня индейские племена. Среди американских пионеров было много иммигрантских семей. Особенно привлекали иммигрантов (главным образом немцев, скандинавов, отчасти англичан) западные земли после издания в 1862 г. закона о гомстэдах, провозглашившего бесплатное наделение землей. Но и на земле семьи разного национального происхождения чаще всего селились вперемешку.

После гражданской войны урбанизация развернулась в США ускоренными темпами. Количественно выросшая иммиграция в еще большей степени оседала в городах, так как свободные и дешевые земли, где раньше селилась часть иммигрантов, заполнялись очень быстро и в конце XIX в. исчезли совсем. Как и раньше, скоплениями иммигрантов, и временными, и постоянными, служили морские порты. Среди них выделяется прежде всего Нью-Йорк, выросший на международных перевозках, в том числе на доставке людей, многонациональный город, который после гражданской войны увеличивался гигантскими темпами. В то же время рос, как на дрожжах, город другого типа, промышленный гигант Чикаго, который сделался крупнейшим вместилищем иммигрантского населения, по своей этнической специфике характерного главным образом уже для нового периода. Постепенно становился Чикаго и негритянским центром, каким он является в наши дни. На Дальнем Западе и в районах Скалистых гор быстро росли фабричные, заводские, горнорудные поселки и города, где находили работу тысячи переселенцев из разных стран. Здесь названы только два самых характерных из десятков и сотен бурно росших американских городов и поселков, где массами селились иммигранты, куда переселялись, изменив свой образ жизни, американские старожилы, где разные этнические группы сложными и противоречивыми способами перерабатывались в новую общность.

* * *

Фаза, в которую вступило после гражданской войны американское рабочее движение, отличалась, прежде всего, ростом профсоюзов. Активное участие в профсоюзном движении и забастовках приняли иммигранты разных периодов, большинство которых, как отмечалось раньше, принадлежало в США к рабочему классу. Борьба эта сплачивала рабочих разного этнического происхождения, классовая солидарность являлась мощным средством структурной ассимиляции, на которой только и могла базироваться ассимиляция культурная. Этот процесс тоже изобиловал противоречиями. В американских профсоюзах и их объединениях имелись, как правило, антииммигрантские течения, порожденные той же боязнью конкуренции, той же идеально-психологической отсталостью, которые нередко заставляли эти организации враждебно относиться к неграм. И у негров, и у иммигрантов возникала, разумеется ответная вражда.

Были случаи, когда негры и иммигранты объединялись против буржуазной верхушки, стремившейся расколоть их. В многонациональном

Новом Орлеане, например, в 90-х годах негритянские и итальянские рабочие выступали в защиту друг друга, даже устраивали демонстрации солидарности¹⁴. Через противоречия, медленно и трудно прокладывала свой путь солидарность рабочих разных национальностей, что в немалой степени представляет собою заслугу секций Первого Интернационала и других предтеч пролетарской партии в Америке.

В течение 15—20 лет после гражданской войны иммиграция продолжала снабжать население США теми же, в основном, этническими компонентами, что и до войны. Много иммигрантов приезжало из Германии, теперь уже преимущественно из восточной ее части, откуда их вытесняло аграрное перенаселение, вызванное капиталистической перестройкой сельского хозяйства по прусскому пути, как называл его В. И. Ленин¹⁵. В относительно больших размерах продолжалась иммиграция из Англии¹⁶, состоявшая по-прежнему из квалифицированных рабочих и технических специалистов, отчасти фермеров. Это была индустриальная эмиграция. Подобные черты все более проступали и в эмиграции из Германии, которая быстро превращалась в индустриальную державу — конкурентку Англии. Эмиграция из Ирландии шла в США непрерывно, идет и до сих пор. Ирландская эмиграция более столетия происходит в таких размерах, что представляет собою для Ирландии болезненную проблему на всех уровнях общественной жизни¹⁷.

С 80-х годов этническая картина американской иммиграции быстро меняется. В страну нарастающим темпом вливаются потоки переселенцев из таких стран, откуда до тех пор иммиграция сочилась тоненькой струйкой. Это страны Южной и Восточной Европы, главным образом Италия, Австро-Венгрия и Россия. Иммиграция из этих стран происходила в таких размерах, что переселенцы из других мест становились мало заметны на ее фоне. Достаточно сказать, что в первом десятилетии ХХ в. выходцы из Южной и Восточной Европы составили 71,9% всех иммигрантов (в 1851—1860 гг. их доля составляла 0,8%)¹⁸.

Эта иммиграция шла из отсталых по тому времени стран, отсталых не только по сравнению с США, но и по сравнению со странами Западной Европы, откуда исходила иммиграция предшествующих периодов. Она была чрезвычайно пестрой этнически: из многонациональных австро-венгерской и российской держав выселялись преимущественно представители угнетенных национальностей, подвергавшиеся притеснениям во всех областях — от экономики до культуры¹⁹. Это были люди, принадлежавшие к разным славянским народам (главным образом поляки), а также евреи, венгры и др. Среди итальянцев больше всего было выходцев из отсталой и нищей Южной Италии. Иммиграцию этого периода принято в американской литературе называть новой.

Против этой «новой» иммиграции в Америке десятилетиями велась упорная кампания. Как раз на рубеже XIX и XX вв. в США развернулось движение за ограничение иммиграции, которое вдохновляли влиятельные круги империалистической буржуазии. Оно опиралось в идеологическом отношении на распространявшиеся в тот период расистские течения, главным образом, на англо-саксонский расизм. «Новых» имми-

¹⁴ G. E. Cunningham, The Italian, a hindrance to white solidarity in Louisiana. 1890—1898, «The Journal of Negro History», 1965, January, pp. 22—36.

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, стр. 226.

¹⁶ R. T. Berthoff, Указ. раб.

¹⁷ См. A. Schrieg, Ireland and the American emigration, Minneapolis, 1958.

¹⁸ «United States Immigration Commission. Statistical review of immigration, 1819—1910», Washington, 1911, p. 12, table 7.

¹⁹ См. А. Н. Шлапаков, Иммиграция и американский рабочий класс. М., 1966, гл. 1.

грантов обвиняли во всех смертных грехах: некультурны, сбивают зарплату, преступны, портят «американскую породу», неспособны к ассимиляции и т. д. Им противопоставляли иммигрантов предшествующих десятилетий — «старых» иммигрантов — отыскивая в этих последних одни положительные свойства. Между тем в середине XIX в. «старые» иммигранты подвергались со стороны американских шовинистов той поры гонениям и нападкам, которые в очень многом напоминали антииммигантские инвективы начала XX в.

Движение против иммиграции получило большую силу и государственную поддержку. Отрицательное отношение к «новым» иммигрантам выразилось в расистском характере иммиграционных законов, принятых в 20-х годах XX в. Противопоставление новых и старых иммигрантов, в чью бы пользу оно ни было направлено, укоренилось в американской публицистике и в научной литературе до последних десятилетий. Проникло оно и в литературу других стран.

Была ли действительно принципиальная разница между «старой» и «новой» иммиграцией? Разумеется, этнически они были различны. К тому же в «новой» иммиграции имелось гораздо больше национальных групп, чем в «старой». Однако и в европейском прошлом той и другой иммиграции и в их первоначальной роли для Америки имелось весьма существенное сходство. Страны Южной и Восточной Европы находились на рубеже XIX—XX вв. приблизительно на том же уровне социально-экономического развития, что области эмиграции середины XIX в. В общих чертах это — отсталые формы капитализма, развитие которого отягощено пережитками предшествующих формаций. В обоих случаях эмигранты выталкивались преимущественно аграрным перенаселением, обусловленным процессами раннего развития капитализма в сельском хозяйстве, а также медленным развитием капиталистических отношений в городах, которое, хотя теснило ремесло и мелкую торговлю, недостаточно быстро развивало промышленность. И «старые» и «новые» иммигранты были в Европе преимущественно крестьянами на разных стадиях разорения, ремесленниками и т. п. Конечно, среди них было немало рабочих — сельских и городских — и встречались интеллигенты. Эмиграция богатых людей составляла и в тот и в другой период нехарактерное явление.

Общественные функции «старых» и «новых» иммигрантов в Америке были также, в основном, одинаковы. Те и другие попадали преимущественно в наемные рабочие и получали в большинстве случаев самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу, которой, подобно прежним старожилам, уже предпочитали не заниматься их предшественники по иммиграции. Исключений из этого правила было в начале XX в. гораздо меньше, чем прежде. Таким образом, новые иммигранты вновь занимали низшие ступени американской общественной лестницы.

Следовательно, оснований для противопоставления «старой» и «новой» иммиграции в социально-экономическом отношении нет. Однако дальше начинаются различия, которые позволяют делать сопоставления и сравнения, но не констатировать принципиальную разницу.

Если европейские эмигранты конца XIX в. имели тот же, примерно, социальный характер, что эмигранты середины XIX в., то приезжали они уже в иную Америку. Из страны, в которой только завершался промышленный переворот, она стала страной созревающего монополистического капитализма со всеми вытекающими отсюда для общественной и культурной жизни последствиями. Таким образом, разрыв в стадиях социального развития страны эмиграции и США, который приходилось преодолевать «новым» иммигрантам, оказывался больше, а

психологическое приспособление к новой среде, реориентация — сложнее.

Гонители «новых» иммигрантов приписывали им неспособность к ассимиляции. Западноевропейские иммигранты прижились, мол, в Америке, а выходцы из Восточной и Южной Европы к этому органически, будто бы, неспособны. Вряд ли стоит в наше время опровергать расистский тезис о прирожденной неспособности каких бы то ни было этнических групп к тому или другому типу культурного и общественного развития. Подобные положения отвергнуты современной наукой. Но попытаемся разобраться, почему в начале XX в. иммигранты из Восточной и Южной Европы оказались менее американизированными (а это действительно было так), чем иммигранты из Западной Европы.

Первая и очевиднейшая причина заключается в том, что эти группы пробыли в Америке меньшее время. Если основная масса немцев, ирландцев и других к XX в. прожила уже около 50 лет в Америке и состояла преимущественно из иммигрантов второго, а то и третьего поколения, то переселенцы из Южной и Восточной Европы прибыли в Америку недавно, даже иммигрантов второго поколения среди них было относительно немного. Они просто не успели перестроиться и приспособиться к новой обстановке. Однако дело не только в этом. Качественные различия в процессе ассимиляции различных национальных групп и известная его неравномерность наблюдались и прежде, на протяжении всего XIX в.

* * *

Что же способствует ассимиляции и что ей препятствует?

Казалось бы, наибольшим препятствием для ассимиляции должна являться разность языков и, наоборот, общность языка облегчает ассимиляцию. До известной степени это действительно так. Однако крупнейшая англоязычная иммигрантская группа, ирландцы, долгое время отличалась, даже среди других иммигрантских групп, своей обособленностью и тяготением к европейской родине. Американские шовинисты той поры рьяно травили «проклятых кельтов», обвиняя их в «клановости». Таким образом, общность языка еще не обеспечивает сама по себе сближения этнического меньшинства с большинством нации. Это видно и на примере такой своеобразной этнической группы, как американские негры, хотя в данном случае дело осложняется рядом других факторов, в число которых входят цвет кожи, рабское прошлое и т. д.

Исторический опыт тех же двух, да и всех других этнических групп указывает на фактор, который более всех других препятствует национальному сближению. Это — отрицательное отношение, которое этническое меньшинство встречает со стороны этнического большинства и которое чаще всего называют национальной дискриминацией. Охватывая все области жизни, от политической до бытовой, такая дискриминация отправляет отношения внутри нации и вызывает среди угнетаемого меньшинства защитную реакцию обособления и группового сплочения. Этническая дискриминация имеет классовую окраску, и разные этнические группы испытывают ее в разной мере. Большинство иммигрантских групп, как говорилось выше, занимало, особенно в первом поколении, низшие ступени общественной лестницы, и за это было презираемо буржуазным общественным мнением Америки. Социальные характеристики вплетались в этнический стереотип и во многом его обусловливали. Так обстояло дело с ирландцами, самой низкой в общественном отношении и самой гонимой иммигрантской группой середины XIX в., так

обстояло дело в начале XX в. с итальянцами и другими «новыми» иммигрантами, так обстоит дело теперь с пуэрториканцами и мексиканцами. Об этом же свидетельствует пример негров. Но англичане пользовались в США уважением и терпимостью — не столько из-за общности языка и культурных корней, сколько из-за своего более высокого общественного положения в Америке. Квалифицированные рабочие, мастера, инженеры и техники, фермеры — они выглядели гораздо более респектабельно в глазах буржуазного американского общества. Это же, хотя и в несколько меньшей степени, относится к немцам и к выходцам из Скандинавских стран, среди которых было относительно больше фермеров, квалифицированных специалистов, интеллигентов, чем среди тех же ирландцев, итальянцев и т. д. Более терпимое отношение к перечисленным выше национальностям получило в конце XIX в. идеологическое оправдание в англосаксонских и тевтонских расистских теориях и тесно с этими теориями переплелось.

Таким образом, главные препятствия к ассимиляции исходят со стороны принимающего большинства. Но препятствия имеются и в самом положении иммигрантского меньшинства. Каждая иммигрантская группа стремится, как бы по инерции, сохранить свою национальную самобытность, свои культурные, бытовые, религиозные особенности, иммигранты обычно ищут общества земляков. Более того — самое положение чужаков в новой стране обостряет привязанность к родине. Характер и интенсивность этих этноцентристских тенденций меняются в зависимости от общей исторической обстановки и от национального своеобразия каждой группы. Так, в конце XIX — начале XX вв. ассимиляция восточно- и южноевропейских групп замедлялась притоком новых масштабов иммигрантов той же национальности, который бурно и непрерывно нарастал до первой мировой войны. Новички приносили с собою свежий запас традиций европейской родины, укрепляли связь с ней, мешали своим предшественникам укорениться в новой стране. Подобное явление, только в значительно меньших масштабах, происходило и в середине XIX в. К тому времени в США существовала в большой степени ассимилированная немецкая группа, но волна новых немецких иммигрантов, хлынувших в Америку после революции 1848 г., буквально затопила прежнюю немецкую группу, воскрешая и для нее — на новом уровне — проблемы ассимиляции.

При средствах сообщения, имевшихся в начале XX в., при возросшей, даже в отсталых европейских странах, грамотности, американские иммигранты вели интенсивную переписку с родиной. Эта переписка, служившая важным средством привлечения в Америку новых переселенцев, в то же время укрепляла привязанность иммигрантов к родному краю. Усовершенствование транспортных средств позволило также сильно увеличить реэмиграцию, обусловленную расширением международного рынка рабочей силы. Переселенец, собиравшийся через год-другой вернуться на родину, естественно, не очень старался приспособиться к американской обстановке и распространял подобное настроение в среде земляков.

Важнейшую роль играл возросший, как отмечалось выше, разрыв в уровне исторического развития, общественного и культурного, между странами эмиграции и принимающей страной. Он-то и делал хорватов или сицилийца начала XX в. относительно более «чужим» в Америке, чем ирландца середины XIX в., и затруднял для них процесс вживания в американское общество. И, наконец, чрезвычайно существенна степень зрелости принимающей нации. По условиям эпохи гражданской войны, иммиграция середины XIX в. имела для нации США такое струк-

турное значение, какого вообще не могли иметь позднейшие переселенцы, встретившие в Америке нацию, гораздо более консолидированную.

Для процесса ассимиляции большое значение имело само существование иммиграционной национальной группы как целого. Обособляя и сплачивая иммигрантов из одной страны в целях сохранения их национального характера, иммиграционная группа в то же время служила средоточием между этим этническим меньшинством и всем американским обществом, перекидывала между ними мост. Как и все формы национального развития иммигрантов в Америке, национальная группа имела двойственный, внутренне противоречивый характер. Дело в том, что ассимиляция была преобладающим началом этого развития. Она брала верх во всех процессах взаимодействия между иммигрантами и старожилами, изменяя не только первых, но и вторых. Очень большую роль как в этом взаимодействии, так и в темпах и особенностях ассимиляционного процесса играло национальное своеобразие каждой группы.

К наиболее своеобразным иммиграционным группам относились японцы и китайцы, селившиеся главным образом на Тихоокеанском побережье. Это малочисленные группы. Малочисленность их объяснялась исключительно вводившимися в США специальными ограничениями и запретами на въезд выходцев из Азии. Японцы и китайцы десятилетиями подвергались такой дискриминации, таким преследованиям, каких не знали другие иммигранты. В результате всего этого обособленность японской и китайской групп сохранилась в большой степени. Искусственные меры, пресекшие иммиграцию в США из Азии, оказали большое влияние на состав американского населения. Если бы не эти меры, в США образовался бы, по всей вероятности, весьма значительный этнический компонент азиатского происхождения²⁰. Ведь на Гавайских островах, входящих ныне в США, большую часть населения составляют переселенцы из Японии и Китая и их потомки.

Хотя иммиграция из Европы до 20-х годов XX в. не подвергалась почти никакому регулированию, в отличие от азиатской, американская государственная политика сыграла немаловажную роль и в ее судьбе. В ряде иммиграционных групп вынашивались проекты создать в США свое национальное государство — Новую Ирландию, Новую Германию и т. д., для чего, в первую очередь, требовались большие земельные массивы. Правительство всегда встречало такие проекты отрицательно. Если в США при массовой и относительно одновременной иммиграции определенных национальностей не возникло многонациональное государство, то в некоторой мере это объясняется сознательной государственной политикой. Эта политика опиралась на очень мощные объективные основания. Прежде всего иммиграция, как отмечалось выше, носила, главным образом, индустриальный характер, иммигранты селились преимущественно в городах. Заселение целых сельскохозяйственных районов людьми одной национальности бывало лишь частным случаем. Такой случай представляли собой пенсильванские немцы, иммигранты колониального еще периода, занимавшие сплошной район, столетиями сохранявшие на своих фермах обычай родины и даже создавшие своеобразный язык. Шведские и норвежские традиции устойчиво сохранялись в Миннесоте, многие районы которой заселялись во второй половине XIX в. сплошь выходцами из Скандинавии. Но свободные земли, покуда они имелись в США, стихийно и очень быстро занимались людь-

²⁰ Речь, разумеется, идет не о коренном населении Америки, которое тоже имеет, в конечном счете, азиатское происхождение.

ми различных национальностей, в том числе коренными американцами (последние обычно и распахивали целину). На этих новых землях перемешивались разные элементы старожильческого и нового американского населения, которые заполняли и возникавшие там новые города.

Развитие этнически пестрой нации, основы которой были заложены еще в колониальный период, продолжалось и в XIX и в XX в. Американская нация, консолидировавшаяся на основе развивающегося капитализма, переваривала вливавшиеся в нее новые элементы посредством структурной, а также культурной ассимиляции и физического смешения. Этот сложный процесс тормозился национальной дискриминацией, которая стала характерной чертой американской жизни.

S U M M A R Y

Some ethnic development problems of the American nation during the 19-th century are dealt with in this article. A breakdown of the ethnic composition of the population of the North and the South before the Civil War is attempted, with special emphasis upon the mid-19-th century mass immigration. After the Civil War the interaction of the ethnic elements of the American population underwent changes. During the last decades of the century new ethnic elements were introduced by new waves of immigration. The basic functional similarity of this «new» immigration and the «old» one is pointed out as well as important differences between them. These differences are presumed to be caused by the increased distance between the stages of historic development of the countries of emigration and the receiving country. Of course ethnic peculiarities are important. Some conditions accelerating or retarding assimilation are pointed out, the attitude of the receiving population being considered as the principal one. Structural assimilation, viewed as the incorporation of immigrants into the economic and social texture of the receiving country, is considered to be the basic type of assimilation. A suggestion is offered to explain why the U. S. A. with their multi-ethnic population have not become a multinational state.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. В. Шелепов

ОБЩНОСТЬ ПРОИСХОЖДЕНИЯ — ПРИЗНАК ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Одним из центральных методологических вопросов современной этнографии стал вопрос о сущности этнической общности. И то обстоятельство, что этот вопрос в общетеоретическом плане недостаточно исследован, несомненно, мешает решению ряда очень важных проблем теории и практики этнических процессов.

Необходимость и возможность создания теории этнической общности обуславливается тем огромным фактическим материалом, который за долгие годы накоплен историческими науками и, в частности, этнографией. Как показывает начало дискуссий, создание такой теории предполагает выделение существенных специфических признаков этнической общности, определяющих основное содержание ее как особой социальной общности.

Очевидно, этот путь в научном отношении окажется гораздо плодотворнее, чем путь расширительного толкования этнической общности, универсализации ее, когда ей и ее типам приписывается поистине «всеобъемлющий характер»¹.

В нашей социологической литературе под «историческими формами общности людей» подразумеваются, как правило, только формы этнической общности².

В многочисленных работах советских ученых, исследующих отдельные типы этнической общности, широко показано значение таких признаков, как общность экономической жизни, территории, языка, некоторых особенностей культуры, быта, психологии. Вместе с тем за последнее время появилось немало статей советских этнографов, в которых достаточно убедительно доказывается, что для некоторых развитых этнических образований, особенно для современных больших наций, указанные признаки теряют свой былой обязательный характер³.

По нашему мнению, среди многих признаков, характеризующих этническую общность, в качестве существенного и специфического выступает общность происхождения. Казалось бы, что именно советские этнографы,

¹ См., например, Н. П. Ананченко, От нации к интернациональной общности людей, «Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 87.

² См.: «Марксистско-ленинская философия», М., 1964, стр. 368; А. Сиркин, Курс марксистской философии, М., 1963, стр. 430; «Исторический материализм», М., 1963, стр. 155; Д. И. Чесноков, Исторический материализм, М., 1964, стр. 376 и др.

³ С. А. Токарев, Проблема типов этнической общности, «Вопросы философии», 1964, № 11; В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории», 1967, № 1; его же, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4.

первыми приступившие к разработке теории этнической общности, уже проделавшие очень большую работу по исследованию проблем этногенеза, должны по достоинству оценить такой важный признак этнических образований, как общность происхождения. Но в этнографической литературе мы нередко встречаем весьма скептическое отношение к этому признаку. Так, в очень интересной в целом статье Н. Н. Чебоксаров пишет: «Общность происхождения вряд ли может считаться признаком каждой этнической общности. Как, например, следует понимать общность происхождения современных американцев, мексиканцев, китайцев и многих других народов, сложившихся из различных этнических компонентов?»⁴. Даже С. А. Токарев, первым упомянувший об общности происхождения как о виде социальной связи, характеризующей этническую общность, не считает ее обязательным признаком, так как общность происхождения, по его мнению, «лишь в очень немногих случаях имеет значение как этнический определитель»⁵.

Понятие «общность происхождения» или «единство происхождения» означает происхождение людей, этнических коллективов от общих предков, от определенных этнических единиц. Происхождение любой этнической общности — это очень сложный и очень длительный процесс. Во-первых, любая новая этническая общность возникает на основе других этнических образований; во-вторых, вследствие смешения или изоляции расшатываются старые этнические коллективы и появляются новые; в-третьих, требуется очень длительное время для относительной стабилизации новых этнических общностей. Нетрудно заметить, что в каждом из указанных этапов возникновения и развития любой этнической общности единство происхождения как признак ее не исчезает, а объективно наличествует. Другое дело, что подчас из-за скудости исторических данных очень трудно, а иногда и просто невозможно опознать общность происхождения того или иного этнического образования. Но и в этих случаях считать ее совершенно исчезнувшей и забытой нельзя. Общность происхождения всякий раз удивительно точным образом фиксируется этническим самосознанием людей и, прежде всего, сознанием этнической принадлежности, этнонимом.

Таким образом, мы должны понимать общность происхождения любого этнического образования, в том числе и народов, упомянутых Н. Н. Чебоксаровым, точно так же, как мы понимаем общность происхождения родных братьев, родившихся от лиц различной национальной принадлежности, т. е. возникшими и утвердившимися из определенного сочетания разнородных этнических компонентов.

Что касается общности происхождения американской нации (как и других подобных наций), то необходимо учесть тот факт, что она является относительно молодой нацией, этнически окончательно еще не сконсолидировавшейся; значительная часть населения США считает себя американцами главным образом по государственно-гражданской принадлежности.

Все этногенетические исследования, проводимые на социологическом, историческом, этнографическом, антропологическом, археологическом, лингвистическом материале, ставят своей первой задачей выяснение единства происхождения народов. Они обнаруживают общность происхождения в разных формах: автохтонное происхождение; смешение с основным этническим ядром других этнических субстратов; консолидация различных неродственных общностей; интеграция родственных этнических

⁴ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 100.

⁵ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 44.

ских коллективов; дифференциация, полное распадение на части предковой этнической общности; внутреннее сплочение лишь части этнической общности, оказавшейся изолированной от основной массы этой общности. Одним словом, если наличие у этнической общности такого признака, как общность происхождения, отличает ее от любой другой социальной общности, то сами этнические общности отличаются друг от друга наличием особой, отдельной общности происхождения, обуславливаемой неизменной конкретностью каждого этногенетического процесса.

Общность происхождения устанавливается самым различным образом, от лингвистико-генеалогической классификации народов до исследований по ономастике. Так, одним из методов определения общности происхождения народа является анализ его антропологических особенностей, составляющий предмет этнической антропологии.

Этногенетические исследования свидетельствуют о том, что конечной причиной образования новых и гибели старых этнических общностей, этнической миграции, ассимиляции, изоляции и т. п. являются производственно-экономические отношения. На наш взгляд, из этих исследований правомерно вытекает вывод и о том, что необходимой предпосылкой образования этнических общностей являются межэтнические брачные связи.

Вскрывая происхождение той или иной этнической общности, этнографы, социологи отмечают огромнейшую роль «смешения», «слияния», «перемешивания», «растворения», «скрещивания» различных этнических коллективов. Так, «европейские переселенцы в страны Америки, ее коренные обитатели — индейцы и привезенные из Африки негры, смешавшись в той или иной степени, составили этническую базу формирования большинства новых американских наций»⁶. Термин «смешение», который чаще всего встречается в трудах, посвященных этническим процессам, сам по себе может иметь несколько значений. Но из анализа исторических фактов образования различных этнических общностей следует, что «смешение» этнических общностей есть не иное как межэтнические брачные отношения людей. Следовательно, появление «новых» этнических общностей — итог брачного перемешивания «старых» этнических единиц. Прежде всего половое, брачное перемешивание способно разнородные этнические формы «переплавить» в единое этническое образование. Этническая ассимиляция осуществляется также посредством межнациональных браков.

Большинство эмигрантов из Европы, получая права гражданства в США и, естественно, включаясь в определенную экономическую, политическую и культурную общность в общегосударственном масштабе и в пределах отдельного штата, не считают себя американцами по этнической принадлежности. Часто только у первого (или даже второго) поколения, появившегося благодаря перемешиванию эмигрантов с другими национальностями США, появляется более или менее устойчивое сознание принадлежности к американской этнической общности. Те же эмигранты, которые входят в относительно замкнутые однородные национальные группы, длительное время сохраняют свое прежнее этническое самосознание.

Исторических фактов, свидетельствующих о невозможности этнической консолидации без межэтнических брачных отношений населения той или иной страны, встречается достаточно много в этнографической литературе.

⁶ «Население земного шара. Справочник по странам», М., 1965, стр. 11.

Известно, что турки появились на Кипре в конце XIV в. (после захвата острова Османской империей) и сейчас живут смешанно с греками. Несмотря на существующую общность территории и экономической жизни, в результате обостренных национальных и религиозных отношений на Кипре брачные отношения между греками и турками — редкий случай. Именно это и явилось ближайшей причиной того, что до сих пор нет единого кипрского народа как этнической общности.

Так как общность происхождения людей неотделима от отношений родства, то последние составляют значительную часть содержания этнических общностей и этнических процессов.

Какова же природа родства? Каковы границы проявления родственных отношений? Как соотносятся родство и этнос? Здесь перед нами открытая, можно считать совершенно еще не затронутая, область исследования. Имеющийся в нашем распоряжении незначительный научный материал позволяет дать ответ на поставленные вопросы лишь в самом общем виде.

В древние времена, у только что сформировавшегося общества экономические отношения оказываются еще настолько слабыми, что не в состоянии самостоятельно цементировать человеческий коллектив. Отношениями, способными выполнить это, и явились, по выражению Ф. Энгельса, родовые связи⁷.

Происхождение рода как коллектива кровных родственников от общих предков доставило, по выражению К. Маркса, «ученым-филистам» головоломную работу. Считая этих предков чистым мифом, они просто никак не могли объяснить себе возникновение рода.

К. Маркс в следующих словах резюмирует ответ Л. Моргана на вопрос о происхождении родов: «Система кровного родства, соответствующая роду в его первобытной форме, — а у греков, как и у других смертных, была когда-то такая форма, — обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения. С возникновением моногамной семьи это забылось. Родовое имя создавало родословную, рядом с которой родословная отдельной семьи представлялась лишней заслугой. Это родовое имя должно было теперь свидетельствовать о факте общего происхождения его носителей; но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже доказать действительно существовавшего между ними родства, за исключением немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки. Самое имя было доказательством общего происхождения и доказательством бесспорным, не считая случаев усыновления. Напротив, фактическое отрицание всякого родства между членами рода, как это делают Грот и Нибур, превращающие род в продукт чистого вымысла и поэтического творчества, достойно только «идеальных», т. е. числа кабинетных книжных ученых.

Так как связь поколений, особенно с возникновением моногамии, отодвигается в глубь времен и минувшая действительность представлена в отражении фантастических образов мифологии, то благонамеренные филистеры приходили и продолжают приходить к выводу, что фантастическая родословная создала реальные роды»⁸.

Это резюме К. Маркса является для нас основополагающим при решении вопроса о роли общности происхождения и родства в становлении

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соch., т. 21, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 103.

ния и развитии этнических общностей, так как отмеченные им весьма существенные особенности рода как в первобытной, так и в наиболее развитой форме оказываются существенными чертами любого этнического образования. Во-первых, происхождение от общих предков; во-вторых, наличие у этнических процессов, по выражению К. Маркса, «карнальной», «плотской» основы; в-третьих, с развитием человечества родственные связи разрастаются «влюбь» и «вширь» и то, что с расширением родственных отношений определить родословную (генеалогию) весьма сложно или даже невозможно, ни в коей мере не означает исчезновения ни общности происхождения, ни родственных отношений; в-четвертых, этноним является свидетельством общего происхождения его носителей.

Среди советских ученых царит единодушное мнение, что родо-племенная общность, как один из наиболее ранних типов этнической общности, прежде всего характеризуется наличием кровнородственных отношений.

Но не менее единодушным является мнение о том, что следующие за родо-племенной общностью типы этнической общности не имеют никакой связи с развитием родственных отношений. Такое мнение, на первый взгляд, следует из известных положений Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Ф. Энгельс писал: «Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звенями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени»⁹.

В своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, так же как и Ф. Энгельс, называет человеческие коллектизы, общинны, сменившие роды и племена, «чисто территориальными союзами»¹⁰.

Из этих положений Ф. Энгельса и В. И. Ленина следует, что признаком государства является территориальный принцип деления населения и что государственная организация не является результатом простого развития родо-племенных образований. Но это не значит, что с исчезновением родо-племенной общности, основанной на кровнородственных связях, в условиях классового общества и государства новые формы этнической общности не обуславливаются отношениями родства. Разумеется, при этом необходимо отличать родственные отношения вообще от кровнородственных как специфической разновидности первых. Кровнородственные отношения под воздействием в первую очередь экономических факторов подверглись существенным изменениям.

«Территориальные союзы», сменившие родовые объединения, дали толчок становлению новых этнических общностей. Отношения собственности, разрушая родовые связи, сближали между собой как родственные, так и неродственные в этническом отношении человеческие коллективы.

Усиление миграционных процессов послужило непосредственной причиной расширения брачных отношений между племенами, внутри со-

⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 153.

юзов племен. Естественно, что новое брачное перемешивание, которое в новых социальных условиях, в конечном итоге, привело к образованию народностей, не уничтожает, не отменяет отношения родства, а наоборот, утверждает, изменяет, и в определенном смысле, развивает их. С одной стороны, они расширяются и охватывают всю народность, а с другой — концентрируются, ограничиваются пределами семьи или группы родственных семей. Если вторая сторона эволюции родственных отношений не вызывает сомнений и достаточно исследована, то первая тенденция не получила признания и не исследуется.

В. И. Ленин критиковал идеолога народничества Н. Михайловского, считавшего, что национальные связи — это продолжение и обобщение связей родовых.

Создание национальных связей, национальной общности имело своей основой, как пишет В. И. Ленин, ликвидацию феодальной раздробленности, возникновение капиталистических производственных отношений. В средние века московское государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранившие следы былой автономии, особые таможенные границы, иногда свои особые войска и т. д. «Только новый период русской истории (примерно с XVII в.) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое.

Слияние это было вызвано не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растворявшим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок, так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»¹¹.

Из этих ленинских положений необходимо следует, что, во-первых, конечной причиной становления наций являются экономические отношения, а потому, во-вторых, представлять этническую преемственность в качестве самостоятельного фактора — это «ребяческий вздор», «детская побасенка». Но эти мысли В. И. Ленина не дают никаких оснований отрицать вообще значение общности происхождения и родственных отношений в становлении всех известных этнических народностей, в том числе и наций. В противном случае, столь же резкой критики заслужила бы мысль Ф. Энгельса о том, что именно «из племен развились нации»¹².

В. И. Ленин вовсе не задается целью дать картину формирования русской нации. В данном случае он ставит перед собой задачу: в противовес антинаучному, примитивному пониманию национальных связей, национальных чувств, «демона национального самолюбия» и национальной ненависти, как имеющих, по взглядам Н. Михайловского, чисто естественно-биологическое происхождение, показать социально-экономические корни появления наций.

Но, с другой стороны, сказать, что данная нация возникла на базе капиталистических отношений, еще не значит дать объяснение всего процесса ее формирования. Для того чтобы понять, как образовалась, скажем, русская нация, необходимо помимо основного, экономического фактора учитывать другие, также очень важные, факторы.

Только усилением товарного обращения, созданием единого всероссийского рынка можно объяснить, как пишет В. И. Ленин, слияние от-

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 493.

дельных «земель», княжеств в единое государство. Но нельзя полностью объяснить даже в пределах единого государства консолидацию одних народностей, наций и устойчивость, неконсолидацию других. Например, как понять, в силу каких причин татары, удмурты, марии, чуваши, мордва и другие народы, оказавшиеся территориально внутри всероссийского рынка, сохранили, «отстояли» свою этническую принадлежность? Видимо, сила всероссийского рынка была такой, что некоторые этнические группы она смогла «перемолоть» путем полового смешения в единую нацию, а других «одолеть» не смогла: этническое оказалось сильнее экономического.

Одним словом, в качестве механизма образования такой этнической общности, как нация, также выступают межэтнические брачные отношения. Потому общность происхождения, хотя она становится все более опосредованной, все же является, на наш взгляд, обязательным признаком и этой формы этнического образования.

С развитием этнических общностей от «низших» к «высшим» отношения родства настолько расширяются, распиваются, что неизбежно социальная значимость их в какой-то мере снижается, падает. Это обстоятельство и оказывается гносеологической предпосылкой вывода о том, что национальные отношения никак не зависят от отношений родства и что роль последних ограничивается только пределами семьи.

В силу расширения родственных связей каждая последующая этническая общность по отношению к предыдущей становится менее устойчивой. Неслучайно смешанные браки в «высших» этнических образованиях чаще, чем в «низших». Вопреки мнению многих социологов и этнографов, мы считаем, что нация, по сравнению с предшествующими ей племенами и народностями, является самой неустойчивой этнической общностью, в конце концов постепенно отмирающей.

Уже отмечалось, что подчас различные исторические источники не могут пролить свет на затерявшуюся в веках общность происхождения того или иного народа, но зато она в каждом отдельном случае фиксируется этническим самосознанием. Именно поэтому В. И. Козлов, перечисляя признаки этнической общности, совершиенно справедливо поставил этническое самосознание на первое место¹³.

До недавнего времени в советской литературе при характеристике форм этнической общности ни один автор не выдвигал в качестве признака их этническое самосознание. Некоторые социологи и ныне возражают против попыток возвести этническое самосознание в ранг этнического определителя. Так, И. П. Цамерян считает, что «если самосознание этнической принадлежности (или национальное самосознание) есть лишь субъективное отражение в сознании человека самого объективного факта существования национальной общности нации», то нельзя национальное самосознание превращать в один из основных признаков нации¹⁴.

Нет ни одной социальной общности людей, которая бы не характеризовалась осознанием в той или иной форме принадлежности к этой общности. Даже раса становится социальной общностью с появлением расового самосознания. Есть немало других объективно существующих социальных общностей, представляющих собой совокупность отноше-

¹³ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 111.

¹⁴ И. П. Цамерян, Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации, «Вопросы истории», 1967, стр. 111.

ний людей, основанных на том или ином элементе сознания, которые необходимым образом и становятся отличительными признаками этих общностей: это религиозные, научные, культурно-просветительные и другие общности.

Мысль о том, что национальное самосознание является этническим определителем, впервые была высказана П. И. Кушнером (Кнышевым)¹⁵. Упоминание об этническом самосознании как признаке этнической общности вообще мы встречаем несколько позднее у Н. Н. Чебоксарова¹⁶. Ныне к этой точке зрения присоединился ряд участников дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории» — П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, М. С. Джунусов, С. Т. Калтахчян, Н. А. Тавакелян, А. Г. Агаев и др.

Этническое самосознание — отражение этнического бытия, значительную часть содержания которого составляют отношения людей, основанные на общности их происхождения.

Этническое самосознание предполагает выделение и отличие этнической общностью самой себя от всех других этнических общностей.

По нашему мнению, в структуру этнического самосознания входят сознание людьми своей этнической принадлежности, этноцентризм, этнический стереотип, этнические антипатии (этногонизм) и этнические симпатии. Эти элементы этнического самосознания универсальным образом взаимосвязаны между собой, обуславливая друг друга, проникая друг в друга и т. д. Однако главным структурным элементом этнического самосознания является сознание людьми своей этнической принадлежности. Именно оно в первую очередь отражает общность происхождения людей.

Нет иного пути определения этнической принадлежности, кроме получения ответа на вопрос: «К какой национальности себя относите?». Мы уверены, что этнографическая наука не знает случая, когда вопреки этническому самосознанию, по наличию других объективных признаков, скажем, общности экономической жизни, языка, территории, культуры и т. п., было определено этническое лицо конкретной общности. Без наличия сознания этнической принадлежности определенной группы людей не может быть и речи о реально существующей этнической общности. Например, советские этнографы считают, что такие крупные общности Северной Индии как хиндустанцы, бихарцы, раджастханцы, лишь условно могут считаться едиными народами, прежде всего, потому, что они не имеют общего крепкого, устойчивого этнического самосознания, так как у этнических групп, составляющих эти народы, еще не изжито свое сознание этнической принадлежности¹⁷.

Как правило, сознание людьми своей этнической принадлежности утверждается посредством осознания ими этнической принадлежности своих родителей. Дети, имеющие родителей, относящихся к различным национальностям, определяют свою этническую принадлежность по этнической принадлежности одного из родителей уже в зависимости от внешних, т. е. не этнических обстоятельств: социально-политических, правовых, семейных, нравственно-эстетических и т. д. У людей, родившихся от межэтнических браков, обнаруживается неустойчивое, расшатанное этническое самосознание. Если этническая принадлежность человеком

¹⁵ П. И. Кушнер (Кнышев), Национальное самосознание как этнический определитель, «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая» VIII, 1949, стр. 3.

¹⁶ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, М., 1964, стр. 5.

¹⁷ «Население Земного шара. Справочник по странам», М., 1965, стр. 127.

выбрана исключительно по каким-либо внешним обстоятельствам (например, стремление избежать национального гонения) и не отвечает этнической принадлежности родителей, то она имеет для него сугубо-формальный характер, тогда как фактически он причисляет себя к общности, соответствующей этнической принадлежности родителей.

Сознание этнической принадлежности людей конкретно проявляется также в употреблении ими единого названия народа — этнонима¹⁸.

Высказывалось мнение, что общность происхождения является не самостоятельным элементом этнической общности, а лишь одним из факторов, формирующих этническое самосознание¹⁹. Даже считая такое предположение заслуживающим внимания, необходимо признать, что общность происхождения (прямо или опосредованно, через этническое самосознание) выступает формообразующим фактором этнической общности.

Основываясь на том, что общность происхождения во всех своих проявлениях, и в том числе в этническом самосознании, является очень важным и обязательным признаком любого этнического образования, и учитывая значение тех признаков этнических общностей, которые в нашей литературе уже длительное время исследовались, мы хотели бы предложить для обсуждения следующее определение этнической общности.

Этническая общность — это возникающая вследствие определенных исторических и экономических предпосылок специфическая социальная общность, основным содержанием которой являются отношения людей, складывающиеся на основе общности их происхождения и проявляющиеся в этническом самосознании, а также в общности языка, территории и некоторых черт культуры и быта.

На наш взгляд, данное определение этнической общности дает возможность более или менее четко отграничивать этническую общность от других социальных общностей.

Научный, диалектико-материалистический подход к изучению общности происхождения и этнического самосознания как важных признаков этнической общности диктуется еще и необходимостью критики этнических концепций, в которых указанные признаки абсолютизируются в качестве естественно-биологических факторов. Буржуазные идеологии прекрасно понимают значение общности происхождения, родства и этнического самосознания как реальных сил, помогающих им сохранить, укрепить целостность капиталистического общества, раздираемого внутренними социальными противоречиями. Они знают, что народные массы легче всего оказываются одураченными идеями «зова крови», «свое-го отечества», «национального духа», «единого происхождения» и т. д. и т. п.

С этими силами, пока они существуют и оказывают большое влияние на развитие общества, не можем не считаться и мы, марксисты. Выяснить действительную сущность, современное социальное значение и историческую обусловленность общности происхождения и отношений родства — такова задача.

Бессспорно, что статья не решает этой задачи. Она представляет лишь попытку привлечь внимание к чрезвычайно важным и явно недостаточно исследованным вопросам.

¹⁸ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 109.

¹⁹ Там же.

SUMMARY

In the course of the discussion about the concept of ethnic community the author emphasizes common origin as one of its basic features. By common origin he understands origin from a population within which mixed marriages between its various ethnic components are widespread. No merely territorial mixing, without mixed marriages, can lead to ethnic consolidation. Gens and tribe communities were chiefly based on blood relationship. In class society kinship (though in a modified form) continues to play an important role in ethnic community. This does not negate the fundamental role of economic relations in forming modern nations. To a certain extent the social importance of kinship becomes weakened in ethnic communities of a higher stage of development as compared with the lower. This leads to a weakening of the stability of each next evolutionary form of ethnic community. Despite common opinion among sociologists and ethnographers the author holds that the modern nation is the least stable of ethnic communities and is fated ultimately to die gradually off.

Ю. И. Семенов

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОСТИ

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. В. КРЮКОВА
«О СООТНОШЕНИИ РОДОВОЙ
И ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ (КЛНОВОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ»)

Теоретическое осмысление огромного фактического материала, накопленного этнографической наукой о доклассовом обществе, является в настоящее время одной из самых важных задач, стоящих перед всеми, работающими в этой области. Вполне понятен поэтому живой интерес, который вызывает любая работа, посвященная общим проблемам первобытности, тем более, что они появляются не так уже часто. В этом отношении не может не привлечь внимания статья М. В. Крюкова, в которой автор стремится по-новому поставить вопрос об основной ячейке локлассового общества.

М. В. Крюков начинает с утверждения, что в советской этнографической науке не только высказываются противоречивые мнения по вопросу о соотношении рода и племени, рода и семьи, но и «нет единства во взглядах на сущность самого понятия „род“»¹. Вполне естественно ожидать, что после такого заявления он постарается дать хотя бы краткий обзор и анализ основных направлений в понимании сущности рода, существующих в советской науке. Однако ничего подобного в статье мы не находим. Вопрос о сущности рода подменяется хотя и тесно связанным с ним, но все же несколько иным вопросом о самом общем определении, которое относилось бы к роду на всех этапах его развития, начиная от самых ранних и кончая самыми поздними. Соответственно, вместо того чтобы анализировать основные направления в понимании сущности рода, автор показывает отсутствие идентичности между общими определениями рода, содержащимися в работах трех авторов — Ю. А. Сема, Б. О. Долгих и М. О. Косвена. Это обстоятельство вкупе с тем фактом, что «в большинстве работ, в которых в той или иной степени затрагивается проблема рода, авторы пользуются термином «род» не давая его определения»², дает М. В. Крюкову основание для вывода о неблагополучном положении в этой области.

Стремясь его преодолеть, М. В. Крюков обращается к «Древнему обществу» Л. Г. Моргана. Результатом явилось следующее определение рода: «Мы можем,— пишет М. В. Крюков,— по-видимому, определить род как экзогамный коллектив, представляющий собой совокупность кровных родственников, ведущий происхождение от общего предка и носящий общее родовое (тотемное) имя»³. Оригинальным и новым является здесь лишь словесная формулировка определения, но никак не

¹ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации, «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 83.

² Там же.

³ Там же, стр. 84.

само определение, представляющее собой перечень основных отличительных признаков рода (экзогамия, общее имя, вера в общность происхождения), указанных Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом. Этого определения придерживается подавляющее большинство советских исследователей. Можно, в частности, только удивиться тому, что М. В. Крюков не заметил, что данное им определение ничем по существу не отличается от приведенного им выше определения Б. О. Долгих. Для большинства советских исследователей данное общее определение рода является настолько само собой разумеющимся, что они не считают нужным приводить его в своих работах.

Но принимать одно общее определение рода — далеко еще не означает придерживаться одних взглядов на его сущность. Вопрос о сущности рода — это проблема места и роли рода в структуре доклассового общества. Л. Г. Морган рассматривал род как основу доклассового общества, его главную фундаментальную ячейку⁴. «Основной общественной ячейкой» считал род Ф. Энгельс⁵. Такого понимания сущности рода придерживается в настоящее время большинство советских этнографов. Единственное уточнение, которое вносит часть из них, состоит в том, что род был основной, фундаментальной ячейкой не на всем протяжении развития доклассового общества, а лишь на ранних этапах его эволюции.

Кроме этого существует и иное понимание сущности рода, нашедшее свое отчетливое выражение в работах Н. А. Бутинова. Согласно его точке зрения, род никогда не был и не мог быть основной, фундаментальной ячейкой доклассового общества. Такой ячейкой было, по его мнению, объединение, всегда состоящее из людей принадлежащих к разным родам, которое он именует общиной⁶. По существу к такому пониманию рода примыкает и М. В. Крюков.

Обращая внимание на то, что не только раньше, но и в настоящее время в трудах по этнографии нередко встречаются утверждения, что род того или иного народа состоит из семей, М. В. Крюков приходит к выводу, что подобные высказывания «являются следствием объективного факта существования такой формы социальной организации, которая обнаруживает внешнее сходство с родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи. Таким образом за род ошибочно принимается институт, относящийся к третьему, самостоятельному типу социальной организации»⁷.

Как указывает М. В. Крюков, «одним из первых» к пониманию этого типа социальной организации пришел Р. Фёрт, изучивший ее на примере о. Тикопия и присвоивший ей наименование «рэмидж» (ramage). Далее мы узнаем от него, что «существенный шаг вперед в характеристике этого особого типа социальной организации был сделан Дж. Мёрдоком», предложившим ее называть «кланом»⁸. И почему-то только после этого автор находит нужным сообщить нам то, с чего, видимо следовало бы начать, а именно, что заслуга открытия данного типа социальной организации принадлежит не Р. Фёрту и Дж. Мёрдоку, а М. О. Косвену, выделившему его под названием «патронимии».

Именно этот тип родственной организации, который М. В. Крюков предлагает, вслед за Дж. Мёрдоком, именовать кланом, является насколько это можно понять из статьи, по его мнению, основной

⁴ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 39, 134 и др.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 97 и др.

⁶ Н. А. Бутинов, Письмо в редакцию, «Сов. этнография», 1965, № 3.

⁷ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85.

⁸ Там же.

фундаментальной ячейкой доклассового общества. Однако, придавая столь огромное значение этой форме социальной организации, М. В. Крюков, как это ни странно, нигде сам не дает ей буквально никакого определения, считая, по-видимому, вполне достаточными приведенные определения Р. Фёрта, Дж. Мёрдока и М. О. Косвена. Если бы они имели в виду один и тот же тип социальной организации и одинаково его обрисовывали, это не могло бы вызвать особого возражения. Но, к сожалению, дело обстоит далеко не так.

Из статьи М. В. Крюкова мы узнаем, что, согласно точке зрения Р. Фёрта, рэмидж характеризуется следующими отличительными чертами: «1) сходство с генеалогическим деревом, разрастающимся по мере ветвления ствола; 2) иерархическое соподчинение входящих в гамаге ячеек; 3) домохозяйство как основная ячейка внутри группы; 4) каждая такая группа в принципе локализована»⁹. А вот какие особенности (по словам самого же М. В. Крюкова) приписывает Дж. Мёрдок организации, называемой им кланом: «однолинейность счета родства; территориальное единство (клан совпадает с локальной группой); существование социальной интеграции внутри клана (такая социальная группа представляет собой не механическую сумму независимых друг от друга семей, а предполагает определенную систему их соподчинения)»¹⁰.

Даже если ничего не добавлять к приведенному выше, то и в таком случае всякому непредубежденному человеку бросится в глаза, что рэмидж Р. Фёрта и клан Дж. Мёрдока — далеко не идентичные социальные организации. Прежде всего нельзя не заметить, что для клана Дж. Мёрдока совершенно не обязательной является первая основная отличительная черта рэмиджа — «сходство с генеалогическим деревом, разрастающимся по мере ветвления ствола». А если мы обратимся к работе Дж. Мёрдока «Социальная структура» то убедимся, что клан, как понимает его автор, вообще не мог походить на «генеалогическое дерево»¹¹. Не лучше обстоит дело и со вторым отличительным признаком рэмиджа — «иерархическое соподчинение входящих в гамаге ячеек». Он тоже совершенно не характерен для клана. Попытка М. В. Крюкова интерпретировать положение Дж. Мёрдока о социальной интеграции внутри клана как указание на существование в нем определенной системы соподчинения входящих в него семей не имеет под собой никаких оснований¹².

Таким образом, даже подходя к вопросу сверхосторожно, мы вынуждены признать, что если не все, то многие социальные образования, именуемые Дж. Мёрдоком кланами, при всем желании не могут быть названы рэмиджами в понимании Р. Фёрта. А с другой стороны, если не все вообще, то во всяком случае описанные Р. Фёртом рэмиджи о. Тикопия никак не могут быть названы кланами уже по одной той причине, что они не были локальными группами. Можно, конечно, говорить о принципиальной локализованности рэмиджей, но нельзя при этом игнорировать тот несомненный факт, что на о. Тикопия члены одного и того же рэмиджа жили в разных деревнях, а одна и та же деревня могла быть населена членами разных рэмиджей¹³.

Обратимся теперь к той социальной организации, которая была выделена М. О. Косвеном под названием «патронимия». Согласно определению М. О. Косвена, приведенному в статье М. В. Крюкова, патро-

⁹ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85.

¹⁰ Там же, стр. 86.

¹¹ G. P. Murdock, Social structure, New York, 1965, p. 65—78.

¹² Там же, стр. 68.

¹³ R. Firth, Primitive Polynesian economy, London, 1939, p. 245—246.

нимия «представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общине, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование»¹⁴. М. В. Крюков в статье исходит из глубокого убеждения, что смысл, который вкладывает М. О. Косвен в термин «патронимия», полностью совпадает с тем, что вкладывал Дж. Мёрдок в термин «клан». «Сущность патронимической организации — пишет он,— не может измениться от того, будем ли мы называть ее патронимией, пользуясь термином М. О. Косвена, или, следуя за Дж. Мёрдоком,— кланом, или же, наконец, предложим для него какой-то новый термин»¹⁵.

Однако дело значительно сложнее. Прежде всего патронимия М. О. Косвена только патрилинейна, а клан Дж. Мёрдока может быть как патрилинейным, так и матрилинейным. Но примем во внимание брошенное вскользь М. В. Крюковым замечание, что термин «патронимия» неудачен в частности потому, что описываемая М. О. Косвеном организация существует и в матрилинейном варианте (стр. 87), и будем считать, что он внес соответствующую поправку в определение М. О. Косвена. Но и это не решает дела.

По М. О. Косвену, обязательным признаком патронимии является, во-первых, то, что она возникла в результате сегментации семейной общине, во-вторых, то, что она носит название, образованное от собственного имени главы разделившейся большой семьи. Даже если мы внесем поправку, что точно такого же рода организация возникает и в результате сегментации матриархальной семейной общине, то и в таком случае значительное число социальных образований, полностью отвечающих данному Дж. Мёрдоком определению клана, окажутся вне пределов, охватываемых понятиями патронимии и матронимии.

В самом деле, социальное образование, состоящее из жителей папусской деревни, мужское население которой принадлежит к одному роду, полностью отвечает всем признакам клана, но не может быть охарактеризовано как патронимия, ибо оно возникло вовсе не в результате сегментации патриархальной семейной общине и, соответственно, не носит и не может носить названия, образованного от имени главы разделившейся семьи. Точно так же обстоит дело и с кланом хайда, приведенным Дж. Мёрдоком в качестве классического примера рассматриваемого им типа социальной организации¹⁶.

Однако неверным был бы, казалось, само собой напрашивающийся вывод, что понятие клана шире понятия патронимии (в широком смысле, включая и матронимию), что патронимия есть одна из разновидностей клана. Не только значительная часть кланов не может быть охарактеризована как патронимия, но также и значительная часть патронимий не подходит под определение клана. Клан, по Дж. Мёрдоку, всегда является локальной группой, представляющей собой либо целую общину (*clan-community*), либо обособленную часть общине (*clan-village*). По Дж. Мёрдоку, не существует иерархии кланов. «Клан-община» не делится на более мелкие кланы, а «кланы-баррио» не являются частями клана высшего порядка¹⁷.

¹⁴ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 97.

¹⁵ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 88.

¹⁶ G. P. Murdoch, Указ. раб., стр. 72—73.

¹⁷ Там же, стр. 74.

В отличие от кланов Дж. Мёрдока, патронимии М. О. Косвена могут образовывать и часто образуют целую иерархическую лестницу: группа родственных патронимий первого порядка может составлять патронимию второго порядка, группа родственных патронимий второго порядка может составлять патронимию третьего порядка и т. д. Естественно, что патронимии более высоких порядков, как правило, не могли составлять одну локальную группу, одно поселение. Некоторые из них могли охватывать до двадцати сел¹⁸. Вполне понятно, что такого рода патронимии никак не могут быть названы кланами в том понимании, в каком употребляет этот термин Дж. Мёрдок.

Как явствует из всего сказанного, понятия рэмидж (по Р. Фёрту), клан (по Дж. Мёрдоку) и патронимия (по М. О. Косвену) если и не исключает абсолютно друг друга, то во всяком случае, вопреки мнению М. В. Крюкова, далеко не совпадают. Сам же он вводимое им понятие клан нигде и никак не определяет. Поэтому оно остается крайне расплывчатым, туманным и неопределенным. Неопределенность его усугубляется еще одним обстоятельством. Насколько можно судить по статье М. В. Крюкова, отличительным признаком клана автор считает экзогамию. Но рэмиджи о. Тикопия, о которых пишет Р. Фёрт, не были экзогамными. Указывая в работе «Семейная община и патронимия» на то, что патронимия, как правило, экзогамна, М. О. Косвен в то же время не отказывается от применения термина патронимия и к неэкзогамным образованиям. «У некоторых народов,— пишет он,— например у арабов, у отдельных народов Дагестана, патронимия была, наоборот, эндогамна»¹⁹. Все это настоятельно требует внесения ясности. Однако никаких уточнений по этому вопросу мы у М. В. Крюкова не находим. Автор, по-видимому, совершенно не замечает этого противоречия, так же как и других, отмеченных выше.

Туман, сгустившийся над введенным М. В. Крюковым понятием клана как третьей формы родственной организации, отличной от рода и семьи, не рассеивается и тогда, когда он от общих рассуждений переходит к конкретному анализу соотношения клана и рода на примере, взятом из истории общества древнего Китая.

Нельзя сказать, чтобы сам пример был удачен. При обосновании того или иного нового положения очень важно, чтобы приводимый фактический материал был достаточно полон. О данных, используемых М. В. Крюковым, этого сказать нельзя. Они отрывочны, фрагментарны и допускают различную интерпретацию. Сам М. В. Крюков не может не признать, что предлагаемое им истолкование есть всего лишь одно из многих существующих в науке.

Общие выводы, отстаиваемые в статье М. В. Крюкова, не могли быть сделаны и не были сделаны на основе древнекитайского материала. Не говоря уж о статье, даже в книге М. В. Крюкова «Формы социальной организации древних китайцев» мы не наблюдаем процесса движения мысли от фактического материала к теоретическим положениям, процесса создания последних на основе обобщения первого. Мы наблюдаем иное — применение уже созданных раньше на основе, надо полагать, обобщения иного фактического материала, теоретических положений к интерпретации имеющихся данных о социальной организации древних китайцев.

Проверка тех или иных теоретических выводов путем анализа фактического материала, отличного от того, на основе которого они были

¹⁸ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 103—104.

¹⁹ Там же, стр. 116.

сделаны, вещь вполне законная. Но успешной она может быть лишь при условии, во-первых, чтобы используемый материал был достаточно полон, во-вторых, чтобы отстаиваемые теоретические положения были в достаточной степени ясны хотя бы для самого исследователя К сожалению, в статье и книге М. В. Крюкова не соблюдено не только первое условие, но и второе.

Подвергая в своей статье критике М. О. Косвена за утверждение что «родственные патронимии образуют в совокупности патриархальный род», М. В. Крюков не видит здесь ничего, кроме просто ошибочной формулировки. В действительности же дело обстоит сложнее. В самом деле, если утверждение некоторых советских этнографов о том, что род состоит из семей, еще можно объяснить, как это делает М. В. Крюков, тем, что они не учитывают существования третьего типа родственной организации, то подобное объяснение неприменимо к М. О. Косвену, открывшему и описавшему ее. А между тем он делает совершенно аналогичную ошибку. Почему? Такой вопрос у М. В. Крюкова даже не возникает. И не предприняв попытки выявить корни ошибки М. О. Косвена, он, сам того не замечая, впадает в ту же ошибку.

Чтобы выявить причину такого положения, необходимо хотя бы в общих чертах проанализировать структуру того образования, которое М. О. Косвен назвал патронимией, взяв его, разумеется, в наиболее типичном виде. Классическая патронимия, как ее рисует М. О. Косвен, во первых, патрилинейна, во-вторых, экзогамна, в-третьих, совпадает с локальной группой, представляет собой отдельное поселение.

Патронимия всегда есть не просто и не только совокупность семей, между которыми существует «хозяйственное, общественное и идеологическое единство», не просто локальная хозяйственная группа. Характерный признак ее состоит в том, что все принадлежащие к ней мужчины являются по мужской линии потомками одного общего предка, в соответствии с чем носят общее наименование, образованное от имени последнего: Петровичи, Васильковичи и т. п. Все они, как правило, в состоянии проследить свое реальное родство по мужской линии как с общим предком, так и друг с другом. Вполне понятно, что потомками по мужской линии того же самого предка являются также и сестры, и дочери мужчин. Вместе с мужчинами они образуют одну патрилинейную кровнородственную группу.

Выделенная выше патрилинейная генеалогическая группа не идентична той состоящей из семей локальной хозяйственной группы, с рассмотрения которой мы начали. В силу правила экзогамии женщина из данной патрилинейной группы могла выйти замуж только за мужчину, принадлежащего к другой такой же патрилинейной группе. Но таковых внутри данной локальной хозяйственной группы быть не могло. Поэтому женщина, выходя замуж, должна была покинуть родную локальную хозяйственную группу и перейти в такую же группу мужа. Соответственно и мужчина из данной патрилинейной генеалогической группы мог взять в жены только женщину, принадлежащую к другой генеалогической группе, а следовательно, родившуюся и вплоть до брака входившую в состав другой локальной хозяйственной группы.

Таким образом, каждая патрилинейная генеалогическая группа четко делилась на две подгруппы: женскую и мужскую. Члены первой из них рано или поздно покидали родную локальную хозяйственную группу и переходили в другие локальные хозяйственные группы. Члены второй в течение всей своей жизни оставались в составе родной локальной хозяйственной группы. Вполне понятно, что они никогда не составляли всей хозяйственной группы. Вплоть до брака в нее входили их сестры

и дочери. Членами этой группы были их матери и жены. Но мужская часть патрилинейной генеалогической группы, не составляя всей локальной хозяйственной группы, служила ее костяком, ее постоянным ядром, вокруг которого она вся строилась.

Представляя собой ядро локальной хозяйственной группы, мужчины составляли одновременно и ядро патрилинейной генеалогической группы. Ведь только через мужчин считалось родство, только мужчины учитывались в родословной, только мужчины передавали своим детям патронимическое наименование.

Таким образом, генеалогическая группа, с одной стороны, и локальная хозяйственная, с другой, не совпадая друг с другом, имели в то же время общую постоянную часть, которая являлась одновременно ядром как первой, так и второй. Этой общей частью были мужчины. В силу такого своего положения они составляли несколько обособленную группу. Именно к этой группе прежде всего и относилось общее патронимическое наименование, т. е. патронимия в буквальном смысле этого слова. Когда говорили о Петровичах, Васильковичах и т. п., то прежде всего, конечно, имели в виду мужчин, а иногда и исключительно лишь мужчин.

Но представляя собой несколько обособленное образование, мужчины в то же время никогда не были самостоятельным целым, а лишь частью, причем главной, основной, с одной стороны, патрилинейной генеалогической группы, а с другой — локальной хозяйственной группы. Поэтому и мыслились они чаще всего не как нечто самостоятельное, а как неразрывно связанное с одним из двух образований, ядром которых являлись.

Когда принимался во внимание генеалогический аспект, то говоря о Петровичах, Васильковичах и т. п., имели в виду не только мужчин, но и их сестер и дочерей, т. е. всех потомков Петра, Василька по мужской линии, всю патрилинейную генеалогическую группу в целом. Когда принимался во внимание хозяйственно-локальный аспект, то говоря о Петровичах, Васильковичах и т. п., имели в виду всю локальную хозяйственную группу, ядро которой составляли потомки по мужской линии Петра, Василька и т. п., в целом, а соответственно и всех ее членов, независимо от их генеалогической принадлежности.

Иначе говоря, патронимическое наименование могло применяться и применялось для обозначения трех тесно связанных, но несовпадающих полностью группировок людей. Соответственно три тесно связанных, но тем не менее не совпадающих полностью значения должны были иметь и обобщающие термины, выработанные разными народами, у которых бытовала такая форма социальной организации.

М. О. Косвен, вводя термин патронимия, не подверг теоретическому анализу структуру исследуемого социального образования. В результате он, сам того не замечая, употребляет этот термин в двух, хотя и тесно связанных, но тем не менее различных смыслах. Когда М. О. Косвен определяет патронимию как группу семей и т. д., он имеет в виду патронимическую локальную хозяйственную группу. Когда же он говорит о «хранимом всеми членами патронимий отчетливом сознании единства своего происхождения и, следовательно, родства»²⁰, то имеет в виду патронимическую генеалогическую группу. Последнюю он подразумевает и тогда, когда определяет род как совокупность родственных патронимий²¹.

²⁰ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 117.

²¹ Там же, стр. 119.

Анализа структуры патронимии не предпринял и М. В. Крюко. В результате он допускает то же самое смешение значений, за которое критикует М. О. Косвена. Для него остается непонятным, что рассматриваемый им термин «цзунцзу» имеет три тесно связанных, но тем не менее различных смысла. В результате он, считая, что всегда говорят об одной и той же четко очерченной группе людей, имеет в виду одну, то другую из трех связанных, но не совпадающих полностью группировок.

Когда М. В. Крюков пишет, что «говоря о внутренней структуре чжоуской цзунцзу, необходимо подчеркнуть, что эта организация представляла собой не группу кровных родственников, а группу родственных семей»²², он имеет в виду патронимическую локальную хозяйственную группу. Когда же он категорически утверждает, что «каковы бы ни были размеры цзунцзу, все ее члены четко осознают свое происхождение от общего предка, причем не далекого или легендарного, а вполне реального исторического лица»²³, то здесь мыслится уже не патронимическая локальная хозяйственная группа, а патронимическая генеалогическая. И, наконец, когда мы читаем, что «все члены цзунцзу, именовавшиеся цзунцзынь, по традиции, разделялись на две категории: «отцы и старшие братья» и «дети и младшие братья»²⁴, то становится ясным, что в данном случае термином цзунцзу обозначается патронимическое ядро.

Смешав воедино все три смысла термина цзунцзу, М. В. Крюков, естественно, оказался не в состоянии раскрыть отношение между данным социальным образованием и родом. «Существенным отличием рода от цзунцзу,— пишет он,— является то, что в последней всегда существовала внутренняя стратификация, иерархия входящих в нее ячеек. Внутри цзунцзу, как правило, выделялась старшая линия (прямые потомки предка-основателя) и несколько боковых. Такое ветвление линий родства находит отражение в метафорическом обозначении цзунцзу как «ветвей и листьев», часто встречающемся в древнекитайских источниках. В то же время принадлежность к роду не предполагает заведомо неравноправного положения сородичей, их иерархического соподчинения»²⁵.

Противопоставление цзунцзу (и вообще патронимии) и рода как двух типов социальной организации, базирующихся на разных принципах, имеет смысл лишь в том случае, когда под цзунцзу понимается патронимическая локальная хозяйственная группа, ибо патронимическая генеалогическая группа отличается от рода лишь как часть от целого. Но в данном случае М. В. Крюков, полагая, что имеет в виду состоящую из семей патронимическую локальную хозяйственную группу в действительности рассматривает патронимическую генеалогическую группу. Действительно, вести разговор о линиях родства, об их ветвлениях можно только в применении к генеалогической группе, но не к локальной хозяйственной группе.

Другое дело, что ядро генеалогической группы было одновременно и ядром локальной хозяйственной группы, что нельзя понять структур локальной хозяйственной группы, не принимая во внимание структур генеалогической группы и наоборот, что причину неравноправия стар-

²² М. В. Крюков, Формы социальной организации древних китайцев, М., 1965, стр. 89.

²³ Там же, стр. 86.

²⁴ Там же, стр. 89.

²⁵ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организаций, стр. 91—92.

ших и боковых ветвей следует искать не в самих родственных отношениях, а в господствующих социально-экономических. Все это нужно иметь в виду, но это не дает еще права смешивать генеалогический аспект со всеми остальными.

М. В. Крюков, рассматривая древнекитайский материал, неоднократно говорит об экзогамии рода и экзогамии цзунцзу, нигде не уточняя, какой именно смысл он вкладывает в последний термин. А между тем это очень важно. Когда мы говорим об экзогамии патронимии, имея в виду патронимическую генеалогическую группу, то мы сталкиваемся здесь с явлением того же порядка, что и родовая экзогамия. Экзогамия в данном случае состоит в полном запрете брачных и вообще половых отношений между всеми без исключения членами той или иной человеческой группы. Когда же мы говорим об экзогамии патронимии, имея в виду патронимическую локальную хозяйственную группу, то сталкиваемся с несколько иным явлением. Здесь перед нами также экзогамия, если понимать это слово буквально, ибо человек не может вступить в брак с членом своей же собственной группы и вынужден искать супруга в другой группе. Но когда мужчина уже вступил в брак, то его жена становится членом его локальной хозяйственной группы.

Если в первом случае экзогамия не только означала запрет браков между членами данной группы, но и вообще исключала возможность того, чтобы супруги или вообще половые партнеры могли оказаться в составе данной группы, то во втором случае она означала только первое, но никак не второе. Различие между двумя выделенными выше видами экзогамии требует уточнения терминологии. Мы предлагаем, сохранив за первым, классическим типом экзогамии старый привычный термин, применять для обозначения второго — его вариант — слово «экстогамия». Таким образом, если род и патронимическая генеалогическая группа экзогамны, то патронимическая локальная хозяйственная группа — экстогамна.

Если теперь подвести некоторые итоги, то следует сказать, что все сказанное М. В. Крюковым о чжоуской цзунцзу, нисколько не продвигает нас вперед в постижении природы патронимии (в косвеновском смысле этого термина) и тем более ничего не дает для уточнения смысла вводимого им понятия клан. Оно по-прежнему остается неясным. И это не случайно.

Ведь кланом, по М. В. Крюкову, является и совершенно недифференцированная в социальном отношении деревня папуасов, в которой все мужчины принадлежат к одному роду, и община хайда, в которой получили развитие отношения эксплуатации, и рэмиджи островов Тонга, где сложилось раннеклассовое общество, и цзунцзу чжоуского Китая и, наконец, социальные образования, существование которых отмечено в Шумере, Вавилонии, Ассирии, Угарите, у древних германцев, славян, в раннесредневековой Норвегии, Новгороде XIV—XV вв. и т. п.²⁶ Если согласиться с М. В. Крюковым, то получится, что и у папуасов, и в древнем Шумере, и в Новгороде XIV—XV вв. существовал один и тот же тип социальной организации. Вполне очевиден антиисторизм такого подхода. Создать понятие, обнимающее все многообразие перечисленных социальных явлений, можно лишь одним путем, именно — вытравив из него всякое конкретное содержание, что, собственно, мы и наблюдаем у М. В. Крюкова.

²⁶ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации, стр. 86—87; его же, Формы социальной организации древних китайцев, стр. 95—96.

В этой связи совершенно естественным является то, что М. В. Крюков, говоря о клане, ни одним словом не обмолвился о главном и основном — о его социально-экономическом содержании. Главные, основные, фундаментальные отношения — производственные — остаются совершенно вне поля его зрения. А между тем при характеристике любого родственного объединения это имеет первостепенное значение, что, к сожалению, не всегда учитывается, и причем не одним только М. В. Крюковым.

Во многих работах по этнографии приходится читать, что ту или иную группу людей связывают воедино узы кровного родства. Можно ли признать это положение верным? Ответ зависит от того, какой смысл мы будем вкладывать в само понятие «родственные связи». Если, говоря о них, мы будем иметь в виду исключительно лишь отношения биологического, генетического родства, отношения естественные, то приведенное выше положение нельзя не признать ошибочным. Биологическое родство само по себе никого никогда не связывало и связывать не может.

И в этом легко убедиться. Одни эпохи истории человечества характеризуются существованием больших прочно спаянных групп родственников, другие — их отсутствием, а между тем отношения биологического родства и в те, и в другие эпохи оставались по существу одними и теми же. Абсолютно те же самые кровнородственные отношения могут в одних случаях приниматься во внимание, играть важную роль в определении поведения людей, а в других — полностью игнорироваться ими. Все это свидетельствует о том, что в тех случаях, когда мы наблюдаем существование кровнородственных объединений, связывают людей во все не родственные отношения сами по себе, а те факторы, которые делают их общественно значимыми для людей. Такими факторами являются общественные отношения вообще, социально-экономические в первую очередь.

Как известно, только марксизм является подлинно научной идеологией, адекватно отражающей общественное бытие, т. е. совокупность производственных, социально-экономических отношений. До его возникновения отражение общественного бытия в общественном сознании всегда в той или иной степени носило иллюзорный характер. Объективное содержание облекалось в иллюзорную форму, выступало, существовало для человека в иллюзорной форме²⁷. Так было в классовом обществе, так было и в доклассовом. Характерная черта социально-экономических, да и не только социально-экономических отношений на определенных этапах развития доклассового общества состоит в том, что они принимали в сознании человека форму естественных, именно кровнородственных, отношений, существовали для человека не как производственные и иные социальные отношения, каковыми являлись в действительности, а как отношения родственные, естественные, природные.

Неизбежным результатом такого положения вещей была иллюзия, что именно данные естественные, природные, родственные и никакие иные отношения и связывают на данном этапе людей в общество, что именно они и являются на данном этапе общественными отношениями, что именно они и лежат в основе, фундаменте общества. Здесь мы наблюдаем явление, во многом аналогичное товарному фетишизму, детально проанализированному К. Марксом в «Капитале»²⁸. Подобно

²⁷ Подробнее об этом см.: М. Корнфорт, Диалектический материализм, М., 1956, стр. 354—378.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 80—93.

гому, как в обществе товаропроизводителей социальное отношение людей «принимает в их глазах фантастическую форму отношения между венцами»²⁹, в обществе доклассовом социальные связи между людьми принимают в их глазах форму уз природных, естественных.

Возникшее как надстройка над социально-экономическими отношениями доклассового общества система представлений о родстве и соответственно идеологических родственных отношений неизбежно приобретает относительную самостоятельность и активно обратно воздействует на породившие их социальные отношения. Не обуславливая природы тех или иных человеческих объединений, она в то же время во многом определяет, кто именно из членов общества войдет в состав той или иной конкретной группировки. Эта система представлений о родстве и идеологических родственных отношениях может долгое время по инерции существовать и после того, как породившие ее социально-экономические отношения уже исчезли. В таком случае иллюзия, что людей связывают именно кровнородственные узы и никакие другие — навязывается с особой силой, причем не только действующим лицам, но и исследователям.

Во власти такого рода иллюзии находится и М. В. Крюков. Игнорируя социально-экономические отношения, он по существу ничего не может сказать о своем клане. В статье ни слова не говорится ни о том, как возник клан, ни о том, какие этапы он прошел в своем историческом развитии, ни о том, наконец, как и когда он исчез.

Оставив в стороне глубокое внутреннее содержание родственных объединений, М. В. Крюков вынужден ограничиваться лишь внешними формальными признаками. В результате у него, на наш взгляд, не могло получиться ничего иного, кроме бессодержательной абстракции.

В заключение несколько слов о полемических приемах М. В. Крюкова. Как известно, в спорах рождается истина. Но чтобы дискуссия привела к желаемому результату, необходимо соблюдение определенных условий. Нельзя, например, приписывать оппоненту того, чего в действительности нет в его работах. Нельзя также отрицать наличие в его работах того, что в них в действительности имеется.

М. В. Крюков несколько раз повторяет, что в нашей статье «О периодизации первобытной истории» совершенно игнорируются социальные образования, объединяемые им под названием клана. «Установление принципиальных различий между родом и кланом,— пишет он,— а также выяснение исторического соотношения между этими формами социальной организации свидетельствует о том, что игнорирование эволюции клана при рассмотрении вопроса о периодизации первобытного и ранеклассового общества ни в коей мере не может способствовать успешному решению этой сложной проблемы. Именно поэтому, на наш взгляд, представляется недостаточно убедительной предпринятая Ю. И. Семеновым попытка конструирования различных исторических форм рода, свойственных некоторым последовательным этапам в развитии родового общества. Эта гипотеза неудовлетворительна не только потому, что она не основывается на конкретных фактах, но и потому, что, следя ей, автор вынужден оставить без объяснения большое количество накопленных в настоящее время этнографических материалов о роли клана в социальной структуре родового и ранеклассового общества»³⁰.

²⁹ Там же, стр. 82.

³⁰ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации, стр. 93—94.

Это утверждение представляется тем более странным, что подобного рода социальные образования не только не игнорируются в нашей статье, но, наоборот, играют очень важную роль в предложенной схеме периодизации. Именно с их появлением и развитием связываются в статье изменения во внутренней структуре рода, переходы от одной его форм к другой.

Если, согласно отстаиваемой в статье схеме периодизации, род на первом этапе развития доклассового общества полностью совпадает с производственным коллективом, то на втором он перестает с ним совпадать. Производственным объединением становится на этом этапе уже не род, а социальное образование, состоящее из людей, принадлежащих к разным родам, которое мы предложили именовать «семейно-клановым коллективом». Как на его характерную черту мы указывали на то, что ядро данного объединения составляют люди, принадлежащие к одному роду³¹. Иначе говоря, термином «семейно-клановый коллектив» мы обозначали одно из тех социальных образований, которые М. В. Крюков называет кланом. Трудно понять, как М. В. Крюков смог этого не заметить, особенно если учесть, что в статье специально подчеркнуто, что семейно-клановым коллективом мы называем то самое социальное образование, которое Дж. Мёрдок называет кланом, а Н. А. Бутинов — родовой общиной³².

Кроме семейно-кланового коллектива, в предложенной в статье схеме периодизации фигурирует еще одно социальное образование, которое отвечает всем требованиям, предъявляемым М. В. Крюковым к его клану, — «семейно-гентильная община»³³. Появление последней связывается в статье с переходом к эпохе разложения родового коммунизма.

Можно, конечно, не соглашаться с данной схемой, можно отрицать необходимость выделения тех или иных социальных структур, можно считать предложенные термины неудачными и т. п., но утверждать, как это делает М. В. Крюков, что в предложенной нами периодизации первобытной истории совершенно игнорируются социальные образования, объединяемые им под названием клана, значит искашать истину.

SUMMARY

The author criticizes the concept of *clan* as it is proposed by M. V. Kryukov in his article «On the correlation of the gentile and the patronymic (clan) organization». This concept is shown to be extremely diffuse and indefinite; it is characterized as an empty abstraction; the author's approach to the study of social structure is described as ahistorical. In the course of this criticism some positive theses are set forth. In analyzing the form of social organization marked out by M. Kosven under the term *patronymy* the author shows that this term has been used to designate three closely interconnected but still distinctive types of groups. In examining the problem of exogamy in a patronymy he concludes that exogamy in its strict sense should be distinguished from a similar but not identical phenomenon which he proposes to term *ectogamy*. The statement that in the primitive era people were united by blood kinship is analyzed; it is shown that the unity of kinship groups is based not on consanguinity as such but on social factors, which give it a social significance, i. e. on social relations, and primarily on socio-economic relations. In pre-class society such relations are bound to assume the shape of natural blood links in the peoples' minds; here is the origin of the idea that primitive society was founded on consanguinity.

³¹ Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1965, № 5.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 91.

Сообщения

Н. Н. Ершов

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Задача настоящего сообщения — рассказать о работах, проводящихся этнографами Таджикистана по изучению таджиков и других проживающих здесь народов.

Мы остановимся преимущественно на периоде 1950—1960-х гг., поскольку о деятельности этнографов Таджикистана в более ранние периоды уже сообщалось в печати.

Так, в 1951 г. в сборнике «Развитие науки в Таджикистане», приуроченном к важному этапу в научной жизни республики — образованию Академии наук Таджикской ССР, вышла большая статья А. Мирзоева «Об итогах и очередных задачах в области истории, археологии, этнографии, языка, словарной работы и литературоведения Таджикистана», написанная на таджикском языке¹. В разделе, характеризующем историю этнографического изучения таджиков², автор, упомянув дореволюционные этнографические исследования, проводившиеся на территории современного Таджикистана, дает довольно подробный обзор работ советских ученых, заканчивая его характеристикой этнографического обследования районов б. Кулабской области, осуществленного в 1948—1949 гг. под руководством А. К. Писарчика.

Несколько месяцев спустя, в том же году вышла публикация известного этнографа-таджиковеда Н. А. Кислякова «Этнографическое изучение Таджикистана»³, в которой он обстоятельно рассматривает этнографические исследования, проводившиеся на территории Таджикистана с первых лет после присоединения Средней Азии к России до (как и А. Мирзоев) 1949 г. В заключении Н. А. Кисляков подводит итоги проделанной работы и говорит о задачах дальнейшего этнографического изучения таджиков и Таджикистана.

В 1951 г. после организации Академии наук Таджикской ССР был создан Институт истории, археологии и этнографии (с 1962 г. — Институт истории им. А. Дониша) с сектором этнографии в его составе. Возглавившая сектор А. К. Писарчик выступила со статьей «Этнографическая работа в Таджикистане»⁴, в которой подробно охарактеризовала исследования (остановившись на содержании каждого из них), осуществленные таджикистанскими учреждениями вплоть до 1954 г., т. е. до года публикации самой статьи.

Почти одновременно с этим ею совместно с Б. Х. Кармышевой была опубликована статья «Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг.»⁵. В ней авторы освещают деятельность сектора этнографии, называют все работы, опубликованные его сотрудниками в 1951—1953 гг.

Перечисленные обзоры дают довольно полное представление о деятельности этнографов Таджикистана. Следует упомянуть лишь отдельные публикации, не вошедшие в эти обзоры: статью Н. Н. Ершова и Н. Н. Кампанцева «О табибской медицине на

¹ См. «Труды ТаджФАН СССР», т. XXVII, Душанбе, 1951, стр. 201—226.

² Там же, стр. 209—212.

³ См. «Труды ТаджФАН СССР», т. XXIX, Душанбе, 1951, стр. 53—66.

⁴ См. «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 6, Душанбе, 1954, стр. 63—71 (в дальнейшем — А. К. Писарчик, Указ. раб.).

⁵ См. «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 115—119.

Памире»⁶, написанную по материалам, собранным в Шугнане в 1935 г. во время работ Памирской антрополого-физиологической экспедиции Института под руководством Л. В. Ошанина, и «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии»⁷, посвященный 80-летию со дня рождения видного ученого А. А. Семенова. В сборнике вошло пять этнографических статей:

1. Н. Н. Ершов. «Туи гулдор у кыстакозских таджиков»⁸. В работе описан семейный праздник по случаю обрезания мальчика в с. Кыстакоз б. Ходжентского уезда, с театрализованными действиями, факельными шествиями и другими развлечениями. Прослеживаемые элементы церемониала в ритме средневековые, автор высказывает мысль о возникновении этой традиции еще в доисламское время.

2. Б. Х. Кармышева. «Сведения об узбекских родах семиз и кесамир»⁹. В статье излагается и анализируется часть материала о тюркоязычном населении юга Таджикистана, собиравшегося в течение ряда лет. В заключении автор обосновывает свой вывод о происхождении родов семиз и кесамир от дештикыпчакских узбеков.

3. Н. А. Кисляков. «Таджики долины Соха»¹⁰. Автор кратко характеризует сельское хозяйство и жилище таджиков с. Ишьёр, сообщает некоторые сведения об их происхождении; приведена также сельскохозяйственная терминология.

4. А. К. Писарчик. «О некоторых терминах родства таджиков»¹¹. В работе дана сводная таблица терминов родства таджиков по 29 пунктам горных и равнинных районов Таджикистана и две таблицы терминов кровного родства и родства по браку у язгулемцев. У последних отмечена интересная особенность — обозначение одинаковым термином всех дядей и теток, т. е. лиц разного пола, родственников как по отцу так и по матери, прослеживаются следы такого же положения и у некоторых других групп припамирских таджиков и делается попытка объяснить этот факт.

5. М. Р. Рахимов. «Меры сыпучих тел у таджиков бассейна реки Хингоу»¹². Работа содержит сведения об объемных мерах веса, применявшихся при взвешивании, главным образом зерна. Впоследствии эта работа вошла в диссертацию автора на тему «Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период»¹³.

О. А. Сухаревой была написана статья «Ислам» для монографии «Таджики», подготовка которой проводилась в 1939—1940 гг. историко-лингвистическим сектором Таджикской базы АН СССР совместно с Институтом этнографии АН СССР и осталась незавершенной из-за начавшейся войны¹⁴.

В 1954 г. вышла из печати работа Б. Х. Кармышевой «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана»¹⁵. Необходимо отметить еще, что в 1952 г. Ю. А. Шибаева (Таджикский государственный университет) изучала этнографию киргизов Мургаба (Памир). Ею были опубликованы краткий отчет о поездке к мургабским киргизам¹⁶ и материалы по их жилищу¹⁷.

Характеристику дальнейшего развития этнографических исследований в Таджикистане мы начнем с обзора работ сектора этнографии по сплошному этнографическому обследованию районов б. Гармской области¹⁸. Обследование велось в течение 1952—1957 гг. в бассейне реки Сурхоба-Вахша (б. Карагеин и Дарваз). Был собран богатый

⁶ См. «Бюллетень Узбекского института экспериментальной медицины», 1939, № 14 Ташкент, стр. 40—48.

⁷ См. «Труды АН ТаджССР», т. XVII, Душанбе, 1953.

⁸ Там же, стр. 87—98.

⁹ Там же, стр. 99—110.

¹⁰ Там же, стр. 111—119.

¹¹ Там же, стр. 177—186.

¹² Там же, стр. 197—204.

¹³ См. «Труды АН ТаджССР», т. XLIII, Душанбе, стр. 170—174.

¹⁴ Эта статья, расширенная и доработанная О. А. Сухаревой, вышла в 1960 г. Ташкенте под названием «Ислам в Узбекистане».

¹⁵ См. «Труды АН ТаджССР», т. XXVIII, Душанбе, 1954.

¹⁶ См. Ю. А. Шибаева, Поездка к мургабским киргизам, «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», Душанбе, 1953, № 3, стр. 162, 163.

¹⁷ Ю. А. Шибаева, Материалы по жилищу мургабских киргизов, «Сообщени Республиканского историко-краеведческого музея», вып. 2, Душанбе, 1955, стр. 92—120.

¹⁸ О начале работ по сплошному этнографическому обследованию района б. Гармской области писала А. К. Писарчик. См. А. К. Писарчик, Указ. раб стр. 68.

материал¹⁹ о составе населения, его материальной и духовной культуре, социальных отношениях в дореволюционный период, семейном быте, изменении быта крестьян после установления Советской власти и победы колхозного строя, музыке, играм и развлечениям.

В работах по сплошному этнографическому обследованию районов б. Гармской области, охвативших всю территорию Карагина и Дарваза, принимали участие Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик, М. Р. Раҳимов, Н. Х. Нурджанов, Б. Х. Кармышева, Р. Л. Неменова, Ю. И. Богород, А. З. Розенфельд, Н. Н. Ершов, М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова, О. Л. Данскер, В. А. Мешкерис, И. Мухиддинов, художники, фотографы и звукооператоры. В 1957 г. экспедиционные исследования были закончены, а в 1958 г. была завершена большая монография «Таджики Карагина и Дарваза», посвященная духовной и материальной культуре населения этой группы горных юго-восточных районов Таджикистана. Объем ее — 75 п. л. текста и большое число иллюстраций. Монография разделена на три выпуска, из которых первый (объемом 30 п. л.), включающий разделы о сложении населения обследованной области и его занятиях, уже вышел в свет (Душанбе, 1966 г.). Второй выпуск, посвященный культуре, и третий, содержащий характеристику семейного быта, находятся в печати.

Нужно отметить, что два больших раздела: «Музыкальная культура таджиков Карагина и Дарваза» (автор О. Л. Данскер) и «Развлечения и народный театр таджиков Карагина и Дарваза» (Н. Х. Нурджанов), подготовленные для монографии, были переданы сектору истории искусства (выделившемуся из сектора этнографии) и опубликованы в книге «Искусство таджикского народа»²⁰.

В целях более углубленного изучения материальной и духовной культуры таджиков Дарваза И. Мухиддинов в 1959—1960 гг. проводил стационарные работы среди таджиков с Егид, придерживавшихся в прошлом шиитского толка ислама и частично исмаилизма²¹. Собранные материалы оформляются И. Мухиддиновым в большую монографию.

В 1958 г. было начато сплошное этнографическое обследование другой группы районов, расположенных по верхнему течению Зеравшана: Матчинского, Айнинского и Пенджикентского. Выбор этих районов был продиктован переселением из них с 1957 г. жителей на вновь орошенные земли Голодной степи. В обследовании принимали участие сотрудники сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР; М. Р. Раҳимов, Р. К. Қадыров, А. С. Даъыдов, М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова, А. Мардонова, Б. Джумаев, художники и фотографы. В 1962 г. обследование верховьев Зеравшана было в основном закончено, и коллектив этнографов в 1963 г. переключился на работы в зоне затопления района строительства Нурикской ГЭС. Однако обработка полевых материалов Зеравшанской экспедиции продолжалась, и к 1965 г. сотрудниками сектора были написаны основные разделы монографии «Таджики верховьев Зеравшана»²².

Из разделов, посвященных материальной культуре таджиков Верхнего Зеравшана, сектором был составлен сборник, состоящий из трех глав: «Жилище» (автор А. С. Даъыдов); «Одежда» (З. А. Широкова) и «Пища» (М. А. Хамиджанова). Сборник включен в издательский план АН Таджикской ССР.

Одновременно с обследованием населения Верхнего Зеравшана М. А. Хамиджанова вела стационарное изучение материальной культуры матчинцев, переселившихся с верховьев Зеравшана на вновь орошенные земли в Голодной степи. Собранные материалы были охарактеризованы М. А. Хамиджановой в докладе, прочитанном на

¹⁹ Предварительные отчеты о работе экспедиций неоднократно публиковались. Так, предварительные отчеты Н. Х. Нурджанова, Р. Л. Неменовой и М. Р. Раҳимова напечатаны в кн.: «Доклады АН ТаджССР», вып. 9, Душанбе, 1953; Н. Н. Ершовым опубликованы: «Ремесла таджиков Дарваза (по материалам Гармской этнографической экспедиции 1954 г.)», «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», Душанбе, 1956, вып. 10—11, стр. 3—11; «Ремесла таджиков Карагина и Дарваза» (доклад, прочитанный на заседании Большого Ученого совета Ин-та истории им. А. Дониша АН ТаджССР в апреле 1961 г.), там же, 1964, вып. I (36), стр. 33—40.

²⁰ «Искусство таджикского народа», «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», вып. 3, Душанбе, 1965, стр. 174—264 и 113—152.

²¹ Предварительные сведения из отдельных разделов работы были опубликованы, см.: И. Мухиддинов, Съедобные дикие растения Дарваза, «Ботанический журнал АН СССР», М.—Л., т. 48, 1963, стр. 419—422; его же, Настенные рисунки в сел. Егид, «Сов. этнография», 1964, № 2, стр. 108—115.

²² Краткие сведения о результатах работы экспедиций см.: М. Р. Раҳимов, Зеравшанская этнографическая экспедиция, «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», Душанбе, 1963, № 1(32), стр. 51—66.

VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в августе 1964 г.²³ Впоследствии эти материалы были ею дополнены и оформлены в диссертацию «Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошающие земли»²⁴ на соискание ученой степени кандидата исторических наук, успешно защищенную в 1966 г. в Таджикском государственном университете.

Было проведено две больших экспедиции и несколько дополнительных выездов отдельных сотрудников в подлежащую затопление зону района строительства Нуракской ГЭС. В работах принимали участие Р. Л. Неменова, Р. К. Кадыров, З. А. Широкова, М. А. Хамиджанова, И. М. Мухиддинов, Г. И. Ишанкулов, Д. Исмаилов, художники и фотографы. Собран и изучен обширный полевой материал, позволивший приступить к написанию отдельных глав. Предполагается, что работа над монографией «Таджики Нурака» (название условное.— Н. Е.) будет завершена в 1968 г.

В 1959 г. Н. Н. Ершов начал изучение ремесел таджиков Карагата — небольшого теперь селения в Регарском районе, а некогда летнего административного центра Гиссарского края в эмирской Бухаре и известного центра кустарной промышленности всей Гиссарской долины. Как ни странно, но эти центральные районы нынешнего Таджикистана оставались до последнего времени мало изученными в этнографическом отношении, и если мы находим отрывочные сведения о них в дореволюционной литературе, то в исследованиях советских ученых таких сведений нельзя было найти до самых последних лет.

Правда, в 1924 и 1925 гг. Гиссарскую долину посетили этнографические экспедиции во главе с М. С. Андреевым, организованные Туркомстарисом и Обществом по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами, однако эти экспедиции были здесь проездом, и в опубликованных их руководителем кратких отчетах²⁵, содержатся лишь очень краткие сведения о таджиках Гиссара.

Таким образом, исследованием ремесел Карагата было начато этнографическое изучение центральных районов республики. В 1964 г. Н. Н. Ершов закончил свое исследование «Ремесла Карагата», объемом 10 печ. л.²⁶, снабженное большим числом иллюстраций, и в 1965 г. приступил к изучению семьи, семейных отношений, обычаям и праздникам таджиков Карагата.

В 1961 г. в работы по этнографическому обследованию центральных районов Таджикистана включилась Р. Л. Неменова, занявшаяся этнографо-филологическим изучением таджиков другого микрорайона Гиссарской долины — Варзобского ущелья²⁷.

В 1952 г. сектор этнографии исследует быт рабочих Ленинабадского шелкокомбината. Материалы собирали сотрудник сектора Н. Х. Нуриджанов, а обработка их проводилась сектором совместно с Институтом этнографии АН СССР. Однако по ряду обстоятельств исследование было прервано и возобновлено лишь в 1962 г., когда была запланирована тема «Культура и быт рабочих-таджиков по материалам Ленинабадского шелкокомбината». Работа эта выполнялась Г. И. Ишанкуловым, и к концу 1966 г. им завершено написание исследования общим объемом около 12 печ. л. Оно разделено на два выпуска, первый из которых, посвященный истории комбината и сложению его рабочих кадров из местных таджиков, в 1968 г. подготовлен к печати и включен в издательский план АН Таджикской ССР.

Одновременно с перечисленными работами сектор этнографии продолжал подготовку к печати материалов научного архива М. С. Андреева. После выхода в свет первого тома монографии «Таджики долины Хуф» в 1953 г. А. К. Писарчик систематизировала и подготовила к печати имевшиеся в указанном архиве материалы, которые ее автор предназначал для второго тома монографии, посвященного в основном материальной культуре и занятиям хуфцев, А. К. Писарчик снабдила их обширными примечаниями, а также написала дополнительно специальный раздел о жилище тад-

²³ М. Хамиджанова, Занятия и материальная культура таджиков-матчинцев, переселившихся на вновь орошенные земли, М., 1964.

²⁴ М. А. Хамиджанова, Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошающие земли (автореферат), Душанбе, 1966.

²⁵ М. С. Андреев, Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 г. к горным таджикам Матчи, Карагина, Гиссарского края и Ягноба, «Изв. Туркестанского отдела РГО», т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 217, 218; его же, Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 году, в кн.: «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 5—26.

²⁶ Работа включена в издательский план АН ТаджССР.

²⁷ Опубликованы «Таджики Варзоба (отчет об экспедиции 1961 г.)» и «Краткие сведения об экспедиции 1962 г.», см.: «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», № 1/32, Душанбе, 1963, стр. 65—75 и 84—85.

жиков долины Хуф. Этот второй том монографии вышел в 1958 г.²⁸ В 1953 г. была начата совместно с Институтом языка и литературы АН Таджикской ССР подготовка к изданию другой большой группы материалов М. С. Андреева — ягнобских текстов и словаря²⁹. Работа была завершена в 1954 г. и издана в 1957 г.³⁰ Одновременно А. К. Писарчик подготовила к печати другие материалы М. С. Андреева: а) статью «Арк (Кремль) Бухары», снабженную большим числом иллюстраций, подробным общим планом цитадели и планами отдельных комплексов зданий. В ней приводится подробное описание как самих зданий крепости, так и жизни, проходившей в них; б) «Материалы по этнографии Ягноба», содержащие уникальные, собранные в 1927—1928 гг. сведения о материальной и духовной культуре ягнобцев, извлеченные из полевых дневников М. С. Андреева и систематизированные А. К. Писарчик. К работе приложены планы селения и жилищ. Обе работы включены в издательский план АН Таджикской ССР.

Непрерывно ведется и сбор этнографических коллекций. В фондах сектора этнографии по состоянию на 1 января 1968 г. хранится свыше 6000 предметов стоимостью более 70 тысяч рублей.

Не имея в Институте специального помещения для показа этнографических коллекций, сектор за эти годы вел довольно оживленную деятельность по организации выставок вне института. Так, в 1957 г. в связи с Декадой таджикской литературы и искусства в Москве была показана выставка прикладного искусства таджиков из фондов сектора, затем ее перевезли в Ленинград, оттуда — в Ригу. В 1959 г. этнографические экспонаты посыпались в Китай. В 1963 г. выставка художественных изделий устраивалась в Москве на ВДНХ в павильоне Таджикской ССР и в Доме дружбы с народами зарубежных стран. В 1967 г. вышивки, одежда, ювелирные и керамические изделия и художественные ткани из фондов сектора посыпались на выставки в Монреаль (ЭКСПО 67), на Кубу и в Румынию. Кроме того, в связи с различными юбилейными датами сектор неоднократно устраивал выставки в Душанбе. Этнографические коллекции сектора в настоящее время хранятся в доступном для обозрения виде и часто используются работниками самых различных специальностей. Характеристика этнографических фондов давалась в ряде публикаций³¹.

В 1960 г. сектор приступил к подготовке двух цветных альбомов: одежды и прикладного искусства таджиков. Основой для составления таблиц послужили этнографические коллекции сектора, и лишь отдельные таблицы обоих альбомов были выполнены художниками с предметов, находящихся в музеях Ташкента, Бухары и Самарканда, или с натуры в различных районах республики. В 1961 г. эта работа, была завершена. Альбом «Одежды таджиков» (составители Н. Н. Ершов и З. А. Широкова) содержит 47 таблиц, вводную статью и аннотации таблиц, общим объемом 2,5 печ. л. Альбом прикладного искусства таджиков (составитель А. К. Писарчик) содержит 50 таблиц и 2,5 печ. л. текста. Таблицы обоих альбомов выполнены художниками Ю. П. Гремячинской и Х. А. Жаба. Краткое содержание вводных статей обоих альбомов дано на английском языке. В настоящее время альбомы печатаются в Полиграфическом комбинате Комитета по делам печати при Совете Министров Таджикской ССР в Душанбе.

Довольно успешно протекает работа сектора по подготовке научных кадров и по повышению квалификации научных работников. В 1958 г. в Институте этнографии АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Н. Н. Ершов, а в 1966 г. в Таджикском государственном университете в Душанбе ученая степень кандидата исторических наук была присуждена М. А. Хамиджановой. В настоящее время в аспирантуре АН Таджикской ССР по этнографии таджиков готовят диссертации четыре человека. Характерной особенностью всех научных работников и аспирантов сектора этнографии является активное владение таджикским языком.

²⁸ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 2, Душанбе, 1958.

²⁹ А. К. Писарчик, указ. раб., стр. 70.

³⁰ М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, Ягнобские тексты с приложением словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лифшицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957.

³¹ А. К. Писарчик, З. А. Широкова, Музей археологии и этнографии им. М. С. Андреева, «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», № 2, Душанбе, 1952; Н. Н. Ершов, А. К. Писарчик, Сектор этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, «Сов. этнография», 1952, № 1; А. К. Писарчик, Б. Х. Кармышева, Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг., «Сов. этнография», 1954, № 3; З. А. Широкова, Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, вып. 1, Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г., Душанбе, 1956.

В заключение следует сказать, что за последние годы, особенно после образования Академии наук Таджикской ССР, стало резко расти число публикуемых работ сотрудников сектора этнографии, а также и библиографических справочников научных изданий Академии³².

Таково краткое содержание деятельности таджикских этнографов за последние 13 лет (1954—1967 гг.). Сейчас им предстоит большая работа — участие в подготовке историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана, к которой приступает Сектор Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР.

³² Библиографию этнографических работ, изданных в Таджикистане, см.: В. А. Денисов, Библиография изданий Таджикской базы и Таджикского филиала Академии наук СССР, Душанбе, 1952; З. М. Шевченко, А. Г. Сижук, Библиография изданий Академии наук Таджикской ССР, Душанбе, 1955; и х же, Ежегодник изданий Академии наук Таджикской ССР (1955), Душанбе, 1956; А. Е. Павлова, Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской базой и Таджикским филиалом АН СССР и Академией наук Таджикской ССР (1934—1956), Душанбе, 1956; Н. А. Кисляков, Издания сектора этнографии Академии наук Таджикской ССР (1951—1956), «Сов. этнография», 1957, № 5, стр. 190—194.

После напечатания этих библиографических справочников, содержащих публикации до 1956 г. включительно, и помимо упомянутых нами в настоящей статье изданий, вышли следующие работы таджикских этнографов: А. К. Писарчик, Материальная культура таджиков долины Хуф, «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 226—232; еже, По вопросу об этногенезе киргизского народа, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, 1959, стр. 151—153; еже, Михаил Степанович Андреев (1873—1948), «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный памяти М. С. Андреева», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 70, Душанбе, 1960, стр. 3—30; еже, О народном прикладном искусстве таджиков, Сб. «Искусство таджикского народа», «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», вып. 2, Душанбе, 1960, стр. 61—92; еже, Припамирские таджики, в кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1, М., 1962, стр. 657—682; М. Рахимов, Исчисление времени у таджиков бассейна р. Хингуо в XIX — начале XX в. (в связи с народным земледельческим календарем), «Сов. этнография», 1957, № 2; его же, Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Карагина и Дарваза в XIX — начале XX в., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 29, 1958; его же, Пережитки древних верований в современном быту таджиков Карагина и Дарваза, «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 115—119; его же, Некоторые обычаи и обряды, связанные с животноводством у таджиков Карагина и Дарваза, «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный памяти М. С. Андреева», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 70, Душанбе, 1960; М. Хамиджанова, Некоторые представления таджиков, связанные со змеей, там же, стр. 215—224; Р. К. Каидров, Дореволюционный обрядовый фольклор таджиков Кашка-Дары, Душанбе, 1963; его же, Обрядовый фольклор таджиков южного Узбекистана, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

Библиография литературы о развитии этнографической науки в Таджикистане приведена в указателе Д. С. Лейви и Н. С. Назарова «Наука в Советском Таджикистане (библиографический указатель, 1951—1960 гг.)», Душанбе, 1963.

А. Е. Панян

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ И ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ У АРМЯН ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ко времени установления Советской власти в Армении (29 ноября 1920 г.) основной ячейкой армянского общества была малая семья. Большие неразделенные семьи существовали уже как пережиточное явление. Они встречались преимущественно в горных селах, удаленных от экономических центров и железных дорог. В районах же Арагатской долины, где раньше начали развиваться капиталистические отношения, больших семей было мало. Но уклад, сложившийся в течение веков в условиях патриархальной большой семьи, сохранялся и в малых семьях. Поэтому малая семья по своему внутреннему строю, характеру взаимоотношений своих членов, положению главы семьи, особенностям быта оставалась семьей патриархальной.

В первые годы Советской власти в Армении продолжался начавшийся ранее процесс дробления семей, что было в то время связано с земельным вопросом. Национализация земли и распределение ее среди крестьян по числу членов семей (но не выше определенного предела, исключавшего обязательное наделение землей каждого члена разросшейся большой семьи) вызывали дальнейшее деление семей. Однако все же в этот период существенных изменений в численности сельской семьи не произошло. Это и понятно, ведь ее экономика по-прежнему базировалась на мелком единоличном хозяйстве. В районах Арагатской долины численность семьи в первые годы Советской власти, как и раньше, была ниже, чем в горных, удаленных от промышленных городов, районах. Так, в 1926 г. средняя численность семьи горных Апаранского и Амасийского районов составляла соответственно 5,6 и 5,2 чел., предгорных Алавердского и Гугарского районов — 5,0 и 5,2 чел., а долинных Артшатского и Октемберянского районов — 3,8 и 4,0 чел.¹

Решающую роль в изменении численности сельской семьи в Армении сыграла коллективизация, обеспечившая создание новой экономической базы семьи. Отпала необходимость ведения семей трудоемкого комплексного хозяйства, а следовательно, и сохранения большой семьи. Кроме того, немаловажное значение имело то, что при разделе семья могла получать новый приусадебный участок, а также содержать большее количество скота (первое было особенно важно для полеводческо-садоводческих и виноградарских районов, второе — для горных районов республики). В период коллективизации процесс разделения больших семей стал более интенсивным. Средняя численность сельских семей понизилась. Поскольку коллективизацией раньше были охвачены села долинных районов, снижение средней численности семьи произошло там быстрее, например в Октемберянском районе — с 4,0 чел. в 1926 г. до 3,4 чел. в 1931 г., в Эчмиадзинском районе — с 4,1 чел. в 1926 г. до 3,8 чел. в 1931 г.² В предгорных же и горных районах за эти годы подобного снижения не произошло. Исключение составляли только горные районы, расположенные вблизи крупных промышленных объектов, например Горисский, в котором средняя численность семьи в 1931 г. была всего 4,7 чел.³

Согласно статистическим данным, в 1931 г. средняя численность семьи в горных районах была 5,07 чел., а полеводческо-садоводческих — 3,83 чел.⁴ О разнице в средней численности семьи долинных и предгорных сел свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1.

¹ Госархив Армянской ССР, ф. 163, оп. 23, ед. хр. 104.

² Средняя численность семей всех районов республики за 1931 г. вычислена автором на основе архивных данных, взятых выборочно по 20 селам каждого района. Госархив Армянской ССР, ф. 163, оп. 23, ед. хр. 53, 56, 57, 62, 66, 67, 69.

³ Там же. ед. хр. 55.

⁴ Сб. «Населенные пункты и национальный состав Армянской ССР», Ереван, 1936 (на арм. яз.), стр. 7—8.

Таблица 1

Средняя численность семей в 1931 г.*

Села	Число жи- телей	Число хо- зяйств	Средняя числен- ность семьи	Села	Число жи- телей	Число хо- зяйств	Средняя числен- ность семьи
<i>Долинные:</i>							
Мргаван	867	230	3,7	Егвард	3018	597	5,1
Далар	952	227	4,2	Малишка	2018	395	5,
Айгестан	1119	285	3,9	Шаали	1881	341	5,5
Агамзалау	724	204	3,5	Гамзачиман	4133	707	5,8

* Таблица составлена на основании данных Госархива Армянской ССР, ф. 163, оп. 23, ед. хр. 53, 56, 66, 67.

В течение последующих лет, т. е. за период сплошной коллективизации (закончившейся в Армении в 1936 г.) и в первые годы после нее в численности семьи долинных и горных районов республики произошли дальнейшие изменения (см. табл. 2, данные за 1931—1937 гг.). Так, в долинных районах средняя численность семьи, по сравнению с 1931 г. заметно увеличилась, например, в Октябрьянском с 3,4 чел. в 1931 г. до 4,3 чел. в 1937 г., в Арташатском и Эчмиадзинском районах — с 3,8 чел. до 4,0 чел.

Таблица 2

Средняя численность сельских семей в 1926—1943 гг.*

Районы	1926 г.	1931 г.	1937 г.	1938 г.	1943 г.
<i>Долинные:</i>					
Арташатский	3,8	3,8	4,0	4,0	4,0
Октябрьянский	4,0	3,4	4,3	4,1	4,0
Вединский	3,6	Нет свед.	4,6	4,3	4,2
Эчмиадзинский	4,1	3,8	4,0	4,0	4,0
<i>Предгорные:</i>					
Аштаракский	4,8	4,8	4,8	4,7	4,7
Гугаркский	5,2	5,4	5,2	5,2	5,1
Алавердский	5,0	Нет свед.	5,1	4,8	4,7
Разданский	5,4	»	5,2	5,1	5,0
Ехегнадзорский	5,1	5,6	5,0	5,0	4,9
Степанаванский	6,0	5,5	5,3	5,2	5,1
Азизбековский	5,1	Нет свед.	4,9	4,8	4,7
<i>Горные:</i>					
Апаранский	5,6	5,5	5,3	5,2	5,1
Амасийский	5,2	4,9	5,1	5,0	4,9

* Средняя численность семей вычислена автором по данным Госархива АрмССР, ф. 163, оп. 23, ед. хр. 53, 56, 57, 62, 66, 67, 69, 104.

Это можно, на наш взгляд, объяснить следующим образом. В 1931 г., когда происходило наделение колхозников приусадебными участками, нередко в целях получения их семьи вынуждены были делиться. Часто эти разделы были лишь формальными, так как фактически семья продолжала жить в одном доме и вести единое хозяйство. Поэтому юридические и фактические границы семьи не всегда совпадали.

Можно даже предполагать, что разделы семей в районах Арагатской долины проходили в это время несколько преждевременно, искусственным путем. Поэтому-то численность семьи здесь за короткий срок намного снизилась. В последующие же годы (1937—1939), после того как земельный фонд был уже в основном весь распределен, численность семьи, несколько повысившись, стала более или менее устойчивой.

В горных и предгорных селах процесс снижения средней численности семьи шел в течение всего этого периода постепенно.

Таким образом, новые экономические и общественные отношения, сформировавшиеся как результат победы колхозного строя, создали в Армении условия для укрепления современной малой семьи.

За годы Великой Отечественной войны во всех районах республики произошло как сокращение средней численности семьи, вызванное уходом взрослого мужского населения на фронт, так и увеличение ее. Последнее объяснялось объединением некоторых родственных семей, главы которых были на фронте, для облегчения ведения хозяйства. Поэтому в целом снижение средней численности семьи за период войны было не очень значительным (см. табл. 2, данные за 1943 г.).

В послевоенный период сельская семья вновь начинает превращаться в многочисленную, главным образом за счет резкого увеличения деторождаемости. Например, по данным 1950 г. в с. Бамбакашат Окtemберянского района из 359 проживающих здесь семей 190 (52,92%) имели от 5 до 12 детей, 140 (38,99%) — до 4 детей, и лишь 25 (8,09%) молодых, вновь созданных семей были пока бездетны⁵.

В 1950-х гг. этнографами Армении отмечено немало неразделенных сельских семей, состоящих преимущественно из родителей и двух женатых сыновей или семей двух женатых братьев. Численность семьи в эти годы достигала нередко 7—10, а иногда даже 15—16 человек. Такая тенденция увеличения семьи была особенно характерна для сел Арагатской долины. Например, в 1953—1955-х гг. в с. Анастасаван Арташатского района из 576 семей 150 состояло из 5—6 человек, а 163 семьи — из 7 и более человек; в с. Шаумян того же района из 478 семей — 130 семей было из 5—6 человек, 155 — из 7 и более человек⁶. Таким образом, средняя численность семьи районов Арагатской долины заметно возросла. В том же с. Анастасаван Арташатского района в 1953—1955 гг. она увеличилась, по сравнению с 1931 г., с 3,5 чел. до 5,2 чел., в с. Воскеваз Аштаракского района — с 4,9 чел. до 5,5 чел., в с. Армавир Окtemберянского района — с 3,4 чел. до 5,1 чел.⁷ и т. д.

В горных районах, напротив, наблюдалось относительное сокращение средней численности семьи, что было связано с последовательно развивающимся процессом дробления неразделенных семей, которых в горных районах, как мы уже говорили, было довольно много.

Появление крупных колхозных семей нельзя, конечно, рассматривать как возрождение старых гердастанских форм. Д. С. Вардумян и Э. Т. Карапетян справедливо подчеркивают, что условия 1950-х гг., в которых образовывались неразделенные семьи, принципиально отличались от условий, вызывавших в прошлом бытование большой семьи (гердастана)⁸. В советское время, когда основным источником бюджета сельской семьи стало колхозное производство, отпала экономическая обусловленность возникновения крупных колхозных семей. Рост численности семьи в этот период происходил, как уже говорилось, главным образом за счет значительного повышения деторождаемости, что, в свою очередь, явилось естественным следствием улучшения материального состояния семьи. Кроме того, увеличению численности колхозных семей способствовало и объединение семей двух, а иногда и трех братьев. Особенно часто это происходило в годы войны. Нередко вдова, потерявшая на фронте мужа, поселялась с детьми вместе с семьей его брата.

Однако начиная с 1957—1960 гг. и, особенно, в последние годы во всех районах Армянской ССР происходит интенсивный процесс распада этих неразделенных семей.

Полевые материалы, собранные нами в 1965—1967 гг., показывают, что современные армянские сельские семьи различны по своей структуре. Табл. 3 характеризует структуру 4062 обследованных семей 20 сел долинной, предгорной и горной зон республики. Самую значительную группу (2435 из 4062, или 59,94%), как видно из таблицы, составляют семьи из двух поколений: родителей и их детей. Довольно много и трехпоколенных семей (1027, или 25,28%), но, в отличие от прошлого, когда такие семьи объединяли, как правило, родителей и нескольких женатых сыновей, сейчас они состоят из родителей (а чаще одного из них — овдовевшего) и одного женатого сына. Неразделенные семьи из родителей и двух или более женатых сыновей встречаются крайне редко лишь в некоторых горных селах Шираха, Апарана, Вайоц-дзора. Неразделенные семьи, в которых живут два и больше женатых брата без родителей, но имеющие уже своих детей, включены, естественно, в группу двухпоколенных семей. Семьи из четырех поколений составляют буквально единицы, и то не во всех селах (всего их 20 из общего числа обследованных семей или 0,5%). Относительно велико число однопоколенных семей (580 или 14,28%), представляющих собой либо бездетную

⁵ В. А. Бдоян, Семейные взаимоотношения армянских колхозников, «Известия АН АрмССР», 1956, № 7, стр. 27 (на арм. яз.).

⁶ Д. С. Вардумян, Э. Т. Карапетян, Семья и семейный быт колхозников Армении, Ереван, 1963, стр. 60 (на арм. яз.).

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 63.

Таблица 3

Структура сельских семей Армянской ССР
(по числу поколений)*

Село, район	Число семей								Семей в селе
	с 1 поколением**	%	с 2 поколениями	%	с 3 поколениями	%	с 4 поколениями	%	
<i>Долинная зона</i>									
с. Мргаван Арташатского р-на	27	9,51	156	54,93	98	34,50	3	1,06	284
с. Далар Арташатского р-на	6	4,48	93	69,40	33	24,63	2	1,49	134
с. Шванидзор Мегринского р-на	37	24,50	69	45,70	44	29,10	1	0,70	151
с. Карабеван Мегринского р-на	23	17,69	69	53,03	38	29,23	—	—	130
<i>Предгорная зона</i>									
с. Егвард Кафансского р-на	28	29,47	46	48,42	20	21,05	1	1,06	95
с. Арцваник Кафансского р-на	34	22,22	95	62,09	23	15,04	1	0,65	153
с. Хндзореск Горисского р-на	21	8,64	138	56,79	84	34,57	—	—	243
с. Татев Горисского р-на	62	21,75	132	46,32	88	30,88	3	1,05	285
с. Ангехакот Сисианского р-на	30	8,82	230	67,65	78	22,94	2	0,59	340
с. Вернашен Ехегнадзорского р-на	26	10,57	175	71,14	44	17,89	1	0,40	246
с. Бджни Разданского р-на	30	9,15	212	64,63	85	25,92	1	0,30	328
<i>Горная зона</i>									
с. Личк Мегринского р-на	20	14,81	88	65,19	27	20,00	—	—	135
с. Сарнахбюр Анийского р-на	71	16,94	261	62,29	87	20,77	—	—	419
с. Ширақаван Анийского р-на	12	14,29	48	57,14	24	28,57	—	—	84
с. Барձրաշեն Анийского р-на	14	16,47	58	68,23	13	15,30	—	—	85
с. Карнут Ахурянского р-на	53	34,19	63	40,65	38	24,52	1	0,64	155
с. Воскеаск Ахурянского р-на	35	9,31	240	63,83	100	26,59	1	0,27	376
с. Мармашен Ахурянского р-на	31	10,99	188	66,67	63	22,34	—	—	282
с. Бандиван Амасийского р-на	12	16,90	38	53,52	21	29,58	—	—	71
с. Джрадзор Амасийского р-на	8	12,12	36	54,55	19	28,79	3	4,54	66
Всего семей	580	14,28	2435	59,94	1027	25,28	20	0,50	4062

* Таблица составлена на основе посемейного анкетного обследования трех сел и похозяйственных кин 17 сел. Полевые материалы автора, Архив Ин-та этнографии АН ССР (далее АИЭ), Ф. Комплексной экспедиции, 1965 г., ед. хр. 78; 1966 г., ед. хр. 102; 1967 г., ед. хр. 103.

** В число семей с одним поколением включены и одиночки.

супружескую пару, либо, чаще — стариков-родителей, дети которых живут в этом же селе, но отдельно, или же совсем переехали в города.

Таким образом, общее число неразделенных семей в обследованных нами селах, как уже говорилось, сравнительно невелико, и они совсем не типичны для современного армянского села. Иногда сохранение неразделенных семей обусловлено местными условиями. Например, в с. Малишка Ехегнадзорского района в 1965 г. было нередким совместное поселение двух-трех женатых братьев. Формально семьи братьев часто даже были разделены, но фактически вели общее хозяйство и жили в одном доме. Причина заключалась в том, что в селении из-за гористого ландшафта не было места

для постройки новых домов. Село предполагали перенести на другое, более удобное место, где должно было произойти разделение семей. Члены таких семей сами отмечали, что хотели бы разделиться, объясняя, что сейчас «неудобно, стыдно жить вместе».

В 1967 г. нам вновь пришлось побывать в этом селе. За два года на новое место переехало уже 200 семей, причем поселились они здесь, как и надо было полагать, предварительно разделившись. Об этом свидетельствуют и статистические данные: в 1965 г. в с. Малишка было 750 семей, а в 1967 г. их стало уже 830.

Иногда сохранение неразделенных семей объясняется тем, что сыновья, по традиции, не хотят оставлять своих родителей одинокими. Правда, это не исключает и того, что совместное проживание женатых сыновей с родителями представляет и ряд материальных преимуществ, ибо теперь, когда молодая женщина в селе активно участвует в общественном производстве, приобретает особое значение помочь родителям в ведении домашнего хозяйства, воспитании детей.

Но несмотря на все это, и в 1960-е гг. идет интенсивный раздел семей. Неразделенные семьи исчезают буквально на глазах. Нам почти всюду приходилось слышать, что еще лет 8—10 назад в данном селении были неразделенные семьи, которые теперь распались. Например в селах Гугаркского района начались массовые разделы с 1957 г., Ехегнадзорского района — с 1959—1960 гг. и т. д. В с. Касах горного Апаранского района еще в 1958—1960 гг. были неразделенные семьи трех- и даже четырех поколенного состава. В с. Сараландж того же района в 1958 г. разделилась семья П. в 23 человека, включающая четырех женатых сыновей, их жен и детей, причем старший сын старшего сына был уже сам женат. В настоящее время в этом селе нет ни одной неразделенной семьи. В некоторых горных селах Анийского и Ахурянского районов последние такие семьи разделились в 1965—1966 гг.⁹

Чем же объясняется дробление неразделенных семей? Безусловно, до сих пор одной из причин является желание получить дополнительный приусадебный участок. Ведь выделяясь, семья, естественно, хочет получить и свой приусадебный участок, что по Уставу сельскохозяйственной артели возможно при фактическом разделе семьи.

Однако, и это чрезвычайно знаменательно, получение приусадебного участка не служит главным стимулом для раздела, как в первые годы колхективизации. Большинство колхозов сейчас не имеет земельного фонда для наделения колхозников новыми приусадебными участками. Поэтому при разделе семьи делится и принадлежащий ей участок. И, несмотря на то, что молодые, выделяясь, получают небольшой участок земли, они предпочитают жить отдельно, быть во всем самостоятельными. Это говорит о том, что для молодежи основной является работа в общественном производстве, а значение личного хозяйства в ее сознании подрывается. Разумеется, этот процесс длительный, и еще не так скоро сельское население добровольно откажется от личного хозяйства, но тенденция к этому уже налицо.

В этнографической литературе уже отмечалось, что молодые обычно сейчас, по традиции, вначале живут некоторое время в доме родителей мужа. Делают они это добровольно, в отличие от прошлого, когда они обязаны были жить в доме родителей мужа и не могли выделяться из гердастана по собственному желанию¹⁰.

Теперь же, по сравнению с дореволюционным временем, выделение из семьи происходит гораздо легче. Экономические причины, которые являлись основным тормозом при разделе, уже не играют решающей роли — молодые супруги, принимая участие в колхозном или промышленном производстве, вполне обеспечивают себя материально. Колхоз, при наличии для этого фонда, предоставляет им землю, а также ссуду с длительной рассрочкой на постройку дома. В постройке дома молодым помогают родители, родные и близкие родственники. Обычно новый дом строят недалеко от родительского. Но иногда, даже отделившись, передяжь жить в новый дом, молодая семья сохраняет общий бюджет со своей прежней семьей.

В с. Шаумян (б. Юва) Арташатского района мы наблюдали весьма интересное явление. Начиная с 1952 г. колхоз ежегодно стал давать выделившимся семьям землю на краю села для приусадебного участка и постройки дома. Постепенно здесь образовалась целая улица в 40 с лишним домов, или, как говорят местные жители, «квартал без свекровей». В этом селе семьи, следуя традиции, в большинстве случаев выделяются не сразу после свадьбы, а спустя несколько лет совместной жизни в доме родителей мужа. Однако заслуживает внимания тот факт, что все из опрошенных нами женщин этого квартала говорили о том, что со свекровью жить было лучше, легче. Действительно, молодым женщинам приходится трудно, так как им нужно вести домашнее хозяйство, следить за детьми, которых в семье обычно не один и даже не два,

⁹ Полевые материалы автора, АИЭ, ф. Комплексной экспедиции, 1965, ед. хр. 78; 1966 г., ед. хр. 102.

¹⁰ Д. С. Вардумян, Э. Т. Карапетян, Указ. раб., стр. 50—51.

и еще работать в колхозе. Недаром даже одна пожилая женщина из этого села сказала, что это «квартал не без свекровей, а без хозяина». Конечно, при раздельном поселении супружеских пар колхоз должен обратить особое внимание на воспитание детей — в частности увеличить число мест в яслях и детском саду, а для детей школьного возраста ввести, может быть, продленный день, чтобы они могли обедать и готовить уроки в школе.

Помимо уже отмеченных структурных форм современных армянских семей, когда совместно проживают родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, встречаются также и семьи, в которые входят и родственники по боковой линии. Так, в с. Мргаван Арташатского района в семье П. живет жена его брата с сыном и невесткой, а в с. Егвард Кафанского района в семье А.—сын брата главы семьи. В двух семьях в с. Мргаван и четырех семьях в с. Егвард вместе с семьей брата живет его незамужняя сестра. Подобные случаи наблюдаются и в других селах Армении. Хотя совместное проживание родственников по боковой линии и является традиционным, характерно, что в настоящее время оно встречается в виде редкого исключения.

Иногда с семьей брата живет его разведенная сестра с детьми, например в с. Татев Горисского района в семье М., в с. Ангехакот Сисианского района в семье Г., а в семье Т. в этом селе живут две сестры главы семьи (обе разведенные) с детьми.

В некоторых селах республики есть семьи, в состав которых входят зятья-примаки. Хотя в Армении примачество (арм. «տիպեսաւյոն») допускалось обычным правом, зятем-примаком в прошлом становились только вынужденно, так как такой зять был лишен всякой самостоятельности в доме родителей жены. Сейчас же отношение к примакам изменилось, но все же иногда, по традиции, сельское население относится к примачеству неодобрительно¹¹.

Характерно, что в семьях, где есть зятья-примаки, главой бывает, как правило, кто-либо из родителей жены, но не зять, что является, вероятно, пережитком былой зависимости примака, хотя он сейчас пользуется теми же правами, что и остальные члены семьи. Главой семьи зять становится только после смерти родителей жены. Но в последнее время стали появляться семьи, возглавляемые зятем, несмотря на наличие тещи. Нам встретились четыре подобные семьи в с. Шванидзор Мегринского района, две — в с. Ангехакот Сисианского района и по одной в с. Личк Мегринского района и в с. Далар Арташатского района.

Однако надо сказать, что примачество не характерно для семейного быта армян. В очень редких случаях мужчина поселяется у жены, в основном тогда, когда она — единственная дочь в семье.

Совершенно новым является поселение супружеской пары совместно с родителями мужа или с родственниками жены, усыновление кого-либо из родственников жены. Правда, подобные структурные формы семей еще чрезвычайно редки, однако возникновение их служит доказательством нарушения старых, традиционных норм совместного поселения.

Со структурой семьи тесно связан вопрос о ее численности. В табл. 4 приведена численность семей 23 сел долинной, предгорной и горной зон республики. Как показало обследование, из 5471 семьи 1/3 (1805, или 32,99%) состоит из 5—6 человек; почти 1/3 (1640, или 29,98%) — из 2—4 человек; 184 (3,36%) — из 10 и более человек; одиночек — 445 (8,13%).

В настоящее время географическая среда уже не оказывает такого сильного влияния на различные стороны быта армянской сельской семьи, ее численность и структуру, как прежде, когда семьи долинных районов по численному и структурному составу значительно отличались от семей горных, удаленных от экономических центров и железных дорог районов.

В наши дни все большее значение приобретает расположение данного села относительно того или иного промышленного объекта, которые есть теперь и в долинных, и в горных районах республики; степень участия жителей этого села в промышленном производстве и наличие в селе семей рабочих и служащих. Так, в находящемся в 4 км от Агаракского медно-молибденового комбината долинном селе Карчеван Мегринского района преобладают семьи в 4—5 человек (41,53%); в предгорных селах Егвард, Арцваник и Татев промышленных Кафанского и Горисского районов — наибольший процент одиночек и семей из двух человек (соответственно 35,79, 28,76 и 26,66%). Это объясняется тем, что часть молодежи выехала из сел и влилась в состав промышленных рабочих. Тем самым в этих селах повышается процент малочисленных семей. В долинных селах Мргаван, Далар Арташатского района и с. Шванидзор Мегринского

¹¹ Следует отметить, что в термин «примак», принятый в этнографической литературе, теперь вкладывается несколько иное содержание. Прежде примачество означало определенную зависимость зятя от принявшей его семьи, сейчас же примак — равноправный ее член.

Таблица 4

Численность сельских семей Армянской ССР*

Село, район	Нохкн.	Число членов в семье												Семеи в селах											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
<i>Долинная зона</i>																									
с. Мргаван Арагаштского р-на	11	3,92	25	6,92	21	7,5	44	15,75	39	13,92	62	22,1	41	14,62	20	7,2	6	2,14	7	2,5	4	1,42	—		
с. Далар »	3	2,22	9	6,67	13	9,63	18	13,33	24	17,78	31	22,97	18	13,33	7	5,19	4	2,96	6	4,44	1	0,74	—		
с. Шванцидар Мегринского р-на	21	13,91	24	15,90	7	4,63	14	9,27	24	15,90	33	21,85	18	11,92	6	3,97	4	2,65	—	—	—	—	—		
с. Карабеван »	18	13,85	8	6,15	13	10,00	21	16,15	33	23,38	16	12,31	18	13,85	3	2,31	—	—	—	—	—	—	130		
<i>Предгорная зона</i>															8	8,42	7	7,37	2	2,11	1	1,05	—		
с. Егвард Кафанского р-на	18	18,95	16	16,84	13	13,68	3	3,16	8	8,42	7	7,37	12	12,63	8	6,53	5	3,17	2	2,19	1	0,65	—		
с. Артвиник »	24	15,69	20	13,07	16	10,46	17	11,11	16	10,46	22	14,38	17	11,11	29	7,97	18	4,94	8	2,19	1	0,28	—		
с. Хаджореск Горнисского р-на	28	7,69	42	11,54	36	9,89	31	8,52	53	14,56	61	16,76	57	15,65	28	9,83	14	4,91	6	2,11	4	1,40	—		
с. Гагет »	36	12,63	40	14,03	18	12,32	22	7,72	40	14,03	42	14,74	53	15,59	58	17,06	24	7,06	2	0,59	6	1,76	—		
с. Апгехакот Сисианского р-на	13	3,82	19	5,59	32	9,41	39	11,47	40	16,26	58	23,88	47	19,11	23	13,23	24	7,06	2	0,81	1	0,40	—		
с. Верапашен Ехегназорского р-на	9	3,66	35	14,23	27	10,97	40	10,97	33	10,07	48	14,63	75	22,87	60	18,29	37	11,29	8	2,13	5	1,53	1		
с. Бджани Разданского р-на	14	4,27	26	7,93	22	6,69	10	10,07	48	14,63	75	22,87	60	18,29	37	11,29	8	2,13	5	1,53	1	0,30	—		
<i>Горная зона</i>															8	8,42	7	7,37	2	2,11	1	1,05	—		
с. Личик Мегринского р-на	10	7,41	20	14,81	16	11,85	12	8,89	25	18,52	27	20,00	19	14,08	5	3,70	—	—	1	0,74	—	—	—		
с. Сарнахбон Аникского р-на	39	9,24	50	11,85	29	6,87	40	9,48	46	14,12	13	15,29	13	15,29	12	14,12	9	10,59	5	5,88	12	2,84	10		
с. Ширакабан »	8	9,41	6	7,06	7	8,24	13	8,92	20	15,47	13	15,47	11	13,09	6	7,14	2	2,38	2	2,38	—	—	84		
с. Бардашян »	7	8,33	13	15,47	2	2,38	8	9,52	20	23,80	13	25,17	12	28,25	12	2,76	7	4,83	6	4,14	4	2,76	—		
с. Карпрут Ахурянского р-на	27	18,62	18	12,41	10	6,90	16	11,93	25	17,24	12	18,25	16	11,03	24	6,07	18	2,48	8	1,10	1	0,14	—		
с. Азатин »	67	9,24	88	11,45	75	10,45	83	11,45	119	16,41	138	19,63	69	12,28	44	6,07	18	2,48	8	1,10	1	0,14	—		
с. Марашин »	16	5,59	29	10,14	31	10,84	34	11,89	48	16,78	44	15,38	37	12,94	24	8,39	13	4,85	7	2,45	1	0,35	135		
с. Восеасек »	19	4,0	26	6,0	27	6,0	36	9,3	56	14,5	77	19,9	42	10,9	41	10,6	35	9,0	13	3,4	6	1,6	422		
с. Аревик »	21	7,07	22	7,41	24	8,08	37	12,46	54	18,18	63	21,21	31	10,44	23	7,75	7	2,35	9	3,03	4	1,35	85		
с. Бандиван Амасийского р-на	8	11,43	7	10,0	3	4,29	8	11,43	12	17,14	12	17,14	8	11,43	5	7,14	4	5,71	1	1,43	2	0,67	84		
с. Джрдзор »	6	9,98	3	4,84	5	8,07	4	6,45	8	12,90	9	14,51	6	9,67	9	14,51	7	11,29	2	3,23	3	4,85	—		
с. Касах Апаранского р-на	22	8,27	38	14,28	19	7,14	23	8,65	22	8,27	43	17,30	44	16,54	23	8,65	14	5,26	12	4,51	3	1,13	266		
Всего семей:	445	8,13	579	10,58	466	8,52	595	10,87	844	15,43	961	17,56	739	13,51	427	7,81	231	4,22	115	2,11	57	1,04	12	0,22	5471

* Таблица составлена на основе посемейного анкетного обследования трех сел и по хозяйственных книг 20 сел республики. Полевые материалы автора, АИЭ, ф. Комплексной экспедиции, 1965 г., ед. хр. 78; 1966 г., ед. хр. 102; 1967 г., ед. хр. 103.

Таблица 5

Численность различных в социальном отношении семей

Социальная принадлежность семей	Имъон-ндо	Число членов в семье										Итого семей													
		%	%	%	%	%	%	%	%	%	%														
с. Мргаван Арташатского района																									
Колхозники	9	6,62	20	14,70	10	7,35	19	13,97	18	13,23	29	21,32	15	14,03	11	8,09	1	0,74	3	2,24	1	0,74	—	—	136
Рабочие и служащие	2	3,64	2	3,64	2	3,64	11	20,00	12	21,81	11	20,00	9	16,36	2	3,64	1	1,81	2	3,64	1	1,82	—	—	55
Социально смешанные	—	—	3	3,49	9	10,47	14	16,28	7	8,14	22	25,58	17	19,77	6	6,97	4	4,65	2	2,33	1	1,46	1	1,46	86
с. Далар Арташатского района																									
Колхозники	4	2,08	4	8,34	2	4,17	6	12,50	10	20,83	12	25,00	8	16,67	1	2,08	1	2,08	2	4,17	—	—	1	2,08	48
Рабочие и служащие	—	—	3	8,41	4	10,81	7	18,92	14	29,73	6	16,21	3	8,11	3	8,41	—	—	—	—	—	—	—	—	37
Социально смешанные	—	—	1	2,50	3	7,50	6	15,00	5	12,50	7	17,50	3	7,50	3	7,50	4	10,00	—	—	1	2,50	40		
с. Бдкни Разданского района																									
Колхозники	—	—	4	8,34	1	2,08	3	6,25	10	20,83	15	34,25	10	20,83	4	8,34	1	2,08	—	—	—	—	—	—	48
Рабочие и служащие	—	—	1	2,94	4	14,76	4	14,77	9	26,47	4	14,76	4	11,76	7	20,60	1	2,94	—	—	—	—	—	—	34
Социально смешанные	—	—	—	—	—	—	2	5,56	3	8,33	8	22,22	12	33,33	4	11,11	3	8,33	2	5,56	2	5,56	—	—	36

района, также близко расположенных от промышленных объектов, наблюдается не- сколько иная картина: хотя довольно большой процент жителей этих сел принимает участие в промышленном производстве¹², однако они живут на прежнем месте, про- должая заниматься и виноградарско-садоводческим хозяйством. Очевидно, полный разрыв с сельским хозяйством населению невыгоден. В этих селах преобладают семьи в 6 человек. В более удаленных от городов предгорных селах Хндзореск Горисского района и Ангехакот Сисианского района — наибольший процент семей из 6—7 человек (в первом селе больше семей из 6, во втором из 7 человек). В отдаленных горных селах Ширака, Апарана наряду с семьями в 5—7 человек чаще, нежели в долинных, встре- чаются семьи в 8—10 и более человек.

Таблица 6

Структура различных в социальном отношении семей

Социальная принадлежность семей	Семей								Итого семей
	с 1 по- коле- нием	%	с 2 по- коле- ниями	%	с 3 по- коле- ниями	%	с 4 по- коле- ниями	%	
с. Мргаван Арташатского района									
Колхозники	21	15,44	80	58,82	33	24,27	2	1,47	136
Рабочие и служащие	3	5,45	38	69,10	14	25,45	—	—	55
Социально смешанные	—	—	37	43,02	48	55,82	1	1,16	86
с. Далар Арташатского района									
Колхозники	5	10,42	34	70,83	9	18,75	—	—	48
Рабочие и служащие	—	—	27	72,97	8	21,62	2	5,41	37
Социально смешанные	1	2,50	23	57,50	16	40,00	—	—	40
с. Бджни Разданского района									
Колхозники	4	8,34	24	50,00	19	39,58	1	2,08	48
Рабочие и служащие	—	—	24	70,59	10	29,41	—	—	34
Социально смешанные	—	—	12	33,33	23	63,88	1	2,79	36

В связи с неоднородностью в настоящее время социальной структуры армянского сельского населения небезынтересно сравнить численность и структуру проживающих в селах семей: колхозников; рабочих; служащих; социально смешанных семей. Данные табл. 5 и 6, составленных на основе посемейного анкетного обследования в селах Мргаван и Далар Арташатского района и с. Бджни Разданского района, показали, что в трех селах среди колхозников преобладают семьи в 5 и особенно в 6 человек, у рабочих и служащих — семьи в 4 и чаще в 5 человек и среди социально смешанных семей — в 6—7 человек.

По структуре различные в социальном отношении семьи распределяются следующим образом. Как среди семей колхозников, так и семей рабочих и служащих преобладают двухпоколенные, затем идут трехпоколенные. Однако в процентном отношении двухпоколенные больше среди семей рабочих и служащих. В числе социально смешанных семей сел Мргаван и Бджни преобладают трехпоколенные семьи (соответственно 55,82% и 63,88%), а в с. Далар — двухпоколенные (57,50%). Трехпоколенные семьи, отмеченные среди социально смешанных семей, обычно больше по численности; в них, естественно, больше взрослых работающих членов семьи, из которых, как правило, представители старшего поколения работают в колхозе, а младшего — являются рабочими или служащими.

При изучении численности и структуры различных в социальном отношении семей мы использовали также и данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Армянской ССР. На основе этих данных составлена табл. 7 численности различных в социальном отношении сельских семей республики по общественной группе главы семьи и размеру семьи. В этой таблице учтена только социальная принадлежность главы семьи, поэтому, возможно, в число социально однородных попали и семьи, в которых другие работающие члены принадлежали к иной, чем глава семьи, социальной категории (например, глава семьи работает в колхозе, а сын — на промышленном предприятии).

¹² Например, по данным проведенного нами в 1965 г. анкетного обследования, в с. Мргаван из 285 семей было 48,1% семей колхозников, 19,3% — рабочих и служащих, 30,2% — смешанных в социальном отношении семей и 2,4% — семей пенсионеров.

Таблица 7

Распределение сельских семей по общественной группе главы и размеру семьи *

Общественная группа главы семьи	Число семей	Из общего числа семей										Средний размер семьи
		семьи, где главы			семьи, состоящие из совместно проживающих							
		мужчины	женщины	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.	10 и более человек
Всего семей	169808	155298	34510	22090	24745	27253	26220	18863	11460	6042	5242	5,1
В том числе семьи, где главы:	100	79,68	20,32	13,01	14,57	16,05	16,45	15,44	11,11	6,75	3,54	3,08
Рабочие	33062	27004	6058	4474	5549	5910	5729	4871	3186	1752	875	4,8
Служащие	17665	15333	18,32	13,53	16,78	17,87	17,33	14,73	9,84	5,30	2,65	2,17
Колхозники	148713	92662	86,80	13,20	11,64	12,40	14,97	17,47	17,72	12,88	6,94	4,30
прогресс	100	78,05	21,95	13,04	14,27	15,71	16,05	15,30	11,26	7,13	3,79	3,45

* Таблица составлена по материалам «Всесоюзной переписи населения 1959 г., Армянская ССР», М., 1963, табл. 64, стр. 112—113. Пропускты вычислены автором.

По данным переписи 1959 г., из 33 062 рабочих семей, проживающих в сельских районах Армении, 11 639 (35,20%) состояло из 4—5 человек, 5549 (16,78%) — из 3 человек; среди семей служащих — 6216 (35,19%) состояло из 5—6 человек, 2644 (14,97%) — из 4 человек. Среди семей колхозников также преобладали семьи в 5 человек (19 057, или 16,05%) и несколько меньше было семей в 4 и 6 человек — соответственно 18 639 (15,71%) и 18 170 (15,30%). Семей в 8—10 и более человек больше всего отмечено у колхозников (14,37%). Среди рабочих таких семей зафиксировано 10,12%, служащих — 12,92%.

Таким образом, меньшая численность семьи выявлена у рабочих (средняя численность 4,8 чел.). Это связано с тем, что в данной социальной группе очень редко, как позволяет судить полевой материал, встречаются неразделенные семьи. Средняя численность семей служащих и колхозников мало отличается между собой (соответственно 5,2 чел. и 5,1 чел.), но в этих социальных группах разное процентное соотношение семей. Так, если у служащих наиболее четко определяется большинство семей в 5 и 6 человек, то среди колхозников — в 2—3 человека, а также, как уже было сказано, в 8—10 и более человек.

Большинство многочисленных колхозных семей составляют трехпоколенные семьи, среди которых есть и неразделенные. Об этом свидетельствует также больший процент у колхозников, как видно из табл. 7, чем у рабочих и служащих, семей, возглавляемых женщинами. Это косвенно подтверждает наличие среди этой социальной группы большего числа трехпоколенных семей. Когда колхозная трехпоколенная семья бывает полной, то главой семьи является, как правило, старший мужчина, а в неполных семьях — либо женщина, либо ее женатый сын. Остальную, гораздо менее значительную часть, составляют семьи, в которых женщина-вдова — глава семьи живет с детьми.

Социальная неоднородность современного сельского

населения сказывается и на средней численности семьи. Так, в селах Алавердского, Гугарского, Мегринского и Кафанского промышленных районов наблюдается, с одной стороны, массовое участие жителей в промышленном производстве, в связи с чем здесь появляется значительное число семей рабочих, а с другой — процесс окончательного перехода части сельского населения в состав промышленных рабочих и выезда ее из села. В этих селах средняя численность семей гораздо ниже, чем в подавляющем большинстве отдаленных от промышленных предприятий, находящихся в труднодоступных местах селах Апарана, Ширака, Вайоц-дзора. Например, средняя численность семей обследованных сел Алавердского района — 3,9—4,3 чел., Кафанского — 3,9—4,5 чел., а средняя численность семей сел Апаранского района составляет 5,4—6,5 чел., Амасийского — 5,0—5,9 чел. и т. д.¹³

Итак, за годы Советской власти в структуре и численном составе сельских семей различных районов Армянской ССР происходили непрерывные изменения. Приведенные нами материалы позволяют говорить о том, что в настоящее время в сельских районах республики в значительной степени преобладают двухпоколенные семьи численностью в 4—6 человек, причем в отдаленных горных селах гораздо чаще, чем в долинных и в селах промышленно развитых районов, встречаются многочисленные (за счет детей), а иногда и неразделенные семьи (совместное поселение двух и более женатых сыновей с родителями, либо двух женатых братьев). Некоторая разница в структуре и численности наблюдается и внутри самих сел между различными по социальной принадлежности семьями. Можно предполагать, что постепенно и в отдаленных горных селах средняя численность семьи уменьшится вследствие происходящего на наших глазах интенсивного раздела семей. Будет постепенно стираться также и разница в структуре и численном составе различных в социальном отношении семей (колхозников, рабочих и служащих).

---

¹³ Полевые материалы автора, АИЭ, 1965, ед. хр. 78; 1966, ед. хр. 102; 1967, ед. хр. 103.

В. И. Элашвили

ИЗ ИСТОРИИ КОННОГО СПОРТА В ГРУЗИИ

(ХЕВСУРСКИЕ СКАЧКИ «ЦХЕНН» В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ)

Конный спорт на Кавказе имеет древние корни. Один из наиболее ранних письменных источников, указывающий на высокий уровень развития конного спорта у предков кавказских народов, относится к XIV в. до н. э. Это написанный на незитском языке специальный трактат Кикулиша Митанийского, содержащий правила выездки, тренировки и лечения лошади¹.

Большое значение конного спорта в быту народов Кавказа подтверждается археологическими (в частности находками удил, специально предназначенных для обезды и тренировки лошадей)² и фольклорными материалами. В кабардинском народном эпосе лошадь названа «верным другом» и постоянным «советчиком» человека. Сосрукс обращается к своему коню:

«Нартам нужен огонь,
что же делать нам, конь?»³

В одном из курганов в Триалети обнаружена золотая фигурка, напоминающая, по мнению Б. А. Куфтина⁴, лошадь. Это позволяет предполагать наличие коневодства в Южной Грузии уже в середине II тысячелетия до н. э.

Убедительные свидетельства существования у грузин культа коня относятся к эпохе поздней бронзы (начиная с XIII в. до н. э.),⁵ когда лошадь уже была приручена и использовалась в качестве транспортного средства. В погребениях X—IX вв. до н. э. найдены бронзовые пояса и другие предметы, на которых изображены конь, всадник.

В археологических памятниках последующих периодов изображения коня довольно часто⁶. Встречены и захоронения коня (раскопки в Мцхете, Урбниси, Бори)⁷.

Значительная роль коня в жизни грузин прослеживается и по грузинским письменным источникам, а также подтверждается этнографическими исследованиями⁸.

Культ коня полностью изжил себя в Грузии, однако конный спорт до сих пор сохраняет свое значение и как проверенное средство физического воспитания, и как увлекательное зрелище. Особенно это относится к горным районам Грузии, в частности Хевсурети, Тушети, Хеви, Мегрелии и др. До Великой Октябрьской социалистической революции развитию конного спорта не уделялось должного внимания. В годы Советской власти в Грузии в числе других национальных видов спорта успешно развивается и конный. Некоторые виды его (цхенбурти, марула, исинди, кабахи, тарчия и другие), подвергшись переработке, получили права спортивного гражданства, однако

¹ См. о нем: В. Нроспү, L'entraînement des chevaux chez les anciens Indo-Européens d'après un texte Mitannien Hittite provenant du 14-e siècle av. j.-c., «Archiv Orientalni», vol. III, № 3, Praha, pp. 431—461.

² Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 61—62.

³ «Нарты. Кабардинский эпос», М., 1951, стр. 79.

⁴ Б. А. Куфтин, Указ. раб., стр. 429.

⁵ Там же, стр. 59—63; см. также А. Каланадзе, Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточной Грузии, в сб. «Археология Грузии», Тбилиси, 1959 (на груз. яз.)

⁶ Ш. Амирланашвили, История грузинского искусства, Тбилиси, 1950, табл. 24, 26—28 и др.

⁷ Г. Ломтатидзе, Памятники поздней античной эпохи, сб. «Археология Грузии», 1959, стр. 318 (на груз. яз.).

⁸ А. И. Робакидзе, Цхенбурти, «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 211—255; К. Г. Начебия, Грузинские народные конные игры, Тбилиси, 1963; В. И. Элашвили, Грузинская народная система физического воспитания, Тбилиси, 1956, стр. 22 (на груз. яз.); «Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту», М., 1961, т. I, стр. 234—374, и др.

значительная часть не менее, на наш взгляд, ценных в педагогическом отношении видов конного спорта все еще не используется в физическом воспитании молодежи.

В данной статье мы остановимся на рассмотрении «мтидан дашвеба» (букв. «спуск с горы»), известного ранее под названием «цхени» («коник»)⁹.

Цхени — древние конные скачки у хевсур. Трудно сказать, когда и почему они возникли. Об этих скачках хевсурьи говорят: «Отцы и деды установили. Со временем образования Хевсурети, со временем существования народа существуют и цхени. Так установлено предками, так установлено обычаем».

Одна из версий происхождения скачек на неоседланных лошадях в Хевсурети такова: на пастбищах в пользовании пастуха всегда была лошадь, которая обычно паслась тут же неоседланной. Лошадь вокруг туловища обвязывали поясом. Эта перевязь заменяла всаднику седло, она была нужна ему для устойчивой посадки и владения своим телом, а также управления лошадью. В случае необходимости пастух вскакивал на лошадь, одной рукой во время езды он держался за гриву, другой — за перевязь.

Краткие описания цхени встречаются почти у всех побывавших в Хевсурети этнографов и путешественников¹⁰, однако некоторые из них приводят неточные данные. Так, касаясь вопроса награждения участников цхени, отдельные авторы (например, Р. Эристави) каждый конкретный случай обобщают и рассматривают его как раз и навсегда установленное правило¹¹.

Детально, но, к сожалению, тоже с ошибками, излагает материал о цхени С. И. Макалатия¹².

Современными грузинскими этнографами приведены довольно подробные сведения о цхени в Архоти (здесь их называют «цхени-догви»), но и они не являются исчерпывающими¹³. До настоящего времени никто из исследователей неставил себе целью подробное и всестороннее изучение цхени. До сих пор нам неизвестны правила обучения наездничеству в Хевсурети. Не изучена и не описана выездка жеребят и техника вождения лошади с различной скоростью, при различных условиях.

В современном Хевсурети встречаются две формы конных скачек: «цхентроболеба» — на народном празднике «Атенгеноба» с целью испытания лошадей и всадников, и цхени — связанные с культом покойника¹⁴. Последние проводились в связи с погребением усопшего, будь то мужчина, женщина или ребенок; лишь в случае смерти глубокого старика устраивались преимущественно «квейти» (пешие бега).

Проведение цхени в глазах хевсур повышало авторитет оставшегося старшим в семье как среди всех родственников, так и среди односельчан. Если хозяин дома — «чирис патрони» — не устраивал цхени, его авторитет падал. В таких случаях говорили: «покойник не удостоился погребения и остался непохороненным». Это считалось большим позором для чирис патрона. При первом удобном случае его упрекали: «Ты и отца (либо кого-нибудь другого) не хоронил».

Хевсурьи считали, что оставшимся в живых надлежит выполнять свой долг: «покойника похоронить, а живого беречь».

Смерть хевсур — тяжелая утрата как для его семьи, рода, так и для малочисленного племени. Семья теряла кормильца и защитника чести своего рода и племени. Однако хевсурьи скрывали свое горе (известно, что в Хевсурети родители публично не оплакивают своих детей, более того, они упрекают покойника, что он покинул их, не вынес тягот жизни, струсил и т. д.).

Проведение цхени, как нам кажется, можно объяснить стремлением оставшихся в живых показать, что, несмотря на тяжелую утрату, они способны вести (как и при жизни умершего) достойную общества жизнь, т. е. семья не ослабеет, не обеднеет и сможет дать врагу отпор, а в отношении к друзьям останется благожелательной.

Цхени устраивались в день погребения (на второй или третий день после смерти). В тех случаях, когда чирис патрони по какой-нибудь причине не смог подготовиться к ритуалу, последний приурочивался к поминкам, проводившимся спустя полгода, либо полтора года после смерти.

⁹ Этнографический материал собран в Пиракетском (Ликоки, Чирдли, Бучукурта, Горшегми и др.) и Пирикитском Хевсурети (Шатили и Мигма-хеви).

¹⁰ А. Зиссерман, Очерки Хевсурети, газ. «Кавказ», 1851, № 22—24; его же, Двадцать пять лет на Кавказе, ч. I, СПб., 1879; Г. Радде, Заметки о Хевсурети, «Кавказский календарь», Тифлис, 1877; его же, Хевсуретия и хевсурьи, Тбилиси, 1881, стр. 86—87; С. Макалатия, Хевсурети, Тбилиси, 1940, стр. 170; Г. Тевдорадзе, Пять лет в Пшавии и Хевсуретии, Тбилиси, 1941, стр. 94; Н. Хизинашвили, Статьи по этнографии, Тбилиси, 1940, стр. 88, и др.

¹¹ См., напр.: Р. Эристов, О Тушинско-Пшаво-Хевсурском округе, «Зап. Кавказского отдела РГО», кн. III, Тифлис, 1835, стр. 75—145; Н. Худадов, Заметки о Хевсурети, «Зап. Кавказского отдела РГО», т. XIV, вып. 1, Тифлис, 1890.

¹² С. И. Макалатия, Хевсурети, стр. 170—173.

¹³ См. «Материалы по этнографии Грузии», т. III, Тбилиси, 1940.

¹⁴ Об условиях проведения цхени автором доложено на сессии Ученого совета Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили (15—21 ноября 1949 г.).

Чирис патрони через специальных глашатаев «ткобиеби» извещал село и всех родственников о смерти члена своей семьи. Одновременно с этой печальной вестью глашатаи передавали просьбу хозяина прибыть на похороны или поминки (сообщалось время) и привести своего коня для участия в цхени. К самим состязаниям допускались в первую очередь близкие родственники умершего и его жены. От деревни усопшего число участников цхени выставлялось по договоренности. В соревнованиях также могла участвовать «сулис цхени» — «лошадь души»¹⁵ умершего.

Число лошадей, участвующих в цхени, устанавливалось в зависимости от экономического состояния, щедрости чирис патрони и доходило иногда до 25. В случае смерти женщины оно было значительно меньше. При этом следует отметить, что в разных общинах Хевсурети существовали различные правила. Так, в Архотской общине в честь усопшей женщины для участия в «цхени-догви» выставлялось нечетное число лошадей, а в честь усопшего мужчины — как четное, так и нечетное. В Шатильской же общине число лошадей, участвующих в цхени, всегда должно было быть нечетным.

В установленный день к полудню у дома покойника, откуда начинались скачки, собирались все всадники, допущенные к участию в состязании. К этому времени специально подготавливались и украшалась лошадь души, для того чтобы можно было легко выделить ее среди других лошадей. Родственницы и односельчанки, собравшиеся в доме усопшего, заплетали гриву лошади в мелкие косички, завязывая их красными или пестрыми ленточками, специально изготавливали «нагривник» («сапапре») и налобник («сашибле»), седлали и через седло перекидывали переметную сумку «хурджини» со снедью и араки (водкой). Сзади седла привязывалась бурка покойника. После этого совершался специальный обряд освящения лошади души. Если чирис патрони допускал к участию в цхени лошадь души, то после освящения с нее снимали седло, оставляя украшения и опоясывая ее специальным поясом.

Для лошади души чирис патрони подбирает хорошего наездника среди односельчан, или же из двоюродных братьев усопшего. После этого он предупреждает всадников, чтобы они приготовились. Всадники снимали пояса и кинжалы, оставляя их в доме покойника, выводили лошадей и собирались на трапезе. «Сулис хүцеси»¹⁶ освящает трапезу, устроенную в память усопшего. Во время этого он держит в руках «канцы» (рог) с водкой. Заканчивая освящение трапезы, он выпивает сам и дает выпить всадникам по одному рогу.

После освящения лошади души и трапезы хозяин дома сам, а иногда, по его поручению, кто-либо из стариков-односельчан, указывал всадникам «гзас укветавс» — подробный маршрут скачек: каким путем ехать, где и у кого устроены трапезы в память усопшего; когда и с какого места пуститься вскачь. Бывает, что иной родственник обращается к хозяину с просьбой: «Я также устраиваю трапезу — цхени-табла (поминальный стол), а потому прошу не обходить меня». Всадники непременно предупреждались о том, чтобы они осторожно скакали через мосты и скалистые места, по плохим и опасным дорогам во избежание возможных травм или жертв. Сложность маршрута скачек по крутым спускам и подъемам (с наклоном до 60°) на неоседланых конях — не случайна. Для подобных скачек всегда выбирались два пути. По первому всадники ехали до «укена цхени-табла» (последней трапезы), а оттуда, уже со всей скоростью по второй, указанной чирис патрони, но не менее сложной дороге, полной естественных препятствий.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что цхени издревле культивируется в Грузии, имеет исторические корни и по существу является сложнейшей формой конного кросса.

После указания маршрута всадники садятся на коней. Первой стоит лошадь души. Они трижды обезжают вокруг покойника (если цхени устраивались во время погребения) или вокруг одежды усопшего и плачущих женщин (если дело происходило во время поминок) и направляются галопом по указанному маршруту.

Когда всадники скрываются за деревней, то в зависимости от качества дороги и от того, какое расстояние должны они пройти, меняют аллюр. В связи с этим всадникам приходится то ускорять движение, то замедлять его, часто даже соскакивая с лошадей, чтобы не утомлять их.

Если в пути некоторые из всадников и перегоняют остальных, к трапезам, по обычаям все обязательно подъезжают вместе.

Бывают случаи, когда кто-либо из всадников, не дожидаясь остальных, быстро обходит все трапезы и, в нарушение обычая, первым приходит к финишу. Это приводит к склоке между всадниками. Такой нарушитель лишается «догви» (приза).

¹⁵ Выделенная семьей ранее не освященная для этой цели лошадь. При отсутствии такой специально приобретали лошадь и после участия в цхени возвращали ее за полчены.

¹⁶ «Сулис хүцеси» — жрец.

Как только всадники подъезжают к месту первой трапезы, хозяева встречают их приветственными словами, спрашивают, как они себя чувствуют, не нуждаются ли в чем и т. д. Затем хозяева принимают у них лошадей и вываживают неподалеку.

В это время старший в доме предлагает выпить араки (слабая водка домашнего изготовления) вначале всаднику лошади души, а затем поочередно всем остальным. Так всадники объезжали по указанному маршруту все, обычно три-четыре, места трапезы, установленные чирис патрони.

Скорость передвижения лошадей до места последней трапезы была обычно такова, что она обеспечивала хорошее разогревание и специальную подготовку лошади, что способствовало развитию максимальной быстроты на последнем, фактически настоящем состязательном этапе цхени. В большинстве случаев у последней трапезы всадники даже не соскакивали с лошадей и выпивали уже по одному рогу водки, а иногда лишь прикасались к рогу губами.

После этого всадник лошади души (если сам не участвует в состязаниях) обращается к остальным всадникам: «Ну, теперь уже п'ята», или «Ну, теперь скаките». Если же в состязаниях участвует и лошадь души, то участников ведет кто-нибудь из всадников и по приезде в определенное, заранее намеченное место, подает сигнал к началу скачек. Отсюда уже всадники скакали к дому покойника, стараясь перегнать друг друга и первым достичь «миджна» — финиша.

В отдельных случаях всадник лошади души может остаться на последней трапезе. Всадники, не заинтересованные в победе, тоже иногда остаются с ним и возвращаются домой поздно.

Путем всадники сами контролируют друг друга. Если место последней трапезы находится на значительном расстоянии от дома чирис патрони, он при объяснении маршрута указывает всадникам, откуда им пускать коней в полную силу.

В большинстве случаев всадники подъезжают к финишу с наступлением темноты. Обычно финиш бывает около самого дома покойника, но если село сравнительно густо населено, то его располагают на окраине. Место его обозначают флагом, укрепленным на шесте высотой примерно с человеческий рост.

По предварительной договоренности, недалеко от деревни, на установленном месте, некоторых всадников встречают так называемые «мгебри» («заменяющие»). Наездник в таких случаях быстро, на ходу соскакивает с лошади, а мгебри, вскочив на лошадь, мчится к месту финиша.

Собравшаяся здесь вся деревня, а также «медогве», о которых речь будет идти ниже, наблюдают за всадниками. Если всадники подъезжают к финишу группой, то победителем считали того, чья лошадь первой переступала через границу финиша.

После приезда всадников женщины или дети принимали у них лошадей и выдавливали из них, в холодные дни покрывая ковром, попоной или буркой. В это время лошади не давали ни пить, ни есть.

Тем временем всадников приглашают в дом чирис патрони, и они усаживаются за одну сторону накрытого стола. Их угождают, а затем объявляют приз — дагви.

После начала скачек чирис патрони выбирал двух либо трех авторитетных односельчан или родственников (их хевсуре называют «медогвееби») и показывал им предназначенные в качестве призов для наездников предметы из имущества семьи, для того чтобы до возвращения всадников установить дагви.

В качестве дагви чирис патрони обыкновенно выделял корову, бычка, баранов, ковер, котел, ружье, шашку, кинжал и т. п. Особое место занимало оружие. Оно выделялось в случае смерти мужчины и то лишь при условии, если в доме покойного не оставалось мужчин.

Когда чирис патрони выделял много предметов для дагви, хевсуре говорили: «Тяжелый дагви был».

Проведению цхени предшествовала предварительная подготовка наездников и лошадей. Как только чирис патрони через глашатаев оповещал родственников, что их лошади участвуют в цхени, они приступали к подготовке, что выражалось в соблюдении специального режима и соответствующей тренировке. Проверялись подковы и в случае необходимости, лошадь заново подковывалась. Специальное внимание уделялось кормлению лошади: утром ей давали «топру»¹⁷ ячменя и немногого хорошего сена, чистили специальной большой щеткой из щетины и купали в реке. После двухчасового отдыха ее немного прогуливали, вначале медленно, затем прибавляли скорость и только потом переводили в бег, но так, чтобы она не переутомилась. Подобное упражнение длилось обычно примерно полчаса. Далее процесс подготовки лошади протекал в следующем порядке: в полдень и вечером опять купали и давали столько же ячменя и сена, водили лошадь на прогулку (в жаркую погоду — только вечером). Если лошадь давно не тренировали (что в Хевсурети бывает редко), ее готовят дольше, заставляют бегать на большую дистанцию и по пересеченной местности, чтобы она обрела

¹⁷ Топра — мешок вмещающий до 2—3 кг ячменя.

соответствующую форму, но все же соблюдается известная мера, чтобы лошадь не утомилась.

Подобная тренировка лошади повторяется на второй и третий день. В день устройства цхени лошадь купают один, либо два раза. В этот день ей утром дают выпить немного воды и кормят ячменем, дают незначительную пробежку и предоставляют отдых в тени, под строгим наблюдением, опасаясь, что кто-либо из враждебных побуждений даст лошади рожь.

Перед участием в цхени всадник специально осматривает сбрую лошади и в случае необходимости приводит в порядок узду, недоузок, к которому привязывает веревку, специальный пояс и кнут. По традиции для цхени лошадь не седлают, чтобы она свободнее чувствовала себя и чтобы всадник легче соскакивал и вскакивал на нее при подъеме и спусках. «Издревле установлено при цхени не седлать лошадей», — говорят хевсуры.

Перед скачками всадник опоясывает лошадь поясом в конце хребта, у крупа, и завязывает узлом под животом. Назначение пояса заключается в том, чтобы при спусках всадник мог держаться, взависши за него правой рукой. «Пояс дает уверенность всаднику», — говорят хевсуры. Те из хевсур-наездников, которые имеют скаковых лошадей и часто участвуют в соревнованиях цхени, пользуются специальными поясами. Не имеющие же специальных поясов употребляют обычно женские пояса. Специальный пояс несколько длиннее и уже женского и к тому же красивее (он вышит, а концы украшены кистями из цветных ниток) и крепче последнего. Пояса бывают пестрого, черного, чаще темно-красного цвета.

Всадники в день устройства цхени обычно просят женщин (жену, сестру или невесту) заплести гриву лошади в косички.

К участию в цхени и сам всадник специально подготавливает все необходимое: одежду, лапти — «джгани», платок для обвязывания головы и т. д.

Всадники, участвующие в цхени, обыкновенно обвязывают голову платком (в последнее же время женской головной шалью). Делается это для того, чтобы предупредить возможность повреждения головы (в случае, если всадник заденет во время скачек ветку дерева или же при падении с лошади), чтобы не застудить ее.

Некоторые из молодых всадников носят при себе боевое кольцо типа царатающих — гаджна¹⁸ для удара по лошади.

Обучение верховой езде в Хевсурети начинается с 8—10 лет. Применяются две формы обучения: самостоятельное и под наблюдением старших¹⁹.

При самостоятельном обучении мальчики, систематически наблюдая за старшими, подражают им в посадке на лошадь, езде по различной местности. Часто, узнав, что кто-либо из сверстников научился верховой езде, они сами изъявляют желание сесть на коня. Говорят: «Он уже садится на коня в моем возрасте».

Взобраться на коня впервые помогает кто-нибудь из товарищ, либо случайный прохожий и, возможно, мальчик получит еще от него краткое наставление, как сидеть на лошади и как водить ее: «веди потихоньку», «держись покрепче за гриву», «прижми ногами», «следи за движениями лошади, чтобы она небросила», и т. п.

Но не всегда хевсурский мальчик дожидается той поры, когда кто-либо из его сверстников сядет первым на коня. Он часто сам проявляет инициативу и старается раньше сверстников научиться верховой езде. Сперва он садится на неоседланную лошадь, ведет ее тихо, чтобы приучиться сидеть, а когда немного освоится, прибавляет ходу. Сперва обучение происходит на ровном месте. Мальчик в свободное время выводит лошадь, а в случае неимения таковой — лошадь родственников и начинает упражняться.

Когда мальчики пасут скот или находятся за деревней, на поляне, где пасутся лошади, они садятся на них и упражняются в верховой езде.

Периодичность этих упражнений бывает разная: раз в неделю, возможно два-три раза, а то и ежедневно. Бывает и так, что мальчик в течение дня по несколько раз садится на лошадь.

По представлению хевсур, «человек должен быть всесторонне совершенным»²⁰. В это понятие совершенства, т. е. идеал мужчины, как одну из составных его частей, хевсурь включают и верховую езду, которую они считают обязательной для всех мужчин.

О владении верховой ездой и об ее роли в горах издавна существовало мнение: «Верховая езда в нашем kraе необходима», «не умеющий ездить верхом хевсур — негоден, беспомощен, если понадобится быстро отправиться по какому-нибудь делу или догнать похитивших скот; и, главное, верховая езда нужна для участия в цхени, а также во время войны»²¹.

¹⁸ В. И. Элашили, Сатитени, Тбилиси, 1960, стр. 4.

¹⁹ В. И. Элашили, Народная система физического воспитания в Грузии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXI, 1959, стр. 83.

²⁰ Там же, стр. 78.

²¹ Там же, стр. 81.

Но не все взрослые в Хевсурети придерживаются одинакового мнения об обучении детей верховой езде с малых лет. Большинство родителей вначале запрещает своим детям верховую езду или, в лучшем случае, воздерживается от их обучения. Это относится главным образом к родителям, имеющим единственного сына. Они боятся, как бы он не упал с лошади и не нанес себе вреда (не сломал бы руку, ногу и т. д.). В таких случаях родители наставляют своих сыновей: «Нехорошо ездить верхом», «человек заболевает от верховой езды» и т. д. Все это говорится детям для того, чтобы они проявили осторожность. Дети таких родителей нередко тайком от старших уводят лошадей в такое место, где родители не могут их видеть, и обучаются верховой езде самостоятельно.

Впоследствии, когда родители узнают от других или сами убедятся в том, что их сын научился элементарным правилам верховой езды, они включаются в дело обучения своих сыновей.

Обучение под наблюдением старших применяется главным образом в тех случаях, когда сами родители заинтересованы обучить мальчика верховой езде с малых лет. Узнав о том, что он уже самостоятельно учится ездить, к обучению приступает отец, родственники, соседи или односельчане. Сажая мальчика на лошадь, они сами держат ее за узду и идут рядом. Первоначальное обучение происходит на сравнительно ровном месте. Потом мальчик привыкает сам садиться и самостоятельно управлять конем.

Тяга и способности хевсурских детей к верховой езде настолько значительны, что достаточно одного-двух таких занятий, чтобы мальчик уже овладел вождением лошади, а через несколько занятий приучился преодолевать подъем на гору, а потом и спуск. Приблизительно с 12—13 лет отец дает мальчику разного рода поручения, связанные с верховой ездой, например отвести коня на водопой и на пастище, съездить к родственникам, живущим в другой деревне, и т. п.

В Хевсурети 14—15-летний подросток, в результате частых и систематических наставлений со стороны старших, становится искусным всадником, владеющим почти в совершенстве техникой верховой езды. Он свободно может сказать на неоседланной лошади и даже принять участие в цхени. Последнее особенно обогащает его опыт, он во время подготовки к цхени получает ценные советы опытных всадников и многому учится у них — владению собой, управлению лошадью и т. д.

Таким образом, скачки цхени — один из оригинальных видов спортивных состязаний, весьма сложны по подготовке. От участников цхени требуются выносливость, умение управлять лошадью в очень трудных условиях — на резко пересеченной гористой местности. Требуется и специальная подготовка лошадей. Для цхени выбираются обычно лошади горских пород (чаще тушинской), специально выезженные и натренированные.

Проводимые в настоящее время в Хевсурети конные состязания — яркий пример сохранения и развития рациональных элементов традиционных обрядов в современных условиях.

С. П. Гупта

ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ ИНДИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Тема настоящей статьи очень сложна. Она включает в себя много трудных и слабо разработанных вопросов. Поэтому пока можно говорить лишь об общем направлении решения всей проблемы в целом. Конечно, установить наличие культурных связей между Индией и Средней Азией начиная с древнейших периодов существования человека можно только при условии научных контактов и совместных работ индийских и советских археологов.

Достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на карту, чтобы увидеть, что Средняя Азия и Индия расположены очень близко друг от друга. Естественно, что ряд регионов в этих странах имеет одинаковые или близкие природные условия. Следовательно, не будет удивительным, если археологические культуры каменного века здесь обнаружат значительное сходство, в том числе и общие традиции в технике обработки орудий.

В Индии древнейшая культура в южных предгорьях Гималаев представлена соанской индустрией, хорошо известной после работ Х. де Терра и Т. Т. Патерсона в Пенджабе. Соанская культура имеет следующую периодизацию. Древнейшей является терраса Т¹, которая относится ко второму межледниковому периоду Гималаев, соответствующему миндель-риссу в Европе. Здесь найдены галечные орудия — чопперы, скребла на отщепах. Последние изготовлены в клектонской традиции и в традиции фасетированных площадок, которую иногда ошибочно называют раннелеваллуазской. Находки второй стадии соанского палеолита сделаны на террасе Т², относящейся к третьему оледенению (рисс). Она имеет две фазы: фаза А, более древняя, содержит орудия типа чопперов и чоппингов, и нуклеусы, включающие двухплощадочные, известные также для мустерьских комплексов; фаза Б, более поздняя, характеризуется такими же орудиями, нуклеусами и очень небольшим процентом леваллуазских отщепов и пластин. Нуклеусы имеют неправильную форму и не стандартизованы, хотя многие из них являются подлинными дисками. Лишь очень малая часть нуклеусов может быть названа «черепаховидными» (*tortoise*).

На террасе Т³ найдена индустрия, которая принадлежит третьему межледниковому периоду (рисс-вюрм). Это позднесоанские комплексы с мелкими по размерам орудиями, сделанными более тщательно.

Помимо галечных орудий — комплекса чоппер-чоппингов, в соанской культуре известны и ручные рубила. В небольшом количестве они найдены на Т¹, но ни разу рубила не встречены вместе с указанными галечными орудиями. Это как будто свидетельствует о том, что здесь жили две группы людей, каждая из которых следовала своим культурным традициям. Вместе с тем на Т³ эти типы орудий встречены вместе. Недавними исследованиями П. Грациози в том же самом районе (в Моргах) обнаружено большое число ручных рубил, но на этот раз вместе с рубящими орудиями — кливерами (англ. cleaver).

После 1947 г. все соанские стоянки оказались на территории Пакистана. В Индии начались поиски новых памятников этого времени. Они продолжаются и в настоящее время. О. Прюфер, Д. Сен и У. Шарма нашли чоппер-чоппинговые комплексы в бассейне р. Сетледж в Налагаше, Долатпуре и т. д. Но наиболее интересные исследования выполнены Б. Б. Лалом в верховьях р. Биас около Гулера. Здесь на притоке Биаса — р. Бангнга имеется пять разновозрастных террас. Как и на р. Соан, только на трех самых высоких и древних найдены палеолитические орудия. На террасе Т¹ собраны чопперы и чоппинги вместе с клектонскими отщепами, но не встречено руч-

¹ Настоящая статья является сокращенным текстом доклада, прочитанного в январе 1967 г. в Институте истории им. А. А. Дониша АН Таджикской ССР С. П. Гуптой — сотрудником Национального музея в Нью-Дели. Доклад переведен с английского языка и подготовлен к печати В. А. Рановым.

ых рубил. На террасе Т² обнаружены орудия того же типа, а также чопперы с выделенными остриями или приостренные чопперы, не совсем удачно названные сначала К. Мовиусом, а затем Б. Б. Лалом «галечными рубилами». Здесь также собрано небольшое число отщепов с фасетированной площадкой, которые названы заготовками типа «прото-левалуа»².

На террасе Т³ обнаружены те же орудия, что и на предыдущей, и, кроме того, два настоящих ручных рубила, которые имеют аббевильский или ашельский возраст. В основном в Гулере периодизация палеолитических культур близка к периодизации долины Соана.

В. Кришинасвами и я исследовали бассейн верхнего течения р. Сетледж и обнаружили большое количество стоянок с комплексами чопперов-чоппингов. Во всех случаях в них отсутствовали ручные рубила и кливеры. Не было и настоящих леваллуазских черепаховидных нуклеусов, а также леваллуазских заготовок. Главным местонахождением является Биласпур. Здесь имеется система трех древних высоких террас. Поиски на Т¹ не принесли успеха, но на террасах Т² и Т³ найдены идентичные комплексы из чопперов и чоппингов, а также отщепов клектонского облика. В 1966 г. подобные комплексы были обнаружены по р. Джаму.

Попытаемся выяснить, есть ли сходные культуры в Средней Азии. Последние исследования В. А. Ранова принесли обнадеживающие результаты. В южном Таджикистане им открыта стоянка Кара-Бура, где проведены многолетние сборы каменных орудий на поверхности. В коллекции из Кара-Буры имеются сотни нуклеусов, десятки орудий, законченных обработкой, и тысячи разнообразных заготовок. Среди орудий встречаются великолепные экземпляры чопперов и чоппингов, клектонские отщепы, а также отщепы с фасетированной площадкой. Следует обратить внимание на несколько чоппингов, отличающихся приостренным концом. Все это технические традиции древнесоанской культуры.

Инструментарий Кара-Буры содержит и маленькие орудия всех вариантов, упоминавшиеся выше, но эти орудия сделаны лучше, со значительно большим мастерством. В комплексе имеется и некоторое число дисковидных нуклеусов. Эти черты чрезвычайно характерны для позднесоанской традиции обработки камня. Обращает внимание тот факт, что орудия, выполненные в традиции древнего соана, и орудия, выполненные приемами, характерными для позднего соана, найдены на Кара-Буре в смешанном состоянии, в галечниках. Мне кажется, что в дальнейшем, может быть, удастся выделить более древние и более поздние элементы и стратиграфически.

Интересно также, что на Кара-Буре встречено большое количество мустерьских нуклеусов, с которых снято от четырех до семи сколов. Здесь же имеются скребла и остроконечники, которые сделаны в типично мустерьской традиции. Мустерьские элементы полностью отсутствуют в инструментарии индийских памятников соанского типа.

Таким образом, на ранних стадиях нижнего палеолита культуры Средней Азии и Индии были сходными между собой. В дальнейшем развитие палеолита этих страншло по различным направлениям. В Средней Азии возникают мустерьские и леваллуа-мустерьские культуры, а в Индии — местные культуры пластин и отщепов, которые мы видим в среднем каменном веке этой страны.

Прежде чем перейти к рассмотрению памятников среднего каменного века Индии, следует заметить, что в то время, когда в предгорных районах Гималаев процветала культура чоппер-чоппингов, в остальной части Индии, к югу от Индо-Гангской долины, в аллювии которой не найдено памятников каменного века, развивалась культура ручных рубил и кливеров. Одним из главных местонахождений этой культуры является Махадео Пипариа, недавно открытое А. Кхатри в бассейне Нармады в Центральной Индии. Здесь на коренных породах залегает красная глина, перекрытая сильно сцепментированным галечником, в котором найдены кости Bos и Elephas Namadicus, т. е. типичная фауна среднеплейстоценового времени. Этот галечник I перекрыт отложениями суглинков, а последние, в свою очередь, — новой пачкой галечников, значи-

² И в том, и в другом случае эти термины введены, вероятно, для того, чтобы не менять терминологию, предложенную Т. Т. Патерсоном. Мне кажется, что термин «прото» имеет явный хронологический оттенок. Совершенно не обязательно при этом, что более поздняя стадия должна дать уже «настоящий» или развитый тип данного орудия. Поэтому использование термина «прото» не всегда правильно. В известной книге, посвященной палеолиту Азии, Х. Мовиус упоминает «прото-рубила» и в то же самое время говорит о том, что в юго-восточной Азии не встречаются подлинные ручные рубила. За последние два десятилетия положение не изменилось, исключая область Соана и, может быть, как это видно сейчас, область Джаму, которая расположена рядом с первой. Здесь обнаружен комплекс ручных рубил и кливеров, который однако, не является местным, а скорее, занесен извне. Не могут развиваться из «прото-рубила» настоящие рубила и в бассейнах рек Биаса и Сетледж, где комплекс чоппер-чоппингов в основном демонстрирует свои чистые формы. Следовательно во всех известных случаях «прото-рубила» не получают дальнейшего развития.

тельно меньше сцементированной и содержащей гальку меньших размеров. Это галечник II (поздний). Такая стратиграфия четвертичных отложений характерна и для других районов, например Годавери. И только в отдельных пунктах в Южной Индии найдено три прослоя галечников.

Позиция и характер красных глин, лежащих в основании разреза, пока не совсем ясны, и необходимы дополнительные данные, чтобы быть уверенным в том, что эти отложения свидетельствуют об определенной климатической стадии преминдельского межледникового периода. А. Кхатри указывает на находки нескольких щельевских ручных рубил вместе с галечными орудиями — чопперами и чоппингами. Он сопоставляет свои находки с изделиями из свиты I Олдовайского ущелья, но, очевидно есть больше данных для сопоставления их с более поздним комплексом — из II свиты Олдовая. Вместе с тем это древнейшая коллекция из Южной Индии.

Следующий комплекс орудий происходит из галечников I. Он включает изделия как аббевильского, (щельевского), так и ашельского типа. Но нужно отметить, что практически везде ручные рубила и кливеры принадлежат к развитому ашелью. Помимо указанных орудий, встречаются отщепы (клектонского типа), нуклеусы и отщепы протопризматических форм. Последние часто ретушированы и использовались как скребла или острия (остроконечники). Следует отметить, что галечные орудия на не которых стоянках Южной Индии встречаются в значительном количестве и достигают в отдельных случаях 20% всех изделий. Эту культуру можно сравнить с одновременными африканскими культурами, а также с некоторыми памятниками Кавказа особенно с Сатани-Даром и Арзи в СССР. Сейчас устанавливается на многих примерах, что орудия древнего каменного века связаны с отложениями I гравия, а орудия среднего каменного века находятся только во II гравии.

Перейдем теперь к особенностям культуры, которая называется средним каменным веком Индии. Коллекции этого времени полностью лишены ручных рубил и кливеров³.

Мои исследования в районе Джаббалпур на р. Нармада привели к открытию большого количества стоянок среднего каменного века. Среди инвентаря этих стоянок выделяются многочисленные скребла, большей частью боковые, концевые, выемчатые с прямым, вогнутым или выпуклым рабочим краем. Следующее место занимают острия — плоские или плечиковые, а также проколки. Резцы, наоборот, чрезвычайно редки. Очень часты комбинированные орудия — скребки и острия. Иногда острия скребла, проколки делались из очень маленьких галек. Настоящих пластин не найдено, но пластинчатые отщепы, изготовленные путем отжима, встречаются часто. Большинство заготовок можно отнести к клектонским, есть и заготовки с фасетированной площадкой, которые, однако, нельзя назвать леваллуазскими. Нуклеусы, как правило, стандартны. С них обычно снимались два-три отщепа. Очень много орудий сделано на плоских натуральных плитках, подходящих по материалу, причем их больше, чем орудий на пластинчатых отщепах. Орудия на таких плитках достигают иногда 40% всего инвентаря. Ретушь, часто края, очень характерна для этой культуры. Все указанные особенности отличают культуру среднего каменного века Нармады от одновременных культур других районов. Следует отметить и полную замену первичного материала. Вместо кварцитов, распространенных в нижнем палеолите, используются яшма, сланец, халцедон и другие породы. До сих пор прямых параллелей памятникам среднего каменного века Индии найти не удалось. В этом плане не представляет исключения и Средняя Азия. Вместе с тем, преимущественное распространение орудий из маленьких пластин и отщепов и орудий на небольших гальках сближает материалы Карабуры и позднего соана. Последний иногда относится к среднему каменному веку Индии. Однако это сходство нельзя считать значительным. Других аналогий среди материалов Средней Азии я не вижу.

Первая культура, которую мы встречаем в голоцене, характеризуется микролитами и называется поздним каменным веком Индии. По всем данным, имеющимся на сегодняшний день, она не старше 6000 лет до н. э., а возможно, существовала позже, около 4000 лет до н. э. Эта культура распространена во всех районах к югу от Индо-Гангского аллювия. Очень много микролитов встречено в скальных навесах Виндхья в Центральной Индии, в пустынях Раджастана, в Гуджерате и береговых дюнах южнее Мадраса. Последние работы У. Шармы и Р. Вармы, проведенные в скальных навесах близ Мирзапура, привели к открытию двух горизонтов микролитов, демонстрирующих определенное развитие. Как в более молодом, так и в более раннем горизонте встречаются простые пластины, пластиинки с затупленным краем, острия, сегменты. Но в нижнем нет керамики. Верхний же горизонт, помимо указанных орудий

³ А. Кхатри указывает на находки отдельных экземпляров этих орудий в Центральной Индии, где они встречены в косослоистых песках среди обычных для среднего каменного века орудий. Но геологический возраст этих песков остается предметом дискуссии.

содержит треугольники и трапеции, вместе с которыми встречается грубая керамика ручной лепки. Она представлена сосудами небольших размеров из красной и коричневой глины. Здесь также обнаружены плохо сохранившиеся скелеты 18 человек, погребенных в ямах. Эти погребения синхронны погребениям из Лахнаджа в Гуджарате, раскопанным в свое время Х. Санкалия.

Интересно отметить, что, за исключением Тенневели, в Южном Мадрасе не встреченено микролитов, которые были бы ретушированы отжимной техникой. Последние исследования К. Банерджи в пещере около Понди близ Мадраса показали, что орудия среднего каменного века могли эволюционировать и развиваться в позднем каменном веке.

В Средней Азии, в том числе и в Таджикистане, имеется два основных типа мезолитических памятников. Первый из них микролитический. Он характеризуется меньшими призматическими нуклеусами, демонстрирующими наличие отжимной техники, («флейковидными») пластинками с затупленной спинкой, пластинками с ретушью на одном или обоих краях, пластинками с выемкой или зубчатым краем, прямыми и скосенными остриями, проколками, скребками и геометрическими орудиями — сегментами. Эта культура близка к мезолитической традиции Ближнего Востока. Поскольку микролитические комплексы Южной и Центральной Индии также включают орудия этих типов, мезолитические культуры Средней Азии могут сопоставляться с поздним каменным веком Индии. При этом, однако, резонно считать это сходство результатом происхождения из одного региона. На мой взгляд, мезолитические культуры этого типа и в Средней Азии и в Индии скорее всего связаны с Ближним Востоком. Труднее установить прямую связь между этими территориями. Второй тип памятников эпохи мезолита представлен на Памире. По-видимому, эта культура в дальнейшем развивается в неолитическую гиссарскую культуру. В памирском меловите полностью отсутствуют геометрические микролиты, хотя отмечается небольшое количество мелких пластинок правильной формы, отжатых от призматических нуклеусов. Рассматриваемая культура характеризуется концевыми скребками, мустерскими боковыми скреблами, толстыми и грубыми остриями, изогнутыми сегментовидными пластинчатыми отщепами, диско-видными нуклеусами. Этот комплекс не имеет прямых параллелей в Индии, хотя кажется вероятным, что развитый соан и протонеолитические материалы, бегло описаны Т. Патерсоном, при более детальном исследовании могут продемонстрировать некоторое сходство.

Гиссарская культура представляет неолит горной части Средней Азии. Она имеет много общего с памирской. Ее характеризует прежде всего развитие галечных орудий.

Неолитические культуры Индии в общих чертах делятся на три зоны. Зона А лежит в Восточной Индии. Работы А. Дани четко показывают, что плечиковые топоры и долота, а также топоры с прямоугольным сечением могут быть связаны с Южным Китаем и Малайей. Недавние работы В. Тхапара и Я. Джоши утверждают, что стратиграфически эта культура находится выше микролитической. Она сопровождается темно-красной керамикой ручной лепки.

Зона Б расположена к югу от Индо-Гангской аллювиальной равнины. Раскопки в штате Андхра Прадеш, проведенные Ф. К. Олчином, показывают, что хозяйство древнейшего неолитического населения было преимущественно пастушеским, а не земледельческим, хотя вообще-то говоря, оно, видимо, было комплексным. Установлено, что эти племена жили в небольших тростниковых хижинах со столбовой конструкцией, иногда прямоугольной формы. Из таких хижин состояли целые поселки. Инвентарь: полированные топоры или долота с приостренным концом, орудия типа «picks», шары, камни для пращи, терочники, песты и зернотерки, толстые отщепы. По-прежнему изготавливаются микролитические орудия. Доминирует «серая» или «сероватая» по цвету керамика, на поздней ступени сделанная уже на кругу. Следует отметить, что стадия собственно каменного века в этой культуре была очень короткой. Данные по C^{14} помещают эту культуру от 2600 до 2000 г. до н. э. Немного меди и очень низкого качества бронзовых орудий, особенно плоских топоров, придает этой культуре энеолитический характер. В середине II тысячелетия до н. э. появляется крашеная керамика (черная роспись по красному фону), и она окончательно утверждает энеолит в этой зоне.

Зона С состоит из двух областей: первая — это область озер в долине Кашмира, вторая — горные районы Пенджаба. Последние раскопки в Бурзахоме в Кашмире, проведенные Т. Кхазанчи, выявили здесь поселения рыбаков, живших в разреженных лесах на берегу озер. Костяные гарпуны, острия, иглы, лощила и некоторые другие изделия очень типичны для этой культуры. Они не найдены более нигде в Индии. С другой стороны, полированные топоры и долота, шары и т. д. представляют собой вариант тех же изделий, что и в зоне Б. Наиболее важными находками этих комплексов являются прямоугольные и сегментовидные полированные серпы с двумя отверстиями, которые до сих пор были известны только в Китае и неолите Дзеном в Японии. Керамика представлена красной и сероглиняной лепной посудой. Носители

этой культуры жили сначала в шалашах или (реже) в полуzemлянках, позднее — в домах из сырцового кирпича.

В области Гималайских гор, в Пенджабе, имеется еще один культурный комплекс, который очень близок по типу к гиссарской культуре Таджикистана, известной по работам А. П. Окладникова и В. А. Ранова. Этот комплекс обнаружен в Роре вблизи Қангара, на третьей террасе бассейна р. Гулер, ранее упоминавшейся в связи с древним каменным веком. Стоянка исследована М. Г. Мохапатрай. Его работы вскрыли жилые комплексы, представленные зольно-углистыми отложениями. Кроме обычных полированных каменных топоров, долот, кругов и т. п., инструментарий состоит из маленьких галечных орудий типа чопперов и чоппингов, иногда ретушированных и использовавшихся скорее всего, как скребла. Отщепы и грубые пластины, ретушированные и без ретуши, использовались как разнообразные скребки и ножи. Здесь нет, однако, настоящих пластин и микролитов, которые мы встречаем в зоне С.

Совершенно понятно, что хотя существует определенная близость между гиссарской культурой Средней Азии и неолитом Пенджаба, можно найти между ними и существенные различия.

Надо сказать, что Средняя Азия никогда не была совершенно изолирована от влияний со стороны Ближнего Востока. Не была изолирована от этих влияний и гиссарская культура, несмотря на то, что ее памятники связаны с горной областью. На против, гималайский район Пенджаба кажется совершенно изолированным от влияний, идущих со стороны Ближнего Востока. Поэтому можно думать, что сходство между неолитом горных районов Средней Азии и Пенджаба лежит в экологии — обе культуры существовали в одинаковых природных условиях. Кроме того, в обеих названных областях исходным материалом для изготовления орудий являются гальки. Были ли прямые связи между этими культурами, сказать трудно, так как пока мы не имеем промежуточных пунктов, а в самом Пенджабе, за исключением Рора, другие стоянки этого типа не известны.

В. А. Ранов

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СТАТЬЕ С. П. ГУПТЫ «ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ ИНДИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ»

В известном сборнике «Индия в древности» (1964 г.) хорошо показаны многие аспекты историко-культурных связей народов Индии и Средней Азии, начиная с момента зарождения производящего хозяйства еще в неолитическую эпоху¹. Совершенно очевидно, что эти связи возникли значительно раньше, в палеолите². Трудно представить себе, что расположенная сравнительно близко Средняя Азия не испытывала влияний со стороны палеолитических культур Индостанского полуострова. В то же время развитие племен каменного века в Средней Азии, находящейся много севернее Индии и отрезанной высочайшими горами земного шара от влияния теплых ветров Индийского океана, открытой для миграций из Передней Азии, должно было идти совершенно иными историческими путями.

Прямые связи, общность развития и, наоборот, характерное различие между культурами каменного века этих двух стран составляют важнейшую проблему современного палеолитоведения Азии, решение которой, как правильно отмечает С. П. Гупта, во многом зависит от прямых контактов между индийскими и советскими археологами.

В результате двадцатилетних исследований каменного века в Таджикистане собрана большая (около 100 тыс. номеров) коллекция каменных орудий. Она охватывает

¹ «Индия в древности», М., 1964, статьи М. В. Массона, А. Я. Щетенко, Б. А. Липинского и др.

² См. например: В. А. Ранов, Каменный век Таджикистана, вып. 1 — «Палеолит», Душанбе, 1965; А. П. Окладников, Палеолит и мезолит Средней Азии. В кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966.

всю эпоху каменного века, начиная от нижнего палеолита и кончая поздними этапами неолита. Показательно, что при сравнении индийского и среднеазиатского археологического материала наибольшее сходство отмечается с Таджикистаном, находящимся географически ближе всех других республик к Индии.

С. П. Гупта первый из индийских археологов — специалистов по каменному веку — получил возможность детально ознакомиться с коллекциями, хранящимися в Институте истории АН Таджикской ССР, а также посетил палеолитическую стоянку Кара-Бура. Мы не будем здесь касаться проблем первобытной археологии собственно Индии, о которых говорится в статье С. П. Гупты, и остановимся только на затронутых им вопросах сопоставления палеолитических материалов Средней Азии и Индии.

В литературе неоднократно отмечалось сходство галечных орудий домусьеरского времени, найденных в Средней Азии и Казахстане, с древнейшим соаном Пакистана. В этом плане очень интересны сообщенные С. П. Гуптой новые данные о работах в индийской части предгорий Гималаев (Гулер, Биласпур), подтвердивших, по его мнению, периодизацию соанских культур³.

Познакомившись с галечными орудиями Кара-Буры, С. П. Гупта согласился с высказанным нами мнением о близости серии галечных орудий типа чоппер-чоппингов к «pebble-tools» соанской культуры. В то же время индийский археолог обратил внимание на необычное для соанских памятников одновременное существование технических приемов, характерных для раннего и позднего соана. Он подчеркнул, что это не свойственно соанским памятникам Пакистана и Индии, и высказал предположение, что на Кара-Буре наблюдается механическое смешение двух периодов «среднеазиатского соана», принадлежащих разным хронологическим этапам.

Действительно, смешение более архаичной техники и техники прогрессивной, сопоставимой в общих чертах с мусьевской техникой раскалывания камня, на Кара-Буре имеет место. Но объективных данных (различие внешнего вида орудий — патина, окатанность, первичный материал и т. д.) для такого подразделения нет. Нет и, очевидно, не будет, в силу реальных условий (орудия найдены в галечниках, перекрывающих небольшую группу останцов древней, довольно сильно размытой и, вероятно, дислоцированной террасы⁴ каких-нибудь стратиграфических данных, которые могли бы быть использованы в пользу хронологического членения этого комплекса). Поэтому мы датируем памятник по более молодым элементам комплекса собранных здесь изделий, считая древнюю технику пережиточной. Это суждение подкрепляется существованием очень архаичных приемов раскалывания камня (галечные орудия — чопперы, «клектонские» отщепы, многоплощадочные архаичные нуклеусы, «мусьевские» приемы обработки камня) в значительно более поздней гиссарской неолитической культуре.

Повторяемость главных форм соанских галечных орудий и технических приемов их изготовления прослеживается на всем протяжении соанской культуры, на всех ее стадиях⁵. Подразделение этапов последней производится преимущественно на основании развития сопровождающего материала, а не самого комплекса чоппер-чоппингов⁶. Возможно, со временем исследователям удастся уверенно расчленить галечные орудия хронологически по техническим приемам их изготовления, но для этого надо найти стратиграфически четкие памятники. К сожалению, Кара-Бура не является таким объектом, и мы не можем в данном случае освободиться от мысли, что более примитивные, на первый взгляд, изделия являются лишь первой стадией изготовления более совершенных.

Как известно, некоторые индийские археологи считают, что в позднесоанских памятниках, с которыми сопоставляется Кара-Бура, галечные орудия сопровождаются орудиями на «флейках», носящими леваллуа-мусьевский характер. Однако большая часть исследователей, вероятно, справедливо полагает, что речь может идти лишь об отдельных элементах мусьевской техники⁷. В этом отношении Кара-Бура отличается от соанских памятников Пенджаба. Здесь мы встречаем подлинно мусьевские изделия, что позволяет говорить об особой среднеазиатской мусьево-соанской фации сред-

³ Первый памятник опубликован, см.: B. B. Lal, *Talaolith Banganga Valleys, Punjab*, «Ancient India», 1956, № 12, pp. 58—92. О Биласпуре пока имеются лишь предварительные сведения, см.: B. B. Lal, India, «Asian Perspectives», vol. 7, № 1—2, 1964, pp. 27—28.

⁴ B. A. Ранов, Указ. раб., стр. 50—54.

⁵ T. T. Paterson and H. J. H. Drummond, Soan — the paleolithic of Pakistan, «Memoir of the Department of Archaeology in Pakistan», № 2, Karachi, 1962.

⁶ K. V. Soundara Rajan, Quarternary pebble, core and flake cultures of India — An appraisal of the data, «Ancient India», № 17, 1961, p. 75.

⁷ См. раздел «Is Soan a separate culture?», в сб.: «Indian Prehistory», 1964, «Deccan College Building Centenary and Silver Jubilee Series» (далее «Indian Prehistory»), № 32, Poona, 1965, pp. 1—14.

него палеолита. Это результат крайнего западного положения Южного Таджикистана на территории, охваченной соанской культурной общностью⁸.

Таким образом, культуры нижнего палеолита северо-западной, пригималайской части Индии и Средней Азии в эпоху нижнего палеолита сходны между собой⁹. Но в мустырское время это сходство сохраняется (вероятно, уже в меньшей степени) лишь для мустыро-соанского варианта, поскольку на основной части территории Средней Азии появляется и развивается леваллуа-мустырская культура, сходная с одновременными культурами Передней Азии¹⁰. В этот период, по мнению С. П. Гупты, развитие палеолита обеих стран прошло по различным направлениям. Представляется, что такое заключение полностью справедливо опять-таки для Центральной и Южной Индии, но насколько можно судить по работам Х. Д. Санкалия, сходство, хотя и незначительное, между материалами отдельных памятников среднего каменного века и мустырским инвентарем Средней Азии все же имеется¹¹. Что же касается особой фации среднего каменного века, исследованной С. П. Гуптой в районе Джаббалаупра на р. Нармаде, то здесь, конечно, может быть, и нет никаких аналогий с мустье Средней Азии¹².

Но между позднесоанской культурой, которая многими исследователями относится к среднему каменному веку Индии, и мустыро-соанской фацией мустье Средней Азии сходство безусловно есть. Оно выражается не только в существовании близких форм, как это заметил С. П. Гупта, но и в развитии особой, специфической галечной техники, широком применении «галечных нуклеусов», с трудом отличимых в ряде случаев от галечных орудий — чоппингов. Об этом же говорит и ряд аналогий, которые можно провести к нижним горизонтам навеса Сангха в Западном Пакистане, также относимых к среднему каменному веку¹³. Поэтому положение С. П. Гупты о полном расхождении развития палеолитических культур Индии и Средней Азии начиная с мустырского времени, нуждается в коррективах. На наш взгляд, в Средней Азии и в эпоху мустье, и в верхнем палеолите существуют фации, близкие и сопоставимые с посташельскими культурами Северо-Западной Индии. Это продолжающая развиваться на Кара-Буре, Ак-Джаре и Самаркандской стоянке традиция обработки галек и другие специфические черты, которые приводят нас к заключению о существовании в Средней Азии на протяжении всего каменного века памятников, сопоставимых с восточноазиатским палеолитом (группа Б), в частности с поздним соаном и производными от него памятниками. Расхождение отмечается только для другой группы памятников (группа А)¹⁴.

Поздний каменный век Индии некоторые авторы называют мезолитом. Он характеризуется микролитоидностью и наличием орудий геометрических форм — острый и сегментов в ранней стадии, трапеций и треугольников — в поздней. Вопрос о присутствии керамики в микролитических комплексах окончательно не решен¹⁵.

Знакомство с коллекциями Таджикистана (Оби-Киик, нижний горизонт Туткаула) привело С. П. Гупту к выводам о значительном сходстве этих памятников с микро-

⁸ В. А. Ранов, Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г., «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», т. 31, 1961, стр. 28.

⁹ Как хорошо видно из статьи С. П. Гупты, этого нельзя сказать о культурах Центральной и Южной Индии.

¹⁰ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 48.

¹¹ H. D. Sankalia, Prehistory and protohistory in India and Pakistan, Bombay, 1963, стр. 77—78.

¹² Вообще представление о периоде среднего каменного века (или среднего палеолита) Индии слишком широко (см. напр. V. N. Misra, Problems of terminology in Indian prehistory, «Eastern Anthropology», vol. XV, № 2, 1962; B. Allchin, The Indian Stone Age sequence, «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. 93, pt. 2, 1963; S. P. Gupta, Les industries du Paléolithique supérieur de l'Inde, «Bulletin de la Société Préhistorique Française», Et. et Tr., t. XVI, fasc. 1, 1964 и др.). Получается, что средний каменный век охватывает по крайней мере 60—100 тысяч лет и включает в себя культуры, соответствующие по времени и мустье, и верхнему палеолиту Европы, которые, почти не испытывая на протяжении этого длительного периода изменений, переходят (?) в VI тысячелетии до н. э. (!) в мезолитические культуры позднего каменного века. Совершенно правы те исследователи, которые говорят о пестром, различном этнически и хронологически составе культур, объединяемом в общее понятие — средний каменный век (см. раздел: «Middle Stone Age Culture in India and Pakistan», «Indian Prehistory», pp. 35—55).

¹³ A. H. Dani, Sanghao cave excavation. The first season 1963, «Bulletin of Department of Archaeology University of Peshawar», vol. 1, Peshawar, 1964.

¹⁴ В. А. Ранов, О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

¹⁵ V. V. N. Misra, Mesolithic phase in the prehistory of India, «Indian Prehistory», pp. 65—66.

тическими комплексами позднего каменного века Центральной и Южной Индии. То сходство рассматривается индийским ученым как результат происхождения из одного центра — Ближнего Востока. Действительно, громадные пространства Азии, во-ончее Центрального Казахстана, совершенно лишены микролитов геометрической эры¹⁶. Сегменты, трапеции, низкие прямоугольники и т. д., найденные за последние годы в Южном Таджикистане, значительно продвинули распространение геометрических форм на восток Средней Азии¹⁷. Сходство каменного инвентаря вполне может быть связано с распространением из одного центра (миграция?, диффузия? и т. д.), нельзя снимать все же и возможность автохтонного развития микролитов геометрических форм в Средней Азии, где имеются памятники типа мастерской на Красноярском полуострове, Ходжа-Гора, пещеры Кара-Камар в северном Афганистане, которые сближаются многими исследователями с верхним палеолитом Ближнего востока.

Очень интересны суждения, высказанные по поводу гиссарской культуры — ее ранних этапов (марканскийская мезолитическая культура Памира) и более поздних, собственно гиссарских. Нам представляется, что в высокогорных районах Азии (Тянь-Шань, Памиро-Алай, Куынлуун, Гималаи, Тибет, Сино-Тибетские горы) существовала изкая по основным типологическим и техническим признакам культура каменного века, вернее ряд культур, распадающихся на локальные и хронологические группировки. Основой этой общности является так называемая «галечная техника», которая в виде памятников (например Туткаул) дополняется существованием иных приемов, связанных с хорошо известными на Ближнем Востоке и западе Средней Азии методами выскакивания кремния («галечная техника» почти на 100% связана не с кремнем, а с еще пластичными породами).

Как показывает статья С. П. Гупты, в Северо-Западной Индии имеются сходные памятники, пока, к сожалению, малоизученные. К известным еще со времени работы Х. де Терра раскопкам в Бурзахоме¹⁸ прибавились теперь исследования М. Г. Мохапатры в Роре¹⁹. Можно, на наш взгляд, привлечь и некоторые пункты, описаные Т. Т. Патерсоном²⁰ и местонахождение № 7 вблизи Моргах²¹. Не приходится сомневаться, что уже в ближайшие годы аналогии эти увеличатся, в том числе и за счет новых находок в районе между Таджикистаном и Северо-Западной Индией. Чем вызвана эта общность — прямыми связями, миграцией или конвергенцией, сказать трудно. Короче всего — общим сходством экологических условий горных долин, в которых не последнее место занимает и первичный материал. Но это уже вопрос, требующий специальных исследований.

¹⁶ Самым восточным пунктом, где найдены орудия геометрических форм, является гоянка у г. Караганды, открытая М. Н. Клапчуком (М. Н. Клапчук, Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году, «Сов. археология», 1965, № 3, ис. 1, 3, 4).

¹⁷ Г. Ф. Коробкова, В. А. Ранов, Неолит горных районов Средней Азии (по раскопкам поселения Туткаул), «Проблемы археологии Средней Азии (Тезисы докладов)», Л., 1968, стр. 18—21.

¹⁸ H. de Terra, The megaliths of Bursahom, Kashmir, a new prehistoric civilization from India, «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 88, № 5, 1942.

¹⁹ См. выступление М. Г. Мохапатры в дискуссии о среднем каменном веке на поминавшемся уже симпозиуме («Indian Prehistory», pp. 50—51).

²⁰ T. T. Paterson and H. J. H. Dugmond, Указ. раб., pp. 84—88.

²¹ P. Graziosi, Prehistoric research in Northwestern Punjab, Italian expedition to the Karakorum (K²) and Hindu Kush, «Scientific Reports», V.—Prehistory—Anthropology, vol. I, Leiden, 1964, стр. 44—46.

А. А. Зубов

**О ФИЗИЧЕСКОМ ТИПЕ
ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ¹**

Вопрос о разнородности или однородности антропологического типа американских аборигенов всегда был предметом дискуссии. Одни авторы стремились выделить среди американоидов множество типов, другие склонялись к мысли, что американская раса в общем едина. Можно думать, что обе стороны в какой-то мере правы. Трудно отрицать наличие характерного комплекса особенностей, типичных для всего коренного населения Америки, так же как трудно было бы отрицать существование некоторых заметных различий между отдельными территориальными группами аборигенов Нового Света. Однако в данном случае нас занимает не обычная территориальная вариабильность внутри крупной расовой группы, а возможная связь этой вариабильности с разными этапами заселения Америки. Еще в 1902 г. Деникер², разрабатывая классификацию расовых типов Америки, выделил так называемую «палеоамериканскую» расу, подчеркнув этим термином большую древность одного из расовых типов аборигенного населения. Палеоамериканская раса отличается малым ростом, большим, чем у соседей, процентом волнистых волос и вогнутых спицок носа, сильным наклоном лба, толстыми губами, прогнатизмом, темным цветом кожи, довольно значительным развитием третичного волосистого покрова, низким переносием, сильно развитыми надбровными дугами, долихокефалией и гипсистенокефалией. Большинство этих особенностей, отличающих палеоамериканский комплекс от «классического» типа американских индейцев, имеет австралоидный характер. Носителями палеоамериканских черт являются племена группы жес, группы туши-гуарани, отчасти — аймара, карibские племена и огнеземельцы (в особенности яманы и алакалуфы). Может быть, этот тип представляет собой территориально ограниченное, «местное» явление, связанное лишь с Южной Америкой? Может быть, он имеет особое, более позднее происхождение или же возник вследствие адаптации к необычным условиям обитания? На эти вопросы можно было бы постараться дать ответ, изучив характер распределения палеоамериканского комплекса на всей территории Америки, как Южной, так и Северной. Прежде всего обратим внимание на то, что упомянутые палеоамериканские группы расселены в труднодоступных или тяжелых для освоения районах бассейна Амазонки и Ориноко, в высокогорных районах (аймара), либо на окраинах (огнеземельцы). Большинство из них отличается наиболее низким уровнем культуры. Это наводит на мысль о том, что мы сталкиваемся здесь с довольно обычной закономерностью двухэтапного заселения территории, при котором менее культурные аборигены оттесняются в неблагоприятные для обитания, труднодоступные либо периферийные районы. Посмотрим теперь, какими группами заселены другие окраинные или неблагоприятные для обитания районы Америки. Здесь мы прежде всего столкнемся с наиболее северными обитателями Америки — эскимосами. Нередко высказывались мнения, согласно которым эскимосы представляют собой в Америке так сказать «чужеродное тело» и мало связанны генетически с коренным индейским населением (вспомним хотя бы гипотезу «эскимосского клина»). Однако в настоящее время трудно отрицать, что по сравнению с основной массой азиатских монголоидов, представители арктической расы антропологически тяготеют к американоидам. Черты, отличающие эскимосов от их соседей — североамериканских индейцев, могут быть отнесены отчасти за счет большей монголоидности (не исключены при этом поздние связи с Азией). Однако стоит ли торопиться объяснять различия между эскимосами и североамериканскими индейцами только

¹ Данные, вошедшие в предлагаемую работу, были включены нами в дипломную работу в 1960 г. и явились темой двух докладов на Кафедре антропологии МГУ. В настоящее время мы решили снова обратиться к этим, до сих пор не опубликованным материалам в связи с новыми одонтологическими данными, имеющими отношение к рассматривавшемуся прежде вопросу. В дальнейшем мы надеемся уделить больше внимания затронутой здесь проблеме, а пока публикуем лишь основные положения прежней работы, связывая ее с некоторыми новыми соображениями.

² Деникер, Человеческие расы, СПб., 1902.

за счет большего или меньшего процента поздних азиатских элементов? Если мы в основном такие особенности антропологического типа эскимосов, как довольно высокий процент вогнутых спинок носа, значительная ширина носа, некоторый процент волнистых волос, толстые губы, довольно значительно развитый третичный волосяной покров, сравнительно темная кожа, сильный наклон лба, прогнатизм, сильное развитие надбровных дуг, долихоcefалия, гипсистеноcefалия, низкий рост (в некоторых районах), то мы без труда сможем объяснить этот комплекс связью с чисто «местным», американским населением, но не с североамериканскими индейцами «классического» типа, а с несколько уклоняющимся палеоамериканским типом. Особенно интересен тот факт, что эскимосы обнаруживают заметное сходство с самой южной группой Америки — огнеземельцами. Среди последних черты палеоамериканского типа особенно заметны у двух групп — ямана и алакалуф. Еще в 1959 г., рассматривая данные по краинологии населения Америки, мы обратили внимание на удивительное сходство черепных серий огнеземельцев (особенно ямана) с эскимосскими черепами. Приведем для сопоставления данные по черепам ямана и эскимосов о-ва Св. Лаврентия (табл. 1).

Сходство обеих серий по большинству признаков очень велико. Существенная разница имеется только по высоте лица, однако это обстоятельство не покажется слишком серьезным препятствием для установления очень близкого сходства взятых групп, если мы вспомним, что в древних погребениях на том же о-ве Св. Лаврентия средняя высота лица черепов оказалась равной 73,4, т. е. в точности той же, как у огнеземельцев. Как уже говорилось, имеет место сходство эскимосов с палеоамериканскими группами и, в частности, с огнеземельцами, по комплексу палеоамериканских черт, т. е. по форме головы, волос, размерам носа, губ, развитию волосяного покрова, форме лба, развитию надбровных дуг, длине тела. Сходство между огнеземельцами и эскимосами дополняется также данными по дерматоглифии, полученными Абелем, который заключил, что по дерматоглифии огнеземельцы ближе всего стоят к эскимосам о-ва Св. Лаврентия, т. е. как раз к той группе, где яснее всего выражено краинологическое сходство с огнеземельцами.

Надо сказать, что сходство огнеземельцев с эскимосами было давно подмечено путешественниками. В работах Ионина³, Гузинде⁴, в сборнике «Mission scientifique du Cap Horn»⁵, приводятся высказывания путешественников, которые прямо или косвенно указывают на сходство огнеземельцев и эскимосов. Приведем некоторые из этих высказываний: «Кожа огнеземельцев имеет грязно-коричневый цвет, сходный с цветом кожи эскимосов; физиономия также весьма напоминает физиономию этих последних» (Бер.). «Скулы огнеземельцев сильно выдаются, чем у патагонцев, нос более сплюснут» (Мантегацца). «Лицо у них (огнеземельцев) широкое, плоское, приплюснутое, скулы выдаются, нос сплюснут» (Ловизато). «Лица у огнеземельцев полные, плоские, широкие, приплюснутые, скулы выдаются крайне сильно, нос довольно широкий, сплюснутый» (Бове).

Все сказанное выше позволяет, по нашему мнению, предположить, что эскимосы имеют в своей основе палеоамериканский антропологический тип, который впоследствии мог немножко измениться в результате некоторой посторонней расовой примеси или эпохальных преобразований.

Существование стольких черт сходства у крайних северных и крайних южных групп населения Америки может свидетельствовать о чрезвычайно широком распространении в прошлом палеоамериканского комплекса, носители которого, возможно, занимали практически всю территорию Америки. Сходство эскимосов и огнеземельцев

Таблица 1

**Сопоставление краинологических серий
эскимосов и огнеземельцев ***

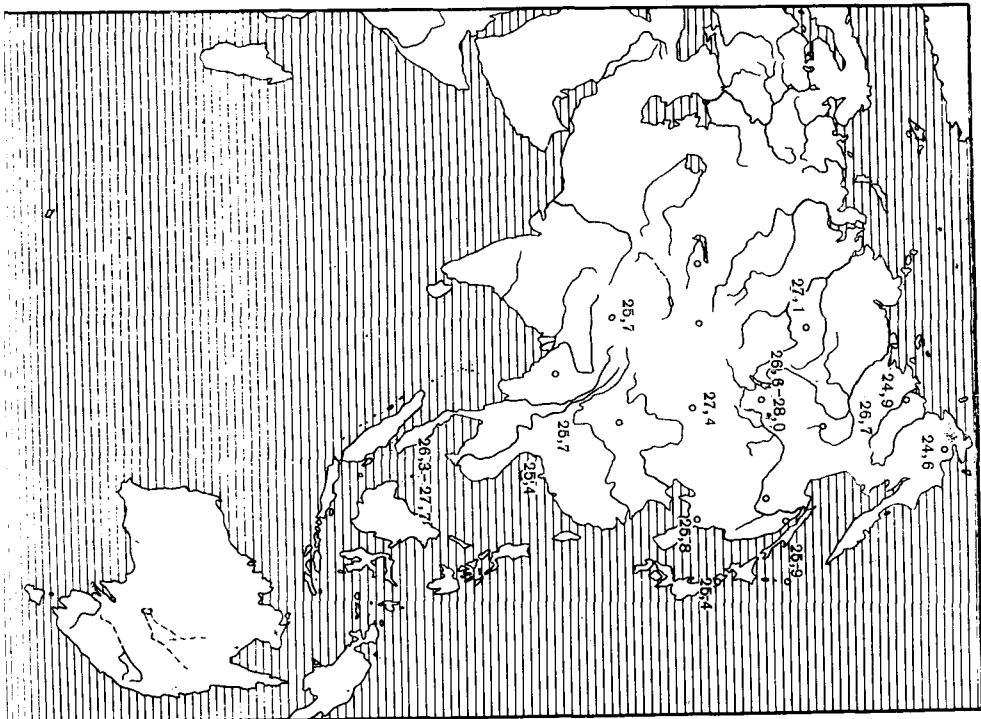
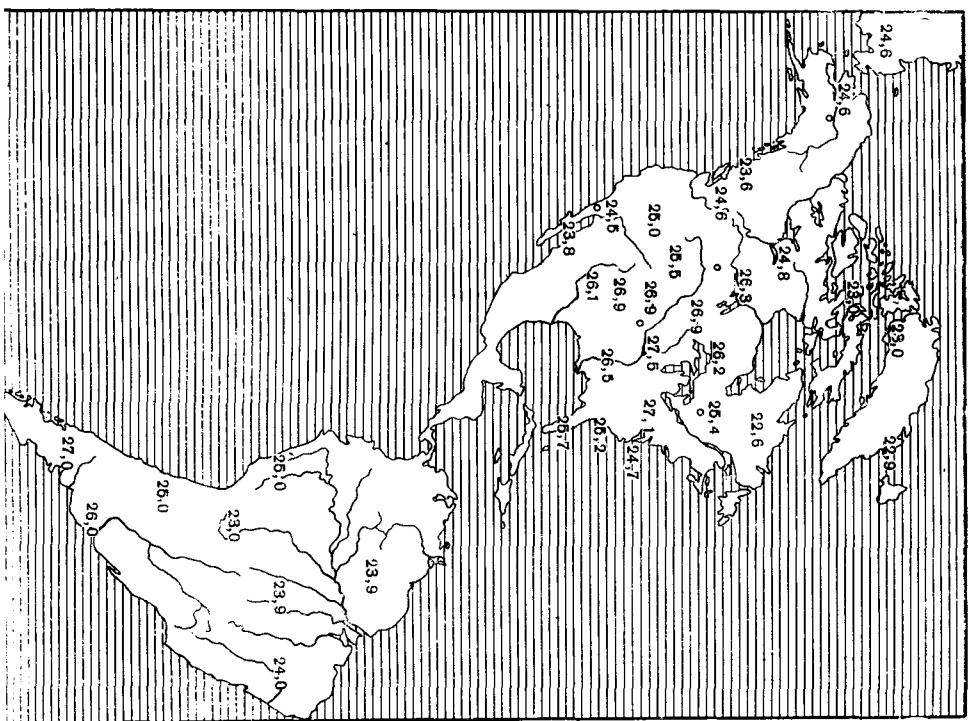
Показатели	Эскимосы	Огнеземельцы
Продольный диаметр	183,9	186,0
Поперечный диаметр	141,4	142,8
Высотный диаметр	137,3	136,0
Высота лица	77,5	73,4
Скуловой диаметр	141,5	142,4
Длина основания черепа	103,9	103,8
Высота орбиты	36,7	35,7
Ширина орбиты	40,2	39,7
Высота носа	54,4	52,7
Ширина носа	24,6	24,6
Наименьший лобный диаметр	95,0	95,5
Угол при альв. точке	68,8	67,4
Назо-маярный угол	146,2	143,1—145,1 (Гарсон)
Симотический указатель	42,8	42,5

Данные, использованные в табл. 1 и 2, а также нанесенные на карту, взяты из книги Г. Ф. Дебеца «Антропологические исследования в Камчатской области» («Труды ИЭ», нов. серия, т. XVII, М., 1968), и из работ: «Mission scientifique du Cap Horn», Paris, 1882, R. Martin, Lehrbuch der Anthropologie, Jena, 1928.

³ А. С. Ионин, По Южной Америке, СПб., 1893.

⁴ M. Gusinde, Expedición a la Tierra del Fuego, Santiago, 1924.

⁵ «Mission scientifique du Cap Horn», Paris, 1888.

могло бы объяснить приблизительно одинаковыми условиями существования. Однако адаптацией нельзя объяснить сходство по дерматографии, а также (в данном случае) по таким признакам, как толстые губы, волнистые волосы, широкий нос, темная кожа, т. е. особенностям, связанным скорее с жарким климатом, нежели с арктическими и антарктическими районами.

В Северной Америке палеоамериканский комплекс отмечается также у калифорнийских индейцев, причем у древнего населения Калифорнии он был выражен полнее, о чем свидетельствуют данные Имбеллони, показавшего, что в древности многие районы Калифорнии были населены «фузигидами», т. е. группами, близкими по физическому типу к огнеземельцам.

Отдельные черты палеоамериканского комплекса представлены среди северо-западных индейцев Северной Америки и некоторых групп Центральной Америки.

Палеоамериканские черты не везде выступают целым комплексом. Имеются, однако, такие особенности, которые связывают воедино весь палеоамериканский тип, характерные для всех его групп и выделяют его среди других американоидов и вообще монголоидов. Помимо некоторых из перечисленных выше черт (малый рост, толстые губы, вогнутые спинки носа, гипсистенокефалия), наиболее ярким примером подобных особенностей является ширина грушевидного отверстия черепа. Если мы рассмотрим прилагаемую карту распределения ширины грушевидного отверстия черепа в Америке и Азии, то мы сможем убедиться, что узкое (до среднего) грушевидное отверстие отчетливо связано с окраинными либо неблагоприятными для обитания районами и всегда характеризует группы, обладающие теми или иными чертами палеоамериканского комплекса.

О древности этой особенности в Америке можно судить не только по ее связи с периферийными и трудными для освоения районами, но также по ее выраженности на ископаемых американских черепах. Приводимая ниже таблица 2 показывает, что ряд древних черепных серий Америки отличается небольшой шириной грушевидного отверстия черепа.

Распределение форм с узким грушевидным отверстием черепа в Америке носит такой характер, что опять-таки наводит на мысль о вытеснении какого-то древнего типа (палеоамериканского) новой волной переселенцев — носителей нового, «классического» американского антропологического типа. Мы приходим, таким образом, к выводу, что территория Америки была заселена в разное время представителями по крайней мере двух различных антропологических типов. Первый из них — древнейший, обладал чертами нынешнего палеоамериканского типа, включающего ряд монголоидных и ряд австралоидных особенностей. Трудно предположить, чтобы эти особенности выработались на месте в Америке вследствие адаптации, так как они распространены в самых различных климатических поясах. Скорее всего мы сталкиваемся здесь с древнейшей стадией формирования монголоидного и австралоидного расовых типов, с тем этапом их развития, когда монголоидная и австралоидная ветви еще не выделились из первичного, недифференцированного расового ствола. Это согласуется с точкой зрения, по которой в древности существовал единый «восточный» расовый ствол, являвшийся общей предковой группой для монголоидов и австралоидов, что подтверждается, в частности, данными одонтологии⁶. Недифференцированность древней формы, сохранившейся в разных частях территории Америки, проявляется в палеоамериканском типе в некотором налете австралоидного комплекса, не объяснимого адаптацией в местных условиях⁷.

В данной работе мы строго придерживаемся берингоморской теории заселения Америки. Нашей задачей при этом не является демонстрация несостоятельности гипотез, допускающих проникновение некоторых расовых элементов другими путями; нам хотелось лишь показать, что наличие широко рассеянного на территории Америки палеоамериканского комплекса может само по себе, без помощи этих гипотез, быть объяснено древностью первой волны переселенцев, включавшей в силу недифференцированности типа как монголоидные, так и австралоидные антропологические особенности. Общностью происхождения в глубокой древности (а не обязательно поздними

Таблица 2

Ширина грушевидного отверстия черепа
в некоторых древних черепных
сериях Америки

Древние индейцы Кентукки	23,8
Древние перуанцы	23,9
Древние зуны	25,1
Древние «корзинщики»	25,2
Лагоа-Санта	24,0

⁶ А. А. Зубов, О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков, «Сов. этнография», 1968, № 3.

⁷ Г. Ф. Дебец объясняет⁸ наличие в типеaborигенов Америки австралоидных черт смешением рас, происходившим еще до переселения в Америку, на исходных территориях. (Г. Ф. Дебец, Происхождение коренного населения Америки, «Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия», т. XVI, 1951).

миграциями), вероятно, можно было бы объяснить и некоторые языковые параллели между Америкой, с одной стороны, и Австралией и Океанией — с другой (например, несколько общих корней в языках огнеземельцев и австралийцев⁸). Палеоамериканский тип близок, таким образом, к общей для коренного населения Америки, Австралии и Океании древней предковой расе, черты, которой в большей или меньшей степени заметны у представителей населения всех указанных областей. «Классические» американские индейцы представляют собой несколько более поздний этап формирования монголоидной расы на ее пути к выделению из общего недифференцированного восточного ствола. Они тоже еще несут в себе черты первичного монголо-австралийского единства (макродонтизм, сходное распределение частот групп крови, широкий нос)⁹. Таким образом, территория Америки, по-видимому, была заселена по крайней мере в два этапа, причем первая и вторая волны переселенцев в расовом отношении представляли собой разные фазы эволюции одного и того же первичного «восточного» расового ствола. Вторая волна пришла, вероятно, спустя значительный промежуток времени после первой, так как, за это время успел сформироваться новый комплекс «восточной» расы, значительно повысился уровень материальной культуры, а древнейшая палеоамериканская волна уже заселила всю территорию Америки. Соотношение территорий обитания, культурного уровня и физического типа представителей первой и второй волн свидетельствует о том, что «классический» американский тип, как и палеоамериканский, в основном сложился еще до переселения на территорию Америки, а не сформировался на этой территории после переселения.

Выводы

1. Как уже неоднократно отмечали исследователи Америки, среди американскихaborигенов может быть констатирован комплекс черт, не типичных для «классических» американских индейцев и в большинстве своем тяготеющих к экваториальной большой расе. Эти черты рассеяны в основном в окраинных, высокогорных, либо неблагоприятных для обитания областях, что свидетельствует о древности комплекса. Распределение этих так называемых палеоамериканских особенностей в самых различных географических условиях исключает возможность возникновения их в Америке путем адаптации.

2. Обращает на себя внимание большое краниологическое сходство крайних в географическом отношении групп Америки — эскимосов и огнеземельцев, а также сходство этих групп по целому ряду других антропологических особенностей. Это сходство вряд ли объяснимо конвергентными преобразованиями в сходных условиях обитания, так как многие черты сходства могли бы иметь адаптивную ценность не в холодном, а скорее в жарком климате. Кроме того, сходство это выражается главным образом в приближении к палеоамериканскому типу, рассеянному в самых разных климатических поясах. Мы считаем возможным предположить, что антропологический тип эскимосов сформировался на основе палеоамериканского типа, изменившегося потом в некоторых деталях вследствие небольших примесей и эпохальных преобразований.

3. Общим для всех групп — носителей палеоамериканских черт является небольшая абсолютная ширина грушевидного отверстия черепа. Этот признак хорошо выделяет древний слой коренного населения Америки среди большинства других расовых групп Америки и Азии.

4. Палеоамериканский комплекс ведет свое происхождение от древнейшего слоя населения Америки, представители которого принадлежали к недифференцированному «восточному» расовому стволу, позднее разделившемуся на монголоидную ветвь, с одной стороны, и австро-меланезийскую — с другой. Существование в древности монголо-австралийской общности подтверждается рядом антропологических данных, в частности одонтологическими материалами. По-видимому, палеоамериканоид наиболее близок к этой древнейшей гипотетической «восточной» расе.

5. В заселении Америки приняли участие по крайней мере два антропологических компонента, представлявшие собой два разных этапа эволюции (точнее, дивергенции) «восточной» расы. Первая волна заселения была представлена палеоамериканским (или близким к нему) типом, вторая — «классическим» (например, североамериканские индейцы). Вторая волна переселенцев пришла, вероятно, значительно позже первой, так как, во-первых, ранняя волна к тому времени успела заселить всю территорию Америки, во-вторых, дифференциация «восточной» расы достигла следующей, более высокой ступени.

⁸ P. Rive t, *Les origines de l'homme americain*, Montreal, 1943.

⁹ Гипотеза, согласно которой американских индейцев можно рассматривать как несформировавшихся монголоидов, была высказана, как известно, Я. Я. Рогинским (Я. Я. Рогинский, Проблемы происхождения монгольского расового типа, »Антропологический журнал», 1937, № 2).

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Кайгородов

ЭВЕНКИ В ТРЕХРЕЧЬЕ

(ПО ЛИЧНЫМ НАБЛЮДЕНИЯМ) *

В китайских справочниках 1962 г.¹ общая численность эвенков в Китае определяется в 7200 человек. По данным всекитайской переписи 1953 г., число их в стране составляет 5000 человек. Подавляющее большинство этих эвенков проживает в пределах автономного района Внутренняя Монголия и в Хэйлунцзянской провинции.

В задачу данного очерка входит описание самой малочисленной группы оленевых эвенков, которые до недавнего времени кочевали в пределах бассейнов рек Быстрой, Апы, Маректы и Трехречья. В Трехречье я прожил много лет. Там я имел возможность наблюдать жизнь и быт эвенков, неоднократно бывал в их стойбищах, охотился вместе с ними. Позднее, находясь в Харбине, я не потерял связь с эвенками и приобрел для Национального краеведческого музея Хэйлунцзянской провинции в Харбине ряд экспонатов, характеризующих хозяйство и материальную культуру трехреченских эвенков.

По сведениям китайских источников², эвенки описываемой группы в XVII—XVIII вв. кочевали в таежных лесах верхней Лены, где их в то время было 12 родов, насчитывавших в общей сложности 700 человек. В 1840-х годах часть эвенков этой группы ушла в леса Амазара — левого притока Амура и, постепенно двигаясь вверх по Амуру и Аргуни, достигла мест нынешнего своего расселения³. Вначале на правый берег Аргуни пришли 4 рода: Бульдотовы, Калтакуровы, Соловьевы и Келиковы. Несколько позднее пришел род Кудриных и Золотовских⁴. Тот же китайский источник приводит следующие статистические данные относительно эвенков этой группы: в 1899 г. их было 87 семей (435 человек), в 1913 г.— 83 семьи (число человек не указано), в 1917 г.— 63 семьи (315 человек)⁵. Китайский источник, ссылаясь на японские статистические сведения, сообщает, что к 1939 г. число семей сократилось до 46 (255 человека). В 1945 г. эвенков было 34 семьи (170 человек), в 1957 г.— 136 человек, на сентябрь 1960 г.— 146 человек.

Русские старожилы Усть-Урова и Трехречья, великолепно знавшие описываемых эвенков⁶, свидетельствуют, что вплоть до 1914 г., пока в лесах Быстрой, Маректы и

* Автор этой статьи А. М. Кайгородов родился в Трехречье и прожил там более 20 лет. В 1948—1954 гг. находился в Харбине. Летом 1954 г. депатриировался в СССР. В настоящее время — главный библиограф Отдела литературы стран Азии и Африки Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы в Москве. А. М. Кайгородов не этнограф, но его статья, основанная на многолетних личных наблюдениях, может представить интерес для читателей нашего журнала.— Ред.

¹ Иероглифический словарь «Синьхуа». Приложение: Краткие сведения о национальностях Китая, Пекин, 1962 (на кит. яз.).

² Цю Пу, «Первобытнообщинный строй у эвенков», Пекин, 1962 (на кит. яз.), стр. 6.

³ По свидетельству русских старожилов Усть-Урова и Трехречья, эвенки появились на правом берегу Аргуни не раньше 1890 г.

⁴ Родами автор, по-видимому, называет патронимии или локальные части родов, переселившиеся в Трехречье.— Ред.

⁵ Есть веские основания полагать, что многие сведения, приводимые в упомянутом выше китайском источнике, не вполне точны, так как они получены не из документов, а большинство их приводится со слов старых эвенков.

⁶ В первую очередь я имею в виду Д. Л. Молокова и П. Д. Кайгородова, сообщивших мне в процессе работы над статьей много ценных сведений. Пользуясь случаем, хочу выразить им сердечную благодарность.

Трехречья не был окончательно истреблен соболь, число эвенков в этих лесах каждый год было неодинаково, в зависимости от «урожая» пушного зверя. По их свидетельству, больше всего эвенков в пределах их расселения того времени наблюдалось в 1904, 1908 и 1913 гг. Есть основания полагать, что в богатые пушным зверем годы сюда приходили эвенки из других мест, в частности с Амазара. В 1914 г. среди эвенков Быстрой свирепствовала эпидемия оспы. Многие семьи вымерли полностью. Очевидец в качестве примера называл мне семью Екима Васильевича Сологонова, в которой из 17 человек осталось в живых только двое — отец с младшей дочерью. Русские старожилы тех мест уверяют, что в 1939 г. эвенков было значительно больше, чем в 1917.

История эвенков вплоть до недавнего времени была неразрывно связана с русскими. Появившись в конце XIX в. на правом берегу Аргуни, точнее в пределах ее правых притоков — Быстрой, Маректы, Алы, эвенки не могли обходиться без торговых связей. Но так как правый берег Аргуни в то время был безлюден, то роль торгового центра для кочевников стал играть русский поселок Усть-Уров, расположенный на левом берегу Аргуни при впадении в нее Урова. С 1903 г. на правом берегу Аргуни (как раз напротив русского Усть-Урова) стала расти китайская дер. Цигань (русскому эту деревню всегда называли Китайским Усть-Уровом), населенная в первые годы исключительно торговцами, которые вели контрабандную торговлю с жителями лево бережных русских деревень, собиралиями опиума, золотонскателями, конокрадами и др. Так на Аргуни появился еще один пункт, где эвенки могли вести меновую торговлю. Примерно в 1915 г. на Маректе появилась китайская дер. Юдэнкэцунь, расположенная в непосредственной близости от охотничих угодий эвенков. В годы революции и гражданской войны в Забайкалье население Цигани сильно возросло за счет русских переселенцев с левого берега Аргуни. Большинство жителей русского Усть-Урова переселилось в китайский (Цигань), и китайцы здесь стали составлять незначительное меньшинство. По свидетельству китайского источника, в 1920 г. в Цигани вели меновую торговлю с эвенками 20 русских и китайских семей, в Юдэнкэцунь — 2 китайские семьи.

С 1928 г. большая часть эвенков стала вести меновую торговлю с жителями русской дер. Дубовая в Трехречье.

Трехречье — область трех рек: Гана, Дербула и Хаула — находится в северо-западной части автономного района Внутренняя Монголия, в пределах ее Хулунбийрского нагорья и, по данным известного исследователя Барги В. А. Кормазова⁷, занимает площадь в 11500 км². Забайкальские казаки, главным образом приаргунских станиц, посещали эти места издавна. Летом они приезжали сюда косить сено, а зимой по залыкам жили вместе со скотом; в лесах Трехречья охотились на изюбрей и на пушного зверя. В конце XIX — начале XX в. в Трехречье появляются первые русские хутора и поселки, а с 1917 г. Трехречье становится местом массового расселения русских. Здесь быстро вырастает целый ряд русских деревень: Дубовая, Ключевая, Тулутуй, Караганы, Попирай, Шучья, Покровка, Усть-Урга, Верх-Урга, Усть-Кули, Верх-Кули, Лабдари, Баржакон, Драгоценка, Лапцагор, Челотуй и другие. Драгоценка благодаря своему центральному положению становится центром района. В 1945 г. в Трехречье проживало около 11 тысяч русских; китайцы появились здесь значительно позже и вплоть до 1955 г. — года массового выезда русских из Трехречья — составляли незначительное меньшинство.

Деревня Дубовая — самый верхний поселок по Дербулу — расположена в красивейшей местности на высоком левом берегу реки, в 6 км ниже слияния Дербула с его главным притоком Дербуканом. Здесь проходит граница тайги, ниже начинается лесостепь и степь. Сюда к 1927 г. переселилось большинство русских семей из Цигани, а в 1928 г. к Дубовой впервые вышли эвенки.

Наблюдается своеобразная преемственность в торговых связях. Первые торговые контакты с эвенками были установлены еще в конце XIX в., когда эвенки только что появившиеся на Аргуни. Те же торговые партнеры продолжали меновую торговлю позднее в Цигани, теперь пунктом меновой торговли становится Дубовая.

Те эвенки, которые продолжали поддерживать торговые отношения с жителями Цигани, стали называться «циганьчен», а те, что с Дубовой — «гуначен». Кроме жителей Дубовой, в Трехречье меновую торговлю с эвенками вели некоторые семьи из дер. Ключевая, расположенной в 7 км ниже Дубовой по течению Дербула.

Русские и эвенки, связанные торговыми отношениями, называли друг друга «андак» (друг, приятель, товарищ), а вместо слов «торговать», «меняться товарами» употребляли слово «андачить». Здесь я вынужден сделать небольшое отступление и рассказать о сути меновой торговли между русскими и эвенками, структура которой не менялась с самого начала ее возникновения в конце прошлого века вплоть до 1948 г.

Прежде всего неверно полагать, что эвенки вели меновую торговлю только с русскими купцами. «Андачили» с эвенками в подавляющем большинстве простые крестьяне, профессиональных купцов были единицы. Практически торговые связи с эвенками

⁷ В. А. Кормазов. Трехречье, «Вестник Маньчжурии», Харбин, 1929, № 5, стр. 38—48.

мог иметь каждый, кто этого хотел и кто располагал достаточной имущественной базой, чтобы обеспечить охотников в положенное время мукой, тканями, охотничими припасами и прочими необходимыми товарами. Никаких официальных письменных договоров или соглашений андаки не заключали, однако существовал своеобразный торговый этикет, своего рода неписаный закон, по которому эвенки должны были сдавать всю пушину и остальные товары только в одни руки, а именно своему русскому торговому партнеру. Эвенки добросовестно соблюдали этот этикет, и тот, кто его нарушал, не пользовался почетом не только у русских, но и у своих соплеменников. Таким образом, на практике получалось, что эвенки, ведший меновую торговлю с русским, попадал в сильную от него зависимость.

В меновой торговле формально существовал эквивалентный расчет, но обычно у охотника забиралось все, что он мог дать, и предоставлялось то, что ему требовалось. Безусловно, чаще с барышами оставался русский. Но нередко случалось и обратное. Став фактическим хозяином охотника, русский, согласно тому же неписаному закону, был обязан его кормить и снабжать различными товарами даже в том случае, если охотник ничего не приносил или приносил очень мало. А такое в годы, бедные пушным зверем, случалось нередко. Вот почему меновая торговля с эвенками считалась до некоторой степени рискованной, и не так уж много было любителей этого дела. Нет ничего удивительного и в том, что эвенки предпочитали вести меновую торговлю именно с русскими, а не с китайцами (процент китайцев в меновой торговле с эвенками был незначителен). Русские «андаки», имевшие прочные связи с определенными семьями, продолжали снабжать их мукой и товарами в любом случае, тогда как китайские торговцы в несчастливые для охоты годы прекращали с ними всякие связи.

Встречи между андаками происходили по несколько раз в году, обычно 4—5 раз, и назывались «богжор». Первый богжор устраивался в конце мая — начале июня и назывался весенным. Он происходил обычно в устье Дербукана в небольшом осиновом бору в 6 км от Дубовой. Товары эвенка на этом богжоре были следующие: панты, бучукан (шкура сошатого, очищенная от шерсти и жира, но окончательно на замшу не выработанная), медвежьи шкуры, изделия из бересты (хлебницы, табакерки, туески, спичечницы), деревянные чашки, ложки, охотничий ножи. В обмен эвенки получали муку, ткани, нитки разных цветов, чай, соль, спирт, некоторые виды одежды, охотничий припасы. Эвенки оставались на одном месте для три. Вначале они принимали русских андаков у себя. Выдавали и принимали товар, угощали мясом. Потом они ехали в деревню гостить к русским андакам, что, кстати сказать, они очень любили.

Второй, осенний богжор проходил в начале сентября. Эвенки, как и весной, выходили к Дубовой, останавливаясь в устье Дербукана или по Дербулу в местечке, известном под названием Крутая Редка (тоже в 6 км от деревни). Ассортимент товаров эвенка на осеннем богжоре был значительно шире. Эвенки приносили изделия из замши, столь ценные в тех местах: дашки (тип двухбортного просторного пиджака из замши), арамузы (ноговицы, ладеваются на ноги, вверху ремешками привязываются к поясному ремню, внизу соединяются с короткими мокасинами обычно из замши или камоса — шкуры с ног сошатого и изюбря), рукавицы, перчатки, каламаны (род коврика из шкурок козули, оленя, сошатого, изюбря, снятых с лобовой части черепа и оторченных кусочками разного меха), унты из камоса изюбря и сошатого, бучукан, изделия из бересты и дерева, кукуру (вяленое сошатиное или изюбринное мясо) и др. В обмен получали те же товары, что и весной, а также одеяла и сало или масло. Опять гостили в деревне, посменно оставаясь с оленями. Эвенки-мужчины хотели доставить удовольствие только себе, оставляя женщин на все время стоянки у деревни с оленями. Однако русские андаки заставляли их передеваться с женщинами по уходу за оленями и присмотру за имуществом. Как мужчины, так и женщины очень любили спиртное.

Третий богжор, зимний, устраивался в декабре и происходил далеко в лесу, куда русские обязаны были в обусловленное время доставить необходимые для охотников товары. Богжор обычно проходил в верховьях Дербула в местечке, известном под названием Чертова яма (река здесь под прямым углом ударяет в гору, образуя необыкновенно глубокий водоворот). На этот богжор эвенки приносили свой основной товар — пушину. Преимущественно это была белка, немного колонков и редко выдра и рысь. От русских получали все тот же неизменный ассортимент товаров, разве только больше привозили масла и спирта.

Четвертый, последний в хозяйственном году богжор проходил в марте и назывался мартовским. Он тоже устраивался далеко в лесу, как и зимний. Ассортимент товаров андаков был тот же, что и на предыдущем. Правда, к этому богжору эвенки приносили иногда выпоротки. Старожилы Трехречья мне рассказывали, что на зимний и мартовский богжоры эвенки раньше поставляли много брусники и стланцевого ореха. Такие случаи были еще и на моей памяти, однако в последние годы ни брусники, ни стланцевого ореха эвенки не приносили.

Пятый, внеочередной богжор случался летом и только в том случае, если эвенку удавалось добить хорошие панты.

С появлением поселка Дубовая и переездом сюда русских торговых партнеров из дер. Цигань для эвенков появилось много дополнительных преимуществ. Прежде всего, Дубовая располагалась значительно ближе, чем Усть-Уров или Цигань, к основным

местам охоты эвенков — вершине Быстрой, Кырэну, Верхней и Нижней Улугиче, Джину, вершинам Кумары, Панги, Албазихи. Во-вторых, мука в Трехречье и все остальные товары были значительно дешевле, чем в Цигане, так как Трехречье было крупным производителем пшеницы, и подвозка товаров сюда была тоже значительно дешевле, чем в Цигань, а пушнина благодаря сравнительной близости таких торговых центров, как Хайлар и Харбин, стоила в Трехречье значительно дороже. По мере переезда русских андаков в Трехречье, в Цигань выходило все меньше и меньше семей, и к 1947 г. их оставалось одна или две семьи. По неясным мне причинам между эвенками «циганчен» и «гуначен» существовала вражда, следствием которой был ряд жестоких убийств. Те и другие боялись кочевать вместе. Так продолжалось до 1948 г., пока все эвенки не перешли в ведение китайских властей и не были прикреплены к одному району — району Цигань.

Единственным товарным занятием эвенков Трехречья была охота. Рыболовство же имело товарного значения и носило чисто потребительский характер. Опыт следы-толов передавался из поколения в поколение, и все эвенки, будь то мужчины или женщины, были прекрасными охотниками. Автор этих строк неоднократно поражался не только умению эвенков читать следы (порой прямо-таки невидимые), но и особому чутью охотника, который по каким-то, только ему известным признакам, умел определить наличие зверя в том или ином месте.

Первым навыкам в охоте эвенки начинают учить детей с шести-, семилетнего возраста, а в 12—13 лет мальчики уже успешно белают. С детства мальчиков учат и жемудреным ремеслам: вырезанию деревянных чашек и ложек ножом, изготовлению всевозможных изделий из бересты, кузнецкому мастерству. Девочек с детства приучают к шитью, выделке кож, вышивке цветными нитками по замше.

У эвенков Трехречья существовало строгое разделение труда. Обязанностью мужчин была охота, ловля рыбы, кузнечное дело, постройка оморочки, заготовка дров. Все остальные работы по хозяйству ложились на плечи женщин, которые бывали всегда очень заняты. Женщина строила чум, ухаживала за оленями, готовила пищу, выделявала шкуры, шила обувь и одежду, присматривала за детьми, летом раскладывала дымокур. На стоянках женщина следила за сохранностью продуктов и всего домашнего скарба, а во время перекочевок укладывала вещи, вычищала оленей. Даже перевозка мяса на стойбище, когда охотник убивал крупного зверя, входила в обязанность женщины. Мужчины бывали очень заняты только во время сезона охоты на пушного зверя. Никаких ограничений в охоте для эвенков не существовало, охотились они в течение всего года.

Весной ценным объектом охоты был изюбрь. На изюбрея охотились, чтобы получить панты и хвост, которые всегда ценились очень высоко. Добыв хорошие панты, охотник, даже в условиях недобросовестной оценки этого товара скунщиком, мог обеспечить свою семью мукой на целое лето. Изюбря сторожили около открытых мест (солицепеков), куда утром и вечером зверь выходит кормиться подснежниками и молодой травкой. Убивали зверя и при случайных встречах. Кроме изюбрея весной по солицепекам убивали много коз.

Летом охотились в основном на сохатого. Изредка убивали изюбрея и косулю. Охота на сохатого была удачной именно в самую жаркую пору лета. На лето приходилось наибольшее количество убитых зверей. Преследуемый тучами овода сохатый днем выходит к реке, где несколько прохладнее и всегда дует ветерок. Охотник бесшумно плывет на оморочке по реке или протоке (он прекрасно знает, где должен быть зверь), незаметно подплывает и убивает сохатого. Ночью сохатый, спасаясь от комаров и мошки, выходит к лесным озерам, где купается и кормится донной растительностью. Здесь-то и подкарауливает его охотник, спрятавшись поблизости с подветренной стороны. Я много раз принимал участие в такой охоте. В удачную ночь убивали по два-три зверя. Свежевали на берегу, мясо увозили, а внутренности сжигали на месте. Считалось, что тот, кто не предавал остатки зверя огню, надолго портил озеро как место охоты; он не пользовался уважением охотников.

Летом эвенки охотятся на изюбрея по «солонцам» — небольшим участкам в лесу, специально посоленным для приманки зверя. На «солонцах» сторожат изюбрея ночью. Мне говорили, что этот вид охоты на изюбрея эвенки переняли у русских охотников.

Рыбу ловят сетями или колют острогой. Сети, как правило, самодельные. Острогой колют с оморочки или прямо с берега. Быстрая и ее притоки очень богаты всевозможной рыбой, так что при желании эвенк мог иметь рыбы сколько угодно. Однако рыба в пищевом рационе эвенков Трехречья никогда не пользовалась большой популярностью.

Лето — основной сезон для выделки замши, шкур, пошива одежды и обуви, всевозможных кустарных занятий. Если зимой эвенки «кочуют» отдельными семьями, оставаясь на одном месте всего на 2—3 дня, то летом стоят стойбищами по нескольку семей, обязательно у реки, стоянка продолжается по 10—15 и даже 20 дней. А один раз за лето все эвенки Трехречья обязательно съезжались в одно место (обычно на бы-

строй). Здесь ежегодно выбирался старший (чаще один и тот же), делились охотничьи угодья на предстоящее белковье, шло сватовство, решались спорные вопросы. Такой съезд в обязательном порядке сопровождался камланием шамана.

В сентябре эвенки охотились на изюбря. Осенняя охота на изюбрья была удачнее весенней, однако качество пантов было намного ниже весенних. Осенью охотились на «рев», так называлась охота во время гона изюбрей, когда тайга оглашалась призывающим звом самцов и между ними происходили жестокие бои. Охотник, подражая реву зверя посредством рога (обычно деревянного, собственной работы), подманивал изюбруя на расстояние выстрела. Охотничий рог (русские охотники называли его «трубой») был двух видов: «горлянка» и «сосок». У «горлянки» раструб, прикладываемый ко рту, был крутый и достаточно широкий, у «соска» — плоский и маленький, похожий на конец мундштука.

В середине октября начинался главный охотничий сезон эвенков — охота на пушного зверя. Пушнина была основным товаром эвенков в его меновой торговле, от пущинны во многом зависело благополучие семьи, поэтому охоте на пушного зверя эвенки придавали первостепенное значение. Как я уже сказал выше, эвенки еще летом делили места зимней охоты и после осеннего бояжора кочевали каждый ближе к своему участку. Участок белковья для той или иной семьи определялся обычно целой долиной какой-нибудь реки вместе с ее притоками (места хватало!). Несколько помню, Сологоновы белковали по Верхней и Нижней Улугиче, Кырену, Ольга Дмитриевна Кудрина — шаманка — по вершине Быстрой, Федор Бульдотов — по Джину. Заходили белковать эвенки и в верховье Кумары, однако боялись встречи с манеграми (народность эвенкийской группы), которых считали ворами и разбойниками. Слово «манегр» и среди русских почему-то было нарицательным для конокрадов и хулиганов.

Белковые начинались с первого снега или первой пороши и продолжалось до первых чисел марта, когда белка начинала линять. Во время белковья семья эвенка находится в постоянном движении, задерживаясь на одном месте на два-три дня, а то и на один день (в зависимости от количества белки). Как только окрестные места обелкованы, эвенки снимаются и переходят дальше. Кочуют с оленями не руслом реки — местом, наиболее доступным для передвижения выночного каравана, а хребтом, переваливаясь из вершины одного ложка в другой. Такой путь обусловлен желанием быть постоянно вблизи непосредственных мест охоты, так как белка преимущественно держится по верховьям рек и речушек. Во время кочевья глава семьи идет впереди каравана, время от времени прорубая большим ножом («пальмой») дорогу в чаще.

Почти на каждой новой остановке имеются остатки старых чумов, нередко по несколько штук. Однако суеверные охотники их не используют, а каждый раз строят новые, ни за что не станут они разводить огонь и на старом пепелище.

Чум строится конической формы из тонких жердей с очень широким входным отверстием, в непосредственной близости от которого разводится большой костер. В самом чуме огонь никогда не разжигается. Чум эвенка — довольно примитивное сооружение, которое зимой служит укрытием от снега, а летом — от дождя. Летом чум кроется тонким брезентом или вываренной берестой, зимой — от основания до середины шкурами, а выше — вываренной берестой. Тем не менее зимой в чуме бывает тепло, так как огонь раскладывается на близком расстоянии, а за ним делается стенка из сырых бревен (завалень), которая отражает тепло и направляет его в сторону чума. Спят разувшись, ногами в сторону огня. Укрывают только верхнюю часть тела и голову. Постель довольно примитивная: снизу оленя или медвежья шкура, сверху тонкое шерстяное одеяло.

Как только забрезжит рассвет и можно рассмотреть следы белки, эвенк выходит на охоту. Снаряжение охотника на белковье состоит из ружья с боеприпасами, ножа, спичек, паянги (вынутая тонкая доска с лямками и множеством ремешков, которыми к доске привязывается немудреная постель, запасная обувь, котелок, немного кукуры и лепешка; носится на спине). Охотятся без собаки, без лыж. Привыкшие с детства ходить пешком, эвенки передвигаются очень быстро и никогда не устают. За день эвенк проходит очень большое расстояние по любой дороге. Мне не раз приходилось с ними охотиться, и при переходах я неизменно испытывал большие трудности, отставал, уставал. У эвенков необычная походка. Привыкнув ходить по лесу, постоянно перешагивать через колодины, они и на ровном месте, шагая, ноги поднимают неизмеримо высоко.

Зимой эвенк время от времени охотится на сохатого. Зверя выслеживает по следу с собакой. Если в семье нет мужчин или они по каким-либо причинам не могут охотиться, на охоту выходят женщины, в своем мастерстве не уступающие мужчинам.

По свидетельству упомянутой китайской работы об эвенках, последние, приедя на Аргунь, не умели пользоваться огнестрельным оружием, а охотились с луком и самострелом. Только с 1903 г. у них появились кремневые ружья, берданки — только с 1906 г., а русские трехлинейные винтовки — с 1910 г.⁸. По свидетельству же русских старожилов Усть-Урова и Трехречья, эвенки к моменту своего прихода на правый берег

⁸ Цю Пу, Указ. раб., стр. 12, 27.

Аргуни уже имели берданки, а с 1904 г. у многих из них появились трехлинейные винтовки военного образца. Что же касается лука и самострелов, то эвенки пользовались ими до самого последнего времени, настораживая на тропах зверей. Капканы и другие ловушки у эвенков не в почете. Может быть, именно нелюбовью к ловушкам и следует объяснить тот факт, что эвенки добывают очень мало колонка, в то время как тайга богата этим пушным зверьком.

Жизнь эвенка неотделима от олена. И хотя у трехреченских эвенков олени никогда не играли той исключительной роли, какая им принадлежит у северных народов, тем не менее от оленей во многом зависело благополучие эвенка, а критерием зажиточности семьи служило поголовье оленей.

Олень в жизни эвенков это в первую очередь транспорт. Кочуя, они перевозят на оленях весь свой скарб. Трехреченские эвенки не знают нарт, а груз перевозят на спине животного. Вьючное снаряжение довольно простое: деревянное седло, через которое перекидываются две кожаные поты (сумы), широким замшевым ремнем седло прикрепляется к спине оленя. В поты укладывают весь скарб, и только люлька с ребенком, если он есть в семье, привязывается сверху. Муку, чтобы она занимала меньше места, тщательно утрамбовывают. Во время кочевья взрослые идут пешком, и только женщины изредка садятся отдохнуть на самых крупных быков. Оленей привязывают одного за другим, и при кочевые они передвигаются цепочкой. По моим наблюдениям, крупные олени-самцы могут перевозить до 80 кг груза, самки — 50—60 кг. На мясо режут оленей только в исключительных случаях — на свадьбах и во время камлания шамана.

Среди трехреченских эвенков больше всего оленей в свое время было у Николая Гавриловича Кудрина (муж шаманки Ольги Дмитриевны) — около 500 голов. Остальные семьи имели от 20 до 70 голов. Олени нередко погибали от эпизоотии, так как ветеринарных врачей среди эвенков не было. Русские старожилы тех мест рассказывают, что в 1901 г. от чесотки погибло все поголовье оленей. Эвенки вынуждены были жить по русским деревням, работали на покосах, изготавливали и продавали туески, деревянную посуду. Многие из них завели лошадей, некоторые — даже скаковых. У Василия Ивановича Кудрина был прекрасный жеребец Кепчик, на котором во время скачек он неоднократно брал призы. В 1903 г. при содействии русских властей эвенки снова приобрели оленей, получив их с Амура. Эти годы совпали с необыкновенными «урожаями» соболя и белки, так что охотники быстро оправились и обзавелись ценностями вещами: серебряной посудой, иконами в золотых окладах, золотыми и серебряными украшениями, граммофонами. По всей тайге гремел «Ухарь купец» и «Коробейники», полюбившиеся эвенкам больше других песен. Еще на моей памяти были случаи, когда подвыпившие старые эвенки распевали «Ухарь купца».

На 1960 г., по свидетельству китайских источников, у эвенков было 629 оленей⁹.

Богатые эвенки продавали оленей бедным по 25—30 белок за голову. Это не дорого, если учесть, что за один день при «средней белке» эвенк убивал по 20—25 штук. Широко практиковалась система найма оленей на весьма льготных условиях, причем арендатор не отвечал за гибель или пропажу олена, и более того (насколько мне известно), приплод доставался арендатору, если олененок рождался в то время, когда важенка находилась у него. Оказывалась нередко и безвозмездная помощь сленями. При этом, если охотник неправлялся и не умел восстановить хозяйство, то помочь ему прекращалась.

Большой урон поголовью оленей наносили волки. Приемный сын Ольги Дмитриевны Виктор рассказывал мне, что у него был случай, когда волки за одну ночь рассеяли по тайге и зарезали около сотни оленей.

Мне известен только один случай эксплуатации наемной рабочей силы. Как раз этот Виктор Кудрин имел одного работника. В обязанности батрака входил уход за многочисленным стадом оленей. Батрака я знал — тихий, забитый эвенк, и был поражен однажды на зимнем бояжоре, когда заметил, что в лютую стужу на ногах пастуха не было ничего, кроме мокасин с подстилкой из мягкой сухой травы. Рассказывали что хозяин относился к нему очень плохо, часто бил и издевался над ним. Потом этот эвенк таинственно исчез. Хозяин говорил, что его задрал медведь, русские ставили эту версию под сомнение.

Пища эвенка состоит преимущественно из мяса, летом изредка разнообразится рыбой. Дичь едят редко, при этом перо не очищают, не опаливают, а снимают со шкуркой. Больше всего любят медвежатину и медвежье сало, которое делят на ореховое и ягодное. Особенно ценится ореховое, когда медведь жирует на стланцевом орехе. Приготовление медвежьего мяса связано с определенным церемониалом. Сначала варят голову, потом мясо, и когда едят, то выкрикивают заклинания, суть которых сводится к тому, чтобы переложить вину за смерть зверя на других (обычно выкрикивают, что убил медведя не он, эвенк, а русский, называя при этом имена своих рус-

⁹ Цю Пу, Указ. раб., стр. 32.

ских андаков). Мясо съедают коллективно, а шкура достается охотнику, добывшему медведя. По рассказам Петра Дмитриевича Кайдородова, эвенки при охоте на медведя не проявляют большой смелости, а скорее ведут себя робко. Видимо, это связано с пережитками культа медведя.

Чаще всего эвенки приходится питаться сохатиной. Мясо едят ввареном виде, при этом у сохатого самым лакомым кусочком считается сырчуг (прямая кишкa). Очень любят костный жир, и когда убивают сохатого или изюбря, то кости ног (уманы) вырезают и поджаривают около огня, следя, чтобы жар был умеренным и кость не лопнула. Любовь к уманам от эвенков переняли и русские охотники Трехречья. Зимой очень любят сырную печень, которую едят наструганной острым ножом. Мясо косули поджаривают на углях, приготавливая нечто вроде шашлыка. Любое животное свежают только при помощи ножа, разбирая кости по суставам. Для хранения мяса впрок зимой рубят в лесу сайвы (амбарчик высоко на деревьях), летом вялят на кукуру.

Крупу в качестве приправы употребляют редко, из овощей — только дикорастущий лук. Из ягод предпочитают бруснику и голубицу, ребятишки — черемуху. Грибы в пищу не употребляют. Все без исключения любят крепкий байковый чай. Сало и масло (особенно топленое) считается высшим лакомством. Из муки пекут пресные лепешки. Иногда из жидкого теста приготовляют на сале нечто вроде оладий. Сладкое не любят. Все взрослые любят спиртное, курят редко, затонюхают и жуют табак очень многие.

Одежду носили русского покрова, но с рядом чисто национальных элементов. Постоянное передвижение по лесу требовало прочности одежды, а отсутствие какого-либо транспорта — ее легкости. Для мужчин было характерно отсутствие меховой одежды, за исключением шапки. Детям шили меховые шубки.

Летняя одежда эвенка состояла из рубахи, штанов и дешевого пиджака. Поверх штанов надевались арамузы, летом из шкуры дикой косули. Обувь зимой и летом состояла из коротких мокасин, которые соединялись с арамузами. Летом головным убором служила русская фуражка, в свое время эвенки очень любили казачьи фуражки с околышем.

Зимняя одежда состояла из тонкого легкого ватника, поверх которого надевалась дашка. Мокасины изготавляются из камоса, арамузы — из изюбриного камоса или из замши, меховая шапка — чаще из меха рыси.

Женщины летом ходят в мокасинах и длинных платьях грубого покрова. Зимой надевают камосовые или замшевые унты, длинную меховую шубу. Головной убор женщины летом — платок (любят цветастые), зимой — шаль.

Счет родства ведется по отцовской линии, семья патриархальная. Брак monogamny. Отношения между молодыми до брака очень строгие. Проблему брака молодых решают родители, обсуждая в первую очередь размер калмы. Договоренность о калмы означала окончательное решение судьбы молодых. Сватство, как правило, происходило летом, когда эвенки стойбищами жили на Быстрой. Калым состоял из нескольких голов оленей (до десяти), определенного количества чая, соли, спирта, шкур. Свадебное торжество начиналось в чуме невесты, потом вместе с невестой, ее родителями и приданым ехали в чум жениха. Приданое невесты состояло из нескольких оленей с полным снаряжением, покрытий для летнего и зимнего чума. В тех случаях, когда невеста была единственной кормильцем в семье, жених уходил к ней в семью на постоянное или временное проживание, пока не подрастут братья невесты. Свадебное торжество, как впрочем и любое другое торжество эвенков, заканчивалось всеобщей потасовкой, что служило признаком веселой и сытой свадьбы, говорило, о том, что все гости остались приемом довольны.

Разводов не было, но случалось худшее: в тех случаях, когда молодые жили плохо и муж часто бил жену, женщина кончала самоубийством. Замуж девушки выходили от 17 до 20 лет, такого же возраста были и молодые люди. Сколько мне ни приходилось говорить на тему о браке с девушками и парнями, я мог заметить, что внешность не играла никакой роли ни для тех, ни для других. Девушки оценивали молодого человека по его способностям как охотника, ребята девушек — по их достоинствам как хозяек, прежде всего по умению щить одежду. При этом я ни разу не слышал, чтобы в расчет шло имущественное положение того или другого. Могу добавить, что если не все, то подавляющее большинство семей эвенков жили в мире и согласии.

В каждом роде (Сологоновы, Бульдотовы, Кудрины, Келиковы, Золотовские и Ларионовы) был свой староста, и выбирался старший для всех родов. Однако власть того и другого была чисто формальной, так как, кочуя, эвенки редко видели друг друга. Попутно замечу, что именно под этими фамилиями эвенки были зарегистрированы у японцев, под этими фамилиями они позднее получили советские паспорта, под этими фамилиями их знали русские старожилы Усть-Урова и Трехречья.

Формально эвенки были православные, но шаманизм был у них широко распространен. В первые годы их пребывания на правом берегу Аргуни шаман имелся в каждом роде. Но на моей памяти у эвенков имелся только один шаман, вернее шаманка Ольга Дмитриевна Кудрина, которая умерла в 1943 г. До Ольги Дмитриевны был знаменитым шаман Иннокентий Иванович Калтакуров. Он же считался старшим

Рис. 1. Эвенк в зимней одежде, в руках большой нож «пальма»

Рис. 2. Эвенкийская женщина в летней одежде

над всеми эвенками и любил, чтобы его называли атаманом. Справедливости ради хочу сказать, что оба последних шамана очень много сделали для эвенков. Они умели разрешать межродовые недоразумения, активно боролись с кровной местью, много помогали бедным. Эвенки до последнего времени вспоминали с почтением этих шаманов как умных и справедливых людей.

Детей эвенки крестили, обычно нарекая именем крестного отца из русских (а крестным отцом всегда был андак)¹⁰. Праздновали пасху и рождество. При вступлении в брак родители благославляли молодых иконой, иконы имелись в каждом чуме. На могилах устанавливались кресты. Хорошо помню, что и в чуме шаманки висела икона.

У эвенков существовал культ почитания хозяев природы: медведя, огня, воды. Мне неоднократно приходилось наблюдать, в какой трепет приводили охотников неожиданный шум реки, всплески, обвал берега и в особенности писк или шипение поленьев в огне. Эвенк, прежде чем выпить кружку водки, непременно плеснет несколько капель на огонь.

Осеню 1947 г. мне пришлось ночевать по дороге в тайгу с эвенком Иваном Степановичем Бульдотовым. Пока он ходил на охоту, я приготовил ноулег: натаскал дров, развел костер, вскипятил чайник. К моему изумлению, охотник, подойдя к костру, побледнев и начал молча раскидывать горящие головешки во все стороны. Огонь горел хорошо, и мне совершенно неясна была причина такого поведения моего товарища. Самое удивительно было то, что и чай, хороший крепкий чай, эвенк выплеснул на землю. Потом, когда он успокоился, я узнал причину его возбужденного состояния. Оказывается, я положил в огонь не те дрова, они горели хорошо, но издавали «писк» и «стреляли», что означает гнев духов, которые отводят удачу охотнику. Свою неудачу на охоте он приписал мне, а в том году диких коз было очень много. Через год я его встретил еще более убежденного в своей правоте, так как вскоре после того, как мы расстались и я поехал обратно в деревню, эвенк на Чертовой яме убил сохатого.

Все взрослые эвенки, как мужчины, так и женщины, хорошо говорили по-русски. Почти все взрослые мужчины умели писать и читать. А история их просвещения такова. В 1908 г. житель Усть-Урова забайкальский казак Степан Епифанович Кайгородов построил на Быстрой зимовье, в котором основал для эвенков школу. Способные охотники меньше чем за два месяца научились

¹⁰ Люльки для детей — деревянные с наклонной спинкой. Подстилкой служит сухое крошево древесного гнилья. Игрушки — деревянные, берестяные. Чаще — берестяная коробочка с камешками внутри (тип нашей погремушки), самодельные свистульки, миниатюрный лук со стрелами. У детей старше — обычно лук и самострел.

писать, читать и считать. С тех пор грамота передавалась из поколения в поколение. Русские в числе прочих товаров снабжали эвенков бумагой и карандашами. До 1954 г. я хранил письмо эвенка, написанное на бересте. Письмо было вполне грамотное. Перед очередным богоугодием эвенк обычно присыпал с попутчиком своему андаку письмо — заказ товаров, которые он хотел бы получить при очередной встрече. Нельзя без улыбки вспомнить об этих заказах. Если мука, то 200 пуд. (неважно, сколько человек в семье), если ткани, то 500—600 м, если чай, то не менее 5 пуд. и все в таком чрезмерно преувеличенном размере.

Фольклором я специально не занимался, но, насколько мне удалось установить, он состоит преимущественно из легенд, сказок и преданий о межродовых отношениях, о великих, сильных и ловких охотниках, о невероятных происшествиях в тайге. Из танцев мне известен только один — «хоро», вроде нашего хоровода.

Изделия из бересты эвенки украшают затейливым орнаментом. Замшевые перчатки и женскую обувь вышивают разноцветными нитками. В вышивке чаще изображается олень. Женщины любят нарядную одежду, особенно цветные головные уборы.

Несколько слов о народной медицине эвенков. Хочу подчеркнуть, что мои сведения в этой области случайные. Одним из самых распространенных заболеваний среди эвенков был туберкулез. Если не считать гибели эвенков от кровной мести, в результате схваток с медведями, от несчастных случаев, то большинство их умирало от лесных заболеваний и, прежде всего, от туберкулеза.

Для залечивания ран эвенки использовали лиственичную смолу, тонкий слой которой наносится на ранку. Смолу брали не с любого дерева, а находили «молодую», совершенно прозрачную, по консистенции напоминающую мед. В качестве пластиря применяли тонкую белую прослойку из ствола загнивающей лиственницы и тончайшие слои верхней части бересты. От головной боли применяли отвар из листьев горного папоротника, а также настой валерианы.

Несмотря на грубую пищу, почти полное отсутствие овощей и фруктов практически не было желудочно-кишечных заболеваний. Самое удивительное, что автор не встречал желудочных заболеваний и у детей, и это в то время, когда грудного ребенка поглощали сырым оленым молоком через соску, сшитую из сыротяной кожи, или вместе с пустышкой сунут ему в рот кусок вареного сала.

В качестве слабительного эвенки использовали отвар лиственичной губки (этим же отваром промывали раны у людей и оленей), крапиву, для детей — брусничную воду. В качестве вяжувшего средства неизменно употребляли черемуху. По сведениям Д. Л. Молокова, смертность детей грудного возраста была сравнительно невелика и составляла примерно 15%. Дети чаще гибли в 8—10-летнем возрасте в результате неосторожного обращения с оружием, тонули в реках.

В 1940 г. все эвенки Быстрой и Трехречья перешли в ведение японских торговых фирм «Мансютикусан кабусики кайся» и «Тонмо боеки коши». До этого японцы (появившиеся в крае еще в 1932 г.) ни в какой форме не вмешивались в торговые отношения между русскими и эвенками. Фирмы вели торговые дела с эвенками вплоть до 1945 г. В материальном отношении эвенкам в этот период жилось, пожалуй, лучше, так как фирмы, хотя и вели торговые операции с выгодой для себя, все же не прибегали к тем огульным расчетам, которые имели место раньше. Большинство эвенков прошло медицинское обследование, был ликвидирован ряд глазных болезней.

Однако морально эвенки были ущемлены, так как японцы лишили их права сношений с русскими. Они не смели появляться в деревнях и позволить себе такое удовольствие, как погостить у русского андака.

После 1945 г. все трехреченские эвенки получили советское гражданство. Автор данной статьи лично заполнял анкеты на паспорта, получал и возил пролонгировать паспорта в советское консульство в г. Маньчжурия. До 1948 г. эвенки снова андачили с русскими. Позднее, когда эвенки перешли в ведение китайцев, последние аннулировали советские паспорта.

В 1948 г. китайцы монополизировали торговлю с эвенками. Их первым шагом был запрет сношений с русскими; эвенкам не разрешалось выходить в Трехречье. Любое свободное передвижение эвенков в Трехречье или на Быстрой китайцы считали нежелательным. С этого времени единственным местом снабжения эвенков становится Цигань, где китайцы делают попытку превратить эвенков в лесников и своего рода противопожарную команду. В Цигани торговые операции с эвенками вел снабженческо-сбытовой кооператив, организованный в начале 1949 г. В 1950 г. китайцы приступили в дер. Цигань к постройке для эвенков домов русского типа и в 1953 г. сделали попытку насильственно перевести охотников на оседлое положение. По рассказам очевидцев, среди эвенков сразу же возникла эпидемия тифа и очень многие из них умерли. Погибло от скученности и нехватки корма много оленей.

В 1953 г. в Цигани была основана для эвенков школа. Преподавание в школе ведется на китайском языке. В том же году в Цигани был учрежден медицинский пункт. В 1957 г. здесь был образован эвенкийский национальный округ с центром в поселке Цигань.

Хроника

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1967 ГОДУ

В 1967 году работа коллектива Института этнографии АН СССР прошла под знаком подготовки к годовщине 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. К этой знаменательной дате Институт выпустил ряд капитальных трудов по актуальным проблемам этнографической и антропологической наук. Сотрудники Института приняли активное участие в юбилейных сессиях, конференциях, широко выступали на страницах печати со статьями об успехах социалистического строительства у народов СССР, о глубоких преобразованиях в их культуре и быте за 50 лет Советской власти. Юбилейная тематика получила широкое отражение на страницах журнала «Советская этнография». Один из его номеров целиком был посвящен 50-летию Советской власти.

В Институте этнографии, как известно, ведется разработка трех тесно соприкасающихся между собой наук — этнографии, фольклористики и антропологии.

Основные проблемы этнографической науки: изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов у народов СССР и зарубежных стран; историко-этнографическое изучение народов мира; разработка вопросов истории первобытного общества.

Фольклористы Института значительное внимание уделяли изучению современного народного творчества русского сельского населения, а также продолжали работу по сравнительному исследованию традиционных жанров фольклора.

В области антропологии все большее развитие получают такие ее разделы как дерматоглифика, одонтология, серология, что позволит поднять на новый этап антропологическое изучение народов СССР, даст новый материал для исторических реконструкций.

Институтом этнографии было опубликовано в 1967 г. 23 книги (общий объем — свыше 500 а. л.), в числе их такие капитальные работы как «Русские. Историко-этнографический атлас», два тома «Трудов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», коллективная монография «Кой-Крылан-Кула», изданная совместно с Библиотекой АН СССР «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (1900—1962)» и др.

В коллективном исследовании «Русские. Историко-этнографический атлас» (70 а. л., под редакцией В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнира — отв. ред., М. Г. Рабиновича), где ставятся проблемы этногенеза и истории культуры, картографическим методом дается характеристика важнейших элементов материальной культуры (земледелия, жилища и одежды) в середине XIX — начале XX в. у крупнейшего народа нашей страны. В отличие от зарубежных работ этого типа, каждое явление показано на картах этого Атласа не статично, а в развитии (в преобразованный период и перед Октябрьской революцией). Таким образом, читатель сможет получить четкое представление об основных чертах процесса становления материальной культуры русских в период развития капитализма и в эпоху империализма. Карты (их 75) сопровождаются множеством таблиц и краткими пояснительными статьями.

Ряд работ, вышедших в 1967 г., посвящен проблемам историко-этнографического изучения культуры народов СССР. Часть этих книг трактует вопросы преимущественно исторической этнографии, другие — современной культуры и быта народов СССР.

В коллективной работе «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани» (25 а. л., отв. ред. К. В. Чистов) исследуются конкретные пути развития и изменений культуры и быта населения края в различные исторические периоды. Рассматривается история сложения этнического и социального состава населения, выявляются особенности в быту различных по своему происхождению этнических и социальных групп, прослеживаются процессы взаимовлияния и сближения русского и украинского населения, их развития под воздействием социально-экономических преобразований. Значительная часть работы посвящена современному культурно-бытовому укладу населения.

В монографии Б. А. Калоева «Осетины» (22 а. л.) исследуются процессы формирования осетинской народности, дается развернутая характеристика хозяйства, материальной и духовной культуры, обычаяев и верований осетин. Большое место отведено анализу национального развития осетин в годы Советской власти.

Монография Г. А. Сергеевой «Арчицы» (12 а. л.) является одной из первых работ, освещающих историю, современную культуру, семейный и общественный быт одного из малых народов Кавказа. Автор уделяет много внимания рассмотрению процессов этнического развития, своеобразно протекающих в многонациональном Дагестане.

В книге Л. М. Сабуровой «Культура и быт русского населения Приангарья» (20 а. л.) исследуются этапы формирования русского населения Приангарья и его культура, выявляются ее особенности и пути развития в досоветское время. Подробно освещаются преобразования, происшедшие в культуре и быте населения после Великой Октябрьской социалистической революции.

Ч. М. Таксами в книге «Нивхи. Современное хозяйство, культура и быт» (15 а. л.) подробно рассказывает об успехах социалистического строительства у одного из огнестальных в прошлом народов Севера. Автор на обширном фактическом материале показывает социальные и культурные преобразования, происшедшие в жизни нивхов за годы Советской власти.

Две книги посвящены характеристике богатой и многообразной духовной культуры русского народа. Монография К. В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» (24 а. л.) представляет собой первое обобщающее исследование, где легенды используются прежде всего как материал, позволяющий рассматривать социально-политические идеалы и стремления разных групп русского народа в их историческом развитии на протяжении XVII—XIX вв. Здесь дается и классификация народных преданий и легенд, характеризуются их художественные особенности и специфические формы бытования. В сборнике «Современный русский фольклор» (18 а. л., отв. ред. Э. В. Померанцева) на основе анализа собранного экспедициями материала показывается современное состояние русского народного поэтического творчества, его роль в культурной жизни народа, раскрываются происходящие в нем процессы и тенденции развития. В работе выясняются место, значение и художественные особенности отдельных жанров современного русского фольклора, их основные темы и образы, судьбы традиционных фольклорных жанров, связи современного народного поэтического творчества с художественной самодеятельностью и профессиональным искусством.

Особо следует отметить капитальную работу «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (1900—1962)» (объем — 32,7 а. л., составители О. В. Бунакова, Р. В. Каменецкая). Библиография учитывает свыше 5 тыс. работ по различным проблемам отечественной и зарубежной науки и, несомненно, является ценным вкладом в изучение истории исторической науки.

Истории культуры зарубежных народов посвящены 4 вышедшие из печати книги. Сборник «Культура и быт народов Зарубежной Европы» (20 а. л., отв. ред. С. А. Токарев) включает работы по этногенезу, материальной культуре, хозяйственному и общественному быту народов Скандинавии, Италии, Испании, Албании, Чехословакии, Германии. На конкретном этнографическом материале в сборнике показано этническое своеобразие отдельных современных народов Зарубежной Европы.

В книге «Культура и быт народов Америки» («Сборник МАЭ», т. XXIV, 29 а. л., отв. ред. Р. В. Кинжалов) публикуются уникальные коллекции Музея антропологии и этнографии, доставленные выдающимся русским ученым А. Г. Вознесенским, столицей десятилетию со дня рождения которого посвящен сборник. Богато иллюстрированное описание коллекций раскрывает перед нами культуру индейцев, эскимосов и алеутов в середине XIX в.

Проблемы этнических процессов и национального развития стран Латинской Америки освещаются в сборнике «Венесуэла. Экономика, Политика, Культура» (21 а. л., отв. ред. С. А. Гонионский), написанном коллективом сектора Америки совместно с сотрудниками Института Латинской Америки АН СССР. В сборнике всесторонне анализируются проблемы этнографии, истории, экономики, формирования населения и складывания венесуэльской нации, а также вопросы культуры и искусства — литературы, музыки, архитектуры. Специальные статьи посвящены идеологической экспансии США в Венесуэле, деятельности католической церкви.

Большой фактический материал анализируется в книге В. С. Старикова «Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР» (18 а. л.).

В ряде вышедших в 1967 г. книг рассматриваются особенности развития и смены общественно-экономических формаций у отдельных народов.

Проблема истории рабовладельческого общества в Средней Азии ставится в обобщающей коллективной монографии «Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.» (40 а. л., отв. редакторы С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг). В книге дается подробное описание одного из уникальных памятников рабовладельческой эпохи. Основываясь на материалах раскопок, проводившихся

в течение нескольких лет, авторы приходят к выводу о высоком уровне развития культуры Хорезма, о разнообразных связях этого государства с другими областями Средней Азии, государствами Древнего Востока и Северного Причерноморья. В монографии содержатся богатые материалы по хозяйству, материальной культуре, религии, архитектуре, данные по истории античного и раннесредневекового города.

В книге Б. К. Гарданова «Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.)» (25 а. л.) обобщены результаты исследования социальных отношений у адыгов. Главное внимание автор уделяет характеристике адыгского феодализма, оказавшего значительное влияние на общественный быт соседних народов Северного Кавказа, формированию феодальных отношений у адыгов под оболочкой патриархально-родовых институтов и обычая.

В сборнике «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (15 а. л., отв. ред. Р. Ф. Итс) рассматриваются вопросы, связанные с генезисом и развитием феодализма у народов Азии. Сборник дает картину общественной жизни народов горных притималайских районов Восточной Азии в первой половине XX в., знакомит с социальными институтами у народов Ассама, северного Вьетнама, Юньнани и так называемого рабовладельческого общества у отдельных народов Южного Китая. Обширный, малоизвестный в науке, материал важен для теоретического обобщения проблемы эволюции общинных институтов.

Монография М. В. Крюкова «Формы социальной организации древних китайцев» (15 а. л.) ставит проблемы социальной организации в древнем Китае (XV—IV в. до н. э.). На основании анализа древнекитайских письменных памятников и данных эпиграфики автор приходит к выводу о существовании в древнем Китае двух различных типов социальной организации — рода и патронимии, отличающихся друг от друга как в структурном, так и в функциональном отношении. В работе освещаются также вопросы древнекитайской ономастики, систем родства и эволюции форм экзогамии.

Разносторонняя тематика характерна для коллективной работы «От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки» (25 а. л., отв. ред. И. Р. Григулевич), посвященной 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова. Книга состоит из трех разделов: «Общие проблемы западного полушария», «США и Канада», «Латинская Америка» и включает свыше двух десятков статей, рассматривающих широкий круг проблем истории, этнографии, международных отношений, национального развития и национально-освободительного движения народов Америки. Специальные статьи рассказывают о коренном населении (индейцах и эскимосах).

Следует отметить и вышедшую в 1967 г. книгу П. И. Пучкова «Население Океании. Этнogeографический обзор» (18 а. л.), посвященную выявлению этнического состава и определению численности народов Океании.

В 1967 г. началась публикация трудов VII МКАЭН. Уже вышли два тома трудов (II и IV). Том II (48,7 а. л.) включает материалы двух секций Конгресса — «Соматология человека» и «Анатомическая антропология». Том IV (46,6 а. л.) — один из центральных в серии — содержит материалы двух секций: «Теория и методология» и «Общественный строй», а также симпозиума «Учение Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии».

Помимо научных исследований опубликован также ряд книг научно-популярного характера. Книга «Новая жизнь народов Севера» (8 а. л.) освещает историю 26 малых народов Севера, их хозяйство и самобытную культуру. Особое место удалено показу тех огромных перемен, которые произошли в жизни этих народов за 50 лет Советской власти. Работа Т. К. Шафрановской «Чудес палата» (8 а. л.) знакомит со старейшим музеем нашей страны, Кунсткамерой, основанном в 1714 г. И. Р. Лаврецкий в книге «Боги в тропиках» (8,3 а. л.) рассказывает о религиозных культурах стран Карибского моря. Публикация И. П. Труфанова «Сингапур» (4,5 а. л.) дает представление о культуре и быте населения этого молодого государства.

Кроме того, ряд работ сотрудников Института, представленных вне институтского плана, опубликован различными издательствами в сборниках: «Археологические открытия» (С. П. Толстов, А. В. Виноградов, М. А. Итина); «Таджики Карагина и Дарваза», вып. 1 (Н. А. Кисляков); «Языки Юго-Восточной Азии» (Г. Г. Стратанович, П. И. Пучков), «Просвещение в странах мира» (Д. Д. Тумarkin), «Новое о прошлом нашей страны» (М. Г. Рабинович), «Страны и народы Востока», вып. 5 — «Индия» (Н. Р. Гусева, С. А. Мартина), «Пролетариат России на путях к Октябрю» (В. Ю. Крупянская, С. В. Тютюкин), «Научные проблемы географии населения» (С. И. Брук, В. И. Козлов), «Ученые записки Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена» (Ч. М. Таксами, Л. В. Хомич) и др.

Сотрудники Института участвовали в качестве редакторов или авторов в таких публикациях, как новое издание учебника «Новая история» и программы по новой истории для 8-го класса средней школы» (А. В. Ефимов), «История Сибири», т. 1—2 (В. А. Александров, С. И. Вайнштейн), «Историография и источниковедение стран Зарубежного Востока» (Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков, Ю. В. Мартина), «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I (Л. И. Лавров, В. К. Гарданов), «Культурная революция в СССР» (Ю. В. Арутюнян).

Важным теоретическим вопросам были посвящены опубликованные в журнале «Советская этнография» статьи С. А. Токарева «О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран» (№ 5) и В. В. Пименова «О некоторых закономерностях в развитии народной культуры» (№ 2). В журнале были организованы дискуссии о понятии этнической общности (№ 2, 4), о происхождении белорусов (№ 2, 4), о некоторых проблемах агротнографических исследований (№ 2, 3), о соотношении рода и патронимии (№ 6).

Коллективом Института успешно выполнен научно-исследовательский план 1967 г. Большое внимание в истекшем году уделялось изучению этнических процессов в СССР и преобразованию быта на коммунистических основах. Центральное место в деятельности этнографов, изучающих современную жизнь народов СССР, занимает подготовка обобщающего коллективного труда «Этнические процессы в СССР». Для этой монографии в 1967 г. проводился сбор полевых этнографических материалов в различных областях нашей страны — в Прибалтике, Средней Азии и Казахстане, на Кавказе, Украине и на Дальнем Востоке; написаны подробные разработки по отдельным проблемам.

В то же время продолжается исследование этнического развития народов отдельных областей. В 1967 г. закончена монография Г. П. Васильевой «Социалистические преобразования и этнические процессы в Северном Туркменистане», всесторонне характеризующая этнические процессы в этом районе. В завершаемой в 1968 г. работе Л. Ф. Моногаровой «Изживание обособленности припамирских народов в процессе социалистического строительства» рассматриваются вопросы сближения припамирских народов с таджиками. А. В. Смоляк на основе полевых материалов продолжает работу по теме «Этнические процессы у народов Нижнего Амура», Л. В. Хомич занимается разработкой темы «Современные этнические процессы на Севере Европейской части СССР» и т. д.

Вопросы этнического развития народов СССР подверглись активному обсуждению на отчетно-экспедиционной сессии в Кишиневе (доклады Л. Н. Чижиковой «Этнографическое изучение русских на Украине», Я. С. Смирновой «Этнографическое изучение смешанных браков у народов Карабаево-Черкесии» и др.). Этой проблематике были посвящены и многие статьи журнала «Советская этнография»: И. С. Гурвиц «Некоторые проблемы этнического развития народов СССР» (№ 5), Б. О. Долгих «Образование современных народностей Севера СССР» (№ 3), А. В. Смоляк «О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина» (№ 3), Н. Г. Волкова «Вопросы двуязычия на Северном Кавказе» (№ 1), Я. С. Смирнова «Национально-смешанные браки у народов Карабаево-Черкесии» (№ 4).

Одна из важнейших задач этнографического изучения современной жизни народов нашей страны — выяснение специфики культурно-бытовых процессов у отдельных народов, изменений в соотношении традиционных форм культуры, исследование возникновения новых традиций, культурно-бытовых взаимовлияний и создания новых общесоветских черт культуры и быта. В связи с этим продолжается работа по этнографическому изучению культуры и быта как сельского, так и городского населения отдельных регионов страны. При этом наряду с материалами, полученными методом непосредственного наблюдения, все шире привлекаются данные массового анкетирования. Этнографические исследования современных культурно-бытовых процессов все более сближаются с конкретно-социологическими исследованиями. В Институте этнографии развиваются этносоциологические исследования. Первый опыт сравнительного изучения социальных процессов в различных этнических средах проводится по экспедиционным материалам, собранным в 1967 г. с применением анкетного метода среди сельского и городского населения Поволжья.

На отчетно-экспедиционной сессии в г. Кишиневе В. К. Гарданов в обобщающем докладе «Преобразование культуры и быта народов Северного Кавказа» подвел итоги полу века социалистического развития народов этого региона.

Ряд статей о преобразовании культуры и быта народов СССР был опубликован в журнале «Советская этнография»: Т. А. Жданко «Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане» (№ 4), И. С. Вдовин «Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти» (№ 5), Я. Р. Винникова «Новое в семейном быту колхозников Туркменистана» (№ 6), Н. П. Лобачева «О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана» (№ 2), А. Е. Панян «Новый быт колхозников села Мргаван Арташатского района Армянской ССР» (№ 2) и др.

Углубляется и расширяется сравнительно недавно начатое в Институте этнографии исследование всех слоев городского населения (раньше изучались только рабочие). Продолжается исследование населения небольших городов средней полосы РСФСР (Ельца, Никольска, Ефремова, Калуги, Новомосковска); в 1967 г. начаты работы в городах Поволжья. С большим интересом были встречены доклады по этой тематике на отчетно-экспедиционной сессии (Д. М. Коган «Связи городского и сельского населения по материалам выборочного анкетного обследования в г. Калуге в 1966 г.», С. Б. Рождественская «Генетические связи жилища рабочих с традиционным кресть-

янским жилищем» и др.), а также на Всесоюзной конференции историков «Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года» в г. Одессе (В. Ю. Крупянская «Изменения в рабочей семье в связи с общим экономическим развитием страны», Н. С. Полищук «Изменения песенного репертуара рабочих в связи с развитием массового пролетарского движения», С. В. Тютюкин «О некоторых особенностях „рабочей аристократии“ в России»).

Сотрудники, занимающиеся этнографией зарубежных стран, большое внимание уделяют изучению закономерностей национально-освободительного движения и национальных процессов в Европе, Азии, Америке, Австралии и Океании. В 1967 г. завершены две коллективные монографии: «Современные процессы этнического и национального развития в странах Зарубежной Европы» (20 а. л., рук. С. А. Токарев), «Национальные процессы в странах Передней, Южной и Юго-Восточной Азии» (40 а. л., рук. М. С. Иванов, Н. Н. Чебоксаров). Вопросы формирования и развития наций и национальных взаимоотношений, положения различных национальных групп, процессов ассимиляции и т. д. рассматриваются в подготовляемых работах, посвященных народам США, Канады, Латинской Америки: «Национальные проблемы в США», «Национальные проблемы Канады», «Проблемы формирования и развития наций Латинской Америки». Положению населения Гавайских островов в условиях колониального режима, насаждавшегося американскими колонизаторами, посвящена завершаемая в 1968 г. книга Д. Д. Тумаркина «Гавайский народ и американские колонизаторы в 1820—1865 гг.». Проблемы национального развития зарубежных народов нашли освещение и на страницах журнала «Советская этнография», где были опубликованы статьи С. А. Гониониса «Великий Октябрь и народы Латинской Америки» (№ 5), Э. Л. Нитобуруга «О сдвигах в размещении и структуре населения Венесуэлы» (№ 1), М. С. Иванова «Современные национальные процессы в Иране» (№ 5) и др. Теоретические проблемы национального развития зарубежных стран вызвали живой интерес среди участников методологического семинара по национальному вопросу, работающего в Институте в течение многих лет.

В Институте этнографии АН СССР ведется разработка проблемы «Исторические формы и особенности развития и смены общественно-экономических формаций».

По теме «Возникновение человека и человечества» Отдел антропологии начал подготовку коллективного труда «Факторы расообразования у человека по исследованию современного населения». Вопросы истории первобытного общества на различных этапах его развития ставятся в готовящемся по руководством А. И. Першица коллективном труде «Закономерности развития первобытного общества».

Группа по изучению первобытной истории обсуждала ряд важных теоретических вопросов первобытности, например, о соотношении родовой и патронимической организации, и др.

С изучением первобытности тесно смыкается вопрос о зарождении классового общества и развития докапиталистических формаций. По этой проблеме завершены книги Р. В. Книжалова «Очерки по истории и культуре племен горной Гватемалы X—XV вв.», М. К. Кудрявцева «Община и каста у народов Хиндустана». Ведется также работа по изучению путей развития общины у народов Зарубежной Азии (колл. труд «Община и ее роль в современной жизни стран Зарубежного Востока»), особенностей феодальных отношений у кочевников-скотоводов (А. И. Першиц «Особенности феодализма у кочевников-скотоводов»), готовятся к публикации источники по истории и этнографии Африки с целью воссоздания подлинной истории народов этого континента (колл. труд «Источники по истории и этнографии Африки южнее Сахары», т. III, рук. Д. А. Ольдерогге).

Одно из центральных мест в деятельности Института занимают, как и в прежние годы, проблемы этногенеза. В 1967 г. по данному разделу плана были завершены три работы. В двух из них — коллективном труде «Общественный строй малых народов Севера» (рук. И. С. Гурвич и Б. О. Долгих) и книге Б. О. Долгих «Очерки истории и этнографии ненцев и энцев» исследуются проблемы этногенеза, этнической истории и социальных отношений у народов Севера Советского Союза. Восстановлению облика древнего человека, жившего на территории СССР, посвящен капитальный труд «Каменный век. Человек и его культура на территории СССР», подготовленный Лабораторией пластической антропологической реконструкции.

Продолжаются работы по изучению этногенеза населения отдельных регионов, в частности Средней Азии и Сибири: монографии Б. Х. Кармышевой «Очерки истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана» (XVIII—нач. XX вв.), М. А. Итиной «История степных племен Юго-Восточного Приаралья в эпоху бронзы», коллективные труды по этнической истории низовий Сыр-Дары, Внутренних Кзыл-Кумов и Правобережного Хорезма и др.

Особое место в разработке проблем этногенеза занимает подготовка региональных историко-этнографических атласов Украины, Белоруссии, Молдавии; Прибалтики; Кавказа; Средней Азии и Казахстана. Коллектив Института этнографии в 1967 г. провел большую работу по координации исследований среди этнографов союзных республик для подготовки историко-этнографических атласов, выработке и унификации программ,

проводению специальных региональных совещаний. Материалы о подготовке атласов публиковались в журнале «Советская этнография». Так, работа над Кавказским историко-этнографическим атласом отражена в статье В. Н. Кобычева и А. И. Робакидзе «Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа» (№ 2).

Ценный материал по этногенезу был получен во время полевого сезона 1967 г. в результате работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Среднеазиатской, Прибалтийской и др.

Вопросы этногенеза заняли большое место в работе отчетно-экспедиционной сессии. Например в докладе М. С. Великановой «Население Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы» рассматривались вопросы этнической истории населения Молдавии по палеоантропологическим данным.

По этой проблематике публиковались статьи и в журнале «Советская этнография», например, статья Д. Е. Еремеева «Язык как этногенетический источник» (№ 4).

Продолжалась разработка тематики, связанной с историко-этнографическим изучением культуры народов СССР, причем в истекшем году основное внимание было уделено изучению духовной культуры русского населения. По этой проблеме завершены две монографии. В работе В. К. Соколовой «Исторический фольклор славянских народов» (25 а. л.) на основе сравнительно-исторического анализа показываются общие и сходные типологические черты в фольклоре славянских народов и устанавливаются основные закономерности его развития. Выявлению возможностей и методики использования эпоса (на материалах былин и исторических преданий) как историко-этнографического источника посвящена работа Р. С. Липец «Отражение материальной культуры древней Руси в эпосе» (20 а. л.).

Под руководством Э. В. Померанцевой проводились экспедиции в связи с подготовкой коллективного труда «Опыт исследования поэтической культуры русского колхозного села» (на материалах Владимирской области). Эта проблематика получила отражение и в работе отчетно-экспедиционной сессии: Э. В. Померанцева выступила с докладом «Изучение поэтической культуры современного села», С. И. Дмитриева — с докладом «Традиционный песенный фольклор Владимирской области».

По проблеме истории культуры зарубежных народов завершена монография О. А. Ганцкой «Народное искусство Польши» (15 а. л.), посвященная изучению народных традиций в современном художественном ремесле поляков, процессов формирования этих традиций и перспектив развития ремесел в Польше.

По проблеме «Изучение исторических систем письма» продолжается работа по расшифровке письменности майя, древнеиндийского письма и письменностей киданей и чжурчженей.

Лингвистическая группа сектора Африки Ленинградского отделения Института проводит работу по изучению закономерностей функционирования и развития языка, которая имеет большое значение для развития культуры в молодых африканских государствах. В 1967 г. завершена подготовка «Русско-суахили словаря» (20 тыс. слов, рук. Д. А. Ольдерогге). Кроме того, много внимания уделялось капитальному труду «Языки Африки» (серия «Языки мира», т. III, 2 ч.), исследованиям «Очерки по грамматике языка хауса», «Очерки по грамматике языка мандingo» и др.

Лаборатория этнической статистики и картографии вела работу по проблемам народонаселения. Коллектив Лаборатории продолжал подготовку Атласа населения мира. В. И. Козловым завершена монография «Изменение численности народов мира», в которой рассматриваются методология определения численности народов мира и факторы, влияющие на изменение этой численности (рождаемость, смертность, асимиляция и др.).

По истории исторической науки готовится V том «Очерков истории русской этнографии, антропологии и фольклористики» (в 1967 г. написано 8 а. л.). В связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции советские этнографы подводили итоги развития этнографии, антропологии и фольклористики в стране за годы Советской власти. Этим проблемам посвящены статьи Ю. В. Бромлея «Основные направления этнографических исследований в СССР» («Вопросы истории», 1968, № 1), А. И. Першица и Н. Н. Чебоксарова «Полвека советской этнографии» («Советская этнография», 1967, № 5), В. П. Алексеева «Изучение антропологического состава СССР за 50 лет» (там же), В. К. Соколовой «Советская фольклористика к 50-летию Октября» (там же).

* * *

Коллектив Института этнографии принял участие в ряде научных сессий и конференций по самой разнообразной тематике.

Институт этнографии совместно с Институтом археологии АН СССР и Институтом истории МССР провел большую научно-организационную подготовку и принял участие в ежегодной Отчетно-экспедиционной сессии Отделения истории АН СССР, состоявшейся в апреле 1967 г. в Кишиневе.

Большая часть докладов, заслушанных на пленарных заседаниях Отделения, Ученом совете и на секциях («Историческая этнография», «Социалистические преобразования культуры и быта и современные этнические процессы у народов СССР», «Народное изобразительное искусство и фольклор»), касалась вопросов этнографического

изучения современности, процессов национального развития и взаимовлияния, проблем формирования общесоветских элементов культуры. Ряд докладов был посвящен этногенезу и истории культуры, вопросам, связанным с подготовкой историко-этнографических атласов, проблемам соотношения традиционного фольклора, профессионального искусства и самодеятельности.

Особое внимание собравшихся привлекли доклады А. И. Першица и Н. Н. Чебоксарова «Пятьдесят лет советской этнографии», В. П. Алексеева и Ю. В. Бромлея «К вопросу о роли переселений народов в формировании новых этнических общностей», С. А. Токарева «Важнейшие проблемы этнографии Европы», Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой «Опыт применения анкетно-статистического метода для этнографического изучения городского населения», а также содержащий важные практические рекомендации доклад С. И. Брука и В. И. Козлова «Задачи этнографической науки в связи с переписью населения СССР в 1970 г.».

Сессия приняла ряд рекомендаций, касающихся дальнейшего развития этнографической науки в СССР: о расширении масштабов исследований этнических процессов в СССР; о более тесном сочетании при решении этнографических проблем современности собственно этнографических и социологических методов с широким привлечением статистических и анкетных данных; о необходимости дальнейшей унификации методики этнографических и фольклористических работ для получения сопоставимых данных по отдельным регионам; об усилении координации работ по составлению региональных историко-этнографических атласов; об улучшении информационной работы в области этнографии.

Для развития социологических исследований культуры и быта народов СССР большое значение имел подготовленный Институтом и состоявшийся в апреле 1967 г. в г. Казани симпозиум по конкретно-социологическому изучению современных культурно-бытовых и этнических процессов народов Поволжья и Урала. Симпозиум обсудил и одобрил программу и инструментарий исследований; был также утвержден объект исследований — юго-восточные районы Татарской АССР. С докладом «О программе исследования социально-этнических процессов в Поволжье» на симпозиуме выступил Ю. В. Арутюнян.

Институтом этнографии совместно с Институтом истории АН Туркменской ССР было организовано и проведено региональное совещание по вопросам подготовки историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана (г. Ашхабад, декабрь). На совещании обсуждались вопросы структуры, проблематики и методов составления регионального среднеазиатского атласа, экспериментальные карты. Большую помощь участникам совещания оказали занятия-практикумы по методам этнографического картографирования. От Института с докладами выступили: С. И. Брук «Историко-этнографические атласы и их значение для изучения истории культуры и этногенеза народов»; Т. А. Жданко «Структура и проблематика Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана»; Б. В. Андрианов «О классификации форм орошающего земледелия в Средней Азии»; Б. Х. Кармышева «Типы скотоводства у населения южных районов Узбекистана и Таджикистана»; Н. А. Кисляков и М. В. Сазонова «Литературные источники для атласа по земледелию у узбеков и таджиков»; Р. Я. Рассудова «Эскизы карт для атласа по Каттакурганскому уезду Самаркандской области (конец XIX — начало XX в.)».

По инициативе группы ономастики Института и при ее непосредственном участии в Ульяновске была создана Первая поволжская конференция по ономастике, где сотрудники Института сделали 6 докладов, которые будут опубликованы в подготавливаемых «Трудах» конференции.

Из совещаний, организованных Институтом, нужно также назвать конференцию молодых специалистов на тему «Современное национальное развитие народов мира», на которой аспирантами и сотрудниками Института было прочитано 10 докладов.

Особо следует отметить участие Института в юбилейных сессиях, посвященных 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На юбилейной сессии Отделения истории АН СССР с обобщающим докладом «Основные направления этнографических исследований в СССР, важнейшие итоги и ближайшие перспективы» выступил Ю. В. Бромлей. К этой сессии в Институте была организована выставка «50 лет Октября. Культура и быт народов СССР», а также выставка печатных работ сотрудников Института.

Ряд сотрудников Института (И. С. Гурвич, Н. Н. Чебоксаров, И. С. Вдовин, Д. А. Сергеев, А. В. Смоляк, Ч. М. Таксами) выступили с докладами на юбилейной сессии, организованной во Владивостоке бюро Отделения истории АН СССР совместно с Дальневосточным филиалом Сибирского отделения АН СССР.

На Всесоюзной конференции историков, философов и экономистов в Новосибирске, посвященной 50-летию Октября, сотрудниками Института были прочитаны доклады «Начало русского хозяйственного освоения Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII в.» (В. А. Александров), «Пути дальнейшего развития хозяйства и культуры малых народов Севера» (И. С. Гурвич), «Этнический состав древнего населения Саян» (С. И. Вайнштейн).

Кроме того, сотрудники Института участвовали в таких юбилейных мероприятиях как сессия «Русский пролетариат на пути к Октябрю» в Одессе (В. Ю. Крупянская, И. С. Полищук, С. В. Тютюкин), юбилейная сессия Прибалтийских республик в г. Тарту (Н. Н. Чебоксаров), юбилейная сессия Института народов Азии (М. Г. Асланов) и др.

Сотрудники Института выступали с докладами и сообщениями на Втором Сибирском региональном совещании по проблеме национальных отношений (Новосибирск), Научной сессии Комиссии по Северу при ВАСХНИЛ, Втором всесоюзном скифосарматском совещании, Втором межведомственном совещании по географии населения. Представители Института участвовали также в конференции по изучению этнографических связей у народов Прибалтики (Вильнюс); тюркологических сессиях (Москва — Ленинград); конференции финно-угроведов (Ижевск); конференции по истории крестьянства Европейского Севера (Вологда); Уральском археологическом совещании (г. Сыктывкар); IV историографической конференции ЛГУ (Ленинград); отчетной научной конференции этнографического музея Эстонской ССР (Тарту); симпозиуме по теории конвергентности в трудах идеологов антикоммунизма (Москва); конференции по социально-лингвистическому обследованию народов Сибири (Новосибирск); симпозиуме по количественным методам в социологии (Сухуми); социологическом совещании по изучению современной семьи (Вильнюс); научной сессии Всесоюзной социологической ассоциации (Москва) и др. В общей сложности сотрудники Института приняли участие более чем в 40 различных совещаниях и конференциях.

В 1967 г. продолжалось развитие международных научных связей и сотрудничества Института с международными научными обществами и учреждениями, а также с отдельными зарубежными учеными.

В течение года сотрудники Института выезжали в 16 стран для научно-исследовательской работы или участия в конференциях и совещаниях.

В истекшем году Институт был представлен на 11 международных и национальных конференциях, совещаниях и научных симпозиумах, что, несомненно, способствовало укреплению позиций советских ученых и расширению деловых контактов. В этом отношении были весьма полезны поездки Ю. В. Бромлея на IX Генеральную ассамблею Международного Совета по философии и гуманитарным наукам при ЮНЕСКО (Румыния) и в Бельгию на заседание Административного совета недавно созданного Международного общества этнологии и фольклора Европы, в которое Институт вступил в 1967 г., Г. Ф. Дебеца в Париж для участия в работе международной комиссии экспертов ЮНЕСКО по составлению международной декларации о расах и расовых предрассудках, Л. Н. Терентьевой на заседание объединенной редакции международного журнала «Демос» (Югославия).

Посездки на конференции постоянных международных комиссий, объединяющих и координирующих работу ученых разных стран по определенным научным проблемам (по историко-этнографическому атласу Европы и сопредельных стран — С. И. Брука в ФРГ, по проблемам изучения культуры и быта населения Карпат — Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской в ЧССР), позволили советским этнографам включиться в обсуждение задач и разработку методики исследований по этим проблемам и наметить конкретные формы участия советских ученых в этих общих работах.

Укреплению деловых контактов с учреждениями академий европейских социалистических стран немало способствовало совещание этнографов европейских социалистических стран в Кишиневе, созданное Институтом этнографии АН СССР и приуроченное к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. На этом совещании были представлены этнографические учреждения Болгарии, Венгрии, Польши, ЧССР и Югославии. Обсуждались вопросы участия в очередном Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Токио, 1968 г.), сотрудничества по изучению культуры и быта населения Карпат (в рамках Международной комиссии по этой проблеме). Весьма важным моментом работы совещания был обмен информацией об основных направлениях научно-исследовательской деятельности этнографических учреждений социалистических стран.

Специалисты Института этнографии выступали с докладами на международных конференциях и совещаниях: В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова — на международном симпозиуме в Венгрии по проблеме эволюции древних и современных гоминид, Ю. В. Бромлей — на конференции Югославского этнологического общества по проблемам этногенеза и этнической дифференциации, Б. А. Путилов — на конгрессе югославских фольклористов, С. А. Токарев — на юбилейной конференции университета им. Гумбольдта в Берлине, посвященной 50-летию Великой Октябрьской революции, Ю. П. Петрова-Аверкиева — на симпозиуме, посвященном столетнему юбилею Канадской конфедерации.

Среди командировок для научно-исследовательской работы в первую очередь необходимо отметить долгосрочные поездки антропологов Института Г. Ф. Дебеца в Афганистан и И. М. Золотаревой в Монголию. В результате их исследований, проводящихся уже в течение ряда лет, впервые будет выяснен антропологический состав населения этих стран, что имеет важнейшее значение для решения проблем происхож-

дения и этнической истории не только афганского и монгольского народов, но и населения Центральной Азии и сопредельных областей. На основе материалов, полученных совместной советско-финской антропологической экспедицией, может быть значительно полнее охарактеризован антропологический состав Финляндии. От Института этнографии в экспедиции участвовала Н. В. Шлыгина.

Весьма результативны были командировки для сбора полевых и документальных материалов по разнообразной этнографической тематике: Л. Л. Викторовой в МНР, Ю. В. Бромлея и М. С. Кашуба в Югославию, Л. В. Марковой в Болгарию, Э. Л. Нитобурга на Кубу, С. А. Токарева во Францию, М. С. Иванова в Иран.

Укреплению международного научного сотрудничества способствовала и работа зарубежных ученых в коллективе Института — в 1967 г. было принято на стажировку, в аспирантуру и для проведения научных исследований на длительные сроки 8 ученых из различных стран. Кроме того, Институт посетило более ста ученых и государственных деятелей из 25 стран Европы, Азии, Африки и Америки. Особенно много иностранных гостей побывало в Музее антропологии и этнографии при Ленинградском отделении Института.

В 1967 г. состоялось 22 заседания Ученого совета, на которых обсуждались различные проблемы этнографической и антропологической наук.

На юбилейном заседании Ученого совета, посвященном 50-летию Советской власти, И. С. Гурвич и И. С. Вдовин выступили с докладами, в которых были освещены изменения в культуре и быте и этнические процессы у малых народов Севера.

21 марта 1967 г. состоялось расширенное заседание Ученого Совета, посвященное Международному дню борьбы против расизма. В заседании приняли участие представители различных институтов и общественности Москвы. С докладами выступили сотрудники Института этнографии (А. В. Ефимов, И. Р. Григулевич, Э. Л. Нитобург, Н. Н. Чебоксаров, Л. А. Фадеев), а также других институтов. На одном из заседаний Ученого совета рассматривались prospectsы работ этнографов-американистов по проблеме этнических процессов и национального развития — одной из центральных проблем этнографической науки.

На специальном заседании Ученого совета Института с участием представителей Министерства сельского хозяйства, Межведомственной комиссии Совета по изучению производительных сил Госплана СССР, Отдела Севера Совета министров РСФСР и др. обсуждались некоторые вопросы социалистического строительства у малых народов Крайнего Севера.

Много места в работе Ученого Совета было уделено защитам диссертаций. В 1967 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук защитил В. П. Алексеев, кандидатов наук — В. Н. Басилов, Е. В. Иванова, Н. А. Красновская, Л. М. Левина, Н. М. Постникова, Ю. А. Рапопорт, А. М. Решетов, Н. Н. Садомская, Г. В. Цулая.

Как и в прошлые годы, работы сотрудников Института используются для практики коммунистического строительства. Особенно много в этом отношении делает Сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера, материалы исследований которого широко применяются при решении различных хозяйственных и культурно-бытовых вопросов.

Коллектив Хорезмской археолого-этнографической экспедиции продолжает разработку вопросов, связанных с возможностью освоения земель древнего орошения в Средней Азии и Казахстане; собран большой материал о распространении древних систем орошения и обрабатываемых в древности территорий.

Институт этнографии, в частности Лаборатория этнической статистики и картографии, оказывают помощь по подготовке к предстоящей в 1970 г. переписи населения СССР.

Сотрудники Института дают много консультаций по различным вопросам этнографической науки работникам государственных учреждений, а также отдельным гражданам.

Продолжалась и расширялась научно-популяризаторская работа коллектива Института — подготовка и издание научно-популярной литературы, выступления по радио и телевидению, чтение лекций на предприятиях Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Иванова и др. городов. Особенно велика роль в пропаганде этнографических знаний Музея антропологии и этнографии.

М. С. Кашуба

Научная жизнь

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ БОРЬБЫ ПРОТИВ РАСИЗМА

Расизм неразрывно связан с самыми реакционными силами современного капитализма, с теми империалистическими силами, которые развязывают кровавые войны и стремятся усилить международную напряженность. Подтверждением этому явилось недавнее злодейское убийство лауреата Нобелевской премии мира, руководителя движения за гражданские права негров США Мартина Лютера Кинга, который в своих публичных выступлениях гневно клеймил военную авантюру американского правительства во Вьетнаме. Это убийство еще раз напоминает всем прогрессивным людям, что борьба с расизмом не утихнет до тех пор, пока существуют стоящие за ним силы империалистической реакции, силы войны.

Наряду с активными практическими действиями все растущее значение приобретает идеологическая борьба с расизмом, в которую вносят свою лепту советские ученые.

Еще в прошлом году в Институте этнографии АН СССР было положено начало важной традиции — отмечать Международный день борьбы против расизма, 21 марта, специальным научным заседанием. Работа прошлогодней сессии получила широкий отклик на страницах научных журналов, а выступления докладчиков вошли в сб. «Нет расизму!», готовящийся к печати в Издательстве «Наука». Не менее плодотворным оказалось расширенное заседание Ученого Совета Института этнографии, проведенное 21 марта 1968 г., на котором присутствовали представители различных гуманитарных институтов Москвы, работники ТАСС и АПН. С докладами выступили сотрудники Института этнографии АН СССР — А. В. Ефимов, Г. Ф. Дебец, А. Д. Дриззо, Института мировой экономики и международных отношений АН СССР — Я. Я. Этингер, Института Латинской Америки АН СССР — А. Ф. Шульговский, Института Африки АН СССР — А. Б. Давидсон, Института международного рабочего движения — Е. Ф. Ермоленко и корреспондент «Правды» Е. В. Кобелев.

Сессию открыл директор Института этнографии АН СССР Ю. В. Бромлей. Он отметил, что и сегодня, спустя восемь лет, решение ООН о проведении Международного дня борьбы против расизма сохраняет свою актуальность. Расистские идеи, расовая дискриминация, геноцид и сейчас еще представляют во многих частях капиталистического мира обыденное явление, а подчас даже официальную идеологию. Наряду с очагами расистского террора в Родезии, ЮАР, расовой дискриминации в США и политики геноцида, осуществляемой Соединенными Штатами на вьетнамской земле, серьезную опасность представляют действия китайских руководителей, которые в своих великоважных целях стремятся толкнуть национально-освободительную борьбу на путь расизма. Ю. В. Бромлей призвал советских ученых продолжать углубленную разработку всего комплекса расовых проблем, подчеркнув особенно значительную роль в такого рода исследованиях антропологов и этнографов. В Институте этнографии вопросам борьбы с расизмом в последние годы уделяется серьезное внимание. В 1966 г. Институтом издана книга «Против расизма», в ближайшие дни выходит сборник «Документы обличают расизм». Представители Института активно участвовали в подготовке Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках.

Первым официальным документом, поднявшим вопрос о ликвидации расовой дискриминации в мировом масштабе, была Всеобщая Декларация прав человека. О двадцатилетии Всеобщей Декларации прав человека и о Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках говорил в своем докладе А. В. Ефимов. Всеобщая Декларация прав человека была принята в декабре 1948 г. Генеральной Ассамблей ООН в Париже. Декларация охватила широкий круг вопросов. А. В. Ефимов остановился на историческом значении этой Декларации как документа, в котором провозглаша-

ется этническое равенство, равные права и свободы для каждого человека, независимо от расовой принадлежности, осуждается расизм, расовая дискриминация. Но в статьях Декларации ничего не говорилось о научной характеристике расы, являющейся биологической и социальной категорией. Значительный шаг вперед был сделан в Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках, принятой в сентябре 1967 г. в Париже. В ней поставлен вопрос о равенстве рас не только в биологическом, но и в социальном отношении; таким образом, борьба с расизмом приобретает принципиально новое содержание. Совершенно правильно подчеркнута в Декларации связь между расизмом и войной; разделяя нации между собой, усиливая международную напряженность, расизм угрожает миру во всем мире. Важное значение имеет пункт Декларации, в котором подчеркивается, что основные средства борьбы с расизмом заключаются в изменении общественных условий, порождающих расовые предрассудки.

Охарактеризовав положительное значение Декларации 1967 года, А. В. Ефимов показал также ее ограниченность. Только марксистская наука может полностью раскрыть сущность расового антагонизма в целях дальнейшей практической и теоретической борьбы с расизмом.

О впечатлениях от работы международных организаций, связанных с борьбой против расизма, рассказал Г. Ф. Дебец, который участвовал в совещании экспертов ЮНЕСКО по выработке Декларации 1967 г. Г. Ф. Дебец отметил, что большинство участников совещания проявило единодушие в осуждении расизма во всех его проявлениях. Однако, несмотря на бесспорное стремление западных экспертов осудить расизм, несмотря на признание ими социальных корней расизма, некоторые из них возражали против включения в Декларацию пункта об обязанности ученых активно противодействовать извращению расистами научных данных.

Само собой разумеется, что совещание не осудило капиталистическое общество как главную причину, источник, питающий расизм. Такое предложение и не выдвигалось, вследствие явной невозможности провести его на совещании, членами которого были в основном эксперты из буржуазных стран. Поэтому Декларация, несмотря на ее важные положительные стороны, отличается все же неполнотой и непоследовательностью.

Е. Ф. Ермоленко в своем сообщении «Международные организации в борьбе против расизма», подчеркнула, что принятая в 1936 году Конституция СССР является первым в истории человечества документом, в котором не только провозглашены и по-настоящему гарантированы права человека. Советский Союз стал инициатором установления и распространения важных принципов борьбы с расовой дискриминацией. Докладчик отмечает, что многие международные организации обсуждают программу ликвидации расизма, за последнее время ими принят целый ряд международных документов по расизму, в которых провозглашаются основные права и свободы человека. Однако главной задачей, подчеркивает Е. Ф. Ермоленко, является не только провозглашение принципов, но и их осуществление. Докладчик привел примеры вопиющих нарушений справедливых требований народов в странах Африки, Азии и Америки.

Несколько докладов были посвящены конкретным формам проявления в разных частях капиталистического мира расизма и борьбы с ним.

«Расизм и идеологическая борьба в Латинской Америке» — так назывался доклад А. Ф. Шульговского. О расизме в Латинской Америке, отмечает докладчик, известно сравнительно мало. Это объясняется его своеобразным обличием в сравнении с классическими формами расизма в Азии и Африке. Охарактеризовав основные методологические посылки, необходимые для понимания особенностей расовой проблемы в странах Латинской Америки, докладчик остановился подробно на наиболее остром ее аспекте — индейском вопросе. Автор доклада показал, в чем состоит слабость и противоречивость одного из наиболее влиятельных в Латинской Америке идейных течений — индеанизма, подхваченного апристами — идеологами мелкобуржуазного национализма. Пропагандируемый ими лозунг — «Латинская Америка для индейцев» подвергается решительной критике со стороны марксистов. Докладчик привел великолепные слова одного из основателей коммунистической партии Кубы — Хулио Антонио Мельи: «...Апристы забывают, что проникновение империализма кладет конец «расовой проблеме» в ее классической форме, превращая индейцев,metisов, белых и негров в рабочих, иначе говоря, подводит под эту проблему экономическую, а не расовую основу». Коммунисты Латинской Америки выступают за предоставление широкой автономии индейским народностям. В то же время они считают необходимым активно бороться за их включение в борьбу прогрессивных сил, за рост их политического самосознания, за преодоление исконного недоверия к городскому пролетариату.

А. Ф. Шульговский затронул также негритянскую проблему. Основной целью разжигания расовых предрассудков является стремление реакционных сил в Латинской Америке изолировать трудящиеся массы от освободительного движения, сделать их своим резервом. Так, на Гаити идеологи черного расизма, стараясь изолировать борьбу трудящихся гаитян от мирового революционного движения, пропагандируют феерию негритюда в ее самой реакционной форме, разжигают ненависть черного человека

к белому человеку и его взглядам, в том числе к марксизму. Позиция гаитянской компартии помогает успешной борьбе с представителями черного расизма. Эта позиция созвучна с ленинским лозунгом «Пролетарии и угнетенные народы всех стран, объединяйтесь!».

О дискриминации пуэрториканцев в США говорилось в докладе А. Д. Дридзо. По официальным данным, в США насчитывается около 1 миллиона пуэрториканцев. В условиях пресловутого «американского образа жизни» выходцы из Пуэрто-Рико неизбежно становятся объектом дискриминации как граждане второго сорта, уже в силу их якобы негритянского происхождения. В данном случае отчетливо выступает и социальная основа дискриминации, направленной в первую очередь против трудящихся, составляющих почти все пуэрториканско население Соединенных Штатов. Дискриминация расовая смыкается в отношении пуэрториканцев с дискриминацией национальной. К чему приводит это сочетание расовой и национальной дискриминации, красноречиво свидетельствуют статистические сведения и описание условий их жизни. Процент безработных среди пуэрториканцев выше, чем в любой другой категории трудящихся. В 1960 г. не имели работы 5% белых, 6,9% негров и 9,9% пуэрториканцев.

Средний доход пуэрториканской семьи считается самым низким в Нью-Йорке (где сосредоточена подавляющая часть пуэрториканцев США), значительно уступая даже доходу негритянской семьи. Почти все пуэрториканцы Нью-Йорка живут в трущобах района, получившего испанское название «Эль Баррио» (деревня). Попытки переселиться в «белые кварталы» почти так же безнадежны, как попытка негров выйти за пределы «черных гетто». С дискриминацией в области труда и жилища сочетается дискриминация в области образования.

В США немало делается для того, чтобы вызвать в среде трудящихся расовую и национальную рознь. Одним из конкретных проявлений этой политики является всячески культтивируемая в Нью-Йорке негритянско-пуэрториканская вражда.

С докладом «Борьба африканских государств против расизма» выступил Я. Я. Этингер. Борьба против расизма является одной из характерных черт внешнеполитического курса огромного большинства независимых африканских государств. Коснувшись трудностей, стоящих на пути этой борьбы, докладчик подчеркнул усиливающуюся опасность для этих освободившихся стран со стороны колониально-расистских режимов, объединяющихся вокруг главной базы современного расизма — ЮАР. Трудность борьбы против колониально-расистских режимов Африки усугубляется тем, что они являются опорными пунктами империализма на африканском континенте, как в военно-политическом, так и в экономическом отношениях.

В своем докладе Я. Я. Этингер осветил важнейшие направления антирасистской борьбы африканских государств, такие как деятельность африканских стран в ООН и других международных организациях, политические и экономические меры бойкота ЮАР, помощь национально-освободительному движению в ЮАР, а также в Анголе, Мозамбике и Родезии. Анализируя трудности, встающие на путях борьбы за ликвидацию расистских и колониальных порядков в южной части Африки, докладчик в то же время показал существенную роль этой борьбы в укреплении африканской консолидации, в углублении и распространении антиимпериалистических принципов африканского единства.

«Консолидация антирасистских сил в ЮАР» — тема доклада А. Б. Давидсона. Для ЮАР день 21 марта имеет особое значение. Именно в память кровавых событий, разыгравшихся 21 марта 1960 года в маленьком городке Шарпевиле, этот день стал Международным днем борьбы с расизмом. Расистская идеология и расистская практика достигли в ЮАР самого крайнего выражения. Тем глубже и серьезнее, говорит А. Б. Давидсон, надо подходить к раскрытию всего комплекса вопросов, связанных с расовой проблемой в этой стране. Нельзя забывать, что в ЮАР есть не только расизм, но и силы, которые ему противостоят. Больше того, революционное движение в ЮАР значительно сильнее, чем в тропических странах Африки. Опыт антирасистской борьбы в ЮАР непосредственно усваивается другими народами этого континента, так как около 1 миллиона африканцев за тысячи километров прибывают сюда ежегодно для работ по контрактам.

В ЮАР борьба против расизма — одна из сторон борьбы за широкие социальные преобразования. Компартия выступает в этой борьбе под лозунгом «Южноафриканец является каждый» — и негр, и белый, живущие в ЮАР.

Докладчик коснулся еще одного вопроса, реально стоящего перед теми, кто выступает за полную ликвидацию расизма, — борьбы с расовыми предрассудками среди «черного» населения ЮАР. Для успеха антирасистской борьбы в ЮАР необходимо объединение всех прогрессивных сил страны.

Основываясь на данных Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и на своих собственных наблюдениях, Е. В. Кобелев в свой доклад посвятил разоблачению политики геноцида, проводимой Соединенными Штатами во Вьетнаме и приближающейся ныне по своим масштабам к тем преступлениям против человечества, которые совершили фашисты в период второй мировой войны. Сущность этой

политики — тотальное истребление и разрушение. Е. В. Кобелев рассказал о варварских бомбардировках территории ДРВ, о применении американской военщины ядовитых и отравляющих веществ. Другим гнусным проявлением политики геноцида является стремление превратить Южный Вьетнам в огромный концентрационный лагерь.

Закрывая заседание, Ю. В. Бромлей выразил уверенность в том, что проделанная работа является существенным вкладом в дело разоблачения и осуждения расизма в любых его проявлениях и станет еще более полезной после опубликования докладов отдельным сборником.

В заключение был показан научно-публицистический фильм «Расизм как он есть», только что подготовленный студией «Моснаучфильм».

Л. С. Шейнбаум

ПОЕЗДКА В ИРАН

В августе — сентябре 1966 г. в Тегеране состоялся Первый международный конгресс иранистов. 31 августа во время приема делегатов конгресса шахом Ирана в Саадабадском дворце, шах пригласил меня познакомиться с проводимыми в стране реформами. В связи с этим и состоялась моя поездка в Иран с 20-го декабря 1967 г. по 25 января 1968 г.

Главной целью поездки было ознакомление с ходом и достигнутыми к этому времени результатами реформ, которые осуществляются в Иране в последние годы. Эти реформы, призванные преодолеть экономическую и культурную отсталость, стабилизировать общественно-политическое положение в стране, официальные круги Ирана называют «белой (т. е. бескровной) революцией».

Самой важной частью проводимых мероприятий является земельная реформа, предусматривающая: ограничение крупной помещичьей земельной собственности; продажу крестьянам, ранее арендовавшим землю помещиков, в рассрочку на 15 лет через государственный сельскохозяйственный банк излишков земель крупных помещиков, а также части шахских и государственных земель; создание сельскохозяйственных кооперативов; изменение характера отношений между помещиками, сохранившими собственность на землю, и крестьянами; внедрение сельскохозяйственных машин; внедрение современных методов ведения хозяйства, и т. д.

К осуществлению земельной реформы приступили еще в начале 1960-х гг. в обстановке растущего крестьянского движения и назревания серьезного экономического и политического кризиса в стране. Она должна была предотвратить дальнейший рост недовольства крестьян и возможный социальный взрыв, повысить производительность сельского хозяйства, которое было не в состоянии обеспечить продовольствием растущее население страны. Кроме того, ставилась задача направить развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути и расширить в деревне социальную опору существующего строя путем привлечения мелких и средних помещиков, перешедших к капиталистическим методам ведения сельского хозяйства, а также крестьян, получивших по реформе землю, в особенности зажиточных крестьян и кулаков, применяющих наемный труд.

Закон о земельной реформе был одобрен референдумом в январе 1963 г. вместе с пятью другими законами: о национализации лесов; реформе избирательного закона; создании так называемого «корпуса просвещения» для борьбы с неграмотностью в деревнях; об участии рабочих в прибыльях предприятий и о продаже государственных фабрик и заводов для финансирования земельной реформы. Затем к этим законам, составившим первые шесть пунктов программы реформ, были добавлены еще три: создание «корпуса здравоохранения» для работы в сельской местности; создание «корпуса тарвидж», т. е. «корпуса по внедрению в сельское хозяйство современных методов его ведения» и организация так называемых «домов справедливости» (общественных судов) в деревнях для разбора мелких спорных дел. В настоящее время в иранском парламенте обсуждается законопроект о национализации водных источников.

Программа реформ и ход ее выполнения изложены шахом Ирана в книге «Белая революция», изданной в 1967 г. на персидском и на европейских, в том числе и русском, языках.

Очень большую помочь в осуществлении целей командировки оказал мне советник шаха по вопросам культуры и науки, заместитель министра шахского двора, являющийся также директором шахской «Библиотеки Пехлевиз» господин Шоджа-эд-Дин Шефа, которому я приношу глубокую благодарность за внимание, теплый прием

и содействие. Благодаря его помощи за время пребывания в Иране мне удалось познакомиться с опубликованными и ведомственными, частично неопубликованными свежими материалами о современном экономическом положении Ирана, итогами реформ на январь 1968 г.

Статистический центр Плановой организации Ирана, ведающей экономическим планированием страны, предоставил мне несколько бюллетеней предварительных сводных по всей стране итогов второй всеобщей переписи населения 1966 г., содержащих демографическую, социальную и экономическую характеристику населения, а также данные о грамотности, семейном составе, жилищных условиях. Кроме того, я получил 48 томов итогов переписи населения 1966 г. по 48 (из общего числа 141) шахрестанам и городам Ирана; 14 томов первой сельскохозяйственной переписи, проведенной в октябре 1960 г.; 25 томов промышленной переписи 1963 г.; часть томов (38) первой всеобщей переписи населения 1956 г. и другие ценные материалы.

6—12 января 1968 г. в Тегеране состоялся организованный шахской «Библиотекой Пехлеви» семинар, посвященный осуществлению реформ, изложенных в книге «Белая революция». Этому семинару придавалось большое значение. Он проводился на высшем уровне, на открытии его присутствовали премьер-министр А. Ховейда, весь состав правительства, председатели сената и меджлиса, сенаторы и депутаты меджлиса, видные государственные и политические деятели. Среди участников семинара были работники различных министерств, а также директора школ из Тегерана и провинций Ирана, всего свыше 800 человек. Цель семинара — дать иранской общественности и местным административным работникам и учителям оценку значения и характера реформ с точки зрения руководящих кругов страны. Семинар был открыт приветствием шаха Ирана и выступлением премьер-министра. На заседаниях семинара с докладами о ходе реформ, освещавшими и современное экономическое положение страны, выступили 11 министров: земельной реформы, природных ресурсов, труда и общественных работ, внутренних дел, просвещения, здравоохранения, сельского хозяйства, юстиции, экономики, водных источников и электроэнергии, благоустройства. Участникам семинара были разданы подготовленные министерствами основные данные на январь 1968 г. о выполнении плана реформ в различных областях. Большой интерес также представляли вопросы участников семинара и ответы на них министров и руководящих работников министерств после каждого из докладов.

По приглашению господина Шоджа-эд-Дин Шефа я присутствовал на заседаниях семинара и получил все материалы, разданные его участникам. Это помогло мне лучше понять сложившуюся в стране обстановку, разобраться в характере реформ, их значении и целях, порядке их проведения на местах.

До семинара и после него мне была предоставлена возможность ознакомиться с ходом реформ на местах — в областях, районах и деревнях. Вместе с представителем министерства земельной реформы, оказавшим мне большую помощь, я совершил две автомобильные поездки по стране, общее протяжение маршрута которых составило более 3500 км.

Первая поездка с 1 по 5 января 1968 г. была по маршруту Тегеран — Казвин — Хамадан — Мелаэр — Боруджерд — Хорремабад — Андимешк — Ахваз — Хорремшахр — Абадан и обратно. Мы останавливались во всех названных пунктах, кроме Мелаера, Боруджерда и Хорремшахра. В управлениях министерства земельной реформы в Казвине, Хамадане, Хорремабаде и Ахвазе состоялись беседы с руководителями и сотрудниками этих, а также и других управлений, занимающихся проведением реформ, о состоянии сельского хозяйства, о ходе земельной реформы, о работе в соответствующих областях и районах корпусов просвещения, здравоохранения, внедрения современных методов ведения сельского хозяйства, «домов справедливости».

В районе Казвина мы побывали в трех деревнях: Машальдар, Чубиндар и Кумек; в районе Хамадана осмотрели деревни Эмзоджерд, Шаверин и Гуриджан, а также плотину «Шахназ», снабжающую г. Хамадан питьевой водой. В Луристане, между городами Хорремабад и Боруджерд мы знакомились с деревнями Таджаре (в 12 км от Хорремабада), Донги (в 28 км от Хорремабада) и Чалан Чулан (в 33 км от Боруджерда), а между Хорремабадом и Андимешком — с селением Пуле Дохтар.

Внешний вид современной иранской деревни на первый взгляд мало изменился за последние 20 лет. Бросаются в глаза глинобитные или из сырцового кирпича жилища крестьян с плоскими, реже куполообразными, крышами, выходящие на улицу глухой стеной. Но имеются и признаки нового — в некоторых деревнях выстроены из обожженного кирпича новые здания школ, магазинов, сельскохозяйственных кооперативов. Встречаются деревни, где есть новые бани, медицинские пункты «корпуса здравоохранения», артезианские колодцы и т. д.

В районе Андимешка мы осмотрели крупную плотину на реке Диз, водами которой предполагается оросить в Хузистане около 125 тыс. га неиспользуемой земли. К настоящему времени водой этой плотины орошено уже 23 тыс. га в районе к югу от г. Дизфуль.

В Хузистане мы останавливались в крупном селении Хамидие, расположенному к северо-западу от Ахваза, а также в деревне Дехкаде по дороге из Ахваза в Хами-

дие. Мы имели возможность ознакомиться с работой сельскохозяйственных кооперативов, школ, центров деятельности «корпуса просвещения», «домов справедливости» беседовать с их руководителями, а также с крестьянами и помещиками в деревнях и на полях во время полевых работ. Мы видели старые и новые ирригационные системы — наземные и подземные каналы («канаты» или «кяризы»), артезианские (гл.

Рис. 1. Деревня Хатемабад в районе Хамадана (это и остальные фото сделаны автором в январе 1968 г.)

бокие) и неартезианские (полуглубокие) колодцы, насосы, установленные в большом количестве на берегах реки Диз и других рек. Интересовались мы и порядком использования сельскохозяйственной техники (тракторов и других машин), системой найма рабочей силы, распределением земель между помещиками, зажиточной верхушкой деревни и рядовыми крестьянами, социальным составом жителей деревень, отношениям

Рис. 2. Крестьяне в дер. Донги в Луристане

между рядовыми крестьянами, зажиточной верхушкой, кулаками и помещиками и т. д. Кроме перечисленных деревень, были остановки и в других селениях и деревнях (для отдыха, чаепития и т. д.). Во время этих кратковременных остановок, а также встреч по дороге, мы имели возможность беседовать с местными жителями. 3 января 1968 г. между Хорремабадом и Андимешком мы перегнали довольно большую группу луров, которые перекочевывали из района южнее Хамадана в хузистанскую долину. Ослы и

мулы тащили навьюченный на них домашний скарб. Женщины одеты были в характерные для луров-кочевников темные длинные до пят платья. На девушках были многочисленные украшения из монет и различных безделушек. Принадлежавшие кочевникам стада коз и овец двигались параллельно, в стороне от дороги.

Вторая поездка по стране состоялась 20—22 января после окончания семинара по маршруту: Тегеран — Кум — Исфаган — строительная площадка металлургического завода — район Шохр-е Корда, к юго-западу от г. Исфагана. Обратно в Тегеран из Исфагана мы возвращались не через г. Кум, а через г. Саве.

Исфаган — второй по числу жителей после Тегерана город Ирана. Согласно второй всеобщей переписи населения, проведенной в ноябре 1966 г., в Тегеране в то время проживало 2695 тыс., а в Исфагане 423 тыс. человек. Столица Ирана при Сефевидах (XVI—XVIII вв.), Исфаган славится замечательными памятниками средневековой иранской архитектуры, особенно XVII в. (мечети Шах, Чехарбаг, Лотфоллы, дворцы Чехельсотун и Али Капу и другие). В самое последнее время этот архитектурный ансамбль Исфагана пополнился еще одним замечательным сооружением — в прошлом

году рядом с мечетью Чехарбаг было закончено строительство рассчитанной в основном на иностранных туристов роскошной гостиницы «Шах Аббас». Она построена в духе сефевидских караван-сараев XVII в., а отдельные ее части (главный приемный зал, ресторан и др.) — в специфическом стиле упомянутых выше знаменитых памятников XVII в. — Чехельсотун, Али Капу и т. д.

Рис. 3. Полевые работы в сел. Дехкаде

Рис. 4. Кочевники луры

В Исфагане мы беседовали о ходе осуществления земельной реформы с руководителем и сотрудниками управления земельной реформы Исфаганского остана, а также выясняли эти вопросы во время посещения деревень Хатемабад, Джеладеран, Джейланабад и других, расположенных в районе Исфагана. Затем была сделана остановка в расположенному в 70 км от Исфагана большом селении Чермахин, насчитывающим около 1400 дворов и 6000 жителей. Здесь мы познакомились с работой центра корпуса здравоохранения, который обслуживает как Чермахин, так и деревни Кячу (4000 жителей) и Муркан (3000 жителей), находящиеся от него соответственно в 20 и 40 км. В Чермахине нам показали построенную по типовому проекту хорошую,

современную баню. В этом селении состоялась беседа с заместителем председателя деревенского совета Голам Хосейн Ибрахими, который ведает делами благоустройства, и с другими крестьянами. Знакомство с селением Чермахин было особенно интересным потому, что в нем вся земля до реформы принадлежала мелким крестьянским собственникам — хордемалекам, а помещичьего землевладения вообще не существовало. Но обрабатываемой орошаемой земли в этой деревне очень мало, и площадь ее сокращается с каждым годом. Сейчас, как сообщили нам крестьяне, на 1400 семей селения приходится только 48 га пахотной земли, и около 20 га занято виноградниками. При этом, по их словам, лишь 10 семей имеют приблизительно по 1 га обрабатываемой земли, а остальные располагают ничтожными участками, иногда всего в 0,05 га. Причина систематического сокращения обрабатываемой орошаемой земли заключается в том, что подземные каналы — единственный источник орошения полей — выходят из строя, пересыхают. Всего деревни 19 каналов, вода же есть только в 5—6, остальные высохли. Голам Хосейн Ибрахими сказал, что крестьяне стремятся, но пока безуспешно, создать в деревне сельскохозяйственный кооператив чтобы через него получить кредит и строительство артезианского колодца.

Естественно, что при таком ничтожном размерегодной для обработки орошаемой земли, земледелие не может слу-

Рис. 5. Девушка-луристанка с топливом

жить основным источником существования крестьян. Они занимаются также отгонным животноводством. Общее поголовье овец в деревне составляет около 10 тыс. голов. Широко распространен и уход крестьян из деревни на заработки. Около 100 молодых жителей селения Чермахин работают даже в Кувейте, высылая своим семьям частную заработка.

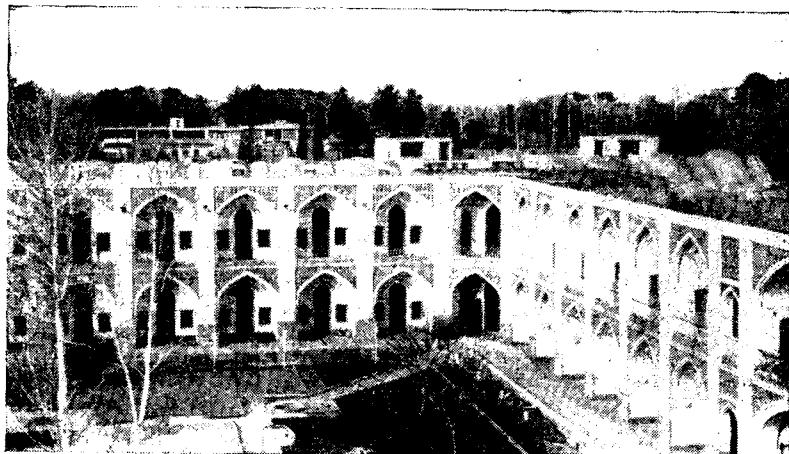

Рис. 6. Гостиница «Шах Аббас» в Исфагане

В селении имеется шестилетняя школа, в которой обучаются 360 мальчиков и около 100 девочек, а также около 100 взрослых, ликвидирующих свою неграмотность. В школе работают шесть учителей, в их числе одна женщина. Здание для школы арендуется, причем родители каждого ученика должны внести по пять туманов¹ в год для оплаты расходов на аренду.

¹ 1 туман = 10 риалам = 0,13 доллара по официальному курсу.

В районе между Исфаганом и Шахр-е Кордом хордемалекское землевладение, по словам работников управления земельной реформы Исфагана, распространено довольно широко. Но пример селения Чермакин показывает, что положение хордемалеков не лучше, чем крестьян, еще вынужденных арендовать земли мелких и средних помещиков.

Рис. 7. Ирригационные работы в районе Исфагана

В районе сооружающегося с технической помощью Советского Союза металлургического завода, в 60 км от Исфагана по дороге в Шахр-е Корд, мы осмотрели строительную площадку и побывали во временном городке для специалистов. Всего в то время на строительстве было занято 83 иранских и 52 советских инженеров и около 1 тыс. рабочих. Все рабочие набираются из окрестных деревень. И в будущем, когда

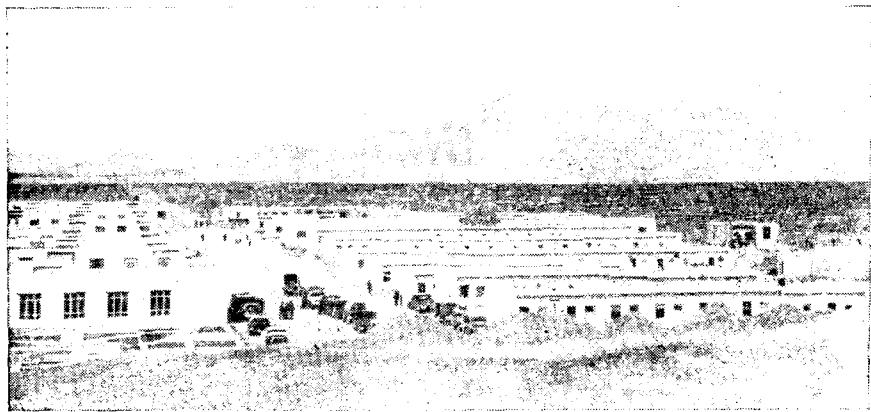

Рис. 8. Временный городок для специалистов на строительстве металлургического завода

число рабочих дойдет до 5—6 тысяч, предполагается использовать местных жителей. Уже создан центр технического обучения будущих рабочих металлургов.

Во время пребывания на строительной площадке завода мы беседовали с главным иранским инженером строительства Баятом и другими иранскими инженерами, с главным советским специалистом Н. А. Коробовым и советскими инженерами, а также с находившимся здесь в то время д-ром Шейбани — директором-распорядителем иранской металлургической корпорации, крупным иранским экономистом.

Д-р Шейбани и инженер Баят дали высокую оценку работы советских специалистов на строительстве завода. По мнению Шейбани металлический завод будет

иметь огромное значение для укрепления независимой экономики Ирана, он явится основой создания иранской национальной тяжелой промышленности. Сооружение завода стимулирует развитие и других важных отраслей экономики страны — железорудной, каменноугольной, газовой промышленности, а также строительство железных дорог. Каменным углем завод будет обеспечиваться из района Зеренда, находящегося к северо-западу от г. Кермана, а железной рудой — из Бафта, расположенного южнее Кермана. Работы в Зеренде и Бафте с участием советских специалистов уже развертываются. Между Зерендом, Бафтом, Исфаганом и металлургическим заводом будет проложена железная дорога длиною более 700 км, подготовка к строительству которой уже начата. По условиям недавно подписанного советско-иранского соглашения о техническом сотрудничестве, Иран в возмещение советских кредитов на сооружение завода будет поставлять Советскому Союзу газ с юга Ирана, сжигавшийся раньше без всякой пользы Международным нефтяным консорциумом. В настоящее время с помощью Советского Союза ведутся подготовительные работы по прокладке магистрального газопровода длиною более 1 тыс. км от южных нефтяных промыслов до советско-иранской границы, который намечено ввести в строй в 1970 г. Газ получат также Тегеран и другие иранские города. По словам д-ра Шейбани, Ирану сейчас требуется стали, чугуна и проката около 600 тыс. т в год. Первая очередь металлургического завода, которая вступит в строй в 1971 г., даст Ирану это количество металла, вторая — 1,2 млн. т, третья — 2 млн. т в год.

Сооружение металлургического завода, магистрального газопровода, железной дороги между районами Кермана и Исфагана, разработки каменного угля и железной руды в районе Кермана внесут большие изменения в жизнь иранского народа.

В районе Исфагана мы осмотрели также два наиболее технически передовых текстильных предприятия — недавно построенные и оснащенные самым современным машинным оборудованием фабрики. Первая из них, крупнейшая в стране хлопчатобумажная фабрика «Шахназ», формально принадлежит акционерному обществу, а фактически — крупному иранскому капиталисту Хамаданьяну, владельцу большинства акций. Фабрика дает примерно 40 млн. м хлопчатобумажных тканей в год из производимых во всем Иране около 490 млн. м. На фабрике «Шахназ» работают 5 тыс. рабочих, из них, по заявлению директора фабрики г-на Ляшкари, около 800 подростков.

Вторым осмотренным нами текстильным предприятием была пущенная в эксплуатацию в конце 1966 г. шерстеткацкая фабрика «Тадж», находящаяся в 25 км от Исфагана по дороге на Тегеран. Эта фабрика также формально принадлежит акционерному обществу, а в действительности нескольким (в основном пяти) акционерам — иранским капиталистам, из которых главную роль играет Мир Ашрафи. Фабрика «Тадж» оборудована новейшими автоматизированными станками, ввезенными из Западной Германии, Швейцарии и других стран. На ней трудится 1 тыс. рабочих, из них 200 женщин; 5 иранских и 12 иностранных инженеров, в том числе 7 из ФРГ. Большинство рабочих — молодежь, окончившая школы и прошедшая технические курсы. Почти все они работают сдельно и получают от 80 до 200 риалов в день. Фабрика «Тадж» работает полностью на ввозимой из Австралии тонкорунной шерсти и выпускает 110 сортов различных шерстяных тканей высокого качества (в день около 6 тыс. м). Технический директор фабрики инженер Мир Хади сказал, что предприятие ставит своей целью вытеснить с иранского рынка английские шерстяные ткани.

Ознакомление с проводимыми в Иране реформами позволяет сделать следующие краткие выводы. В Иране происходят в последние годы серьезные социально-экономические изменения, развивается промышленность, сельское хозяйство переводится путем проводимых сверху реформ на капиталистический путь развития. Уже в настоящее время некоторые отрасли легкой промышленности (например, текстильная, обувная), а также цементная не только удовлетворяют в основном внутренние потребности, но стали экспортовать свою продукцию за границу. Начинают развиваться новые, ранее не существовавшие в стране отрасли промышленности (нефтехимическая, авто- и тракторосборочная, машиностроительная, трубопрокатная). Значительно возросло производство электроэнергии. Намечено сооружение ряда промышленных объектов, важных для развития экономики Ирана.

Но было бы необоснованным утверждать, что Иран из аграрной страны уже превратился в страну индустриальную. По последним данным иранского министерства экономики, при заметном абсолютном росте национальной промышленной продукции (без нефти), доля ее в валовом национальном продукте за последние годы не увеличилась (в 1965/66 г. — 14% и в 1967/68 г. — тоже 14%), а доля сельского хозяйства за те же годы сократилась с 25% до 23%. Темпы роста валового национального продукта за эти годы составляют: в 1965/66 г. — 11,3%, в 1966/67 г. — 10%, в 1967/68 г. — 11,3%.

Высокоразвитой отраслью промышленности является нефтяная (в 1967/68 г. будет добыто около 130 млн. т). Но эксплуатация иранской нефти более чем на 99% остается в руках Международного нефтяного консорциума и других иностранных компаний. Добиваясь увеличения добычи нефти и размеров доли Ирана в прибылях от ее эксплуатации, а также самостоятельного выхода на мировые нефтяные рынки, Иран пока не ставит задачу взять добычу нефти в свои руки.

Характерной чертой развития промышленности Ирана является активное привлечение, путем создания смешанных обществ, иностранного капитала, которому предоставлен ряд льгот (беспошлинный вывоз капиталов и прибылей, гарантии на случай национализации и др.).

Ввиду сравнительной слабости иранского национального частного капитала, государство играет ведущую роль в строительстве предприятий тяжелой и других важных новых отраслей промышленности. Кроме того в руках государства находятся

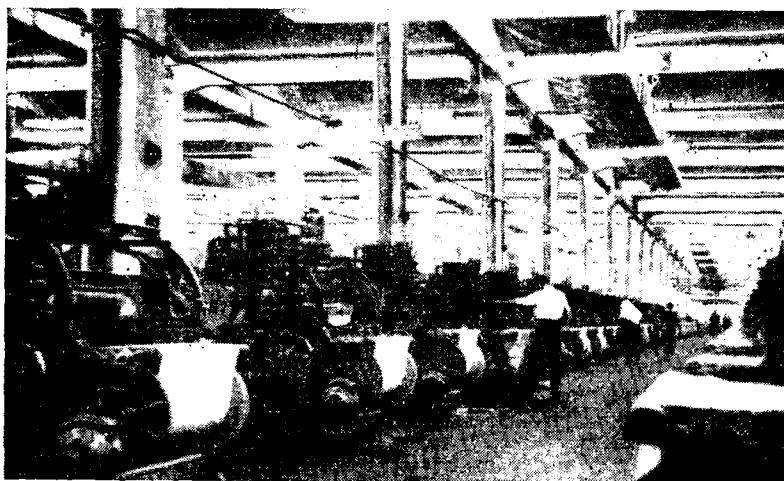

Рис. 9. Ткацкий цех текстильной фабрики «Шахназ» в Исфагане

железные дороги, Центральный банк, связь, крупные плотины, рыбные промыслы, некоторые наиболее важные электростанции, рудники. В то же время при утверждении текущего пятилетнего плана принята установка о развитии всех отраслей промышленности, за исключением тяжелой, на основе «частной инициативы».

Важные изменения происходят и в сельском хозяйстве. Земельная реформа имеет ограниченный характер. Закон о реформе предусматривает сохранение помещичьих владений размером до 500 га при условии обработки их машинами с применением наемного труда, а также старых полуфеодальных форм аренды крестьянами оставшихся у помещиков земель. Водные источники и системы орошения остались в руках помещиков и других владельцев. И несмотря на это, реформа все же явилась серьезным ударом по крупным землевладельцам. Она подорвала их политическое влияние в стране и породила среди крестьян сознание того, что многовековому господству феодальных и полуфеодальных отношений в иранской деревне наступает конец.

В иранской прессе встречаются утверждения о том, что земельная и другие реформы уже осуществлены на 98—99%, что остатки феодальных отношений уничтожены и с классовым гнетом будто бы покончено, положение всех крестьян якобы резко улучшилось. Пишут и о том, что урожай пшеницы — основной зерновой культуры — увеличился с 2,7—3 млн. т в 1959—1965 гг. до 4,6 млн. т в 1967 г. Однако все это далеко не соответствует действительности. Утверждения об осуществлении земельной реформы на 99%, ликвидации остатков феодализма и классового гнета являются декларативными и во многом не отражают реального положения дел, а размеры урожая 1967 г., судя по тому, что мне пришлось видеть и слышать в Иране, по-видимому, завышены.

С влиянием помещиков и остатками полуфеодальных отношений полностью еще не покончено. В подавляющем большинстве деревень, которые я посетил, значительная часть (половина и более) обрабатываемых земель сохраняется под различными предлогами (обработка земли машинами и с применением наемного труда, передача земель родственникам и близким) во владении помещиков. Эти земли сдаются в аренду крестьянам по существу на основе старых полуфеодальных норм, например, несфекари (испольщина) в районе Исфагана и т. п. Наряду с использованием этой полуфеодальной системы эксплуатации крестьян, помещики, сохранившие земли, активно переходят к капиталистическим методам ведения хозяйства. Они покупают тракторы и другие сельскохозяйственные машины (очень часто тракторы эти сдаются в аренду крестьянам, причем за обработку 1 га земли арендная плата составляет 50—60 туманов), все более широко применяют наемный труд постоянных и временных сельскохозяй-

ственных рабочих, для орошения полей роют колодцы и устанавливают насосы на берегах рек.

Кроме помещиков, переходящих к капиталистическим методам ведения сельского хозяйства, в деревне есть и заметно растет слой кулацкой верхушки. Кулаки обычно имеют намного больше земли, чем рядовые крестьяне, и применяют для ее обработки наемный труд. Они владеют сельскохозяйственными машинами, колодцами и насосами, мельницами и играют руководящую роль в сельскохозяйственных кооперативах, «домах справедливости», советах деревни и т. д. Все несколько десятков тракторов, которые я видел во время поездок по стране, принадлежали частным лицам — помещикам и кулакам. То же следует сказать и о подземных оросительных каналах, неартизанских колодцах и насосах, подающих воду из рек на поля. Что касается артезианских колодцев, стоимость которых весьма значительна (в среднем около 125—130 тысяч туманов), то они обычно строятся либо богатыми помещиками, либо сельскохозяйственными кооперативами за счет ссуд государственного банка.

Исключительно важное значение для сельского хозяйства и вообще всей экономики Ирана имеет в настоящее время проблема воды. На значительной части территории страны земледелие возможно только при условии искусственного орошения. Издавна в Иране широко применялась старая система подземных оросительных каналов. В настоящее время она уже приходит в упадок. Во всех деревнях, где я побывал, крестьяне жаловались, что поступление воды через подземные каналы сократилось, а некоторые каналы совсем пересохли, и из-за этого часть пригодных к обработке земель не используется. Крестьяне объясняли это тем, что в последние годы было мало дождей. По-видимому, есть и другая причина: подземные каналы не ремонтируются своевременно и поэтому разрушаются. Старинные оросительные каналы постепенно заменяются современными средствами ирригации — большими плотинами, артезианскими и неглубокими колодцами, а также насосами. Но эти средства совершенно недостаточны, чтобы обеспечить водой пахотные земли. К тому же почти все старые подземные каналы и значительная часть насосов и колодцев принадлежат помещикам или деревенской верхушке и крестьяне вынуждены покупать воду у них.

Нехватка воды приводит к тому, что во многих районах страны большие площади обрабатывавшейся до этого земли пустуют. В районе Иезды, например, по сведениям работников министерства земельной реформы, около трех четвертей всех обрабатывавшихся раньше земель из-за отсутствия воды сейчас заброшены. Правительство вынуждено было даже 4 года тому назад переселить несколько сот семей иездских крестьян в Хузистан, где они были поселены на орошаемых землях в районе Ахваза, в местечке, получившем название Иезде Ноу, т. е. Новый Иезд. С сокращением посевых площадей вследствие недостатка воды мы столкнулись во время поездки в районах Исфагана, Шахр-е Корда, Хамадана. Пытаясь разрешить эту острую проблему, правительство разработало и внесло, как уже упоминалось, в меджлис и сенат законопроект о национализации водных источников. Но этот законопроект не предусматривает национализации ирригационных систем, — они остаются в руках нынешних их собственников.

Не решены и другие весьма важные проблемы в иранской деревне, например, о задолженности крестьян государству и частным лицам, условиях аренды крестьянами земель мелких и средних помещиков. Жизненный уровень основной массы крестьян не претерпел значительных изменений и остается низким. Например, крестьянин Багери из деревни Джейланабад (в 20 км от Исфагана), с которым мы беседовали в поле, где он убирал сахарную свеклу, рассказал, что он имеет 3 га земли и на всю его семью, состоящую из 11 человек, из которых трое трудоспособных, общий доход от сельского хозяйства составляет только 3 тысячи туманов в год, или около 36 долларов на каждого члена семьи. Видно, такой уровень годового дохода на душу населения не является характерным для всех иранских крестьян, безусловно есть крестьяне с более высоким среднегодовым доходом. Но доходы значительной части крестьян все еще низкие.

Проведение земельной реформы нередко сопровождается нарушениями предусмотренных условий. В связи с этим возникают конфликты между помещиками и крестьянами. По официальным данным министерства земельной реформы, только за последние два с половиной года поступило более 525 тысяч жалоб в связи со спорами между крестьянами и помещиками. Следует также отметить, что жизненный уровень подавляющего большинства населения страны, его трудящихся слоев, продолжает оставаться низким. Зарплата большинства категорий трудящихся, по иранским данным, намного ниже официально объявленного прожиточного минимума².

И все же земельная и другие реформы (предоставление женщинам избирательных прав, создание «корпуса просвещения» и развитие системы просвещения и здравоохранения, внедрение сельскохозяйственных машин и т. д.) объективно являются значительным шагом вперед по сравнению с дореформенным периодом, когда в иранской деревне были очень сильны феодальные пережитки.

² «Iran almanac 1967», Tehran, 1967, p. 511.

В целом в социальной опоре существующего режима произошли важные перемены: крупные полусемельные земельные собственники уступают свою роль основной решающей силы в общественно-экономической и политической жизни страны новым буржуазным кругам.

Рис. 10. Дорожные рабочие в Луристане

Значительные изменения наблюдаются и в народном образовании, и в области культуры вообще. Растет сеть школ и число обучающихся в них. В 1956 г. в начальных школах занималось 816 тыс. учащихся, а в 1966 г. уже 2739 тыс. (не считая 380 тыс. детей школ «корпуса просвещения»), в средних школах соответственно 140,6 тыс. и 423 тыс. Процент учащихся среди населения поднялся за те же годы с 5 до 11,5. Число грамотных (умеющих читать и писать), по данным всеобщих переписей населения 1956 и 1966 гг., за этот период возросло с 1910 тыс. до 5600 тыс. чел.³, что составляло в 1956 г. 10%, а в 1966 г.— 22% населения страны. В 1956 г. грамотных среди городских жителей было 23,5% (в том числе 14,39 женщин), среди сельских— менее 4% (из них 0,6% женщин)⁴, а в 1966 г. соответственно 39,5% (30% женщин) и 11,2% (3,2% женщин)⁵.

Важную роль в поднятии уровня грамотности в стране играет «корпус просвещения». Шах Ирана в своей книге «Белая революция» отмечает, что за пять лет с начала деятельности корпуса в деревни было направлено 32 тыс. его членов. За это время, по официальным данным, они обучили грамоте около 450 тыс. мальчиков, 120 тыс. девочек, 251 тыс. взрослых (мужчин 240 тыс. и женщин 11 тыс.). Кроме того, до сентября 1966 г. они построили с помощью местных жителей 10 тыс. новых и отремонтировали 6 тыс. старых школьных зданий, построили много бань, а также ремонтировали старые и прокладывали новые дороги, мосты, очищали подземные оросительные каналы и т. д.⁶. Задачи, поставленные перед «корпусом просвещения», не ограничиваются только развитием просвещения и проведением указанных выше мер в деревне. Члены корпуса занимаются также строительством новых и ремонтом старых мечетей и ведут активную пропаганду в пользу существующего строя.

Нужно признать, что школьная сеть страны все еще не в состоянии обеспечить обучение всех детей школьного возраста. Большинство школ находится в городах. Строительство школ не поспевает за ростом числа детей школьного возраста. В 1967 г. Министерство просвещения вынуждено было арендовать малоприспособленные помещения для 2 тыс. средних и 30 тыс. начальных школ. Квалификация учителей в ма-

³ «Краткий отчет всеобщей переписи населения 1956 г.», т. 2, Тегеран, 1961, стр. 46; «Предварительные итоги всеобщей переписи населения 1966 г.», «Бюллетень № 3», Тегеран, 1967, стр. 12 (на перс. яз.). Переписью 1956 г. учитывались грамотные с 10-летнего возраста, а переписью 1966 г.— с семилетнего.

⁴ «Краткий отчет всеобщей переписи населения 1956 г.», т. 2, стр. 5, 46, 47, 48 (на перс. яз.).

⁵ «Предварительные итоги всеобщей переписи населения 1966 г.», «Бюллетень № 3», Тегеран, 1967, стр. 3, 4, 12, 13, 14 (на перс. яз.).

⁶ Мухаммед-Реза шах Пехлеви, Белая революция, Париж, 1967, стр. 115, 116.

леньких городах и деревнях недостаточна. Но, несмотря на все это, сдвиги в деле развития народного образования за последние годы несомненны.

Большое значение имеет организация центров «корпуса здравоохранения» в деревнях, которые раньше были совершенно лишены медицинской помощи. По данным Министерства здравоохранения, приведенным на упоминавшемся уже семинаре января 1968 г., к тому времени в сельской местности Ирана был основан 181 центр «корпуса здравоохранения». В этих центрах, обслуживающих несколько близлежащих деревень, работают врач, фельдшер, аптекарь и медработник по проведению вакцинаций. По официальным иранским данным, в 1967 г. «корпус здравоохранения» обслуживал почти 14 тыс. деревень из общего числа свыше 50 тыс. До января 1968 г. общее число обратившихся за помощью в центры «корпуса здравоохранения» превысило 8 млн. чел. Корпус занимается также медицинской и санитарной пропагандой, строительством бани, колодцев и оздоровлением источников питьевой воды, установкой насосов и т. д. Создание «корпуса здравоохранения»—первый важный шаг на пути обеспечения иранской деревни медицинской помощью.

Создание Корпуса по внедрению современных методов ведения сельского хозяйства также способствует подрыву старых средневековых традиций в сельском хозяйстве. Таким образом, проводимые в последние годы реформы вносят много нового в жизнь иранского общества, особенно в жизнь иранской деревни.

Во время пребывания в Тегеране я побывал в Музее этнографии,—единственном в Иране этнографическом научном учреждении. В небольшом старом, не приспособленном для музея здании размещены историко-этнографические экспозиции различных народов и племен, населяющих Иран. Привлекают внимание искусно воспроизведенные бытовые сцены, дающие наглядное представление о культуре и быте различных народов Ирана в прошлом и настоящем. При музее имеется мастерская, в которой изготавливаются макеты, манекены и т. д. Нынешнее помещение не позволяет должным образом использовать в экспозиции богатые фонды музея. Господин Зияпур — директор музея, сообщил, что в ближайшее время предполагается перевести музей в другое, более просторное помещение. Он выразил надежду, что музей будет возобновлен: выпуск журнала «Мардомшенаси» («Народоведение»), издание которого прекратилось два года назад. В настоящее время сотрудники музея под руководством г-на Зияпура готовят многокрасочное трехтомное издание атласа одежды народов и племен Ирана.

В целом поездка в Иран была весьма полезной и интересной. Удалось собрать ценный материал о современном положении страны, о новых процессах, происходящих в ее экономике и культуре. Поездка способствовала также расширению деловых контактов и сотрудничества между общественными и научными кругами двух соседних стран — СССР и Ирана.

М. С. Иванов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. С. Авербух. *Законы народонаселения докапиталистических формаций*. М., 1967, 208 стр.

Книга М. С. Авербуха представляет собой по существу первую в нашей науке попытку исследовать динамику населения в докапиталистическую эпоху. Она состоит из небольшого введения и трех примерно равных по объему глав, именуемых соответственно: «Основные закономерности народонаселения в первобытном обществе», «Закономерности населения в рабовладельческом обществе» и «К характеристике закона народонаселения феодализма»; в каждой из них автор останавливается на вопросах, связанных с естественным воспроизводством населения, явлениями относительного перенаселения и миграциями. По своей тематике эта работа, несомненно, привлечет внимание широкого круга читателей, в том числе и специалистов — историков и этнографов. Все возрастающий интерес историков и этнографов к проблемам народонаселения, в частности к динамике численности населения, не случаен; он обусловлен необходимостью всестороннего исследования исторического развития общества и отдельных народов, демографического анализа исторических и этнических процессов. Динамика численности населения отдельных стран и народов мира отражает исторически изменяющиеся условия жизни людей, крупные исторические события; с другой стороны, количественный фактор, численность населения сами оказывают немаловажное влияние на особенности исторического развития тех или иных стран и народов мира. К несомненным достоинствам книги относится и то, что автор вводит в научный оборот интересный и к тому же малоизвестный историко-демографический материал.

К сожалению, рецензируемая работа имеет существенные недостатки, которые требуют критического анализа. Необходимость такого анализа обусловлена очень широкой тематикой и методологическим уклоном этой работы, в результате чего она может по ряду важных вопросов не только дезориентировать неискушенного читателя, но и оказать неблагоприятное влияние на ход дальнейших исследований в данной области.

Основной целью автора, как видно из названия всей работы и отдельных глав, является познание законов, которые, по его мнению, определяют динамику населения в каждой общественно-экономической формации, в частности особенности процесса воспроизводства населения, его механического движения и последствий, изменения в составе населения, его материального и культурного уровня и т. п. (стр. 15); центральное место в таком законе занимает связь особенностей процесса производства в каждой формации с особенностями процесса естественного воспроизводства населения, определяющими основные черты всей динамики населения. Уместно, однако, поставить вопрос: а существуют ли такие законы народонаселения, не гонится ли автор за призраками и не получается ли у него вместо анализа объективных законов попытка своего рода законодательства?

Главная методологическая основа автора — ссылка на высказанное К. Марксом положение, что «всякому исторически особому способу производства в действительности свойственные свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения»¹, неэффективна. Установленный самим К. Марксом закон населения для капиталистического общества («... Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»²) показывает, что он имел в виду не всеобъемлющий, как получается у М. С. Авербуха, а лишь экономический закон, выражающий особенности динамики трудящейся части населения в процессе развития данного спо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 646.

² Там же.

соба производства. Что же касается процесса естественного производства населения, характеризуемого, прежде всего, уровнем и соотношением рождаемости и смертности, то его связь с экономическим базисом не следует упрощать. И если показатель смертности действительно имеет довольно тесную связь с особенностями способа производства, то рождаемость, занимающая центральное место в предлагаемых М. С. Авербухом законов населения, определяется очень сложным комплексом причин, значительная часть которых не обнаруживает прямой зависимости от этого способа производства. Имеющийся в настоящее время обширный статистический материал по капиталистическим и социалистическим странам мира показывает, что внутри одной и той же формации и даже внутри отдельных стран могут существовать различные типы естественного воспроизведения, расхождения между которыми нередко бывают значительно больше, чем между странами, относящимися к разным формациям. Поэтому многие советские демографы отказываются от попыток вывести для капиталистической и социалистической формации законы народонаселения, охватывающие особенности его естественного воспроизведения. Несовершенство методологии данного исследования сочетается с его неполнотой в части источников. Книга основана, к сожалению, далеко не на «огромном фактическом материале», как сказано во вводной аннотации издательства. Это особенно относится к зарубежным источникам, из числа которых автором были использованы лишь работы, опубликованные преимущественно в конце XIX — начале XX в., самая «новая» из них вышла в свет в 1935 г. В «подробную», по утверждению той же аннотации, библиографию не попали, например, ни фундаментальный труд польского ученого Л. Кршивецкого «Первобытное общество и показатели его естественного движения»³, ни многие десятки вышедших за последние десятилетия обстоятельных исследований по динамике численности населения стран и народов, стоящих на докапиталистической стадии развития; из числа их уместно назвать работу С. Рассела «Позднеантичное и средневековое население», М. Рейнхарда и А. Арменгода «Общая история населения мира», Ф. Лоримера «Культура и человеческая плодовитость»⁴ и др.

Естественным результатом сочетания несовершенной методологии и скучности материала явилась умозрительность основных выводов автора. Согласно М. С. Авербуху одной из основных черт закона народонаселения первобытнообщинного строя является «низкая» (стр. 24, 27) и даже «весьма низкая» (стр. 59) рождаемость. Эти тезисы направленные в конечном счете на объяснение причины очень медленного прироста населения в первобытнообщинную эпоху, не выдерживают критики. Незначительные темпы прироста в ту эпоху были связаны не с очень низкой рождаемостью, а с очень высокой смертностью, обусловленной слабым развитием производительных сил, большой зависимостью человека от природы и различных случайностей. Первобытные охотники-собиратели умирали от голода и болезней, гибли от стихийных бедствий, в схватках с дикими животными и враждебными племенами. Что же касается рождаемости то ее уровень в то время был, скорее, очень высоким, хотя, вероятно, и не доходил до физиологического максимума. Такая рождаемость, связанная с ранними и по существу обязательными браками, а также незначительным распространением контрацептивных средств, поддерживалась традициями высокой плодовитости, возникшими как естественная защитная реакция человеческих коллективов на существовавшую высокую смертность и прослеживаемыми у подавляющего большинства известных наук племенных обществ⁵. Слабое развитие таких традиций у австралийцев, бушменов, ог неземельцев и других племен, оказавшихся в специфически неблагоприятных природных условиях, более значительное распространение среди них абортов и детоубийств никак нельзя считать законом для всего первобытного общества, как это делает М. С. Авербух. Оставляя без рассмотрения явно неудачные ссылки на низкую плодовитость человекаобразных обезьян (стр. 20) и на «притупление полового чувства» (стр. 21), за метим, что действительная динамика народонаселения в первобытнообщинную эпоху как и в последующие формации, отличалась разнообразием. В благоприятных условиях существования каждое снижение смертности, обусловленное, например, очередным скачком в развитии производительных сил (наиболее важным среди них был по существу обойденный вниманием М. С. Авербуха переход к земледелию), приводило к повышенным темпам естественного прироста, к появлению в некоторых районах мира значительных густок населения, пока эпидемия, война или другое событие не останавливало этот рост.

³ L. K r z y w i c k i , Primitive society and its vital statistics, Warsaw, 1934.

⁴ S. C. R u s s e l l , Late ancient and medieval population. Trans. of the Amer. Philos. Soc., New Series, v. 48, p. 3, Philadelphia, 1958; M. R e i n h a r d , A. A g m e n g a u d , Histoire générale de la population mondiale, Paris, 1961; F. L o r i m e r , Culture and human fertility, UNESCO, Paris, 1954.

⁵ Эти вопросы подробно освещены в нашей статье «Культурно-исторический процесс и динамика численности народов мира», «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1.

Среди других погрешностей главы о первобытном обществе отметим очень схематичную характеристику расселения первобытных людей по территории Земли; по substance она сведена к краткому описанию миграций неандертальцев, которые, как получилось у М. С. Авербуха, появились в Средней и Малой Азии (!?), заселив оттуда остальные области Старого Света (стр. 40—42). Мало обоснована попытка автора объяснить высокую детскую смертность не болезнями, которые якобы влияли на детей не в большей степени, чем на взрослых (стр. 33), а главным образом «отсутствием надлежащего ухода» (стр. 33). Излишне доказывать, что основной причиной очень высокой детской смертности в первобытную, да и в последующие эпохи были именно болезни, сильнее поражавшие еще неокрепший детский, а не взрослый организм, и что «отсутствие надлежащего ухода» являлось лишь одной из причин болезней. Если говорить о собственно детской смертности, под которой понимается смертность детей в возрасте до одного года, то вторая, основная, по мнению автора, причина высокой детской смертности — «недостаточное питание» (стр. 34) — могла бы проявиться только в случае пониженной лактации первобытных женщин и отсутствия традиций длительного грудного вскармливания, чего в действительности, как правило, не было отмечено среди племенных обществ. Недостаточное знакомство автора с обширным этнографическим материалом, имеющим непосредственное отношение к данной теме, приводит к тому, что многие поразительные «этнографические» факты приводятся им без ссылок на источник; это относится, например, к сообщению, будто бы в гавайских семьях убивали всех детей, если число их в семье превышало 2—3 (стр. 36); простой демографический расчет показывает, что в этом случае гавайцы давно бы вымерли. При характеристике тяжелых последствий военных столкновений первобытной эпохи приводятся сведения о войнах римской империи (стр. 41), при описании миграций той же эпохи — переселения граждан Греции и Рима (стр. 51), хотя эти примеры должны быть отнесены совсем к другой эпохе, и т. д.

Нельзя не заметить, что проводимая автором мысль о том, будто бы весь ход естественного воспроизведения населения в первобытном обществе определялся «практикой искусственного предупреждения и прекращения беременности» (стр. 24), широко распространенной практикой убийства всех детей «сверх известной нормы» (стр. 34), несмотря на некоторые оговорки, по существу совпадает с известным положением Мальтуса об извечности практики ограничения роста населения. Справедливо ради отметим, что автор неоднократно пытается спорить с малтузианцами, особенно по вопросу о сущности перенаселения, но делает это не очень умело. Он пишет: «Хотя причиной перенаселения в докапиталистическом обществе было недостаточное развитие производительных сил, темп роста населения не мог обгонять темп роста производительных сил хотя бы потому, что самый рост населения, абсолютным большинством которого всегда являются трудящиеся, означает рост производительных сил» (стр. 54). Совершенно ясно, что понятие «перенаселения» должно соотноситься не с наличием рабочей силы, а со всем процессом производства, для развития которого кроме рабочих рук требуется еще предмет или объект труда: для охотников — дичь, для рыболовов — рыба, для земледельцев — удобная земля и т. п.; явления перенаселения в рассматриваемые М. С. Авербухом эпохи, да и в настоящее время, возникают не из-за нехватки, а чаще всего из-за избытка рабочей силы, из-за скучности предметов труда, неравномерного распределения произведенных товаров.

Кратко останавливаясь на двух других главах работы, отметим, что в целом они производят более благоприятное впечатление; в частности, здесь нет таких неточностей, как в главе о первобытном обществе. К сожалению, в методологическом отношении обе этих главы столь же уязвимы, как и первая. В главе, посвященной рабовладельческой эпохе, в центре внимания автора находится вопрос о воспроизведении рабов, которых он считает «подавляющей массой трудящегося населения» (стр. 105). Приводимый им фактический материал относится главным образом к рабовладельческим государствам Средиземноморья, преимущественно к Греции и Риму, однако далеко не во всех греческих полисах и далеко не во все периоды Древнего Рима рабы по численности и по своему значению в системе общественного производства играли столь решающую роль. К тому же в общем историческом процессе Греция и Рим были не типичным, а скорее исключительным явлением. В подавляющем большинстве других стран мира (Древний Египет, Ассирио-Вавилония, Индия, Китай, раннеклассовые государства Америки и др.) основную массу населения и основную производительную силу составляли не рабы, а юридически свободные общинники, которые, в отличие от рабов, вели сравнительно нормальную семейную жизнь, своевременно вступали в брак, обычно стремились к многодетности и т. п. Естественно, что предложенный для этой эпохи закон «суженного естественного воспроизведения рабов» (стр. 105) мало что дает для понимания особенностей происходившего в то время роста численности населения стран мира и динамики численности отдельных народов.

Довольно абстрактный характер носит и попытка М. С. Авербуха установить закон естественного воспроизведения населения для феодальной эпохи. В центре внимания автора находится воспроизведение крепостного крестьянства, закономерности которого он распространяет на все население феодальной эпохи, разбивая ее на три стадии есте-

ственного воспроизводства, связанные с эволюцией форм феодальной ренты. Для первой стадии, в условиях преобладания отработочной ренты, по мнению автора, была характерна пониженная рождаемость и смертность; для второй, в условиях преобладания ренты продуктами,— повышенные рождаемость и смертность, для третьей, в условиях денежной ренты,— повышенная рождаемость и пониженная смертность (стр. 178). Отличительной чертой роста населения всей феодальной эпохи является, по его мнению, значительно более высокая рождаемость по сравнению с рабовладельческой, а тем более первобытной эпохой. Объясняя причины этого явления, М. С. Авербух пишет: «Объективная необходимость высокой рождаемости превращалась в действительность потому, что в отличие от рабовладельческого общества, в котором раб не мог и не был заинтересован обзаводиться семьей, феодальные производственные отношения по существу благоприятствовали высокой брачности и вызывали непосредственную заинтересованность иметь как можно больше детей. Расходы на содержание детей в эпоху феодализма были небольшие. В основном они сводились к расходам на питание и совершенно незначительным затратам на одежду. Уже с 6—8 лет дети и подростки начинали участвовать в процессе производства материальных благ» (стр. 121).

Погрешности всех этих центральных для данной главы положений достаточно очевидны. Между экономическими отношениями людей, например формой феодальной ренты и типами естественного воспроизводства населения, особенно рождаемостью, нет прямой связи. Ошибочность взгляда на детопроизводство как на лучшую возможность для крепостной брачной пары повысить свое благосостояние путем использования труда своих малолетних детей достаточно очевидна. Высокая рождаемость населения в ту эпоху объясняется, конечно, не этими надуманными мотивами, а преобладанием ранних браков, незначительным распространением предохранительных средств и абортов, решительно осуждавшихся всеми церквями, которые играли в феодальную эпоху особо видную роль; немаловажное значение в этом отношении имели и сохранившиеся традиции многодетности, которые поддерживались патриархальным укладом жизни, а нередко и культом предков. К сожалению, все эти действительно важные причины оставлены автором без внимания.

Таким образом, попытка автора связать уровень рождаемости с особенностями процесса общественного производства каждой из докапиталистических общественно-экономических формаций не удалась; позиция автора была бы менее уязвимой, если бы он сделал акцент не на рождаемость, а на смертность, которая действительно обнаруживает связь с уровнем материального производства, хотя и в этом случае вывод общих демографических законов народонаселения остается проблематичным. Эти разделы могут быть использованы главным образом как интересные сводки историко-демографических материалов, однако и в этом случае следует обращать внимание на их неполноту и некоторую односторонность. Другие разделы работы, в частности разделы по миграциям населения, носят преимущественно описательный характер; они менее уязвимы в методологическом отношении и, хотя менее определяют научную значимость книги, все же представляют большой интерес. В заключение можно только пожелать демографам, историкам, этнографам и другим специалистам дальнейшее исследование этой начатой М. С. Авербухом действительно важной темы, имеющей большое значение не только для изучения истории докапиталистических формаций, но и для познания важнейших современных проблем народонаселения в странах, еще сохраняющих многие элементы этих формаций.

В. И. Козлов

Разложение родового строя и формирование классового общества. Под редакцией А. И. Першица. М., 1968. 355 стр.

Вопросы, связанные с разложением первобытнообщинного строя и становлением классового общества, продолжают оставаться актуальными для исторической науки и ее различных дисциплин. Многие из них, например, такие, как проблема ранних форм эксплуатации, соотношение социальной дифференциации и имущественного неравенства в разлагающихся первобытных обществах, пути и этапы разложения первобытной общины, характер раннеклассовых обществ и многие другие являются дискуссионными среди ученых марксистского направления и, учитывая всю их сложность и ограниченность имеющегося материала, вероятно, еще долго будут оставаться таковыми.

Поэтому можно только приветствовать выход в свет сборника, специально посвященного этим проблемам. Особенно приятно, что тем самым продолжается традиция

издания Институтом этнографии АН СССР материалов и исследований по истории первобытного общества¹.

Рецензируемый сборник состоит из шести статей, написанных различными авторами, взгляды которых не всегда схожи. Это делает его еще более интересным.

Работа Ю. П. Аверкиевой «Род и община у алgonкинов и атапасков американского Севера» и по объему, и по полноте собранного и использованного фактического материала, и по значимости и актуальности самой темы является скорее не статьей, а монографическим исследованием. В ней разбирается большая и важная проблема о характере родового строя у названных групп индейцев и его разложения, вследствие перехода их к промыслу товарной пушинки в условиях капитализма. При этом тщательно прослеживается история каждой группы племен от начала колониального периода до наших дней.

В результате автору удалось показать ошибочность взглядов тех американских и канадских исследователей, которые считают изначально существующими социальные отношения, возникшие у индейцев после соприкосновения их с капиталистическим обществом, и с этой точки зрения ее работа имеет не только познавательное, но и большое теоретическое значение.

Ю. П. Аверкиева выявляет и прослеживает смену материнско-родовых отношений у северных алгонкинов и атапасков непосредственно сельской общиной, без перехода к отцовскому роду. Тщательно прослеживается история торговых сношений индейцев с европейцами, что необходимо для правильного понимания первоначального разложения у них традиционной экономики и общественных институтов. Меньше места, чем хотелось бы, уделено их первоначальной племенной организации, однако это, вероятно, связано с характером использованного материала.

Для историка первобытного общества очень важны приводимые автором сведения о потлаче, «празднике мертвых», какимах, тайных обществах и т. п. у описываемых групп индейцев. Еще больший интерес представляют сведения, сообщаемые о различных видах соседской общины, в том числе ранней, сочетающей связи по родству и соседству. Последнюю некоторые советские исследователи склонны выделять в самостоятельный тип, называя ее то семейно-гентильной, то семейно-родовой, то соседско-большесемейной. Данные, собранные Ю. П. Аверкиевой, дают дополнительный материал для дискуссии.

В статье Л. А. Файнберга «Первобытнообщинные отношения и их разложение у полярных эскимосов Гренландии» дается детальное описание этой изолированной группы самых северных коренных обитателей земного шара, представляющих немалый интерес для этнографа. Интерес этот вызывается тем, что до самого рубежа XX века они продолжали жить первобытнообщинным строем — этот вывод автора представляется вполне убедительным, — но родовые отношения у них, как и у других групп эскимосов, разложились. Значительный интерес представляет трактовка Л. А. Файнбергом стойбища полярных эскимосов, как такой первобытной общины, «в которой тесно переплетались связи по родству и по соседству» (стр. 177).

Это поднимает целый ряд еще не решенных теоретических вопросов. Принято считать, что утрата экзогамии и переход к рано развившимся соседским отношениям является одним из путей разложения первобытного общества. Это, пожалуй, верно относительно полинезийцев, но как быть с эскимосами, особенно теми, которых описал Л. А. Файнберг, или с индейцами Амазонки? Нельзя ли предположить, что в особых случаях (расселение, неблагоприятные географические условия и т. д.) род мог разлагаться, но первобытные коллективистские отношения сохранялись.

Очень интересны также приводимые автором сведения о разложении первобытного колlettivизма у полярных эскимосов в XX в., в частности о роли, которую сыграло в этом неравенство во владении европейскими орудиями. В описании контактов полярных эскимосов с капиталистической цивилизацией автор строго следует фактам, не ограничиваясь общими рассуждениями.

Несомненно, большой интерес вызовет статья М. В. Крюкова «Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики)», хотя в значительной мере она повторяет другие работы автора, в том числе соответствующие разделы монографии «Формы социальной организации древних китайцев» (М., 1967). Широкое использование в ней древнекитайских источников и китайской исторической литературы, малодоступных для неспециалиста, делает ее особенно привлекательной.

По мнению автора, в чжоуском Китае существовала иерархическая структура социальных рангов, определяемая отношениями генеалогического родства и в свою очередь определяющая имущественное и социальное положение индивида. Само чжоуское общество, а также иньское и ряд аналогичных им, он рассматривает «как этап

¹ Ранее вышли: «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIV, М., 1951; «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960. См. также «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967.

перехода от первичной, доклассовой формации ко вторичной, классовой, охватывающей несколько исторически последовательных антагонистических способов производства» (стр. 249). Тем самым М. В. Крюков примыкает к сторонникам той точки зрения, по которой эпоха превращения родового общества в классовое представляет не заключительный этап первобытнообщинного строя, а особый исторический период, не принаследлежащий ни к первобытному, ни к классовому обществу.

Мне представляется более убедительной широко принятая точка зрения, рассматривающая эпоху разложения первобытного коллективизма, которую, вероятно, лучше всего наименовать эпохой классообразования, как последний, заключительный, но вместе с тем органический этап истории первобытного общества. Как справедливо отмечается в опубликованной в этом же сборнике статье А. И. Першица, любое переходное общество всегда многоукладно, но один из укладов обязательно преобладает, и, в зависимости от этого, мы можем считать такое общество или разлагающимся первобытным, или классовым. Другое дело, что определить ведущий уклад в данном конкретном обществе зачастую бывает не легко.

М. В. Крюков убедительно показал специфические черты чжоуского общества. Но из того, что ранги и сословия не всегда совпадают с классами, еще не вытекает, что последних не было вовсе. Ведь сам М. В. Крюков неоднократно отмечает, что старший сын всегда наследует положение отца, а следовательно, и его права на долю прибавочного продукта. Принцип первородства встречается и в рабовладельческих и в феодальных обществах. Разумеется, классы в эпоху Чжоу предстают еще не окончательно сформировавшимися, но вряд ли можно говорить об их полном отсутствии. В связи с этим жаль, что полностью обойден вопрос о политической организации Чжоу.

В статье Ю. И. Семенова «Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации» развиваются уже ранее высказанные автором взгляды о существовании в формирующихся классовых и раннеклассовых обществах особой, не сводящейся ни к рабству, ни к феодализму, ни к наемному труду формы эксплуатации — кабальной, которая представляет собой органическое слияние экономической и личной зависимости человека, работающего в собственном хозяйстве эксплуататора. В защиту своих положений автор приводит большой фактический материал из истории раннеклассовых обществ или обществ, находящихся в процессе классообразования. Однако трактовка этого материала представляется не всегда убедительной.

Малоубедительно, например, объяснение колоната как такой разновидности кабалы, при которой «самостоятельное хозяйство» колона является лишь «технической ячейкой хозяйства эксплуататора». Польские и южнорусские помещики зачастую сами вели крупную экспортную торговлю хлебом. При этом отмечены такие крайние формы феодальной эксплуатации, как месячина, когда крепостного лишали собственного хозяйства и заставляли работать на помещичьем за натуральный паек. И все же мы говорим, и справедливо, об одной из форм феодальной, а не кабальной эксплуатации.

Главным недостатком аргументации автора, на мой взгляд, является то, что она носит скорее формально-юридический, чем сравнительно-исторический характер. До тех пор, пока мы не получим четкого ответа, когда и при каких обстоятельствах в недрах разлагающегося первобытнообщинного строя возникает кабала и какие факторы способствуют ее сохранению или, наоборот, исчезновению, вряд ли его взгляды встретят широкую поддержку.

Однако сделанные замечания ни в коей мере не могут умалить заслуги Ю. И. Семенова, смело ставящего спорные и нерешенные проблемы, и тем самым дающего толчок дискуссии, которая может оказаться весьма полезной.

Перу Т. Д. Златковской, уже давно и плодотворно исследующей историю древней Фракии, принадлежит статья «Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен». Для решения этой проблемы привлечен весьма необычный материал — нумизматический, обработка которого проведена автором с большой тщательностью, а сделанные на его основании выводы вполне убедительны. Любопытная особенность южнофракийских племен — появление монетной чеканки еще до возникновения государства, очевидно, в результате тесных контактов, в частности торговли, с греческими полисами. Поэтому статья вводит в научный оборот интересный материал, ярко иллюстрирующий влияние классового общества на первобытную периферию.

Не вызывает возражений и конечный вывод автора о том, что становление классового общества во Фракии обладало целым рядом особенностей и привело к тому, что басилевс, первоначально бывший племенным вождем, постепенно становился царем, сосредоточившим в своих руках всю полноту власти.

Некоторые сомнения вызывает только слишком прямолинейное отношение к гомеровскому эпосу, как к историческому источнику (за исключением «Долонии» — ее анализ возражений не вызывает). В последнее время все больше сторонников приобретает та точка зрения, по которой эпос сложился в основном еще в ахейское время. Это означает, что действительные социальные отношения подверглись в нем значительной архаизации и идеализации. Поэтому реконструировать их по данным Гомера

следует не с меньшей осторожностью, чем общественный строй Киевской Руси по данным былин владимирского цикла.

В нашей литературе довольно часты ссылки на туарегов. Особый интерес вызывает их общественный строй и материнский счет родства. Между тем, ни одной работы, специально посвященной этим кочевникам в советской этнографической литературе до сих пор не было. Статья А. И. Першица «Общественный строй туарегов Сахары в XIX веке», в которой дается детальная характеристика одной из наименее изученных групп туарегов, частично восполняет этот пробел.

Автор приходит к выводу, что туареги Сахары представляли собой в XIX веке раннеклассовое многоукладное общество, в котором ведущими были формирующиеся феодальные отношения. А. И. Першиц считает, что при сильно развитом рабовладельческом укладе преобладающими все же были феодальные отношения, и его аргументация кажется вполне убедительной. Очень интересна гипотеза о связи сословного деления туарегского общества с последствиями хозяйственной специализации различных групп кочевников. Жаль только, что мало затронут вопрос о причинах крайней неразвитости политической организации туарегов, хотя можно согласиться с автором, что она представляла собой государство, но в самой неразвитой форме. Туарегский материал позволяет поставить вопрос, не является ли существование в обществе сильной сословно-кастовой стратификации тормозящим фактором в оформлении государственных институтов.

Наряду с туарегами, примером такого запаздывания могли бы служить микронации и народность ицзу в Китае.

Хочется также обратить внимание на весьма оригинальное объяснение причин туарегского мatriархата, столь необычного для кочевников. А. И. Першиц допускает возможность, что позднематриархальные отношения туарегов не были естественным продуктом развития кочевого общества, а сложились в среде оседлого населения, впоследствии перешедшего кnomадизму. При нынешнем уровне наших знаний это представляется весьма убедительным, более того, открывает возможность объяснить мatriархат, в виде исключения встречающийся и у других кочевых народов. Как известно, исторические сарматы, у которых позднематриархальные отношения засвидетельствованы письменными источниками и данными археологии, по современным взглядам происходят от оседлых земледельцев-скотоводов андроновской и срубной культур.

В заключение принято давать общую оценку. Уже из рассмотрения отдельных статей сборника явствует, что она может быть только самой высокой. Все статьи являются ценными в научном отношении, вводят в оборот большой фактический материал, смело ставят новые проблемы, и по-новому подходят к старым, зачастую казалось бы уже решенным. Сборник в целом, безусловно, окажется полезным не одним историкам первобытного общества, а представителям самых различных гуманитарных дисциплин. Хотелось бы только, чтобы следующего подобного издания Института Этнографии не пришлось ждать так долго.

А. М. Хазанов

НАРОДЫ СССР

Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани.
М., 1967, 356 стр.

Этнографическая наука обогатилась новым ценным исследованием, посвященным истории, быту и культуре населения Кубани. Кубань — не斯特рый в этническом отношении район. Здесь живут потомки русских и украинских казаков, поселенных царским правительством в конце XVIII — начале XIX в. для охраны вновь присоединенных к России земель, беглых и вольных крестьян, приходивших сюда на всем протяжении XIX в. из различных областей России и образовавших на Кубани особую социальную группу «иногородних». В советские годы в состав жителей Кубани влились переселенцы с Урала, северных, центральных и южных областей Европейской части РСФСР и Украины. Разнородность национального, сословного и классового состава населения способствовала формированию на Кубани культурно-бытовых особенностей, характерных для различных этнических групп. Традиционный уклад кубанского казачества и других групп населения устойчиво сохранялся вплоть до установления на Кубани Советской власти.

Специальных работ по этнографии Кубани по существу нет. Рецензируемая монография является первым обобщающим трудом, дающим весьма полную характеристику культуры и быта населения кубанских станиц. В ее создании принял участие коллектив ученых Москвы и Краснодара. Книга написана на основе многолетних этнографи-

ческих исследований, проводившихся с применением как маршрутного, рекогносцировочного, так и длительного стационарного методов. В работе использованы данные специального анкетирования, воспоминания станичников, личные наблюдения, статистические материалы, архивные документы, разнообразная литература. Такой широкий круг источников делает монографию содержательной, интересной, а ее выводы — убедительными.

Исследования этнических и культурно-бытовых процессов имеют большое значение в решении актуальных задач коммунистического строительства. В Директиве XXIII съезда КПСС указано на необходимость предусмотреть мероприятия по дальнейшему сближению уровня жизни сельского и городского населения, преодолев социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней. Эта проблема рассматривается авторами в широком историческом плане. Специальная глава посвящена истории заселения края в целом и некоторых станиц (автор Л. Н. Чижикова). Приводятся интересные демографические данные по отдельным периодам. Особое внимание уделено сближению русских и украинцев. Автор справедливо отмечает, что в условиях социалистического строительства процессы сближения культурно-бытовые взаимовлияния между различными группами русского и украинского населения приобрели качественно новые черты, обусловленные социально-экономическими преобразованиями и проведением в жизнь ленинской национальной политики. Этот тезис убедительно доказывается во всех последующих разделах работ.

Основное место в монографии отведено характеристике современной многообразной жизни кубанских станиц. Однако каждой главе предписан весьма обстоятельный анализ традиционной культуры. В главе «Занятия населения» (автор Л. Н. Чижикова), например, дается представление о характере землевладения и землепользования в прошлом, описываются сельскохозяйственная техника, ремесла и промыслы. Отмечены общие черты в традиционной сельскохозяйственной технике Кубани и украинских и южнорусских областей, что, по мнению автора, обусловлено не только этническим связями, но и сходством природных условий.

Большой фактический материал, содержащий и обширные статистические данные, использован в разделе о современном колхозном производстве. Автор характеризует первые простейшие сельскохозяйственные артели, их состав, техническую оснащенность, показывает трудности колхозного строительства и прослеживает постепенное превращение колхозов в крупные многоотраслевые хозяйства. Приведенные цифровые данные характеризующие высокий современный уровень сельскохозяйственного производства, условия труда колхозников, удачно подкреплены конкретными примерами из жизни отдельных колхозов, бригад, звеньев и даже отдельных специалистов сельского хозяйства. Это дало возможность показать конкретные пути и закономерности развития современных крупных коллективных хозяйств. Очень важной является постановка ряда проблем: правильного использования трудовых ресурсов на протяжении всего года, необходимости развития в колхозах промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, усиления связи сельского хозяйства с находящимися поблизости промышленными предприятиями. Постановка этих проблем — следствие этнографического наблюдения авторов за всем годовым циклом сельскохозяйственных работ. Однако необходимы, на наш взгляд, специальные исследования, на основе которых можно было бы дать конкретные рекомендации отдельным колхозам, как наиболее целесообразно использовать рабочую силу. Возможно, такие исследования помогут выявить общие закономерности в использовании трудовых ресурсов на селе в течение круглогодового. Этой проблематике до настоящего времени не уделяется, к сожалению, должного внимания.

Книга дает довольно полное представление о поселениях и жилищах на Кубани. В посвященной этому вопросу главе (автор Л. Н. Чижикова) вначале описываются традиционные поселения и жилища, прослеживается постепенное формирование характерных для Кубани типов поселений, их размещение на местности, особенности планировок. Жилые и хозяйствственные постройки рассматриваются с учетом сословной и классовой дифференциации, подчеркивается влияние экономического уровня казачьего хозяйства на качество, размеры и число жилых и хозяйственных построек. Развитие капитализма в России, расширение торговых и экономических связей отразилось на всех сторонах жизни дореволюционной деревни. Большое влияние оно оказало на поселения и жилища. В главе показано изменение планов жилищ, выделение дополнительных комнат и т. п., однако не выявлено резкое различие (по наружному виду, внутренней отделке, размерам) между домами кулаков и бедняков.

Из приведенного в главе описания надворных построек остается неясным, существовал ли на Кубани традиционный тип связи дома с надворными постройками. На стр. 105 говорится, что внутри усадьбы каждый хозяин ставил дом и дворовые постройки по своему усмотрению, а на стр. 120 — о наличии открытого типа двора. Но ведь при открытом типе двора надворные постройки также располагаются по-

¹ «Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг.», М., 1966, стр. 10.

определенному плану. Как известно, население Кубани в основном сложилось на протяжении XIX в. Поселенцы наряду с другими традиционными элементами культуры (о чем сказано в работе весьма обстоятельно) несомненно приносили и традиционные формы связи дома с надворными постройками, которые в это время господствовали в южнорусских и центральных губерниях и на Украине. Чем объяснить, что формы связи, этот один из устойчивых, на наш взгляд, элементов традиционной культуры, не сохранились на Кубани, тем более, что природные условия были здесь примерно те же, что и на Украине?

В разделе «Сельские поселения и жилища в советское время» показаны изменения, которым они подверглись за годы Советской власти, и некоторые пути их дальнейшего развития. Раздел написан очень интересно и несомненно окажет большую помощь архитектурным и планирующим организациям в проектировании поселений и жилищ на Кубани. К сожалению, характеристика поселений дана в отрыве от их административной и производственной значимости. Конечно, Кубань имеет ряд особенностей по сравнению с другими районами Советского Союза, тем не менее общие закономерности в развитии сельских поселений существуют. Во всех ли станицах, например, целесообразно строить дворцы культуры и комбинации бытового обслуживания? Может быть, целесообразнее построить хорошие дороги от крупных станиц к более мелким поселениям? При современном решении проблемы об укрупнении сельских поселений учитывается вопрос и о приближении поселений к местам непосредственной производственной деятельности населения. Требование укрупнения всех населенных пунктов независимо от их функциональной структуры не может считаться правильным. В целом раздел о поселениях и жилищах дает возможность наглядно представить не только современное сельское жилище на Кубани, но и пути его изменения в недалеком будущем. Изложенный материал свидетельствует о происходящем в настоящее время процессе сближения сельского жилища с городским.

В главе «Одежда» (автор Н. А. Дворникова) дается описание всего комплекса одежды различных сословных групп кубанского казачества, показывается, как в результате взаимодействия русской и украинской культуры, в сходных социально-экономических и природных условиях складывались в одежде общие черты, характерные для значительной части населения Кубани. Большое внимание удалено изменениям, произошедшим в одежде за годы Советской власти и приведшим к постепенному стиранию локальных различий, существовавших в прошлом, к формированию одежды современного, общесоветского, городского образца.

В главе «Семья и семейный быт» (авторы Л. Н. Чижикова, М. С. Кашиба) анализируются особенности развития семьи на Кубани в дореволюционные годы, внутрисемейные отношения, прослеживается влияние различных по происхождению традиций. Авторы отмечают, что в быту большой казачьей семьи были распространены домостроевые, патриархальные нравы и обычаи, характерные для большой семьи Центральной России, а также некоторые обычаи, возникшие в связи с сословной обособленностью кубанского казачества. Значительная часть главы посвящена изменению семейного быта после Великой Октябрьской социалистической революции. Анализируя состав и численность современной семьи, авторы приходят к выводу, что сравнительно небольшой размер ее объясняется, с одной стороны, усилившимся за последние годы процессом дробления семей, а с другой — уменьшением числа детей, что, в свою очередь, связано со стремлением женщин не ограничивать себя рамками семьи, принимать активное участие в общественной, производственной и культурной жизни села. Причины разделов многих семей авторы вполне обоснованно видят в стремлении молодежи к самостоятельности, наличии у нее более передовых, по сравнению с основной массой людей старшего поколения, взглядов, культурных запросов. Вместе с тем вряд ли правилен тезис о том, что «в последние годы построение нового дома не вызывает значительных затруднений, а следовательно, отпада еще одна причина, сдерживающая выделение молодых семей в самостоятельные хозяйства». В действительности постройка нового дома всегда связана со значительными трудностями, и не только материальными, лишая на длительный срок возможности приобретать такие вещи, как мотоциклы, телевизоры, дорогую одежду и пр. Постройка дома отнимает почти все свободное время, отрицательно сказывается на участии молодежи в общественной жизни, спорте, художественной самодеятельности и др. Поэтому молодежь предпочитает жить в колхозных квартирах, а при отсутствии такой возможности иногда и уезжает из села. Если Кубань в этом отношении представляет исключение, это следовало бы подтвердить конкретным статистическим материалом.

В главе дана яркая картина того, как в наши дни изменяются на селе традиционные устои старинного семейного уклада, понятие главы семьи, утверждается равноправное положение всех ее членов. Теперь основой семейных отношений становится любовь и взаимное уважение. Этнографические наблюдения показали, как изменилось положение невестки, ее отношения со свекровью, положение мужа в доме родителей жены. Авторы справедливо утверждают, что в наши дни совместная жизнь зятя в доме родителей жены ничего не имеет общего со старинным примачеством, которое считалось позорным для мужчины. Все эти процессы, прослеженные на Кубани, ха-

рактерны и для многих других районов нашей страны. Это дает возможность говорить об общих закономерностях развития современной семьи. Указывая на коренные изменения, которые произошли в семье и семейном укладе кубанских казаков, авторы говорят и о сохранившихся еще в семейном быту вредных пережиточных явлениях. В главе анализируются причины их сохранения и показываются некоторые пути устранения.

В разделе о современных семейных обрядах дается подробное описание свадьбы, прослеживается, из каких частей состоит современная свадьба, что из старинного свадебного ритуала сохраняется. К сожалению, авторы не касаются вопроса о дальнейшем развитии свадебного обряда.

В главе «Общественная и культурная жизнь» (автор М. С. Кашуба) вначале рассматриваются многие стороны дореволюционной жизни кубанских станиц. Здесь найдем описание и деятельности казацкой общины и станичных сборов; различных игр и празднеств; общесельских обычаяев и традиций. Автор характеризует состояние народного образования, существовавшие типы учебных заведений и возможность получения в них образования различными сословными группами; рассказывает о слабом медицинском обслуживании в прошлом, почти полном отсутствии специальных помещений для больниц и медицинских пунктов, широком распространении знахарства и различных народных методов лечения.

Значительное место в монографии отведено развитию революционного движения на Кубани, где борьба за разрешение аграрного вопроса переплеталась со стремлением уничтожить существовавшие сословные привилегии и ограничения. Специальный раздел главы посвящен изменениям в общественной и культурной жизни кубанской деревни в результате победы Октябрьской революции, борьбе за преобразование старого быта и его социальных институтов, преобразованиям в общественном сознании, процессу становления и развития новых советских форм общественной жизни. М. С. Кашуба показывает, как кубанское казачество постепенно вовлекалось в сферу активной политической и общественной жизни всей страны. Большую роль в революционном преобразовании общественного сознания колхозного крестьянства, в становлении социалистических общественных отношений, в утверждении социалистической идеологии сыграла культурная революция. Она привела к росту культурного уровня всего сельского населения, к расширению его духовных интересов, заложила прочные основы для формирования человека будущего коммунистического общества. Все это в книге показано на большем фактическом материале и иллюстрировано интересными и убедительными примерами. Основное внимание в главе удалено рассмотрению общественной и культурной жизни сельского населения Кубани в период строительства коммунистического общества. Приведены данные о широком и активном участии колхозников в работе Советов депутатов трудящихся, добровольных дружин, товарищеских судов и других организаций. На конкретных примерах показаны успехи народного образования, медицинского и культурно-бытового обслуживания. Современная жизнь кубанских станиц мало чем отличается от жизни города. Здесь и благоустроенные дворцы культуры, стадионы, музеи, читальные залы. В станицах выступают коллективы художественной самодеятельности, проходят спортивные соревнования, читаются лекции, организуются диспуты, тематические вечера и т. п. Приводимые в главе высказывания отдельных колхозников о своем отношении к тем или иным мероприятиям делают выводы автора, оценку того или иного явления более конкретными. Важно также и то, что общие цифровые показатели часто подкрепляются отдельными примерами с указанием фамилий колхозников и других специалистов сельского хозяйства. Многим новым явлениям в жизни сельского населения Кубани в работе дается количественная оценка, например, сообщаются данные (по району и колхозам) об обеспечении учащихся высших и средних специальных учебных заведений колхозными стипендиями. К сожалению, автор иногда отступает от этого правила. Так, в работе говорится, что среди тружеников села есть и посланцы городской молодежи. В качестве примера названа Т. Олейникова, которая приехала из города для работы в колхоз, но один пример не дает представления о распространенности данного явления и о перспективах его дальнейшего развития. Следовало бы дать количественную оценку и тому, как часто посещают колхозники университеты культуры и, особенно, обсуждают в бригадах и звеньях увиденное и услышанное. Специальный раздел главы посвящен характеристике современных праздников и новых обычаяев. Читатель знакомится с празднованием на Кубани Дня урожая, Нового года, Первого мая и др.

В главе «Народное поэтическое творчество» (авторы С. И. Дмитриева и Е. Ф. Тарасенкова) исследуется песенный репертуар. Отмечается, что постепенное изменение общерусских и общеукраинских песен на Кубани было связано с взаимодействием различных песенных культур, переводом песен на другие языки, влиянием местной природы, быта населения, исторических факторов и пр. Все это способствовало формированию в фольклоре ряда общекубанских или общеказачьих черт. Подробно характеризуется современное народное творчество, в котором наряду с общесоветскими элементами сохраняются некоторые своеобразные черты, связанные с этническими традициями и историей края.

Изложенный в монографии материал имеет большое теоретическое и практическое значение. Он дает представление о развитии различных сторон материального быта, семейных и общественных отношений на протяжении трех общественно-экономических формаций, показывает направленность процессов развития материальной и духовной культуры населения Кубани в настоящее время. Сообщаемые авторами данные, несомненно, окажут практическую помощь. Они могут быть использованы при проектировании новых типов жилищ и планировании поселений, создании новой гражданской обрядности, организации на селе различных форм культурно-массового обслуживания населения. Знание изложенного в работе материала поможет партийным советским и общественным организациям усилить борьбу против бытующих еще на селе вредных пережиточных явлений. Книга «Кубанские станицы» хорошо иллюстрирована. Приводимые в тексте отлично выполненные фотографии и рисунки дают наглядное представление о старинных сельскохозяйственных орудиях, планировке сельских поселений, жилищ, типах жилых домов, видах обуви, покроев одежды и пр. Фотографии удачно подобраны в значительной степени дополняют текстовой материал. Таблицы, в которых сведен многочисленный цифровой материал, дают количественную характеристику того или иного явления. Досадно отсутствие географической карты, а также цветных фотографий, которые сделали бы книгу более красочной и наглядной. К сожалению, издатели часто забывают о специфике этнографических изданий. Ведь культура любого народа очень разнообразна, красочна, и этнографы, рассказывая о ней, обязаны показать ее читателям такой, какой создал ее народ за длительный период своей истории.

В целом выход в свет книги «Кубанские станицы» — большой вклад в этнографическую науку. Она будет встречена с большим интересом не только специалистами-этнографами, социологами, историками, краеведами, но и массовым читателем.

Е. П. Бусыгин

Г. П. Зиневич. *Очерки палеоантропологии Украины*. Киев, 1967, 224 стр., 14 фототаблиц.

Антрапология Украины и, в частности, изучение антропологических особенностей древнего населения Украины имеют давние традиции и ведут свое начало еще с известных работ К. Бера и И. Коперницкого, вышедших в 1860-х годах. Таким образом, история антропологических исследований на Украине насчитывает свыше ста лет, которые были заполнены сбором палеоантропологических и остеологических материалов, описанием этих материалов в многочисленных публикациях, использованием их для выяснения происхождения древнейшего прошлого украинского народа. На этом поприще трудились такие известные исследователи, как А. П. Богданов, Ю. Д. Талько-Гринцевич, Ф. К. Волков, и хотя их работы устарели как в методическом, так и в методологическом отношении, они составляют в настоящее время многоплановый фон для изучения антропологии украинского народа и палеоантропологии Украины. К сожалению, последнее пришлось начать после длительного перерыва, во время которого на Украине не существовало, как известно, сколько-нибудь систематически работавшего антропологического центра и вся работа в этой области проводилась силами в основном московских работников. В этом отношении рецензируемая книга является первым монографическим исследованием палеоантропологии Украины в целом.

Прежде всего, несколько слов о тех материалах, которые использовал автор. Все материалы, собранные и хранившиеся в музеях Украины до войны, погибли вследствие варварских действий немецких оккупантов. Поэтому все, что мы имеем в настоящее время, — результат работы украинских археологов за последние 15—20 лет. Широкий масштаб раскопок обусловил обилие и разнообразие палеоантропологических данных, которые могли быть использованы Г. П. Зиневич. В общей сложности количество изученных черепов превышает 300 экземпляров, и они охватывают обширный период времени, происходя из погребений от неолита до позднего средневековья. Разумеется, при таких хронологических рамках не все эпохи представлены равномерно. Так, не очень многочисленны материалы по эпохе бронзы, маловато данных по скифско-сарматскому времени. Г. П. Зиневич старается разумно восполнить эти пробелы, не столько привлекая для сравнения, но и вводя в анализ все сколько-нибудь значительные краниологические серии, описанные другими исследователями. Ею использованы данные М. С. Великановой, И. И. Гохмана, Г. Ф. Дебеца, Т. С. Кондуктовой, К. Ф. Соколовой, Т. С. Суриной и других специалистов, работавших в области палеоантропологии Украины. Использование их данных, сопоставление с оригинальными материалами автора, сведение в единое целое позволили Г. П. Зиневич критически отнестись к высказанным гипотезам и дать их подробный разбор. Все это

обусловило полноту фактических данных, использованных Г. П. Зиневич, и дает возможность считать ее работу фундаментальной сводкой по палеоантропологии Украины.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что труд, затраченный на составление такой сводки, выразился не только в измерении краинологических серий и подборе литературных данных. Палеоантропологический материал, как правило, попадает в руки антропологов в крайне фрагментированном и мало пригодном для исследования виде. Нужны большие затраты времени и труда, нужны терпение и тщательность, чтобы с помощью внимательной, часто скрупулезной реставрации довести материал до такого состояния, в котором он был бы пригоден для научного исследования. Зоологи, обрабатывающие остеологический материал из археологических раскопок, лучше, чем представители любых других специальностей знают, какую бездну труда, а иногда подлинной творческой изобретательности требует реставрация черепа какого-нибудь грызуна из большого количества фрагментов. Черепа людей не составляют исключение. В этом отношении краинологические коллекции отдела антропологии Института искусствознания, фольклора и этнографии Академии наук УССР, послужившие материалом для работы Г. П. Зиневич и осмотренные рецензентом, производят благоприятное впечатление.

Возможности использования любых данных определяются не только качеством их самих но и степенью той полноты, с которой они представлены вниманию читателей. По отношению к палеоантропологическим данным соблюдение последнего условия особенно важно, так как современный уровень палеоантропологической методики оставляет место для некоторой субъективности в выборе приемов исследования. Применение иных приемов исследования к уже описанному материалу по сравнению с авторскими приемами оказывается, однако, возможным только в том случае, если описание произведено всесторонне и тщательно. В работе Г. П. Зиневич содержится большое количество табличных данных — индивидуальные измерения, таблицы средних величин с характеризующими их параметрами изменчивости, вспомогательные таблицы, а также различные графики, обводы и графики отдельных черепов, — одним словом, вся та необходимая совокупность сведений, которая требуется, чтобы в случае надобности оценить материал с иных позиций по сравнению с авторскими. Эти данные могут быть дополнены подробными морфологическими описаниями исследованных черепов, в частности черепа неолитической эпохи бронзы описаны индивидуально.

Собранный материал использован для решения проблем как исторического, так и морфологического порядка. Последнее обстоятельство выявляется, прежде всего, во внимании, которое уделяется одной из основных морфологических проблем, решаемой на палеоантропологическом материале, — проблеме изменения признаков во времени. Пути изменений признаков во времени прослеживаются в основном на палеоантропологических материалах, и последние являются мощным инструментом для анализа этих изменений, хотя для выявления причин временных изменений требуется, очевидно, привлечение общеморфологических фактов и соображений. Г. П. Зиневич тщательно проследила временную динамику признаков на территории Украины, чем и внесла существенный вклад в изучение этого вопроса по отношению к древнему населению Советского Союза вообще. Сделанный ею вывод о грацилизации населения более поздних эпох, по сравнению с более ранними, выглядит вполне обоснованным и позволяет расширить список тех территорий, где этот процесс фиксируется достаточно отчетливо.

Из исторических вопросов, затронутых Г. П. Зиневич, следует особо отметить происхождение неолитического населения, увязку его с антропологическими особенностями населения окружающих территорий, отсутствие ощущимой генетической преемственности скифского и сарматского населения Украины, попытку сопоставить антропологический тип населения салтово-маяцкой культуры с волжскими булгарами и т. д. При историческом истолковании результатов антропологического анализа Г. П. Зиневич широко привлекает археологические и даже исторические данные, и, как представляется рецензенту, достаточно умело объединяют их в единую историческую картину. Это не означает, конечно, что можно согласиться со всеми выводами работы. Некоторые из них носят дискуссионный характер. Так, например, Г. П. Зиневич пишет о примеси в составе населения днепро-донецкой культуры типов южного происхождения. Категорически отрицать этого нельзя, но и доказать трудно. И. И. Гохман, недавно издавший книгу, специально посвященную антропологическим типам Украины в эпохи мезолита и неолита, отчетливо показал отличие надпорожско-приазовского (по его терминологии) или вовнигского (по терминологии Г. П. Зиневич) антропологического варианта от синхронных серий Северной Африки, на которые ссылается Г. П. Зиневич, по ширине носа — признаку, имеющему существенное расодиагностическое значение. Таким образом, трудно утверждать менее демонстративные аналогии антропологическим особенностям неолитического населения на севере по сравнению с югом. Однако нужно сразу же подчеркнуть, что дискуссия, которая может быть развернута по этому вопросу, отражает не слабость аргументации автора, а состояние

самых данных по этому вопросу, находящихся в настоящее время в нашем распоряжении.

Другой спорный момент — отрицание монголоидной примеси у древнего населения Восточной Европы. Г. П. Зиневич абсолютно права, делая такой вывод по отношению к рассмотренным ею сериям с территории Украины, но, по-видимому, переоценивает возможности этого материала, экстраполируя итоги его анализа на территорию всей Восточной Европы в целом. Сопоставление средних по назомалярному углу горизонтальной профилировки, на котором она основывается при этой экстраполяции, производилось неоднократно. Однако, если опираться только на него, то за пределами рассмотрения остаются другие важные для обсуждаемой темы моменты — характер межгрупповой корреляции признаков, закономерности их географического распространения и т. д. Отмечу также, что Г. П. Зиневич, выделяя типы внутри исследованных групп, пользуется данными только черепной морфологии и почти не использует статистических приемов выделения элементов в смешанных популяциях — коэффициентов корреляции, полигонов изменчивости, оценок вариабельности признаков и т. д. Есть в книге и недостатки оформления — разная нумерация краинометрических и остеометрических таблиц, выделение в фототаблицах специальным шрифтом заголовка части, посвященной неолитическим черепам, в результате чего он превратился в общий заголовок всего фотоальбома, некоторое количество цифровых ошибок.

Перечисленные недостатки представляются малозначительными по сравнению с той существенной информацией, которую вносит рецензируемая книга в наши знания об истории антропологических типов Украины и Восточной Европы в целом. К сожалению, как и все предшествующие ей украинские антропологические издания, она вышла ничтожным тиражом в 900 экземпляров.

В. П. Алексеев

Б. А. Калоев. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1967, 242 стр., иллюстрации.

Крупнейший русский историк В. О. Ключевский видел тайну исторического процесса не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, а в тех многообразных и изменчивых «счастливых или неудачных сочетаниях» внешних и внутренних условий развития, какие складываются для того или иного народа на более или менее продолжительное время.

Если подойти с этой точки зрения к осетинскому народу, в прошлом испытавшему сложные исторические переплетки, то, несмотря на малочисленность осетин, их история представляет собой в кавказоведении один из наиболее интересных объектов научного исследования. Этим, пожалуй, объясняется большое внимание, которое вот уже почти два столетия ученые проявляют к осетинам.

В настоящее время можно без преувеличения сказать, что осетины в значительно большей степени, чем другие горцы, изучены историками, лингвистами и этнографами. Современное осетиноведение переживает, по-видимому, тот этап развития, когда наряду с изучением отдельных еще нерешенных проблем осуществляется создание обобщающих исследований, подводящих не только итог накопленным знаниям, но и значительно их расширяющих.

Именно в этом плане надо рассматривать опубликованную издательством «Наука» монографию Б. А. Калоева «Осетины».

Книга Б. А. Калоева является по существу итогом историко-этнографического исследования осетин, проводимого дореволюционными и советскими кавказоведами. Заметим, что среди разнообразной литературы, посвященной Осетии, одно из ведущих мест занимает этнографическая. Однако в ней до сих пор преобладали исследования частных вопросов, либо небольшие обзоры и не было сводной работы, написанной на основе комплексного изучения всей довольно своеобразной и подчас сложной структуры общественной жизни осетин. Исследование Б. А. Калоева восполняет этот значительный пробел и является первой обобщающей работой по этнографии Осетии.

Но не только это отличает монографию Б. А. Калоева от всех других этнографических исследований по Осетии. Ее достоинство состоит также в том, что, в отличие от работ дореволюционных, а отчасти и советских этнографов, освещавших главным образом горную Осетию, в ней большое внимание уделено равнинной Осетии, где с 30-х годов XIX в. проживает основная масса осетинского населения.

Автор исследования Б. А. Калоев в течение более десятка лет объездил в составе различных экспедиций весь Северный Кавказ, Южную Осетию и Грузию, побывал почти во всех селах Северной Осетии. В результате собран большой и весьма интересный полевой материал, который лег в основу источниковедческой базы исследования. Кроме того, автором изучена обширная специальная литература, множество архивных источников, что позволило глубже осветить ряд по-новому поставленных проблем истории и этнографии Осетии.

Три основные проблемы определяют в сущности содержание и структуру книги Б. А. Калоева:

- а) этногенез осетинского народа;
- б) формирование осетинской народности;
- в) эволюция экономической, общественной и духовной жизни осетин.

В осетинской историографии вопрос о происхождении осетин — один из самых давних и далеко еще не решенных. Им занимались историки, лингвисты, археологи, в том числе и такие выдающиеся исследователи, как В. Ф. Миллер¹, В. И. Абаев², Е. И. Крупнов³ и др. Но к решению проблемы этногенеза осетин, ложалуй, широко не привлекался еще этнографический материал, значение которого трудно переоценить.

Большая заслуга Б. А. Калоева состоит в том, что он первый из этнографов пытается рассмотреть материальную и духовную культуру осетин в преемственной связи с культурой древнего населения Северного Кавказа. Приведенный этнографический материал, а также его личные наблюдения, относящиеся к этногенетическим связям осетин, являются важными для дальнейшего исследования вопроса о происхождении осетинского народа. Правда, ценность этнографических данных Б. А. Калоева была бы значительно большей, если бы они приводились с учетом того, что в настоящее время в исторической науке существуют две концепции (В. И. Абаев и Е. И. Крупнов) по проблеме этногенеза осетин, которые расходятся по некоторым важным моментам. В этой связи следует сказать и о том, что в разделе «О происхождении осетин» Б. А. Калоев, часто ссылаясь на работы, касающиеся этой проблемы, не раскрывает принципиальных различий во взглядах историков на этногенетические связи осетин. В указанном разделе, не свободном от определенного эклектизма, Б. А. Калоев не изложил четко и свои взгляды по вопросу происхождения осетин. Этот недостаток, по-видимому, объясняется тем, что проблемы этногенеза относятся не только к числу самых интересных, но и самых сложных в этнографии.

Весьма оригинальной является первая глава монографии, в которой рассматриваются вопросы формирования осетинской народности. Она содержит богатый, а иногда уникальный исторический и этнографический материал, показывающий процессы миграции и интеграции населения Осетии в различные периоды ее истории. Автор справедливо считает, что в средние века, хотя эти районы были заселены и ранее, основное население горных районов Осетии составляли аланы, оттесненные сюда татаро-монголами.

Особый интерес представляют содержащиеся в книге Б. А. Калоева факты, связанные с этическим развитием осетинского народа. В литературе до сих пор нет исследований историков, лингвистов, этнографов, в которых были бы рассмотрены вопросы формирования осетинской народности. Между тем, без решения этой проблемы вряд ли возможно подлинно научное освещение истории Осетии периода феодализма. Поэтому с особым удовлетворением следует отметить, что Б. А. Калоев — первый, кто пытается устранить этот существенный пробел в изучении прошлого Осетии. Однако пока приходится говорить лишь о первых опытах, гипотезах, о значительном фактическом материале, накопленном Б. А. Калоевым, но не об окончательном решении этой сложной проблемы.

В трактовке вопроса формирования осетинской народности есть некоторые недостатки. Прежде всего было бы крайне желательно, чтобы Б. А. Калоев наметил основные этапы формирования осетинской народности. Задача эта сама по себе трудная, но автор располагает достаточным материалом, чтобы успешно ее решить. Так, судя по приведенным им данным, нам представляется, что осетинская народность складывалась еще в аланско-раннефеодальном государственном образовании. Этот процесс был прерван татаро-монгольским нашествием и лишь начиная с XIV в. продолжен в новых исторических и географических условиях. Поскольку народность, приходящая на смену роду и племени, является исторической категорией феодализма, то, по-видимому, формирование осетинской народности завершается после присоединения Осетии к России, когда феодальные отношения получили свое дальнейшее развитие и окончательно определилась этническая территория осетин.

Кроме того, в главе, посвященной этическому развитию осетинского народа Б. А. Калоев освещает Алагирское общество таким образом, что невольно создается впечатление, будто оно являлось ядром, сыгравшим большую роль в формировании осетинской народности и, в частности, в сложении других осетинских обществ. Но это положение выглядит по меньшей мере недостаточно аргументированным, а если учесть что Алагирское общество по сравнению с Тагаурским и Дигорским переживало более примитивные формы феодализма, то даже необоснованным.

¹ В. М. Миллер, Осетинские этюды, ч. 1—3, М., 1881—1887.

² В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.

³ Е. И. Крупнов, Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953.

Кстати, касаясь формирования осетинских обществ и миграции населения, Б. А. Калоев подчеркивает, что в Алагирском обществе «в отличие от Дигорского общества... нет пришлых фамилий» (стр. 38). «Здесь нет ни одной фамилии,— повторяет эту же мысль автор на стр. 39,— предки которых считались бы выходцами из других мест Осетии». Но подобное утверждение также вызывает сомнение, так как причины миграции — малоземелье, кровная месть и т. д., на которые справедливо указывает Б. А. Калоев, по существу в одинаковой мере имели место во всех районах Осетии, в том числе в Алагирском обществе.

Эти и ряд других неточностей, встречающиеся и в последующих разделах книги, объясняются тем, что иногда автор, пользуясь устными преданиями, легендами, не сооправляет их данные с письменными и другими источниками, не проверяет их достоверность, а главное, не учитывает, что в различных преданиях и исторических легендах о прошлом Осетии нашли отражение представления не только народных масс, но и осетинских феодалов, которые в интерпретации истории осетин, в объяснении происхождения отдельных родов, фамилий и т. д. часто руководствовались своими интересами.

Ведущей темой монографии Б. А. Калоева является проблема эволюции экономической, общественной и духовной жизни осетин. Ей посвящены II, III, IV и V главы, т. е. основная и, на наш взгляд, наиболее удачная часть книги. Здесь автор выступает как скрупулезный, внимательный исследователь, хорошо знающий не только структуру экономической и общественной жизни Осетии, но и все тонкости осетинского быта, нравов и традиций.

Во второй главе, в частности, дается подробное описание хозяйственных процессов, характерных для Осетии в области земледелия и скотоводства. На значительном материале автор показывает соотношение различных отраслей хозяйства в экономике Осетии, а также те изменения, которые происходили в хозяйственной деятельности осетин в различные периоды. При этом Б. А. Калоев особое внимание обращает на переходные этапы, так как они наиболее полно раскрывают все перемены, в разное время происходившие в экономической жизни Осетии.

Большой интерес вызывает прослеженная автором общность хозяйственных занятий осетин, ингушей, кабардинцев и балкарцев, а также его вывод о том, что производственные навыки и приемы, сформировавшиеся у этих народов в результате совместных усилий в течение веков, ни в коем случае не могут быть приписаны какому-то одному народу. Кроме того, следует отметить, что Б. А. Калоев впервые тщательно исследует домашние промыслы и ремесла, определяет их место и роль в хозяйстве Осетии.

Свое тщательное этнографическое описание домашних промыслов и ремесленного производства Б. А. Калоев сопровождает исследованием проблемы эволюции этих отраслей хозяйственной деятельности в условиях проникновения капиталистических отношений. Он приходит к выводу, что во второй половине XIX в., когда в Осетии появились первые промышленные предприятия капиталистического типа, наиболее распространенным видом промысла был извоз (чыра). В дальнейшем, с развитием промышленных центров на Кавказе (Баку, Грозный, Тбилиси) в Осетии отходничество достигает сравнительно больших размеров. Но рост отходничества был связан главным образом с разложением осетинской деревни, происходившим под влиянием русского капитализма. Поэтому в конце XIX в. осетины большими группами отправлялись в довольно отдаленные районы, например, в Сибирь на золотые прииски, а несколько позже и в другие страны — в Канаду, Америку.

Материалы Б. А. Калоева о развитии ремесел и промыслов в Осетии весьма интересны и оригинальны, но, на наш взгляд, автор недостаточно широко осветил роль русской экономики в изменении хозяйственных занятий осетинского крестьянства. Не сделана также попытка определить степень распространения капиталистических отношений в Осетии во второй половине XIX в.

Не может не обратить на себя внимания и раздел книги, характеризующий пути сообщения и средства передвижения. В литературе по Осетии нет специальных работ, посвященных этому вопросу. В этом отношении исследование Б. А. Калоева восполняет значительный пробел.

Подробно, как и хозяйство, в следующей, III главе, исследуется материальная культура: поселения, жилища, пища и одежда осетин, причем автор часто возвращается к проблемам этногенеза и этногенетическим связям осетин. И это справедливо, так как материальная культура наиболее достоверно и полно отражает этническое развитие народа.

В целом выводы Б. А. Калоева по вопросу о преемственности и эволюции материальной культуры осетин кажутся убедительными. Но и здесь, на наш взгляд, встречаются некоторые довольно существенные неточности. Так, описывая боевые башни горной Осетии и определяя время их постройки, Б. А. Калоев замечает: «Несомненно, что их значительная часть была возведена еще в алансскую эпоху» (стр. 132). Но наличие у большинства боевых башен бойниц, приспособленных к огнестрельному оружию, не позволяет делать такой вывод и заставляет думать о том, что эти башни более позднего происхождения.

В этой главе нет, к сожалению, характеристики осетинской склеповой архитектуры. Между тем ее анализ помог бы автору дать более полное представление как о строительной технике осетин, так, особенно, о связях материальной культуры Осетии позднего средневековья с культурой Алании.

Важным в монографии является раздел «Общественные и семейные отношения» (глава IV), в котором Б. А. Калоев рассматривает общественный строй Осетии, его эволюцию, исследует различные стороны общественного быта осетин. Здесь же дана подробная характеристика развития осетинской семьи и ее обрядов. Автор внимательно прослеживает те глубокие изменения, какие претерпевает на протяжении довольно длительного периода старая осетинская семья с ее многочисленными пережитками патриархально-родового быта. Эти изменения коснулись не только внутреннего строя семьи, ее форм, но и семейно-брачных отношений, семейной обрядности.

Заканчивается монография Б. А. Калоева обстоятельным очерком развития проповеди и культуры. Он рассказывает о становлении осетинской письменности, характеризует народное творчество, литературу и искусство, успехи в здравоохранении и науке.

Во всех разделах книги особое внимание уделено развитию осетин в годы Советской власти. При этом следует подчеркнуть, что Б. А. Калоев стремится на конкретных примерах показать трансформацию общественных отношений осетин, их материальной и духовной культуры в условиях строительства нового общества.

Наиболее существенным недостатком разделов, освещавших коренные преобразования в экономике и культуре Северной Осетии, является, на наш взгляд, то, что автор не ставит проблемы формирования осетинской социалистической нации, хотя богатый фактический материал, приведенный Б. А. Калоевым, мог бы послужить хорошей основой для ее решения.

Есть в книге Б. А. Калоева и некоторые недостатки более частного характера.

Так, в работе часто встречаются фразы — «до присоединения Осетии к России», «после присоединения Осетии к России», но нигде автор не сообщает правильной даты этого события (1774 г.) и относит его то к середине, то к концу XVIII в.

Автор широко использует нартский эпос, исторические предания и легенды, однако, как правило, не дает ссылок на их записи. Для академического издания, каким является книга Б. А. Калоева, это упущение вызывает сожаление.

В книге сравнительно много опечаток — чаще в осетинских названиях. Но особенно досадна путаница в подписи под фотографией группы осетинских писателей 1930-х гг., помещенной на стр. 226.

В целом же, несмотря на отдельные недостатки, исследование Б. А. Калоева выполнено на высоком научном уровне и, безусловно, явится важным вкладом в советское кавказоведение.

М. М. Блиев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Г. Ташев. Село Петково. София, 1966, 375 стр.

В 1966 г. в Болгарии вышла из печати книга известного родопского общественного деятеля Георгия Ташева «Село Петково», которая сразу обратила на себя внимание болгарской общественности своей необычайной искренностью, лиричностью изложения истории этого села. Объясняется это тем, что сам автор — уроженец и большой патриот села Петково.

Начало его трудовой жизни прошло в родном селе, где Г. Ташев работал сначала учителем, затем врачом. И теперь, живя в столице, доктор Ташев не порывает связей с Родопским краем, где расположено его село. Движимый любовью и уважением к своим односельчанам, он создал монографию, содержащую исключительно интересные этнографические, исторические, фольклорные сведения о материальной и духовной культуре, о быте, народных обычаях и экономической жизни, которые касаются не только его села, но и всего Родопского края.

Пишуший эти строки сам бывал в Родопах, любовался дикой красотой их гор и долин, дружил с жителями этого края, среди которых много его бывших однокашников, учившихся вместе с ним в самом начале XX века в болгарской гимназии «Д-р Петр Берон» в Адрианополе.

Этнографии и истории Родопского края посвящено несколько монографий, рассказывающих об отдельных его селениях: Манастир, Проглед, Славейно, Чепеларе¹. Тем

¹ С. Дичев и Н. Хайтов, Село Манастир, Смолянско, София, 1965; «Петцесет години Проглед», под ред. П. Маринова и В. Димитрова, София, 1943; Г. Карапетков, Славейно. Минало, Пловдив, 1948; В. Дечев, Миналото на Чепеларе, I—II, София, 1928, 1936.

не менее история этого самобытного края изучена все еще недостаточно. Книга д-ра Георгия Ташева внесла много нового и исключительно интересного в изучение Родопского края и является ценным вкладом в историческую и этнографическую литературу Болгарии.

Петково — типичное Родопское высокогорное село (1100 м над уровнем моря), расположено в северо-восточной части Родоп, на обоих берегах речки Малка Арда. В местности «Градище» недалеко от села имеются древние руины, до сих пор не исследованные археологами.

Заселение села Петково началось еще в XVI в. В 1935 г., по данным переписи, там насчитывалось 400 домов с 1610 жителями, в том числе 20 домов (около сотни человек) болгар-магометан.

Автор подробно останавливается на хозяйстве жителей села. Основным занятием в прошлом было ремесло: строительство домов, мостов и других сооружений, лужение медной посуды, шитье верхней мужской одежды из домотканного сукна и др. Меньшее значение имели скотоводство и рыболовство. Земледелие было подсобным занятием, но каждый имел клочок земли. Однако из нескольких сот хозяйств лишь 6—7 могли прокормиться собственным хлебом из-за недостатка земли и плохого ее качества.

Изложение начинается с характеристики земледельческого хозяйства, описывается техника земледелия, состав культур и пр., что представляет интерес для аграрной этнографии. Далее характеризуется отгонное скотоводство с базированием на зимних пастбищах близ Эгейского моря. Это занятие до конца XIX в. считалось наиболее почетным. Интересные особенности имели скотоводческие организации и обычаи пастухов. Сцены встречи всем селом скотоводов, возвращавшихся с зимних пастбищ, являются живыми бытовыми картинками, создают настроение непосредственности и теплоты, присущей стилю автора.

Со скотоводством было связано изготавление грубошерстного сукна и шитье из него верхней мужской одежды — очень важный в XIX в. вид занятий как для Петкова, так и для прочих родопских селений. Интересно, что сукно ткали женщины, а мужчины портняжничали. Ремесло это в XX в. пришло в упадок вместе с овцеводством. Население стало носить одежду фабричного производства.

Промысел строителей-каменщиков был вторым по значению. Он, как и многие другие виды ремесел и промыслов (лужение, портняжничество, ювелирное дело, рыболовство и пр.), был связан с отходничеством, так как в селе и его округе мастера не могли заработать себе на жизнь. Они уходили чаще на юг, в Эгейскую Фракию, или на север, в область болгарских городов Пловдива, Стара Загоры и др.

После первой мировой войны развитие ремесел затухает, по мнению автора, лишь вследствие передачи Эгейской Фракии Греции, благодаря чему родопские мастера потеряли доступ в места, где они находили работу. На самом же деле сыграло роль и капиталистическое развитие Болгарии, изменившее требования внутреннего рынка.

Вызывают интерес ремесленные цехи («эснафы») — наследие феодальной эпохи, и трансформация их в кооперации («дружества»). Автор не забывает сказать несколько слов и о быте, общественной деятельности цехов и «дружеств».

Очень интересны страницы, где Г. Ташев освещает материальную и духовную культуру села Петково. Он приводит много фотоснимков, рисунков и чертежей. Подробное описание жилища, одежды, рабочего инструмента, пиши петковцев представляют собой ценный этнографический материал. Перед нами картина чрезвычайно бедного быта, когда самое необходимое добывалось упорным тяжелым трудом.

Продолжительность жизни петковцев былающей, чем во многих других местах Болгарии, что автор относит за счет размеренного образа жизни, очень малого употребления спиртных напитков и исключительно благоприятных для здоровья климатических условий.

Столь же подробно рассказывается об обычаях жителей села. Детально описаны свадебная церемония, крестины, похороны, общесельские праздники и пр. Говорится и о нравах и обычаях болгар-мусульман («помаков»).

Хочется отметить обычай взаимопомощи в работе, называемый в Родопах «межия». Возникший в далеком прошлом, он существует до сих пор. Во время уборки урожая или строительства дома, церкви, школ, читален, при обработке табака и т. д. созывалась «межия» на несколько часов или на 1—2 дня, пока не закончится работа. На работе царила праздничная атмосфера, ее сопровождали песнями. Характерно, что одни и те же старинные песни пели и болгары-христиане, и болгары-мусульмане, что говорит об общности их культуры.

В специальной главе автор подробно рассказывает о трагедии родопских болгар — обращении их турками в ислам. Это произошло в основном в XVI и XVII вв. Болгары, не пожелавшие изменить религию своих отцов и дедов, подвергались жестоким репрессиям. Целью обращения в ислам, как справедливо говорит автор, было укрепление завоевателями своих позиций в Болгарии и, в частности, обеспечение лояльности населения, живущего в районе подходов к Адрианополю и Константинополю, т. е. в Родопах. «Помаки» остались болгарами по языку и обычаям и сохранили в своем быту мно-

го архаических традиций, так как смена религии ослабила их связи с собратьями-христианами, жизнь их стала замкнутой, и они сильно отстали в своем культурном развитии.

После Балканских войн (1912—1913 гг.), когда большая часть Родопского края, в том числе и село Петково, вошли в состав Болгарского царства, была сделана попытка насилиственного возврата помаков в лено православия, что вызвало с их стороны сопротивление. Лишь народная власть предоставила населению социалистической Болгарии полную свободу вероисповедания и создала условия для естественной консолидации родопских болгар.

Последние главы книги Г. Ташева посвящены истории села Петково, начиная с периода турецкого рабства и до второй мировой войны включительно.

Здесь историк найдет конкретные материалы о местных формах самоуправления об экономическом положении населения, о том, как отражались на жизни одного села крупные исторические события: анархия турецких феодалов и бashiбузуков в конце XVIII — первой половине XIX вв., Апрельское восстание болгар против турецкого ига (1876 г.), охватившее и часть Родопской области, Младотурецкая революция (1908 г.) и т. д. Петковцы помнят своих героев, боровшихся с турками еще в XVIII в., они принимали участие в Преображенском восстании 1903 г., лозунгом которого было при соединение южноболгарских районов, оставшихся в пределах Турции, к Болгарии.

С гордостью пишет Г. Ташев о развитии просвещения в селе и об участии петковцев в общественно-политическом и просветительском движении Болгарского Возрождения в XIX в.

Автор правильно оценивает перемены, произошедшие в жизни петковцев после и присоединения к Болгарии. Национальная свобода, некоторые достижения в областях просвещения и здравоохранения с одной стороны — и экономический упадок и массовые переселения людей из родного села в связи с этим — с другой. Буржуазные власти не смогли создать в Родопском крае условия, которые дали бы возможность населению найти сносные средства к существованию.

В Заключении Г. Ташев пишет о громадном экономическом и культурном перевороте, который принесла многим родопским селам индустриализация края после установления народной власти. Теперь это один из крупных промышленных районов Болгарии. Был родопчан коренным образом изменился, большинство мужчин стали рабочими. В книге приводятся сведения о росте населения в ряде сел.

Однако, села Петково мало коснулись эти изменения, так как оно расположено в стороне от рудников и заводов.

Автор с грустью сообщает, что население села с каждым годом убавляется. Большое когда-то родопское село со своим своеобразным бытом и экономическим колоритом и с интересной историей постепенно, но неотвратимо доживает свой век. Возрождение села автор видит в превращении его в курорт.

Книга Г. Ташева является ценным вкладом в историческую и этнографическую литературу Болгарии и представляет несомненный интерес для советских ученых-славяноведов.

| К. Д. Дмитров

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Э. О. Берзин. *Католическая церковь в Юго-Восточной Азии*. М., 1966, 320 стр.

Э. О. Берзин известен читателю, интересующемуся проблемами Юго-Восточной Азии, как исследователь средневековой и новейшей истории Таиланда. Ему принадлежит книга «Борьба европейских держав за сиамский рынок (30—80-е годы XVII в.)» опубликованная в 1962 г., ряд статей, главы в коллективных трудах, посвященные Таиланду (Сиаму) и т. д.

Однако исследования истории культуры, в том числе религии, также не случайны для Э. О. Берзина. Так, например, специальные статьи посвящены им истории Независимой католической церкви (аглипаянского движения) на Филиппинах.

В рецензируемой книге рассматриваются события, развертывающиеся на широком географическом фоне (вся Юго-Восточная Азия) и не менее значительном историческом фоне — на протяжении пяти столетий. Перемещаясь вместе с автором из Вьетнама в Таиланд, в Бирму, снова во Вьетнам, в Малайю, на Филиппины, на острова Индонезии, читатель получает возможность детально проследить развитие сложной идеологической борьбы, результатом которой было не столько «обращение в веру христову», сколько прокладывание путей колониальным захватам, а затем и сами захваты.

На большом и разнообразном документальном материале Э. О. Берзин убедительно показывает, что «проповедь слова божия», как правило, стояла и стоит на

втором плане. Главное место в деятельности «пастырей духовных» всегда занимала прямая или косвенная подрывная деятельность, прямое или косвенное экономическое ограбление «туземцев».

Шпионаж, разведка водных путей в области будущей или начавшейся колониальной экспансии, составление карт и кражи их, равно как и планов укреплений и иных оборонительных сооружений, дипломатическое посредничество (и подделка договоров со внесением в эти договоры пунктов, выгодных державам-колонизаторам и самим «пресвятым отцам»), разжигание феодальных междуусобных войн, поддержка «законных монархов», свергнутых в ходе народных восстаний (но, в случае победы повстанцев и прямой для себя выгоды, поддержка новой власти, ибо «нет власти, еще не от Бога»), — таковы, как показывает автор, деяния, гораздо больше характеризующие служителей церкви, чем сама миссионерско-церковная деятельность.

Торговля оружием, импорт и экспорт любого товара (даже наркотиков: ведь торговля ими сулит максимальную прибыль), кредитные операции и ростовщичество, скупка общинных земель (и изъятие их «за долги»), полурабская безудержная эксплуатация духовными феодалами крестьян — прежних хозяев земель, отошедших за долги к церкви, т. е. порабощение не только духовное, но и физическое — вот главное повседневное занятие «слуг христовых». И при этом постоянная грызня за доходы, за право монопольной эксплуатации паствы между монашескими орденами, между организацией орденской и белым духовенством, между представителями различных ветвей христианства. Взаимные доносы, взаимное «отлучение от церкви», взаимное обвинение «в тирании» (на деле речь идет о занятии доходной торговлей и борьбе за монополию в ней) и отступничество от заветов христовых буквально переполняют документы о проникновении христианства в страны Юго-Восточной Азии. Подавление личности моральное растление, низведение человека до состояния бессловесного скота («агнца божьего!»). И при этом жестокость, доходящая до садизма, но прикрываемая постоянными жалобами на «притеснения» и «кровавые гонения» христиан «злобными нехристиянскими правителями». Такова убедительная оценка сущности процесса внедрения католической церкви в страны Юго-Восточной Азии.

Книга Э. О. Берзина помогает читателю разобраться и в вопросе о социальных слоях, которые были опорой проповедников христианства в странах Юго-Восточной Азии на разных этапах истории колониального проникновения и затем захвата этих стран. Казалось бы, наиболее благоприятны в отношении восприятия христианской проповеди были угнетенные и обездоленные крестьянские массы. Однако, как убедительно показывает Э. О. Берзин, дипломаты в рядах прежде всего искали пути к душам власти имущих. А нащупав основные группировки боровшихся за власть феодалов, разжигали их вражду, выискивали «перспективную политическую фигуру» и, в случае выигрыша в этой азартной политической игре, выторговывали себе (а уже потом церкви и пастве) различные привилегии. Так было в Сиаме при Раме III и во Вьетнаме при Зя Лонге и Ты Дыке.

Автор показывает, как, используя свои политические возможности, христианские пастыри привлекали на свою сторону часть трудящегося крестьянства, которое за некоторые льготы на первых порах (освобождение от лихомства чиновников, от грабежей со стороны враждующих феодалов и т. д.) нередко попадало затем в полную зависимость от церковников.

Впервые в советской историографии Э. О. Берзин исследует проблему возникновения в Юго-Восточной Азии группы своеобразных атеистов, «извергшихся», на личном опыте ощущавших противоречие между словами и делами проповедников. «Не правительственные гонения,— пишет автор,— рассеяли и истребили христиан в Бирме, а сами миссионеры своим рьяным сотрудничеством с английскими оккупантами резко настроили против себя народные массы и растеряли значительную долю своих прежних приобретений.. Епископу Биганде часто приходилось сталкиваться с бирманцами, извергшимися в христианстве, но не вернувшимися окончательно и к буддизму. Такие люди составляли, видимо, довольно значительную прослойку. Это подтверждается и тем, что для обозначения их применялся особый термин — «калапьет». Близ Кьянгу и в других местах существовали (в 1860-х годах — Г. С.) целые деревни калапьетов» (ст. 275).

Нередко историю распространения христианского вероучения представляют как замену «изуверских» местных культов, так сказать «плохой веры», новой, человеческой-бивой «хорошей» религией — христианством. Христианство представляют каналом, по которому «свет цивилизации» доходит до «дикарей». Но «хороших» и «плохих» религий нет. Материалы, использованные Э. О. Берзином, убедительно показывают, как местные служители культов идут на службу к пришельцам, и напротив, как на могиле одного из ортодоксальнейших князей христианской церкви — епископа Пиньо (он же епископ Адранский) выполняются обряды культа предков — одного из самых стойких и глубоко коренившихся местных культов — когда это выгодно католическому клирику (стр. 178).

«Цивилизаторы»-церковники и их местные последователи-фанатики неоднократно предавали разграблению и полному уничтожению не только культовые, но и дворцовые шедевры национальной архитектуры во Вьетнаме, Сиаме и других странах Юго-

Восточной Азии. А следовавшие за ними и с их благословления колониальные войска столь же легко предавали сожжению целые жилые кварталы, подчас вместе с их обитателями, не давая себе труда различать «некристей» от католиков даже в тех случаях, когда их жертва кричит по-латыни: «Меня зовут Петр» (стр. 236). Уничтожению предавались и другие величайшие культурные ценности «просвещаемых» народов. Известно, что падре Виаль, который прославился «изобретением алфавита» и организацией перевода Библии на языки народов Индокитая, фактически организовал скульпту и предание огню книг и эпиграфических памятников этих народов (не считаясь с тем, что лишь небольшая часть уничтоженных документов имела прямой культовый характер).

Одним из наиболее ярких разделов книги Э. О. Берзина является история изобретения сана катехистов для местных священнослужителей. Известно, что колониальный захват и расовая дискриминация не разделимы. Но в этом нововведении были единодушны церковники всех рангов и мастей. Рукоположить на священство местного проповедника христианства? Какое кощунство! Католическое духовенство правильно учивало, что в местном духовенстве оно найдет конкурентов очень скоро. Но вряд ли это было возмущение «подрывом авторитета христианской религии», т. е. своего собственного, монахи думали тогда о христианской ереси, как возможном знамени народных антиколониальных движений.

Пожалуй, именно недостаточное внимание к этим движениям составляет один из недочетов этой интересной и полезной книги. Может быть, стоило бы подробнее рассказать об аглипаянском движении, о современных синкретических «сектах» типа каодистов и т. д. Широкий исторический и политический фон рассматриваемых событий в книге порой весомее картины религиозной ситуации.

Иногда автор, стремясь к максимальной яркости в изложении событий, отходит от передачи их сущности. Так, например, правильно говоря о том, что монахи и монахини крестили умирающих, автор видит здесь источник роста числа обращенных в христианство, а равно и источник ненависти местного населения к «вестникам смерти». Образ яркий и запоминающийся. Но фактически здесь католические священнослужители лишь вытесняли буддийских (и их ненависть снискали); население же привыкло к заботе пастыря об отходящем в мир иной.

Порой мешают чтению и глубине восприятия разговорные обороты, встречающиеся в книге. Конечно, автор прав, гневно говоря о сожжении, ограблении христиан и «некристей». Но вряд ли стоило говорить, что «епископ вовремя спел ухарскую песнь» (стр. 235). Недовольство монахов мероприятиями губернатора автор выражает такой фразой: «Монахи взвыли» (стр. 113).

Жаль, что книга лишена карт и вообще иллюстративного материала. Значительно сокращен при издании список источников и литературы. Но даже и в таком виде он представляет значительную ценность как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Г. Г. Стратанович

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

«*Oceania*, vol. I—XXXIV (1930—1964), «Bibliographies analytiques», I, Paris, 1966.

Центр документации по Океании, созданный несколько лет тому назад известным этнографом-океанистом профессором Жаном Гиаром при парижской Практической школе научных исследований, выпустил совместно с французским Обществом океанистов ценный труд — аннотированную библиографию статей, опубликованных в журнале «Океания» за первые 35 лет его существования.

Объясняя цели этого труда, Ж. Гиар в предисловии отмечает, что растущая лавина этнографических публикаций затрудняет их использование исследователями и даже порождает у некоторой части зарубежных этнографов нигилистическое отношение к работам их предшественников. Выход из положения Ж. Гиар видит в создании картотек с резюме материалов, опубликованных в периодических и иных изданиях, а также хранящихся в архивах. Такие картотеки должны создаваться по единому образцу, размножаться достаточно большими тиражами и быть доступны как для ручной, так и для машинной обработки. По мнению Ж. Гиара, для успеха этого начинания необходимо сотрудничество этнографов в международном масштабе.

Рецензируемый труд, созданный группой парижских ученых под руководством Ж. Гиара, задуман как прообраз обширной серии библиографических публикаций; его достоинства и недостатки предполагается учесть при подготовке следующих выпусков

этой серии. Он вышел в свет в двух вариантах — в виде микрофильма и книги, напечатанной на ротапринте — и состоит из двух основных частей: репродукций карточек с аннотациями статей и детально разработанных указателей. Карточки сгруппированы по историко-культурным областям, имеют единую нумерацию и напечатаны в книге так, что при желании их можно вырезать и составить из них картотеку.

Французские ученые не случайно начали осуществление своего замысла с «Океанией». Этот журнал, публикующий исследования по этнографии, археологии, антропологии и лингвистике, пользуется заслуженным вниманием у океанистов и австраловедов всего мира. Основанный в 1930 г., он вначале издавался Национальным исследовательским советом Австралии, а в 1954 г. перешел в ведение Сиднейского университета. В течение многих лет журнал редактирует известный австраловед А. П. Элкин.

Как подчеркивает Ж. Гиар, составители библиографии стремились соблюдать максимальную объективность, воздерживаясь от каких бы то ни было оценок аннотируемых статей. И все же они косвенно выражали свое отношение к этим работам: резюме одних статей умещаются на 3—5 строках, тогда как для аннотирования других отведены десятки строк и каждое такое резюме занимает несколько карточек. Было бы неправильно, однако, порицать за это Гиара и его сотрудников, ибо в подавляющем большинстве случаев таким способом выделены действительно наиболее важные и интересные работы.

Выборочная проверка показывает, что в аннотациях хорошо отражена тематика статей, но не всегда изложены выводы, к которым пришли исследователи, их точка зрения по рассматриваемым вопросам. Впрочем, нужно признать, что такого рода данные нелегко извлечь из описательных работ, преобладающих в журнале «Океания». Наиболее удачно, на наш взгляд, аннотированы этнографические статьи, несколько слабее — материалы по антропологии и лингвистике. Так, в резюме работы Р. Т. Симмонса о группах крови полинезийцев¹ недостаточно ясно изложена его концепция, в том числе выводы о значении серологических исследований для решения проблемы происхождения «мореплавателей солнечного восхода».

Реценziруемый труд не только помогает исследователю собрать информацию по интересующему его вопросу, но и позволяет яснее представить «географические рамки» журнала и характер публикуемых в нем статей. Из 878 карточек 419 касаются работ об австралийскихaborигенах, 233 — о населении Новой Гвинеи, 139 — о жителях других островов Меланезии (кроме Фиджи), 36 — о народах Океании в целом, 30 — о населении Фиджи (этот архипелаг выделен в особую контактную историко-культурную область), 21 — о полинезийцах, 10 — о микронезийцах. Отсюда видно, что журнал специализируется почти исключительно на изучении коренного населения Австралии и Меланезии (преимущественно Новой Гвинеи). Далее, ознакомление с соответствующей секцией картотеки показывает, что большинство статей о народах Новой Гвинеи появилось в послевоенные годы, когда резко возрос интерес к этому огромному острову и ряд видных австраловедов переключился на изучение его обитателей. Что же касается характера статей, помещаемых в журнале «Океания», то, как уже отмечалось в «Советской этнографии», они отличаются богатством полевых материалов, разносторонностью затрагиваемых проблем и в то же время низким уровнем теоретического обобщения. Статьи по теоретическим вопросам — редкость на страницах сиднейского журнала². Среди публикуемых в нем антропологических работ преобладают представляющие большой интерес сообщения австралийских исследователей о распределении групп крови уaborигенных народов австрало-океанийского региона.

К картотеке приложены три указателя — авторский, географических названий и предметный. Выполненные весьма тщательно и со знанием дела, эти указатели намного облегчают пользование картотекой.

Нам представляется, что начинание Ж. Гиара и его коллег заслуживает одобрения и поддержки. Первый выпуск задуманной ими библиографической серии принесет существенную пользу океанистам и австраловедам.

Д. Д. Тумаркин

¹ R. T. Simmons, Blood group genes in Polynesians and comparisons with other Pacific peoples, «Oceania», vol. XXXII, № 3. March 1962, pp. 198—210.

² В. Р. Кабо, Этнографические материалы в журнале «Океания» (1955—1956), «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 141—145.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ КАВКАЗА

Абаева З. В. О героях народного эпоса. «Изв. Юго-Осет. НИИ АН ГрузССР» вып. 14, 1965 [изд.: 1966], с. 59—87.

Авакян Н. Х. Коллекция экспонатов культуры и быта армян Сүэдии. «Вестник обществ. наук», Ереван, 1967, № 7, с. 87—95 с илл. На арм. яз.

Аксентьев А. Аксакалы решают, [О роли советов аксакалов в борьбе с вредными пережитками прошлого. Хабезский район Карабаево-Черкес. авт. обл.]. «Наука и религия», 1967, № 2, с. 55—56.

Агларов М. Андийская группа народностей в XIX—начале XX в. (Историко-этногр. очерки). М., 1967. 17 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

АЗаматов К. Т. Некоторые вопросы семейного права балкарцев в I половине XIX в. [Этногр. исследование]. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 32, 1966 с. 143—158.

АЗаматов К. Г. Основные черты хозяйственного и общественного строя балкарцев в первой половине XIX в. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 32, 1966, с. 129—142

АЗаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1967. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Кабард.-Балкар. гос. ун-т). Список работ авт.: с. 22

Азербайджанские дастаны. В 5-ти т. Сост.: А. Ахундов. Т. 3. Баку, Изд-во АН АзССР, 1967. 340 с. (АН АзССР. Ин-т яз. и литературы им. Низами). На азербайдж. яз

Акопян М. Этногенез армянского народа.— В кн.: Материалы 22-й научной студенческой конференции. III. Тарту, Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1967, с. 1—2.

Акопян Н. А. Портретная характеристика персонажей армянского народного эпоса. «Вестник Ереванского ун-та». Обществ. науки, 1967, № 3, с. 226—235. Резюме на арм. яз.

Алексеева Е. П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карабаево-Черкесии. «Труды Карабаево-Черкес. НИИ истории, языка и литературы», вып. 5 1966, с. 132—260. Библиогр.: 130 назв.

Алиев А. Г. Роль искусства в преодолении религиозных пережитков. Баку, 1967 17 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Кафедра эстетики и этики).

Алиев А. К. Новая жизнь— новые традиции. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1966 78 с. На кумык. яз.

Алиев В. Г. Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане «Сов. археология», 1967, № 1, с. 115—121.

Алиев К. Г. К вопросу об этнических связях между древними предками туркмен и азербайджанцев.— В кн.: Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа. Ашхабад 23—25 февраля 1967 г. Тезисы докладов и научных сообщений. Ашхабад, 1967, с. 24—25.

Армянские народные сказки. Отв. ред. А. М. Назинян. Т. 5. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1966. 759 с.; 1 л. портр. (АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии). На арм. яз.

Армянские народные сказки. Отв. ред. А. М. Назинян. Т. 10. Сост. и примеч С. Тароняна. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1967. 635 с.; 1 л. портр. (АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии). На арм. яз.

Арутюнян Ш. Р. Развитие исторической науки в Советской Армении. 1920—1963 гг. Очерки. Ереван, «Айастан», 1967. 551 с. Библиогр. в подстроч. примеч. На арм. яз.

Асиатилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX в.). Махачкала, 1967. 171 с. (Дагестанский филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы). Библиогр.: с. 165—170.

Асиатилов С. Место художественных промыслов и ремесел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 17, 1967, с. 165—187.

Асиатилов С. Х. Социалистические преобразования в хозяйстве аварцев. (Ист.-этногр. очерки). Махачкала, 1966. 26 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Аскриев Б. Г. О формировании научно-атеистического мировоззрения и путях атеистического воспитания масс в период коммунистического строительства (на материалах Азербайджана). М., 1967. 19 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (АН СССР. Ин-т философии).

Асланов Г. М., Атакишева М. И. и Умаев А. А. Производство веревок на Ашшероне (XIX—начало XX в.). «Доклады АН АзССР», т. 22, № 12, 1966, с. 71—76. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ахмедов А. К. Семейная община у азербайджанцев в конце XIX и начале XX в. (По материалам Башкетского района Грузии). «Доклады АН АзССР», т. 23, № 6, 1967, с. 85—88. Резюме на азербайдж. яз.

Ашурбейли С. Б. Топонимика Апшерона в связи с вопросом этногенеза азербайджанцев. «Изв. АН АзССР». Серия истории, философии и права, 1967, № 2, с. 54—67. Резюме на азербайдж. яз.

Бабаян Е. Н. Азербайджанская народная одежда конца XIX — начала XX в. (По материалам Карабахской зоны). М., Изд-во Моск. ун-та, 1967. 14 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Бабаян Е. Н. Изменения в народной одежде азербайджанцев Карабаха в конце XIX — начале XX в. «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия историч. и философ. наук, 1967, № 5, с. 84—89.

Бабаян Е. Н. О женской одежде Карабаха (конец XIX — начало XX в.). «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия историч. и философ. наук, 1966, № 7, с. 85—91.

Багирбекова Н. Старая чеканка. [О народном искусстве худож. обработки металла в Азербайджане]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 7, с. 38—41.

Багирова А. Ковры Азербайджана. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 7, с. 24—27.

Балкарско-карачаевские народы. Сост. и предисл. написал А. З. Холаев. Илл.: С. Меджидова и Я. Аккизов. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1966. 254 с. с илл. (Кабард.-Балкар. НИИ). На балкар. яз.

Банк А. и Скалон К. А. А. Иессен. [Специалист в области археологии и древней истории Кавказа. 1896—1964. Некролог]. «Сообщения Гос. Эрмитажа», 27, 1966, с. 118—119 с портр.

Бартикян Р. М. Диагностика в курдском эпосе о Златоруком хане. «Вестник обществ. наук», Ереван, 1967, № 1, с. 47—54.

Багажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 71 с. с илл. (АН ГрузССР. Абхаз. ин-т яз., литературы и истории им. Д. Гулиа).

Бейлис В. М. Mac'ud ibn Namdar и городское население Байлакана. [О рукописном сборнике Mac'uda ibn Namdara по истории Азербайджана XI—XII вв. С публикацией текстов]. «Изв. АН АзССР». Серия истории, философии и права, 1966, № 3, с. 50—64. Резюме на азербайдж. яз.

Библиография изланий Кавказского музея и Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанаша. (1875—1964). Сост.: Е. М. Тушмалишивили и Т. К. Бургадзе. Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1966. 161 с. На груз. и рус. яз.

Брашинский И. Б. К истории экономических связей восточного Причерноморья в античную эпоху (по нумизматическим материалам). «Сообщ. АН ГрузССР», 47, № 3, 1967, с. 759—764. Резюме на груз. яз. Библиогр.: 19 назв.

Брегадзе Н. А. Рациональные основы некоторых обычаяев грузинских земельцев. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 140—144. Библиогр. в подстроч. примеч.

Бязарти К. К. Некоторые проблемы национальной специфики искусства. (На материале осет. искусства). М., 1967. 18 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философ. фак. Кафедра эстетики).

Бязыров А. Х. Сказки об атальках и воспитанниках — «хъланак». [Из монографии «Осетинские народные сказки】. «Изв. Юго-Осет. НИИ АН ГрузССР», вып. 14, 1965 [изд.: 1966], с. 131—138.

Велиев В. А. Народные дастаны. Учеб. пособие для заочников. Баку, 1966. 52 с. (М-во высш. и сред. спец. образования АзССР. Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова). Библиогр.: с. 51—52. На азербайдж. яз.

Виноградов В. Б. и Чокаев К. З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии. «Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, яз. и литературы», т. 8, вып. 2, 1966, с. 75—95.

Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 27—40. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Волкова Н. Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века. «Ист.-филол. журн.», Ереван, 1966, № 3, с. 257—270.

Гавилов Г. А. О некоторых видах народных средств передвижения в Азербайджане в конце XIX — начале XX века. [По материалам археол. раскопок в Гянджинской зоне]. «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия истории и философии, 1967, № 8, с. 109—117.

Гаглоити Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. 254 с. (АН ГрузССР. Юго-Осет. НИИ).

Гаглоити Ю. С. К изучению терминологии народского эпоса. «Изв. Юго-Осет. НИИ АН ГрузССР», вып. 14, 1965 [изд.: 1966], с. 88—109.

Гаджиев А.—Р. Г. Антропология малых популяций Дагестана. М., 1967. 35 с. автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Список работ автора в конце текста.

Гаджиев А. С. Петр Кириллович Услар — выдающийся кавказовед. К 150-летию со дня рождения. Махачкала, Дагучпедгиз, 1966. 25 с.; 1 л. портр. (Дагест. рецп. отд-ние пед. о-ва РСФСР).

Гаджиев С. М. Идеология ислама и пути преодоления ее пережитков в сознании советских людей. Баку, 1966. 59 с. Доклад об опубликов. работах на соискание учен. степени доктора философ. наук. (АН АзССР. Сектор философии). Список работ автора: с. 58—59.

Гаджиева С. Ш., Османов М. О. и Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. 300 с. с илл. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы). Библиогр.: с. 292—298.

Гаджиева С. Семья и семейный быт народов Дагестана. «Сов. Дагестан», 1967, № 1, с. 45—49.

Гамзагов Ш. Г. Воспитание трудящихся в духе дружбы народов и социалистического интернационализма — важное условие преодоления пережитков ислама. Махачкала, 1966. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Гаравели [Аnekdoty]. Баку, «Азернешр», 1967. 160 с. На азербайдж. яз.

Гарданов В. К. Марк Осипович Косвен. «Сов. этнография», 1967, № 6, с. 156—160 с портр. Основные труды М. О. Косвена: с. 158—160.

Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., «Наука», 1967. 331 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Гарник В. От Баку до Закатал. [О памятниках материальной культуры и изделиях нар.-прикл. искусства Азербайджана]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 9, с. 32—36.

Гасанов А. М. и Мустафаев Г. И. Сущность ислама. (Азербайдж. мысли о сущности исламской религии). Баку, «Азернешр», 1967. 211 с. На азербайдж. яз.

Гатагов С. Верность исторической правде. (О работах проф. Г. А. Кокиева, посвящ. развитию феодальных отношений в Осетии). «Сов. Осетия», 1966, № 28—29, с. 182—189.

Гватала Н. История костюма. Груз. женский костюм XIX и начала XX в. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1967. 130 с.; 17 л. илл. Библиогр.: с. 116—120. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Геворкян Т. А. Об одном из армянских свадебных ритуалов. «Вестник обществ. наук», Ереван, 1967, № 5, с. 87—92. Библиогр. в подстроч. примеч. На арм. яз.

Георгиева. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. 6. Греч. тексты с груз. переводом издал и примеч. снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. VIII, 310 с.; 2 л. илл. (АН ГрузССР. Комис. по публикации иностр. источников о Грузии. Ин-т востоковедения. Иностр. источники о Грузии. Кн. 18. Георгиева. Т. 6). На груз. и греч. яз.

Голубкина Т. И. и Расулова М. М. О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира. (По материалам кувшинных погребений Азербайджана). «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия ист. и философ. наук, 1967, № 3, с. 76—86. Библиогр. в подстроч. примеч.

Горчаков М. Тень минувшего. [О борьбе с пережитком кровной мести в Чечено-Ингуш. АССР]. «Наука и религия», 1966, № 12, с. 21—25.

Григорян Г. А. Армянский фольклор. Пособие для филол. и пед. фак. высш. учеб. заведений. Ереван, «Луйс», 1967. 496 с. На арм. яз.

Григорян Г. М. Церковно-монастырское землевладение Сюника в IX—XIII веках. Ереван, 1967. 24 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН АрмССР. Ин-т истории).

Грузинская народная историческая словесность. Подгот. текстов, ред., введ. и примеч. К. Сихарулидзе. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. литературы им. Ш. Руставели). На груз. яз.

Дашдамиров С. Г. Место обычаев и традиций в системе социалистических социальных норм. «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия ист. и философ. наук, 1967, № 1, с. 66—71.

Джавадов Г. Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX — начале XX в. (Этногр. исследование по материалам сев.-вост. районов). Баку, 1967. 27 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН АзССР. Ин-т истории).

Дмитриенко М. Ф. Журнал «Східний світ» («Восточный мир») о народах Кавказа. «Сообщ. АН ГрузССР», 47, № 3, 1967, с. 753—758. Резюме на груз. яз. Библиогр. 24 назв.

Друзья памятников культуры. Сб. статей. 8. Ред. коллегия: И. Абашидзе и др. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1966. 97 с. с илл.; 12 л. илл. (Груз. о-во охраны памятников культуры. Памятники матер. культуры). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Друзья памятников культуры. Сб. статей. 9. Ред. коллегия: И. Абашидзе и др. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1967. 70 с. с илл.; 6 л. илл. (Груз. о-во охраны памятников культуры. Памятники матер. культуры). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Друзья памятников культуры. Сб. статей. 10—11. Ред. коллегия: И. Абашидзе и др. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1967. 92 с. с илл. и ног. (Груз. о-во охраны памятников культуры. Памятники матер. культуры). На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Е г а н я и М. Н. Общинный строй в Армении. «Сб. науч. трудов Ереванского арм. пед. ин-та». Серия обществ. наук, 1966, № 1, с. 241—299.

Е р л а ш о в а С. Традиции не умирают. [По материалам выставки соврем. искусства чеканки и керамики Грузии. Москва. Окт. 1965—янв. 1966 г.]. «Культура и жизнь», 1966, № 10, с. 40.

Е с а я н С. А. Оружие и военное дело древней Армении. (III—I тыс. до н. э.). Ереван. Изд-во АН АрмССР, 1966. 158 с. с илл. (АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии).

Ж е м у х о в У. Г. Коммунизм и развитие брачно-семейных отношений. [На примере Кабардино-Балкарии]. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 32, 1966, с. 77—82. Библиогр.: 13 назв.

З а ф е с о в А. Х. Животноводческое хозяйство в Адыгее. (По этногр. материалам). Майкоп, 1967. 38 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

З о л о т о в К. Н. К истории животноводства в древнем Дагестане. [По данным археологических раскопок]. Сообщ. З. «Труды Дагест. с.-х. ин-та», т. 17, вып. 1, 1966, с. 79—80.

З у х б а С. Л. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1967. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. литературы им. Ш. Руставели). Список работ авт. в конце текста.

И е р у с а л и м с к а я А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. «Сов. археология», 1967, № 2, с. 55—78 с илл. и табл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ингушский фольклор. Т. 2. Сост. А. Мальсагов. Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд., 1967. 361 с. (Чечено-Ингуш. НИИ истории, яз. и литературы). На ингуш. яз.

И с а а к и н А. Мастер народной песни. К 110-летию со дня рождения ашуга Шерама. Вступит слово к книге песен ашуга. «Лит. Армения», 1967, № 3, с. 115.

И с м а и л о в Г. С. Новые данные о развитии крупного рогатого скота в древнем Азербайджане. [По материалам археол. раскопок]. «Доклады АН АзССР», т. 22, № 11, 1966, с. 75—79. Резюме на азербайдж. яз.

И с м а и л о в И. Развитие социалистической культуры народов Востока. Баку, «Азернешр», 1967. 80 с. На азербайдж. яз.

История Дагестана. В 4-х т. Глав. ред. Г. Д. Даниялов. Т. 1. Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М., «Наука», 1967. 431 с. с илл. (АН СССР. Дагест. филиал. Ин-т истории, яз. и литературы им. Гамзата Цадасы). Библиогр.: с. 417—428.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Глав. ред. Т. Х. Кумыков. М., «Наука», 1967. (Кабард.-Балкар. НИИ при Совете Министров Кабард.-Балкар. АССР).

Т. 1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 482 с. с илл.: 1 л. карт.

Т. 2. С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Глав. ред. Г. Х. Берикетов. 439 с. с илл.; 3 л. илл. и карт.

И т о н и ш и л и В. Д. Жилые постройки в Хеви в прошлом и настоящем. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1967. 83 с.; 10 л. илл. Библиогр.: с. 76—80. На груз. яз.

Кабардинские пословицы. Кн. 2. Сост. А. Гукемух и З. П. Кардангушев. Предисл. Ш. Аскэрбия. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. 251 с. (Кабард.-Балкар. НИИ). На кабард. яз.

К а ж а р о в Х. К вопросу о фольклоризме в творчестве А. Кешокова. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 32, 1966, с. 231—239.

К а л м а к о в И. Х. Общие черты в материальной и духовной культуре народов Карабаево-Черкесии. «Труды Карабаево-Черкес. НИИ истории, яз. и литературы», вып. 5, 1966, с. 3—29.

К а л о е в Б. А. Научная сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа. [Г. Орджоникидзе. Окт. 1966 г.]. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 163—166.

К а л о е в Б. А. Осетины. (Ист.-этногр. исследование). М., «Наука», 1967. 243 с. с илл. и карт. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр. обзор: с. 3—9.

К а р а п е т я н Э. Т. Родственная группа «казг» у армян. (Вторая половина XIX—начало XX в.). Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1966. 166 с. с илл. (АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии). Резюме на арм. яз.

К а р а п е т я н Э. Т. Семейная община и патронимия у армян. Тбилиси, 1967. 36 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

К а р р ы е в Б. А. Одна из старейших записей «Кер-оглы». [О записи южноазербайдж. версии сказания польск. писателем И. Шопеном в 30-х г. XIX в.]. «Изв. АН ТуркМССР». Серия обществ. наук, 1967, № 2, с. 36—43. Библиогр.: 10 назв.

К а с у м о в А. Х. Разные судьбы. [О причинах переселения некоторой части кавказских горцев в Турцию, о разных ист. судьбах переселенцев и народов Кабардино-

Балкарии]. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. 88 с. с илл. Библиогр. в примеч.: с. 85—88.

Каухчишили Т. Сведения греческих писателей о Грузии. 1. Скилакс Каинандский, Скими Хиосский, Дионисий Перигэт. Тбилиси, «Мещниреба», 1967. 189 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). На груз. и древнегреч. яз.

Кахиани К. Е. Крестьянская усадьба в Имерети. (По этногр. материалам). Тбилиси, 1967. 28 с. с илл. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Кахидзе Н. А. Старый и новый хозяйственный быт и культура горных ущелий Аджарии (Мачахели). Тбилиси, 1967. 25 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Керимов Э. А. Из истории этнографического картографирования Азербайджана. «Доклады АН АзССР», т. 22, № 8, 1966, с. 81—84. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 9 назв.

Керимов Э. А. Сведения по этнографии Азербайджана в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (80—90-е годы XIX в.). «Изв. АН АзССР». Серия истории, философии и права, 1966, № 3, с. 65—71. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Кобычев В. П. и Робакидзе А. И. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа. (Материалы к Кавказскому историко-этногр. атласу). «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 26—44 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Коива Н. Орудия труда и предметы личного потребления в «Витязе в тигровой шкуре». Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1967. 46 с. На груз. яз.

Кондукторов Т. С. Антропологическая характеристика черепов из верхнего Чир-Юртовского могильника в Дагестане. «Вопр. антропологии», вып. 25, 1967, с. 117—129. Библиогр.: 9 назв.

Корзун В. Б. Необходимо научное издание нартского эпоса. [Письмо в ред. С прил. ответа зав. сектором нар.-поэтического творчества Ин-та мировой литературы им. Горького М. Богдановой]. «Вопросы литературы», 1967, № 9, с. 207—211.

Курдованидзе Т. Д. Грузинский народный романтический эпос «Этериани». Тбилиси, Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1967. 16 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. (Тбил. гос. ун-т).

Кучебрия Д. Е. Брачно-семейные отношения у современных абхазов. Тбилиси, 1967. 21 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Лавров Л. И. Дискуссионные вопросы этнической и политической истории карачаевцев и балкарцев.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 30—31.

Лавров Л. И. К попытке чтения Майкопской надписи. [Письмо в редакцию]. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 203—205. Библиогр. в подстроч. примеч.

Лагаизидзе В. А. Историко-этнографическое прошлое Тушетии. Тбилиси, 1967. 21 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Лайланов Х. О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. «Труды Карабаево-Черкес. НИИ истории, яз. и литературы», вып. 5, 1966, с. 111—131.

Лордкипанидзе Г. А. Животноводство и промыслы античной Колхиды. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 27—39.

Магомедов А. М. Расцвет и сближение народов Дагестана на путях к коммунизму. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1966. 311 с.

Магомедов Р. М. и Дзагурова В. П. Народы Советского Дагестана. (Происхождение и расселение). Пособие по этнографии для студентов-заочников историч. фак. Махачкалы, 1966. 23 с. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Майсурадзе Н. М. Восточногрузинская музыкальная культура и народная бытовая традиция. Тбилиси, 1967. 20 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Майсурадзе Н. М. К вопросу о взаимоотношениях музыкальных культур горцев и равнинного населения Восточной Грузии. «Сообщения АН ГрузССР», 45, № 3, 1967, с. 781—788. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Мамедов С. А. О характере азербайджано-армянских исторических связей (в XVIII—первой половине XIX веков). «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия историч. и философ. наук, 1966, № 3, с. 22—28. Библиогр. в подстроч. примеч.

Мамедов С. С. Роль азербайджанских женщин в борьбе за развитие просвещения и культуры в Азербайджане (конец XIX — начало XX века). Баку, 1967. 32 с.

Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова). Список работ автора: с. 31—32.

Мамедов Т. М. О письменности Кавказской Албании. (По древнеарм. источникам). «Доклады АН АзССР», т. 23, № 7, 1967, с. 101—105. Резюме на азербайдж. яз.

Маммаев М. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива. «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 17, 1967, с. 147—164.

Материалы по истории материальной культуры Грузии. 1. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. 195 с. с илл.; 29 л. илл. (АН ГрузССР. Груз. гос. музей им. С. Джанашиа). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Мепишвили Г. И. Старые и новые традиции. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1967. 95 с. На груз. яз.

Мизиев И. М. Научная сессия об этногенезе осетинского народа. [Орджоникидзе. Октябрь 1966 г.] «Сов. археология», 1967, № 2, с. 296—298.

Мизиев И. М. Средневековая материальная культура Балкарии и Карабая. (ХII—XVII вв.). М., 1967. 19 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т археологии).

Мудрое слово. Нар. изречения и пословицы Дагестана. Пер. Н. Гребнев. «Юность», 1966, № 12, с. 44.

Надарейшили Г. Н. Очерки по истории грузинского семейного права. Тбилиси, Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1967. 36 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени докт. юрид. наук. (Тбил. гос. ун-т).

Научная сессия Кутаинского государственного историко-этнографического музея им. Н. А. Бердзенишвили и Кутаинского городского общества охраны памятников культуры, посвященная 800-летию со дня рождения Шота Руставели. Кутаини, 1966 г., июнь. Тезисы. Кутаини, 1966. 32 с. (М-во культуры ГрузССР. Респ. совет. Груз. о-ва охраны памятников культуры). Текст парал. на груз. и рус. яз.

Научная сессия Кутаинского историко-этнографического музея им. Н. Бердзенишвили VI. Кутаини, июнь 1966 г. Тезисы. Кутаини, 1966. 51 с. (М-во культуры ГрузССР. Упр. по делам культ-просвет. учреждений). Текст парал. на груз. и рус. яз.

Научная сессия по истории советского рабочего класса Закавказья и Дагестана. Баку. Июнь 1966 г. Обзор работы. «Изв. АН АзССР». Серия истории, философии и права, 1967, № 1, с. 131—133.

Невская В. П. Карабаево-Черкесия в советской исторической науке. (Критико-библиогр. обзор). «Труды Карабаево-Черкес. НИИ истории, яз. и литературы», вып. 5, 1966, с. 275—309. Библиогр. в подстроч. примеч.

Нейматова М. Х. Огузские элементы на памятниках материальной культуры Азербайджана.— В кн.: Всесоюзное совещание по этногенезу туркмен. народа. Ашхабад 23—25 февр. 1967 г. Тезисы докладов и научных сообщений. Ашхабад, 1967, с. 28—29.

Новая литература по народам Кавказа. Алф. указатель. Сост. Р. В. Каменецкая. «Сов. этнография», 1967, № 3, с. 183—188.

Ногайдели Д. Материалы аджарской устной словесности и этнографии. Под ред. и с предисл. И. В. Мегрелидзе. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 91 с.; 1 л. портр. (АН ГрузССР. Батум. НИИ). На груз. яз.

Одабашян А. А. Праздник нового года (аманор) в земледельческом календаре армян. Ереван, 1967. 19 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии).

Омаров К. Б. Современный быт и культура рабочих поселка Дагестанские огни. (Историко-этногр. очерк). Махачкала, 1967. 18 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Омаров К. Б. Формирование и современный состав рабочих заводов «Дагестанские огни». «Уч. зап. Ин-та истории, яз. и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. 17, 1967, с. 49—71. Библиогр. в подстроч. примеч.

Осипян Г. Н. Причины сохранения религиозных верований и пути их преодоления в эпоху социализма. (На материалах АрмССР). Ереван, 1967. 20 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Ереванский гос. ун-т).

Очерки истории Карабаево-Черкесии. В 2-х т. Отв. ред. В. П. Невская. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ставрополь, Кн. Изд-во, 1967. 600 с. с илл.; 1 л. схем. (Карабаево-Черкесский НИИ экономики, истории, яз. и литературы).

Панян А. Е. Новый быт колхозников села Мргаван Арташатского района Армянской ССР. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 130—139 с илл. и табл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Панян А. Е. Современная колхозная семья у армян районов Арагатской долины Армянской ССР.— В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 85—87. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Папухян Н. Ц. Народное зодчество юго-восточных районов Армянской ССР. Ереван, 1967. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. архитектуры. (Ереванский политехн. ин-т им. Карла Маркса).

Потомки Кероглы. Дастаны. Гачак Карема, Караджан Танрыверди и Гандала Наги. Сост. и вступит. статья Р. Рустамзаде. Баку, «Гянджлик», 1967. 88 с. На азербайдж. яз.

Рухадзе Д. Грузинский народный праздник [«бериклаоба — ксеноба»]. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1966. 40 с.; 18 л. илл. Текст парал. на груз., рус. и англ. яз.

Рябинин С. М. Население и культурное строительство в Азербайджанской ССР. «Труды Азербайдж. геогр. о-ва», т. 3, 1966, с. 168—177. Резюме на азербайдж., яз.

Сардарян С. А. Первобытое общество в Армении. Ереван, «Митк», 1967. 416 с. с илл.: 30 л. илл. и карт. (Ереванский гос. ун-т). Библиогр.: с. 365—377. На арм. яз. Резюме на рус. и англ. яз.

Саттаров М. М. О пережитках ислама. Баку, Изд-во АН АзССР, 1967. 181 с. (АН АзССР. Сектор философии). На азербайдж. яз.

Сахокян Т. Грузинские пословицы. Предисл. Г. Читая. Тбилиси, «Ганатлеба», 1967. 287 с.; 1 л. портр. На груз. яз.

Сергеев Г. А. Арчинцы. М., «Наука», 1967. 191 с. с илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр.: с. 187—190.

Смирнова Я. С. Национально-смешанные браки у народов Карабаха-Черкесии. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 137—142.

Современное абхазское село. Этногр. очерки. Ред. Л. Х. Акаба, Ш. Д. Инал-Ипа. Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 230 с. с илл. (АН ГрузССР. Абхаз. ин-т яз., литературы и истории им. Д. И. Гулиа). Библиогр. в подстроч. примеч. На абхаз. и рус. яз.

Степанян Н. Древние источники. [О средневековой архитектуре и декоративном искусстве Армении]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 4, с. 20—28.

Студенецкая Е. Н. Одежда народов Кавказа. (О собирании материалов для Кавказского историко-этногр. атласа). «Сов. этнография», 1967, № 8, с. 16—30. Резюме на англ. яз.

Сургуладзе И. К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Тбилиси, 1967. 24 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Тбил. гос. ун-т).

Сыс Т. А. Украинский фольклор об армянах. «Вестник Ереванского ун-та». Обществ. науки, 1967, № 1, с. 182—188. Резюме на арм. яз.

Тагиров Б. Т. Народонаселение Дагестана. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1967. 61 с. с граф.

Так сказали мудрецы. Пословицы, поговорки Кабардино-Балкарии. Пер. Н. Гребнева. Худ. В. Овчинников. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. 93 с. с илл.

Тандилаева З. О. Основные жанры лазского фольклора. Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1966. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. (Тбил. гос. ун-т).

Тарланов М. А. Декоративно-прикладное искусство Советского Азербайджана (1920—1965 гг.). Баку, 1966. 21 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. искусствов. наук. (АН АзССР. Отд-ние обществ. наук).

Ташлицкая Э. Беречь и развивать народное искусство. [О дагест. ковроткачестве]. «Сов. Дагестан», 1967, № 1, с. 70.

Тотоев Ф. В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII в.—40-е годы XIX века). М., Изд-во Моск. ун-та, 1966. 15 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Историч. фак. Кафедра истории СССР периода капитализма).

Тройно Ф. П. Экономическое и культурное развитие горских народов Северного Кавказа в составе России (II половина XIX века). Ставрополь, 1967. 30 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Рост. гос. ун-т).

Тхагаплоев А. Т. Нравоучения ислама и отношения между народами. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. 50 с.

Тюркологическая конференция. Баку, 12—15 декабря 1966 г. Тезисы докладов. Баку, Изд-во АН АзССР, 1966. 44 с. (АН АзССР. Ин-т литературы и языка им. Низами). Посвящается 40-летию Тюркол. съезда.

Хайбуллаев С. Поэтика аварской народной лирики. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1967. 85 с.

Хачатрян Ж. Д. Стекольное дело в древней Армении. «Вестник обществ. наук», Ереван, 1967, № 1, с. 83—98. Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на англ. яз.

Цавкилов Б. Х. Мораль ислама. Под ред. С. М. Гаджиева. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. 327 с. Библиогр.: с. 316—325.

Цанава А. Революционная поэзия грузинских рабочих. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. 46 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. литературы им. Ш. Руставели). На груз. яз.

Цулая Г. В. Историческая интерпретация основных образов абхазского героического эпоса. (Нарты и Абрскил). М., 1966. 16 с. Автореферат дисс. на соискание

учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., «Наука», 1966.

Чиковани Т. А. А. И. Робакидзе. (К 60-летию со дня рождения). — «Сов. этнография», 1967, № 6, с. 118—119.

Чиковани Т. А. Из истории народного жилища Закавказья. (Историко-этногр. исследование). Тбилиси, 1967. 39 с. с карт. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (АН ГрузССР Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

Чиковани Т. А. Из истории народного жилища Закавказья. (Историко-этногр. исследование). Тбилиси, «Мецниереба», 1967. 275 с. с илл.; 2 л. карт. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). Библиогр. в подстроч. примеч. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Чилашвили Л. А. Города в феодальной Грузии. Тбилиси, 1967. 40 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (Тбил. гос. ун-т).

Чирков Д. А. Женские серебряные украшения селения Тидиб. [Дагест. АССР]. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 236—252.

Чирков Д. А. Медно-чеканные изделия селения Кубачи. [Дагест. АССР]. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 252—265.

Читая Г. С. Изменение и обогащение культуры в результате перемещения населения с гор на равнины в прошлом и настоящем. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 года. М., 1966, с. 37—38. (АН СССР. Отд-ние историч. наук. Ин-т археологии. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Шафьев Н. А. К вопросу о времени расселения кабардинцев. «Уч. зап. Кабард.-Балкар. ун-та», вып. 32, 1966, с. 159—162.

Шилакидзе М. И. Основные особенности грузинских народных струнных инструментов. «Сообщения АН ГрузССР», 46, 1967, № 1, с. 277—282. На груз. яз. Резюме на ус. яз.

Шихкеримов Ш. Н. Понятие «социальное единство» общества. «Уч. зап. Азербайдж. ун-та». Серия историч. и философ. наук, 1967, № 1, с. 45—53.

Шогенцуков А. Добрые обычай народа. [Об обычаях и традициях кабард. народа]. «Наука и религия», 1967, № 4, с. 55—58.

Эфенди Р. Резные камни. [О памятниках декоративной пластики Азербайджана XIII—XIX вв.]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 7, с. 34—37.

Эфенди Р. Художественное ремесло Азербайджана. (Металл и ювелирное искусство). Баку, «Азернешр», 1966. 38 с. с илл.; 12 л. илл. Библиогр.: с. 37—38. На азербайдж. яз.

Эфенди Р. Эмблематика и символика в декоративно-прикладном искусстве Азербайджана. «Изв. АН АзССР». Серия литературы, яз. и искусства, 1967, № 2, с. 86—94. Резюме на азербайдж. яз.

Юсифов Ю. Б. Некоторые сведения о ранних тюрках Азербайджана и их связь с огузами. — В кн.: Всесоюзн. совещание по этногенезу туркменск. народа. Ашхабад, 23—25 февраля 1967 г. Тезисы докладов и научных сообщений. Ашхабад, 1967, с. 32.

Яркина С. Армянское серебро. [О нац. традициях в худож. оформлении ювелирных изделий из серебра]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 4, с. 16—17.

* * *

Алексеев В. П. [Рец.]: Абдушишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966. 133 с. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 181—183.

Алиева А. [Рец.]: Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., «Наука», 1966. 328 с. «Вопросы литературы», 1967, № 5, с. 208—211.

Аракелян Б. [Рец.]: Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку (VIII — начало XIX вв.). Баку, Изд-во АН АзССР, 1964. 336 с. с илл. «Историко-филол. журнал», Ереван, 1967, № 2—3, с. 328—332

Виноградов Б. С. и Виноградов В. Б. [Рец.]: Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965. 66 с. «История СССР», 1967, № 4, с. 157—158.

Лазарев М. С. [Рец.]: Аристова Т. Ф. Курды Закавказья. (Историко-этногр. очерк). М., «Наука», 1966. 210 с. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 183—185.

Мелик-Пашаян К. [Рец.]: Карапетян Э. Родственная группа «Азг» у армян (II половина XIX — начало XX в.). «Вестник обществ. наук», Ереван, 1967, № 6, с. 111—113. На арм. яз.

Омаров А. С. [Рец.]: Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. 280 с. «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 174—176.

Орлик О. В. [Рец.]: Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1965. 415 с. «История СССР», 1967, № 2, с. 128—129.

ХАРРИ МООРА

2 мая 1968 года угасла жизнь заслуженного деятеля науки Эстонской ССР, академика АН ЭстССР, доктора исторических наук, профессора Харри Моора.

Х. Моора родился 2 марта 1900 г. в волости Куремаа Тартуского уезда. С 1920 по 1925 гг. учился в Тартуском университете на философском факультете. В качестве основных предметов он выбрал археологию, этнографию, историю Эстонии и соседних стран и историю искусства. Интересы Х. Моора были связаны в основном с археологией, которую читал выдающийся финский археолог А. М. Талльгрен, руководивший одновременно и Кабинетом археологии, и Музеем археологии. В 1921—24 гг. Х. Моора работал в Кабинете археологии.

Университет Х. Моора окончил с ученой степенью магистра. После этого он стал научным стипендиатом Университета и начал собирать материал для докторской диссертации. С 1927 г. Х. Моора уже читал курс археологии в Тартуском университете, с 1930 г. исполнял обязанности профессора археологии и руководителя Кабинета археологии и Музея археологии.

Наряду с преподавательской деятельностью Х. Моора интенсивно занимался изучением и популяризацией раннего этапа истории Эстонии. Наряду с различными научными статьями он опубликовал в 1926 г. популярную книгу «Культура эстонцев в древний период самостоятельности», в 1932 г.—работу «Доисторический период Эстонии» (на нем. яз.), которую многие зарубежные ученые оценивали как лучший пример очерка раннего периода истории одной страны. Х. Моора был основным автором и редактором первого тома «Истории Эстонии», вышедшего в свет в 1935 г. и освещавшего древнейший период истории страны.

В 1938 г. Х. Моора защитил докторскую диссертацию на тему «Железный век в Латвии до 500 г. н. э.», которая вышла в свет в 2-х томах (I—в 1929 и II в 1938) и до сих пор остается наиболее полным исследованием по ранней истории Восточной Прибалтики. Тот факт, что в качестве темы своей диссертации он выбрал не узкий вопрос эстонской археологии, а ранне-железный век Латвии, на богатом и разнообразном материале которого можно было рассматривать проблемы, общие для всей Восточной Прибалтики, свидетельствует о широком научном кругозоре исследователя. В 1938 г. Х. Моора был избран ординарным профессором Тартуского университета, а в 1940 г.—деканом философского факультета.

Х. Моора вел также большую научно-организационную работу. Уже со студенческих лет он входил в редакцию «Исторического журнала». С 1926 г. он стал членом правления Эстонского ученого общества, в 1936 г. был избран его председателем. Х. Моора активно участвовал в ряде международных конгрессов археологов. В 1935 г. он совершил длительную поездку по Советскому Союзу, побывал в Ленинграде, Москве, Киеве и других городах, детально знакомясь с достижениями советской археологии.

В революционные дни 1940 г. Х. Моора доказал преданность своей родине и народу, историю которого он изучал.

В правительстве И. Вареса летом 1940 г. Х. Моора был заместителем министра народного образования и принял самое активное участие в социалистическом преобразовании высших учебных заведений Эстонии. Позже он продолжал работу в Тартуском государственном университете в качестве заведующего кафедрой археологии.

В период Великой Отечественной войны фашистские оккупационные власти отстранили Х. Моора от преподавательской деятельности и направили его в Таллин, где он работал до апреля 1944 г. и. о. директора Исторического музея. В апреле 1944 г. он был арестован.

В 1944 г. вскоре после освобождения Эстонии советскими войсками Х. Моора снова приступил к заведованию кафедрой археологии в Тартуском университете (до 1950 г.). В 1948—49 гг. он был также деканом Историко-филологического факультета. Под его руководством в Музее археологии в 1946 г. была открыта первая в Эстонии археологическая выставка, основанная на марксистских принципах понимания истории.

В начале научной деятельности интересы Х. Моора концентрировались преимущественно в области археологии.

Однако, поскольку Х. Моора прошел в свое время в университете хорошую этнографическую школу, он и в годы буржуазной республики в качестве члена правления Эстонского народного музея был постоянно в курсе насущных вопросов этнографии. С конца 1940-х гг. он принял активное участие в развитии эстонской советской этнографии.

В первые годы после Великой Отечественной войны Х. Моора принял деятельное участие в восстановлении Эстонского народного Музея (с 1950 г. Государственный этнографический музей), как научно-исследовательского учреждения, и организовал подготовку специалистов по этнографии при кафедре археологии Тартуского Государственного университета. В это время он написал статью, специально посвященную основным перспективам развития эстонской этнографии на базе марксистско-ленинского учения.

При организации Института истории АН ЭстССР в начале 1947 г. Х. Моора был приглашен туда на должность заведующего сектором археологии и на этом посту он оставался до конца своей жизни. В 1952 г. в составе сектора была организована этнографическая группа, а в наши дни сектор превратился в сектор археологии и этнографии.

26 сентября 1957 г. Х. Моора был избран действительным членом Академии наук ЭстССР и получил звание заслуженного деятеля науки ЭстССР.

В Институте истории Х. Моора продолжал свою плодотворную деятельность исследователя, организатора научной работы и воспитателя молодого поколения ученых.

Называя важнейшие его работы в области археологии, следует упомянуть сделанное им первое марксистское исследование древнейшей истории Латвии («Первобытнообщинный строй и ранний феодализм в Латвии», 1952 г.); труд, подводящий итоги изучения эстонских городищ в связи с соответствующими историческими этапами развития общества (1955) и очерки древнейших периодов истории Эстонии в «Истории Эстонской ССР». Многие его работы опубликованы в центральных журналах СССР и за рубежом.

Несмотря на то, что Х. Моора не работал в области полевой этнографии в качестве исследователя, его направляющая рука чувствуется в методике всех больших этнографических монографий и обзорных работ, вышедших в Советской Эстонии. Непосредственно под его руководством была подготовлена обширная работа «Эстонская народная одежда» (1957, на русск. яз. 1961), для которой он написал очень насыщенное введение по вопросу истории развития одежды. Он принимал участие в качестве руководителя и соавтора в работе над коллективной статьей «Эстонцы» для серии «Народы мира» и подготовленном на ее основе «Очерком эстонской этнографии», вышедшем в свет в 1964 г. на немецком языке.

Особое внимание обращал Х. Моора на вопросы этнической истории эстонского народа и его соседей. Правильно считая, что многие проблемы этнической истории можно разрешить только при помощи комплексного их изучения, Х. Моора привлек к этой работе специалистов различных отраслей наук (археологии, этнографии, фольклора, языкоznания, антропологии). В результате этой работы был издан сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа» (1956), который обратил на себя внимание ученых, в частности своей методологией. Как руководитель авторского коллектива и основной автор этой работы Х. Моора получил республикансскую премию ЭстССР. Второй работой в данной области был сборник «Из истории славянско-прибалтийско-финских культурных связей» (1965 г.). Свое последнее исследование по экономическому и общественному строю народов Прибалтики в начале 13 в. Х. Моора написал незадолго до кончины.

Работа над проблемами археологии и этнографии в Институте истории АН Эстонской ССР велась постоянно в тесном контакте с научными учреждениями Академии наук СССР, и в этом деле Х. А. Моора сыграл огромную роль. В первые годы после войны в значительной мере по его инициативе была организована совместная Комплексная археолого-антрополого-этнографическая экспедиция, в работе которой приняли участие археологические и этнографические учреждения АН СССР, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской республиканских академий. Создание этой экс-

педиции помогло своевременно направить исследования в этих трех республиках в общее русло, что, в свою очередь, благодаря согласованности тематики работ привело к быстрому разрешению ряда вопросов этнической истории народов Прибалтики. Многие молодые специалисты получили подготовку, работая в рамках комплексной экспедиции. Тесный контакт с Институтом этнографии АН СССР поддерживал Х. Моора и в последующий период. Он принял активное участие в подготовке тома по народам Европейской части СССР в серии «Народы мира» и активно включился в разработку проблем, связанных с подготовкой Историко-этнографического атласа народов Прибалтики. Х. Моора был активным участником годичных и тематических сессий, проводимых Институтом этнографии, а также VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук в Москве. Он был частым и желанным гостем в Москве, и пользовался всеобщим уважением и любовью в коллективе Института.

Х. Моора был выдающийся педагог, который требовал от своих учеников глубокого знания материала, ясной постановки вопроса и его разрешения. После того, как он перешел из университета в институт истории, центром подготовки археологов в Эстонии стал сектор археологии Института истории АН ЭстССР, где под руководством Х. Моора был написан ряд диссертационных работ, часть которых уже защищена, часть предстоит защитить. Профессор Моора руководил исследованиями или выступал оппонентом докторандов многих специалистов из других республик Советского Союза.

Особую эпоху в развитии эстонской археологии составляют проводившиеся Х. Моора археологические раскопки, методы которых он постоянно совершенствовал. Наиболее важными представляются раскопки в Лыхавере, городище периода позднего железа, которые были начаты еще до второй мировой войны и закончились в 1962 г. Собранный богатый материал неутомимый исследователь не успел обобщить в том виде, как он предполагал.

Жизнь и деятельность Х. Моора были неразрывно связаны с археологией Эстонии и всей Восточной Прибалтики. Более 40 лет он был центральной фигурой среди исследователей древнейшей истории Восточной Прибалтики. С течением времени он углублялся все более в проблематику соседних отраслей науки и пытался синтезировать их достижения во многих своих статьях, связать их с археологическими данными. Таким образом, он так или иначе влиял на развитие исследований и в области антропологии, фольклора, языкоznания и древней истории. Особенно большой, неизгладимый след оставил он в развитии эстонской советской этнографии.

Вклад Х. Моора в советскую историческую науку очень велик. Его работы, которые основываются на глубоком знании источников и литературы, привлекают широкое внимание своей достоверностью и солидностью, в них нет поспешно сделанных выводов. Как представитель советской археологии Х. Моора принимал участие во многих международных конгрессах и был членом Постоянного Совета Международного Союза доисторических и раннеисторических наук.

Для своих сотрудников и учеников Х. Моора останется навсегда высоким примером крупнейшего ученого, сердечного, но и глубоко принципиального, подлинно мужественного человека.

Институт истории АН ЭстССР
Институт этнографии АН СССР

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Х. А. МООРА

1. Über die Augenfibel in Estland und Lettland. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1922», Dorpat, 1923.
2. Kihelkonna kihelkond. «Saaremaa ja Muhu muinasjäännused», «Tartu Ülikooli Arkeologia Kabinet Toimetused», II, Tartu, 1924.
3. Hobeaare Pilstverest. «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», I, Tartu, 1925.
4. (H. Moora ja W. Anderson), Kohila rahaleid. Там же.
5. Üks varem raua-aja kalne Põhja — Eestis. «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», II, Tartu, 1926.
6. В сборнике «Eesti kinnismuistised, muinasaegsed ja poolajaloolised», «Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabinet Toimetused», II, Tartu, 1925; Kiviaja asulad; Ohvrikivid; Mittmesuguseist ebamääraseist muistiseist; Kohalikkude kinnismuististega tutvumisest ja nende kirjeldamisest.
7. Die Bodenaltertümer Estlands (Eesti kinnismuistised). Referat und Erläuterungen zum estnischen Text. «Veröffentlichungen des Archäologischen Kabinette der Universität Tartu (Dorpat)», III, Tartu (Dorpat), 1926.

8. Die Bodenaltertümer Estlands. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Opetatud Eesti Seitsi Aastaraamat 1924», Dorpat, 1926.
9. Muinasajalooline ülevaade. «Tartumaa, Eesti», I, Tartu, 1925.
10. Muinasjäännused. «Võrumaa, Eesti», II, Tartu, 1926.
11. Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus — ajal. «Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabinetit toimetusest», IV, Tartu, 1926.
12. Agrais dzelzs laikmets. «Latvijas Archaiologija», Rīgā, 1926.
13. Muinasaeg, «Setumaa, Eesti», III, Tartu, 1928.
14. Ausgrabungen ältereisenzeitlicher Hügelgräber im Kreise Jēkabpils. «Pieminieku Valdes Materiālu Krājumi. Archaiologijas Raksti», 1 : 3, Rīgā, 1928.
15. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., I Teil: Die Funde. «Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft», XXV, Tartu — Dorpat, 1929; II Teil: Analyse. «Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft», XXIX, Tartu, 1938.
16. Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit, I—II. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1928», Tartu — Dorpat, 1929; Ibidem, 1929, Tartu, 1931.
17. Wotische Altertümer aus Estland. «Eurasia Septentrionalis Antiqua», IV, Helsinki 1929.
18. Muinasaeg. «Pärnumaa, Eesti», IV, Tartu 1930.
19. Ein Hügelgrab der römischen Eisenzeit in Ile, Kreis Jelgava, Lettland. «Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum, Rigae, 19—23. VIII 1930», «Acta Universitatis Latviensis philologorum et philosophorum ordinis series», T. I, supplementum I, Rīgā — Rigae, 1931.
20. Die Vorzeit Estlands. «Veröffentlichungen des Archäologischen Kabinetts der Universität Tartu», VI, Tartu, 1932.
21. Muinasaeg. «Valgamaa Eesti», V, Tartu, 1932.
22. Muinasaeg. «Saaremaa, Eesti», VI, Tartu, 1934.
23. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuckes. «Excavationes et studia. Opuscula in honorem Alfred Hackman 14.10.1934», «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», XL, Helsinki — Helsingfors, 1934.
24. A propos de la fondation de Tartu. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1933», Tartu, 1935.
25. Der Verwahrfund von Piilsi, Kirchspiel Avinurme. Там же.
26. В книге: «Eesti ajalugu» I, Tartu, 1935. Kiviaeg; (H. Moora ja J. Mägiste), Rooma raua-aeg; Keskmene raua-aeg; (H. Moora, E. Laid, J. Mägiste, H. Kruus), Noorem raua-aeg.
27. Esiajalooline aeg. «Eesti majandusajalugu» I, Tartu, 1937.
28. Tutuli de l'âge du fer romain dans la région de la Baltique orientale. «Liber Saecularis», «Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft», XXX, Tartu, 1938.
29. Neue Funde der Bronze- und frühen Eisenzeit aus Estland. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1937 : 1», Tartu, 1938.
30. Muinasaeg. «Läänemaa, Eesti», VIII, Tartu, 1938.
31. Das II Hügelgrab von Gailisi, Gemeinde Ile, Kreis Jelgava. «Senatne un Mäksla II, 1938», Rīgā, 1938.
32. Eine memelländische Halstringform in Estland. «Prussia, 33», Königsberg, 1939.
33. В сборнике: «Muistse Eesti linnused», Tartu, 1939: Muistse Eesti linnused; Peedu Kerikmägi; (H. Moora ja O. Saadre), Lõhavere linnamägi.
34. Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК, X, М.—Л., 1941.
35. Eesti — Vene suhteist IX—XIII sajandil. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia teaduslik sessioon 23.—29. aprillini 1947. E. ühiskonnateaduste osakonna istungid», Tartu, 1948.
36. Eesti ethnograafia nõukogulikul ülesehitamisel. «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», I (XV), Tartu 1947.
37. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии, КСИЭ XII, М., 1950.
38. Arheoloogilised väljiuurimised Eesti NSV alal 1950. ja 1951. aastal, «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised 1952», I, № 1, Tallinn 1952.
39. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, XLII, М., 1952.
40. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, XLVIII, М., 1952.
41. Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР. Зарождение раннефеодальных отношений. Юго-восточная Эстония в составе Киевского государства (Х—ХII вв.). «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней», глава I—II, Таллин, 1952, (То же на эстонском языке).
42. Pirmatnejā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR. Rīgā, 1952.

43. (Совместно с Э. Д. Шноре). Родовое общество и его разложение. «История Латвийской ССР», 1, Рига, 1952.
44. Возникновение классового общества в Прибалтике (по археологическим данным). CA, XVII, М., 1953. 105—132.
45. Tallinna tekkimisest ja vanusest. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, 1953», II, № 2, Tallinn, 1953.
46. Arheoloogilised väljuruimised Eesti NSV-s 1952. aastal. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised 1953», II, № 1, Tallinn 1952.
47. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. CA, XXI, М.—Л., 1954.
48. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КСИИМК, 53, М., 1954, 3—22.
49. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. КСИИМК, 55, М., 1954.
50. Ürgogukondliku korra periodiseerimisest Eesti NSV territooriumil. «Eesti NSV ajaloou periodiseerimisest», Tallinn, 1954.
51. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s «Muistsed asulad ja linnused», I, Tallinn, 1955.
52. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Сборник статей под редакцией Х. А. Моора, Таллин, 1956, (то же на эстонском языке).
53. Археологические, этнографические и антропологические исследования. «Десять лет Академии наук Эстонской ССР (1946—1956)», Таллин, 1956 (То же на эстонском языке).
54. (Совместно с Ф. Д. Гуревич и П. Н. Третьяковым), Финноугорские и лято-литовские племена в I тысячелетии до н. э.—Финно-угорские и лято-литовские племена на рубеже нашей эры. «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М. 1956, гл. VIII, § 2; гл. XI, § 2.
55. Eine steinzeitliche Schlangenfigur aus der Gegend von Narva. «*Studia neolithica in honorem Aarne Ayräpää. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*», Helsinki—Helsingfors 1957, N 58.
56. Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР. Раннефеодальное общество на территории Эстонии (X—XII века). «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)», гл. I—II. Второе издание, Таллин 1958.
57. О древней территории расселения балтийских племен. CA, 1958, № 2.
58. Археологические исследования в Прибалтике. «Вестник Академии наук СССР», 1958, № 10.
59. (Совместно с Ф. Д. Гуревич). Латышские и литовские племена Прибалтики в первой половине I тысячелетия.—Племена Прибалтики (во второй половине I тысячелетия). «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.», М. 1958.
60. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. «*Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*», 59 : 3, Helsinki—Helsingfors, 1958.
61. Введение. Из истории развития эстонской народной седжды. «Эстонская народная одежда XIX и начала XX века», Таллин, 1960. (То же на эстонском языке, Таллин 1957).
62. (Совместно с А. Х. Моора). К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. СЭ, 1960, № 3.
63. В книге: «История Эстонской ССР в трех томах. Том I (с древнейших времен до середины XIX века)», Таллин, 1961, гл. I Годовое общество; гл. II. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение классового общества; Раздел второй, Ранний феодализм; Историография; из гл. III, Возникновение раннефеодальных отношений. Политическая связь Эстонии с Русью (IX—XII вв.) § 1 Внутренние и внешние факторы развития; § 2 Зарождение феодальных отношений; § 4 Материальная и духовная культура. Начало формирования эстонской народности. Из гл. XIX: Быт и культура в конце XVIII и первой половине XIX века: § 4 Одежда и народное искусство (совместно с А. А. Моора). (То же на эстонском языке, Таллин 1955).
64. Die wichtigsten Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum. «Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte Hamburg 1958», Berlin 1961.
65. Eessõna. «Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II», Toimetanud H. Moora, Tallinn 1962.
66. Клад V века, найденный в Реола близ города Тарту. «Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antoniewicza», część II, Światowit XXIV, Warszawa, 1962.
67. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике. «Munera Archaeologica Iosepho Kostrzwaskei», Poznań, 1963.
68. (Совместно с Х. М. Лиги). К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период

- образования феодальных отношений (XI—XIII вв.). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963 г.», Вильнюс, 1964.
69. В книге «Abriss der estnischen Volkskunde», Tallinn, 1964: (H. Moora, J. Kahk, O. Elango), Historische Übersicht; (H. und A. Moora), Volkstümliche Zeitrechnung, Arbeitszyklen, Gedenk- und Festtage des Jahres.
70. (Совместно с А. Х. Моорой). Из этнической истории води и ижоры. «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений», Сборник статей под редакцией А. Х. Моора и Л. Ю. Янитса, Таллин, 1965.
71. I. Ürgkogukondlik kord. Vanimad asulad ja ehitised Eesti alal. VII aastatuhandest e. m. a. kuni IX sajandini m. a. j. II. Feodalismile ülemineku periood. Linnustevõrgu väljakujunemine. Linnataoliste asulate tekkimine X sajandist kuni XIII sajandi alguseni. «Eesti Arhitektuuri Ajalugu», Tallinn, 1965.
72. Maanviljelyn varhaishistoriaa virolaisilla ja heidän naapurikansillaan. «Kotiseutu», Helsinki, 1965.
73. Käsitöö arenemisest Baltimail 12.—13. sajandil. «Pronksiajast varase feodalismini», Tallinn, 1966.
74. Основные результаты археологических исследований в Советской Эстонии. СА, 1967, № 3.
75. Einige Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum. «Suomen Museo», Helsinki, 1967.
76. (Совместно с Х. Лиги). Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. (в печати).

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Арутюян (Москва). Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР)	3
Ю. И. Мартумян (Ереван). Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века	14
В. Б. Пименов (Москва). Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского Севера СССР	30
В. Б. Гинзбург (Ленинград). Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза	43
Ш. А. Богина (Москва). Некоторые вопросы развития американской нации	52
 Дискуссии и обсуждения	
Г. В. Шелепов (Пермь). Общность происхождения — признак этнической общности	65
Ю. И. Семенов (Москва). О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организаций»)	75
 Сообщения	
Н. Н. Ершов (Душанбе). К истории развития этнографической науки в Таджикистане	87
А. Е. Панян (Москва). Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы советской власти	93
В. И. Элашвили (Тбилиси). Из истории конного спорта в Грузии (хевсурские скачки «цхенна» в прошлом и настоящем)	104
С. П. Гулта (Нью-Дели). Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии	110
В. А. Ранов (Душанбе). Несколько замечаний по статье С. П. Гулты «Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии»	114
А. А. Зубов (Москва). О физическом типе древнейшего населения Америки	118
 Поиски, факты, гипотезы	
А. М. Кайгородов (Москва). Эвенки в Трехречье (по личным наблюдениям)	123
 Хроника	
М. С. Кашуба (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1967 году	132
 Научная жизнь	
Л. С. Шейнбаум (Москва). Расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное Международному дню борьбы против расизма	141
М. С. Иванов (Москва). Поездка в Иран	144
 Критика и библиография	
 Общая этнография	
В. И. Козлов (Москва). М. С. Авербух. Законы народонаселения докапиталистических формаций	155
А. М. Хазанов (Москва). «Разложение родового строя и формирование классового общества»	158
 Народы СССР	
Е. П. Бусыгин (Казань). «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани»	161

В. П. Алексеев (Москва). Г. П. Зиневич. Очерки палеоантропологии Украины	165
М. М. Блиев (Орджоникидзе). Б. А. Калоев. Осетины (историко-этнографическое исследование)	167
Народы зарубежной Европы	
К. Д. Дмитров . Г. Ташев. Село Петково	170
Народы зарубежной Азии	
Г. Г. Стратанович (Москва). Э. О. Берзин. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии	173
Народы Океании	
Д. Д. Тумаркин (Москва). «Oceania», vol. I—XXXIV (1930—1964), «Bibliographies analytiques», 1	174
Новая литература по народам Кавказа.	
/ Х. А. Моора	176
/ На первой странице обложки: Хевсурские скачки «цхенни». Рисунок заслуженного деятеля искусств О. А. Сулана	
184	

SOMMAIRE

Yu. V. Aroutioulian (Moscou). Essai d'une étude socio-ethnique (d'après les matériaux de la R. S. S. A. de Tatarie)	3
Yu. I. Mkrtchyan (Erevan). Formes d'élevage et mode de vie de la population rurale arménienne dans la 2-e moitié du XIX ^e siècle	14
V. V. Piménov (Moscou). Tradition orale des Tchoudi en tant que source pour l'histoire ethno-culturelle du Nord de la partie européenne de l'U. R. S. S.	30
V. V. Guinzbourg (Leningrad). Certains problèmes de l'étude du rapport entre la formation de races et l'ethnogenèse	43
Ch. A. Boguina (Moscou). Quelques aspects de l'évolution de la nation nord-américaine	52

Discussions et délibérations

G. V. Chélépov (Perm). Origine commune comme marque de la communauté ethnique	65
Yu. I. Séminov (Moscou). Sur quelques problèmes théoriques dans l'étude de l'histoire d'état primitif (à propos de l'article de M. V. Krioukov «De la corrélation entre l'organisation gentile et patronymique»)	75

Communications

N. N. Yerchov (Douchanbé). Sur l'histoire du développement de la science ethnographique au Tadjikistan	87
A. Ye. Panian. (Moscou). Changements structuraux et numériques dans la famille rurale des Arméniens à l'époque soviétique	93
V. I. Elachvili (Tbilissi). De l'histoire du sport hippique en Géorgie (courses khévsoures dites «tskhéni» au passé et de nos jours)	104
S. P. Goupta (New-Delhi). Revue de l'état actuel des études paléoarchéologiques en Inde à la lumière des nouvelles découvertes en Asie Centrale	110
V. A. Ranov (Douchanbé). Quelques remarques sur l'article de M. Goupta «Revue de l'état actuel des études paléoarchéologiques en Inde à la lumière des nouvelles découvertes en Asie Centrale»	114
A. A. Zoubkov (Moscou). Sur le type physique des anciennes populations de l'Amérique	118

Recherches, faits, hypothèses

A. M. Kagogorodov (Moscou). Les Evenks de la région de Trois-Rivières (d'après les observations personnelles)	123
---	-----

Chronique

- M. S. Kachouba (Moscou). Travail de l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S., en 1967 132

Vie scientifique

- L. S. Cheïnbau (Moscou). Séance du Conseil scientifique de l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S., à l'occasion de la Journée Internationale pour la lutte antiraciste 141

- M. S. Ivanov (Moscou). Voyage en Iran 144

Critique et bibliographie**Ethnographie générale**

- V. I. Kozlov (Moscou). M. S. Averboukh. Lois démographiques des formations précapitalistes 155

- A. M. Khazanov (Moscou). «Désintégration du régime clanique et constitution de la société de classes» 158

Peuples de l'U. R. S. S.

- Ye. P. Boussyguine (Kazan). «Les villages (stanitzas) de Kouban. Les processus ethniques et culturels dans la région de Kouban» 161

- V. P. Aléxéiev (Moscou). G. P. Zinévitch. Essais sur la paléoanthropologie de l'Ukraine 165

- M. M. Bliév (Ordjonikidzé). B. A. Kalotév. Les Ossetes (étude historico-ethnographique) 167

Peuples de l'Europe étrangère

- [K. D. Dmitrov] G. Tachev. Le village Petkovo 170

Peuples de l'Asie étrangère

- G. G. Strataniowitch (Moscou). E. O. Berzine. L'Eglise catholique en Asie du Sud-Est 173

Peuples de l'Océanie

- D. D. Toumarkine (Moscou). «Oceania», vols. I—XXXIV (1930—1964). «Biographies analytiques», I 174

- Nouvelles publications sur les peuples du Caucase 176

- [H. A. Moora] 184

Sur la couverture: Courses khevsours dites «tskhénni». Dessin du maître émérite des arts O. A. Soulava

Технический редактор Е. И. Гришина

Сдано в набор 17 V-1968 г. Т-12514 Подписано к печати 14 VII-1968 г. Тираж 1990 экз.
Зак. 5195. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. л. 20,3.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Опечатки к № 3, 1968 г.

стр.	строка	напечатано	следует читать
145	14 снизу	аноним его	анонимного
153	12 снизу	В. Я. Пропа	В. Я. Проппа